

Джон Ле Карре
АБСОЛЮТНЫЕ ДРУЗЬЯ

Абсолютно
новый роман
абсолютного
классика

ЭКСМО

000 Подписные издания
Абсолютные друзья
118.00р. 85871
9 785699 075010

ий из ныне живущих английских писателей.

The Observer

Джон Ле Карре, один из тех, кто сделал столь много для падения «железного занавеса», как никто другой понимает, что после разрушения Берлинской стены мир не стал безопаснее ни на йоту. Его 19-й роман, «Абсолютные друзья», наполнен нескрываемым презрением к нынешним хозяевам Белого дома и Даунинг-стрит, которые столь бездарно распорядились доставшейся им по наследству победой в «холодной войне».

The Sunday Times

Мировой порядок по Джорджу Бушу вызывает у меня отчаяние.

Джон Ле Карре

На самом деле «Абсолютные друзья» – это не одна, а целых три книги под одной обложкой. Во-первых, это «роман воспитания» в лучших традициях классической литературы, отслеживающий жизненный путь типичного героя Ле Карре, который протекает в причудливом мире шпионских игр времен холодной войны, а затем – в еще более мрачном мире терроризма и лукавой политики третьего тысячелетия. Во-вторых, это увлекательнейший остросюжетный триллер, на страницах которого вы найдете и феерические приключения двойных агентов, и опаснейшие разведывательные миссии в тылу врага, и кровавые перестрелки с участием всех возможных сил специального назначения. А в-третьих – это политический памфлет, направленный против безудержной экспансии американского империализма, угрожающей всему человечеству.

The New York Times

ISBN 5-699-07501-1

9 785699 075010 >

Джон
Ле Карре

АБСОЛЮТНЫЕ
ДРУЗЬЯ

Москва

ЭКСМО

2004

John
le Carre

ABSOLUTE
FRIENDS

Movena

DECEMO

2004

ГЛАВА 1

В тот день, когда судьба вернулась, чтобы затребовать его душу, Тед Манди, в котелке на голове, балансировал на импровизированной трибуне в одном из замков Безумного Людвига, короля Баварии. Конечно, не в классическом котелке, скорее от Лорела и Харди¹, чем с Сэвил-Роу². Шляпа вообще попала в Баварию не из Англии, несмотря на то, что нагрудный карман почтенного твидового пиджака Теда был украшен прямоугольным, из восточного шелка, «Юнион Джеком». На засаленной бирке изготовителя с внутренней стороны тульи указано, что сработала котелок венская фирма «Штейнмацки и сыновья».

А поскольку шляпа не принадлежала Теду лично, он спешил объяснить любому попавшемуся под руку незнакомцу, предпочтительно женского пола, павшему жертвой его безграничной доступности, что она не свидетельствовала о самобичевании. «Это официальная шляпа, мадам, — настаивал он, обдавая собеседницу нескончаемым потоком слов, разумеется, не забывая при этом галантно склонить голову. — Историческая реликвия, доставшаяся мне от поколений и поколений тех, кто занимал этот пост до меня... странствующих ученых, поэтов, мечтателей, даже священников, и каждый из них полагал себя вер-

---

¹ Лорел, Стэн и Харди, Оливер — известный английский артистический дуэт.

² Сэвил-Роу — улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

ным слугой покинувшего нас ради иного мира короля Людвига... ха! — Последнее «ха», скорее всего, являлось отголоском детства, проведенного в военных лагерях. — А какова альтернатива, позвольте спросить? Совершенно невозможно требовать от благовоспитанного англичанина, чтобы он размахивал зонтиком, как японский гид, не так ли? Только не в Баварии, дорогая моя, только не это. Не в пятидесяти милях от того самого места, где наш глубокоуважаемый Невилл Чемберлен подписал соглашение с дьяволом. Вы меня понимаете, мадам?»

А если его аудитория, как часто случается, была слишком красива, чтобы слышать о Невилле Чемберлене или знать, о каком дьяволе идет речь, тогда от щедрости души благовоспитанный англичанин излагает свою версию Мюнхенского соглашения 1938 года, не стесняясь отметить, что наша любимая британская монархия, не говоря уже о нашей аристократии и партии тори, здесь, на этой земле, выступала за любую договоренность с Гитлером, при условии, что не будет войны.

— Видите ли, в то время английское общество боялось большевизма пуще смерти, — скороговоркой, это тоже дар военного детства, выпаливает он. — И власть имущие Америки ничем не отличались от нашего общества. Все они хотели одного: натравить Гитлера на Красную угрозу. И теперь в глазах немцев свернутый зонтик Невилла Чемберлена остается, *до этого самого дня, мадам*, постыдным символом английского одобрения действий *нашего дорогого фюрера*, иначе он Адольфа Гитлера не называл. Говорю откровенно, в *этой* стране, будучи англичанином, я даже в дождь не возьму зонтик в руки. Однако вы приехали сюда не за этим, не так ли? Вы приехали,

чтобы увидеть любимый замок Людвига, а не слушать, как старый зануда распинается о Невилле Чемберлене. Что? Что? Премного вам благодарен, мадам. — Он снимает клоунский котелок, и тронутые сединой волосы, оказавшись на свободе, тут же разлетаются в разные стороны. — Тед Манди, придворный шут Людвига, к вашим услугам.

А кто, по разумению туристов, *Билли* на сленге английских туроператоров, встречал их в замке Людвига, если, конечно, они задавались таким вопросом? Кем оставался Тед Манди, это мимолетное видение, в их памяти? Очевидно, комиком. Очевидно, неудачником в серьезных делах, профессиональным английским дурачком в котелке и с «Юнион Джеком», готовым отдать людям все, ничего не оставляя себе, лет пятидесяти с небольшим, в принципе хорошим парнем, которому, впрочем, не стоит доверять собственную дочь. И эти вертикальные морщины над бровями, словно разрезы скальпелем, могут означать злость, могут означать ночные кошмары: Тед Манди, английский гид в замке Людвига.

* * *

Поздний май, день катится к вечеру, на часах без трех минут пять, и вот-вот должна начаться последняя экскурсия. Становится прохладнее, красное весеннее солнце опускается в молодые березы. Тед Манди, словно гигантский кузнечик, устроился на балконе, колени подтянуты к груди, котелок сдвинут на лоб, защищает от умирающих лучей. Он просматривает смятый экземпляр «Зюддойче цайтунг», который держит свернутым во внутреннем кармане пиджака, чтобы доставать в короткие минуты отдыха между экскурсиями. Война в Ираке официально за-

вершилась чуть больше месяца тому назад. Манди, ее решительный противник, внимательно изучает заголовки: премьер-министр Тони Блэр собирается в Кувейт, чтобы выразить благодарность народу Кувейта за их содействие успешному разрешению конфликта.

— Г-м-м, — прочищает горло Манди, сведя брови к переносице.

По ходу поездки мистер Блэр сделает короткую остановку в Ираке. Не для того, чтобы отпраздновать победу, нет, чтобы наметить пути скорейшего восстановления Ирака.

— Я очень на это надеюсь! — рычит Манди, лицо его еще сильнее мрачнеет.

Мистер Блэр не сомневается, что в самом скором времени в Ираке будет найдено оружие массового уничтожения. Министр обороны США Рамсфельд, с другой стороны, высказывает предположение, что иракцы могли уничтожить это самое оружие до начала войны.

— Почему вы не можете прийти к единому мнению? — удивляется Манди.

Пока его день нисколько не отличался от обычного распорядка, пусть распорядок этот довольно сложный, запутанный и переменчивый. Ровно в шесть он поднимается с постели, которую делит со своей сожительницей, молодой турчанкой Зарой. Выйдя на цыпочках в коридор, будит Мустафу, ее одиннадцатилетнего сына, чтобы тот успел умыться, почистить зубы, помолиться и съесть завтрак, состоящий из хлеба, оливок, чая и шоколадной пасты, который тем временем готовит ему Манди. Все это проделывается с минимальным шумом. Зара работает допоздна в кебабной, расположенной рядом с центральным

железнодорожным вокзалом Мюнхена, и будить ее ни в коем разе нельзя. С вечерней смены она возвращается в три часа утра, ее подвозит дружелюбный таксист-курд, который живет в этом же квартале. По законам ислама от нее требуется помолиться до восхода солнца, после чего она имеет полное право насладиться восьмью часами крепкого сна, который ей просто необходим. Но день Мустафы начинается в семь утра, и он тоже должен помолиться. Манди пришлось сильно напрячься, да и Мустафе тоже, чтобы убедить Зару, что он сможет проследить за общением ее сына с Аллахом и ей просыпаться совершенно не обязательно. Мустафа — спокойный, тихий ребенок, с шапкой черных волос, испуганными карими глазами и пронзительным мальчишеским голосом.

От многоквартирного дома, бетонной коробки с потеками на стенах и наружной проводкой, мужчина и мальчик идут через пустырь к автобусной остановке, покрытой множеством надписей, в основном неприличных. Квартал, в каком стоит дом, в наши дни называют этнической деревней: в этой живут курды, йеменцы и турки. На остановке уже собрались другие дети, некоторые с матерями или отцами. Вроде бы Манди может поручить Мустафу их заботам, но он предпочитает довести его до школы и попрощаться у ворот, иногда пожав руку, иногда поцеловав в обе щеки. В сумеречное время, до того как Манди появился в его жизни, Мустафа страдал от унижения и страха. Теперь ему нужно вернуть уверенность в себе.

Благодаря длинным ногам дорога из школы до дома занимает у Манди всего двадцать минут, и он входит в квартиру со смешанными чувствами: с одной стороны, надеется, что Зара спит, с другой — что

только-только проснулась, и в этом случае они смогут со всей страстью предаться любви, после чего он усядется в старенький «Фольксваген»-«жук» и вольется в поток транспорта, движущийся на юг, чтобы семьдесят минут спустя прибыть в Линдерхоф и на работу.

Поездка эта раздражает, но без нее никак не обойтись. Год назад все члены семьи проигрывали борьбу с отчаянием, которую вели поодиночке. Сегодня они — команда, нацелившаяся на улучшение жизни для всех вместе и каждого в отдельности. История о том, как произошло чудо, одна из тех, которые вспоминает Манди, когда транспортные пробки грозят свести его с ума:

Он в заднице.

Опять.

Практически в бегах.

Эгон, его деловой партнер и содиректор основанной ими и едва сводящей концы с концами Академии профессионального английского языка, бежал, сняв со счета Академии все средства. Манди самому пришлось глубокой ночью покидать Гейдельберг, взяв с собой только те вещи, что уместились в «Фольксваген», плюс 704 евро наличными, которые Эгон по недосмотру оставил в сейфе.

Прибыв в Мюнхен на заре, Манди оставляет «Фольксваген» в укромном уголке большущей автостоянки, на случай, если кредиторы выписали ордер на арест автомобиля. А потом делает то, что делал всегда, когда жизнь опускала его на самое дно: идет пешком.

Поскольку всю жизнь, по причинам, завязанным на детство, Теда тянуло к представителям других этнических групп, ноги сами приводят его на улочку

магазинов и кафе, которые держат турки, в тот самый момент, когда улочка только начинает просыпаться. День солнечный, он голоден, останавливается у первого попавшегося кафе, садится на пластиковый стул, который шатается на неровной мостовой, просит официанта принести ему большую чашку кофе по-турецки, не перебарщивая с сахаром, и два маковых рогалика с маслом и джемом. Едва успевает приступить к еде, когда к нему за столик подсаживается молодая женщина и, прикрыв рот рукой, с турецко-баварским акцентом спрашивает, не хочет ли он лечь с ней в постель за деньги.

Заре на год-другой больше двадцати пяти, и она невероятно, потрясающе красива. На ней тонкая синяя блузка и черный бюстгальтер, а черная юбка достаточно коротка, чтобы он мог видеть голые бедра. Она невероятно худа. Манди ошибочно предполагает, что худоба — от наркотиков. К своему стыду, потом он признает, что склонялся к тому, чтобы принять ее предложение. Провел бессонную ночь, работы у него нет, женщины — тоже, да и денег всего ничего.

Но, приглядевшись к молодой турчанке, которая предложила ему переспать, видит в ее глазах глубочайшее отчаяние, а также ум, интеллигентность, но при этом крайнюю неуверенность в себе, поэтому быстро сдерживает плотские желания и вместо этого предлагает ей позавтракать, на что она с неохотой соглашается, при условии, что сможет унести половину завтрака домой, больной матери. Манди, безмерно радуясь тому, что сумел установить контакт с человеком, попавшим в беду, высказывает лучшее, по его разумению, предложение: она съест весь завтрак, а потом они вместе купят матери еду в одном

из турецких магазинчиков, которых на этой улице полным-полно.

Она слушает его с бесстрастным лицом, не поднимая глаз. От всей души сострадав ей, Манди подозревает, что она задается вопросом, он просто псих или совсем ку-ку. Он, конечно, пытается всем своим видом показать, что подобные мысли не соответствуют действительности, но, разумеется, получается неубедительно. А потом обеими руками, от этого телодвижения у него ноет сердце, она пододвигает еду к себе, на случай, если он передумает.

При этом рот ее приоткрывается, и он видит, что от четырех передних зубов остались чуть торчащие над десной корни. Пока она ест, он оглядывает улицу в поисках сутенера. Может, она работает на хозяина кафе. Он этого не знает, но ему уже хочется ее защищать. Когда они встают, чтобы уйти, выясняется, что голова Зары едва достает до плеча Манди, и она в тревоге отшатывается от него. Он, само собой, чуть сутулится, чтобы не выглядеть таким высоким, но она все равно держит дистанцию. Теперь она — единственная его забота в этой жизни. Его проблемы — сущий пустяк в сравнении с ее. В магазине, поддавшись его уговорам, она покупает кусок баранины, яблочный чай, фрукты, мед, овощи, халву и большущий треугольный батончик шоколада «Тоблрон», который в этот день продается с приличной скидкой.

— Так сколько у тебя матерей? — весело спрашивает он, но эту шутку она с ним разделить не может.

В магазине держится напряженно, поджав губы, когда говорит по-турецки, прикрывает рот рукой, потом указывает пальцем на конкретный фрукт, мол, ей нужен именно этот. Скорость, с которой она счи-

тает, и умение торговаться производят впечатление на Манди. У него самого, конечно, много достоинств, но в таких переговорах он определенно не мастак. Когда он пытается взять пакеты с продуктами, их два и оба тяжелые, она сердитым рывком отбирает их у него.

— Ты хочешь спать со мной? — нетерпеливо спрашивает она, когда ручки пакетов надежно зажаты в ее пальцах. Смысл ее слов понятен: ты заплатил за меня, поэтому возьми меня и проваливай.

— Нет, — отвечает он.

— Чего ты хочешь?

— Отвести тебя домой.

Она яростно качает головой.

— Не дома. В отеле.

Он пытается объяснить ей, что его намерения дружеские — не сексуальные, но она слишком устала, чтобы слушать его, и начинает плакать. Выражение лица не меняется, но по щекам градом катятся слезы.

Он находит другое кафе, и они садятся. Слезы все текут, но она не обращает на них внимания. Он убеждает ее рассказать о себе, и она рассказывает, на одной ноте, безо всякого интереса к собственной особе. Потому что, похоже, прошла через все. Она — деревенская девушка с равнин Аданы, старшая дочь в семье фермера, говорит она ему на баварском, с сильным акцентом, не отрывая глаз от стола. Ее отец пообещал, что она выйдет замуж за сына соседа-фермера. Все в один голос твердили, что юноша — компьютерный гений, зарабатывающий в Германии хорошие деньги. Когда он приехал в отпуск в Адану, состоялся традиционный свадебный пир, две семьи объединились, и Зара отправилась в Мюнхен со своим мужем, чтобы обнаружить, что он совсем не компьютерный гений, а обыкновенный бандит. Ему бы-

ло двадцать четыре, ей — семнадцать, и она уже ждала от него ребенка.

— Он состоял в банде, — в лоб объявляет она. — Жуткие люди. Отморозки. Крали автомобили, продавали наркотики, создавали ночные клубы, контролировали проституток. Творили что хотели. Сейчас он в тюрьме. Если б не сидел в тюрьме, мои братья убили бы его.

Ее муж отправился в тюрьму девять месяцев тому назад, но перед этим успел до смерти запугать сына и выбить передние зубы жене. Уже получил семь лет, но некоторые обвинения еще рассматриваются в суде. Один из членов банды оказался полицейским осведомителем. Ее история продолжает разворачиваться перед ним, пока они идут через город. Рассказывает она все тем же монотонным голосом, на немецком, потом вдруг переходит на турецкий, если подводит словарный запас. Иногда он задается вопросом, а осознает ли она, что он по-прежнему идет рядом. *Мустафа*, отвечает она, когда он спрашивает, как зовут сына. Его прошлым она совершенно не интересуется. Сама несет пакеты с продуктами, и он более не пытается предлагать свои услуги. На ней синие бусы, и он вспоминает, что для верующих мусульман синие бусы — средство от сглаза. Она всхлипывает, но слезы более не катятся по щекам. Он догадывается, что она хочет взбодриться перед встречей с тем, кто не должен знать, что она плакала. Они уже в Уэст-Энде Мюнхена, но этот район не идет ни в какое сравнение с элегантным лондонским тезкой¹: обшарпанные, довоенной постройки дома, серые и бурые, белье сушится за окнами, дети играют

---

¹ В Лондоне Уэст-Энд — один из самых фешенебельных районов.

среди островков пыльной травы. Мальчик замечает ее приближение, оставляет друзей, поднимает с земли камень, угрожающе надвигается на них. Зара что-то говорит ему на турецком.

— Что ты хочешь? — кричит в ответ Мустафа.

— Кусочек твоего шоколадного батончика «Тоблерон», если ты не возражаешь, Мустафа, — отвечает Манди.

Ведомый Мустафой, который уже взял пакеты с продуктами, и сопровождаемый тремя худыми черноглазыми мальчишками, Манди следом за Зарой поднимается по трем пролетам грязной каменной лестницы. Они подходят к металлической двери, Мустафа сует руку за пазуху и с видом хозяина достает висящий на цепочке ключ от двери. Входит в квартиру, за ним — трое друзей. Зара перешагивает порог. Манди ждет приглашения.

— Пожалуйста, заходи, — на хорошем баварском говорит Мустафа. — Ты будешь самым дорогим гостем. Но, если прикоснешься к матери, мы тебя уьем.

* * *

Следующие десять недель Манди спит на диванчике Мустафы в гостиной, с ногами, свешивающимися над краем, тогда как Мустафа спит рядом с матерью, положив поблизости бейсбольную битку, на случай, если Манди попытается сделать что-то непотребное. Поначалу Мустафа отказывается ходить в школу, но Манди водит его в зоопарк и играет с ним в мяч на пыльной траве, тогда как Зара сидит дома и постепенно выздоравливает, очень радуя Манди. Со временем он вживается в роль светского отца мусульманского мальчика и платонического ангела-хранителя женщины с глубокой душевной травмой,

снедаемой религиозным стыдом. Соседи, поначалу подозрительно встретившие этого длиннющего англичанина, начинают относиться к нему со все большей терпимостью, тем более что Манди изо всех сил старается дистанцироваться от ненавистной многим колониальной репутации своей страны. Живут они на остаток от семисот евро, жалкие крохи, которые Зара получает от своей турецкой семьи, и немецкое социальное пособие. Вечерами ей нравится готовить, а Манди с удовольствием играет роль поваренка. Поначалу она резко возражает против его присутствия на кухне, потом с неохотой дает разрешение. Приготовление вечерней трапезы становится главным событием дня. Ее редкий смех для него — подарок свыше, пусть выбитые зубы — не самое приятное зрелище. Он узнает, что ее цель в жизни — стать медицинской сестрой.

Наконец наступает утро, когда Мустафа объявляет, что пойдет в школу. Манди сопровождает мальчика, и Мустафа с гордостью представляет его своим новым отцом. На той же неделе они впервые идут в мечеть втроем. Ожидавший увидеть позолоченный купол и минарет Манди поражен, очутившись в застеленной линолеумом комнате на верхнем этаже дома, зажатого между магазинами нарядов для новобрачных, продуктов и подержанных электротоваров. Из прошлого он помнит, что в мечеть входят только разувшись, а с женщинами не обмениваются рукопожатием, можно лишь положить правую руку на сердце и почтительно склонить голову. Когда Зара скрывается в комнате для женщин, Мустафа берет его за руку и ведет туда, где молятся мужчины, показывает, куда надо встать, когда опускаться на колени и прижиматься лбом к полоске рогожи, призванной изображать землю.

Мустафа безмерно признателен Манди. Ранее ему приходилось сидеть наверху, с матерью и маленькими детьми. Благодаря Манди теперь он молится внизу, с мужчинами. После молитвы Мустафа и Манди могут пожать руки остальным мужчинам, и каждый выражает надежду, что молитвы другого будут с благосклонностью приняты на небесах.

— Учись, и Аллах сделает тебя мудрым, — наставляет Манди молодой просвещенный имам, когда тот уходит. — Если ты не будешь учиться, станешь жертвой опасных идеологий. Как я понимаю, ты женат на Заре?

Манди краснеет, что-то бормочет о своих надеждах.

— Формальности — не главное, — заверяет его имам. — Что важно, так это ответственность. Будь ответственным, и Аллах наградит тебя.

Неделей позже Зара находит себе хорошую работу, пусть и в вечернюю смену, в кебабной у вокзала. Управляющий, убедившись, что в постель ее не затащить, решает всецело положиться на нее. Она носит на голове шарф и становится его лучшей сотрудницей. Ей доверено работать с деньгами, и ее оберегает очень высокий англичанин. Еще через две недели находит себе место и Манди: английского гида в Линдерхофе. Наутро Зара в одиночку посещает просвещенного имама и его жену. По возвращении на час запирается с спальне с Мустафой. Тем же вечером Мустафа и Манди меняются кроватями.

У Манди много чего случалось в жизни, но никогда, он может в этом поклясться, он не испытывал столь глубокого удовлетворения. Его любовь к Заре беспредельна. Ничуть не меньше он любит Мустафу, и прежде всего за то, что тот любит свою мать.

* * *

Загон для англоязычных открывается, привычная толпа туристов из разных стран устремляется вперед. Канадцы с красными кленовыми листьями на рюкзаках, финны в анораках¹ и шапочках для гольфа, индийские женщины в сари, австралийские фермеры-овцеводы с высушенными ветром женами, японские старики, последние, глядя на него, морщатся от боли, причина которой так и остается для него неведомой. Манди знает про них все, от цвета автобусов до имен сопровождающих, первейшая задача которых — заманить своих подопечных в сувенирные лавки и получить причитающиеся комиссионные. Кого не хватает в этот вечер, так это молодняка со Среднего Запада, с колючей проволокой на зубах, но Америка празднует Победу над Злом дома, к вящему неудовольствию немецкой туристической индустрии.

Сняв котелок и вскинув его над головой, Манди занимает позицию перед своей паствой и ведет их к главному входу. В другой руке он несет самодельную подставку-трибуну, из многослойной водостойкой фанеры, которую сам же и сколотил в бойлерной их многоквартирного дома. Другие гиды используют под ораторскую трибуну ступени лестницы. Только не Тед Манди, наш оратор с Гайд-Парк-Корнер². Опустив подставку на землю, он ловко поднимается на нее и теперь, вновь с котелком на голове, возвышается над своей аудиторией на добрых восемнадцать дюймов.

— Англоговорящие, *ко мне*, пожалуйста, *благодарю вас*. Мне следовало сказать, англослушающие.

¹ Анорак — теплая куртка на «молнии» с капюшоном.

² Гайд-Парк-Корнер — площадь в Лондоне, примыкает к юго-востока к Гайд-парку. Считается самым шумным и перегруженным перекрестком в Великобритании.

Хотя к этому времени дня мне бы очень хотелось, чтобы говорили вы. Ха! Конечно, это неправда, — произносит он намеренно тихо, чтобы они могли расслышать его, лишь замолчав. — Пар из меня еще не вышел, будьте уверены. Фотографировать разрешается, дамы и господа, видеосъемка — нет, пожалуйста, прошу вас, это относится и к вам, сэр. Не спрашивайте меня, как такое может быть, но мое руководство заверило меня, что даже жужжание включенной видеокамеры приведет нас на скамью обвиняемых в суде по защите интеллектуальной собственности. Обычное наказание — публичная казнь через повешенье. — Смеха нет, но он пока и не ждет его от людей, которые четыре часа провели в автобусной тесноте, а последний час стояли в очереди на солнцепеке. — Собирайтесь вокруг меня, *пожалуйста*, дамы и господа, поближе, если вас это не затруднит. Передо мной полно места, дамы... — группе школьных учительниц из Швеции. — Вы сможете услышать меня оттуда? — подросткам из Саксонии, которые перепутали загон, но решили остаться, чтобы получить бесплатный урок английского. — Сможете? Порядок. А вы хорошо меня видите, сэр? — миниатюрному китайскому джентльмену. — Отлично. И еще одна *личная* просьба, дамы и господа. Мобильники, как мы для краткости зовем их в Германии, то есть ваши сотовые телефоны. Пожалуйста, убедитесь, что все они выключены. Справились? Тогда, возможно, тот, кто стоит ближе, закроет эти двери, и я начну. Благодарю вас.

Солнечный свет отрезан, искусственные сумерки разгоняют мириады ламп-свечей, отражающихся в позолоченных зеркалах. Вот-вот наступит, один из вось-

ми за рабочий день, самый захватывающий для Манди момент.

— Как скоро заметят наиболее наблюдательные из вас, мы стоим в относительно современном вестибюле *Линдерхофа*. Не дворца Линдерхоф, пожалуйста, потому что *hof* здесь означает ферма, а дворец, в котором мы сейчас стоим, построен на земле, где когда-то располагалась ферма Линдер. Но почему *Линдер*, спросим мы себя? Есть среди нас филолог? Профессор слов? Эксперт по старинным названиям?

Среди нас такого нет, и это хорошо, потому что Манди собирается предложить одну из своих, ни с кем не согласованных и ни у кого не утвержденных интерпретаций. По причинам, ускользающим от его понимания, он частенько задумывается над названием дворца. Почему-то оно не дает ему покоя. А может, это часть терапии, позволяющей Манди отгонять другие, тоже назойливые мысли, скажем, об Ираке или об угрожающем письме из гейдельбергского банка, которое в этот день пришло вместе с напоминанием о просроченном взносе из страховой компании.

— Так вот, у нас есть немецкое слово *Linde*, которое означает лаймовое дерево. Но объясняет ли это слово конечную *R*, спрашиваю я себя? — Он дает волю фантазии. — Конечно же, ферма могла принадлежать некоему мистеру Линдеру, и на том мы можем закончить наши изыскания. Но я предпочитаю другое толкование, каковым является глагол *lindern*, означающий смягчать, облегчать, унимать, успокаивать. И мне хочется думать, что это толкование больше всего подходит к нашему бедному королю Людвигу, пусть только функционально. Линдерхоф являлся для него *успокаивающим местом*. Всем нам требуется что-то успокаивающее, не так ли, особен-

но в современном мире? Людвигу пришлось нелегко, помните об этом. В девятнадцать лет он взошел на престол, его терроризировал отец, наказывали учителя, доставал Бисмарк, обманывали придворные, предавали продажные политики, не почитали должным образом подданные, он практически не знал матери.

Неужто и Манди испытал на себе все эти тяготы? Судя по волнению, которое слушатели ощущали в голосе, в это легко верилось.

— И что он делает, этот симпатичный, очень высокий, тонко чувствующий, обиженный, гордый молодой человек, который верит, что сам господь дал ему право повелевать людьми? — спрашивает Манди, тоже очень высокий, а потому примеряющий к себе права Людвига. — Что он *делает*, видя, что у него мало-помалу, но неуклонно отбирают власть, принадлежащую ему от рождения? Ответ: он строит сказочные замки. И кто бы не строил, окажись на его месте? Дворцы с подтекстом. Иллюзии власти. Чем меньше власти у него остается, тем большие он строит иллюзии... совсем как мой галантный премьер-министр, мистер Блэр, если хотите знать мое мнение, только не цитируйте меня... — Пауза для улыбок и смешков. — Вот почему лично я стараюсь не называть Людвига *безумным*. Король мечтателей, вот как я предпочитаю его называть. Одинокий фантазер в том отвратительном мире. Он жил по ночам, как вы, возможно, знаете. Не любил людей вообще, и уж точно женщин. О, дорогие мои, я не в этом смысле!

На этот раз смеется группа русских, которые передают друг другу бутылку, но Манди делает вид, что не слышит их. Стоя на самодельной трибуне, в котелке, чуть сдвинутом на лоб, как сдвигают фуражки английские гвардейцы, под который упрятаны

непослушные волосы, Манди касается аспектов, столь же утонченных, как и король Людвиг. Крайне редко он бросает взгляд на задранные головы или делает паузу, чтобы переждать крик ребенка или вопли итальянцев, решающих какую-то внутреннюю проблему.

— Когда Людвиг уходил в себя, он становился правителем вселенной. Никто, абсолютно никто не мог отдавать ему приказы. Здесь, в Линдерхофе, он превращался в Короля-Солнце, вот этого бронзового господина, который скачет верхом на лошади на столе. Людовик во Франции — это Людвиг в Германии. И в Эрренкимзе, в нескольких милях отсюда, он построил собственный Версаль. В Нойшванштайне, чуть дальше по шоссе, он превращался в Зигфрида, великого немецкого средневекового короля-воина, имя которого обессмертил своей оперой идол Людвига — Рихард Вагнер. А высоко в горах, вы можете отправиться туда, если захотите поразмять ноги, он построил дворец Шакен, где короновался как король Марокко. Стал бы даже Майклом Джексонем, если бы мог, но, к счастью, никогда о таком не слышал.

Теперь уже смех прокатывается по всему вестибюлю, но вновь Манди его игнорирует.

— И у Его величества были свои заморочки. Еду ему ставили на золотой столик, который поднимали в его комнату через дыру в полу, скоро я вам ее покажу, чтобы никто не мог наблюдать, как он ест. Слуг он держал на ногах всю ночь, а если они его раздражали, приказывал, чтобы с них живыми содрали кожу. Если он не хотел никого видеть, то разговаривал со своими советниками или визитерами через ширму. И, пожалуйста, прошу вас помнить о том, что происходило все это в девятнадцатом столетии, а не в эпоху Средневековья. Не так уж и далеко отсюда, в реальном мире, прокладывали железные дороги, стро-

или корабли с металлическим корпусом и паровые машины, уже изобрели и использовали пулемет и фотоаппарат. Поэтому давайте не будем обманываться, будто все это далекое-предалекое прошлое. Людвиг, правда, особый случай. Для Людвига и окружающего его мира жизнь двигалась по встречным полосам. Он уходил в прошлое с той скоростью, которую позволяли развить его деньги. И в этом заключалась проблема, потому что деньги Людвига одновременно были и баварскими деньгами.

Короткий взгляд на часы. Три с половиной минуты миновали. И теперь ему следует подниматься по лестнице, ведя за собой свою паству. Он и поднимается. Через стены слышит голоса своих коллег, такие же громкие, как его собственный: неистовой фрау доктор Бланкенхайм, вышедшей на пенсию учительницы, новообращенной буддистки и главы местного читательского кружка; бледного герра Штеттлера, велосипедиста и эротомана, Мишеля Деларжа, неудавшегося священнослужителя из Эльзаса. А позади него, поднимаясь по лестнице, движутся сомкнутые ряды непобедимой японской пехоты, которую ведет японская же королева красоты, размахивая красно-коричневым зонтиком, так непохожим на зонтик Невилла Чемберлена.

И где-то рядом с ним, не в первый раз в его жизни, призрак Саши.

* * *

Именно здесь, на лестнице, Манди впервые чувствует знакомый холодок, пробегающий по спине. В тронном зале? В королевской спальне? В Зеркальном холле? Где осознание близости Саши настигло его? Зеркальный холл специально создан для иска-

жения реальности. Ее отражения теряют силу воздействия, множась и множась до бесконечности. Человек, внезапно возникший перед тобой, может вызывать страх или радость, но его бесчисленные отражения всего лишь предполагаемая, мнимая форма.

А кроме того, Манди, по необходимости и благодаря специальной подготовке, очень наблюдателен. Здесь, в Линдерхофе, он не сделает и шага, не проверив, что у него впереди, за спиной, по бокам, выискивая как нежелательные следы своих прошлых жизней, так и омерзительных участников нынешней, скажем, воров произведений искусства, вандалов, карманников, кредиторов, судебных исполнителей из Гейдельберга, пожилых туристов, сраженных сердечным приступом, детей, блюющих на бесценные ковры, женщин с маленькими собачонками, спрятанными в сумочках, и в последнее время, по настоятельной просьбе администрации, — террористов-камакадзе. В этот почетный список следует, понятное дело, включить фигуристых и симпатичных девушек, ненавязчивое любование достоинствами которых приятно даже мужчине, вполне довольному своей спутницей жизни.

Чтобы облегчить себе сей нелегкий труд, Манди использует все доступные средства: темную картину, очень кстати забранную стеклом и обращенную к лестнице, бронзовую урну, которая выполняет роль широкофокусного объектива, в ней отражаются те, кто стоит по обе стороны от Манди. И, конечно, Зеркальный холл, где множество отражений Саши зависают на милях и милях золоченого коридора.

Или не зависают.

Это настоящий Саша или плод воображения, мираж пятничного вечера? За годы, прошедшие

после их расставания, Манди навиделся почти-что-Саш, о чем он незамедлительно напоминает себе: Саши, оставшиеся без последнего евро, которые замечали его с другой стороны улицы и перебежали проезжую часть, подгоняемые голодом и предвкушением встречи; процветающие, всем довольные Саши, в пальто с меховым воротником, поджидающие в арке у подъезда, чтобы подскочить к нему с криком: «*Тедди, Тедди, это твой давний друг Саша*». Однако, как только Манди останавливается и поворачивается, улыбка сползает с его лица, потому что Саша или просто исчезает, или трансформируется в совершенно незнакомого человека, который тут же вливается в спешащую толпу.

В поисках вещественных доказательств возникшего у него предчувствия Манди как бы ненароком обзревает вверенные ему владения, сначала с театральным выбросом руки, потом поворачиваясь вокруг собственной оси на импровизированной трибуне, призывая слушателей насладиться видом итальянского водопада на северном склоне Энненкопфа, великолепным, несравненным видом, который открывался с королевской кровати.

— Следите за моей рукой, дамы и господа! Представьте себе, что вы здесь лежите! — Его энтузиазм бурлит, как вышеуказанный водопад. — С кем-то, кто любит вас! Нет, это я не про Людвига... — истерический хохот русских, — но все равно лежите в окружении королевских цветов Баварии, золотого и синего! И вы просыпаетесь одним солнечным утром, открываете глаза, смотрите из окна на... — Бах!

В этот самый момент он видит Сашу, настоящего Сашу... «*Господи, старина, где тебя носило столько лет?*» Только слов этих Манди не произносит, даже глаза у него не раскрываются от радостного изумле-

ния, потому что Саша, в полном соответствии с вагнеровским духом этого дворца, прибыл сюда в шапке-невидимке, Tarnkarre, как ее раньше называли. Черный баскский берет, надетый набекрень, предупреждает, что нельзя давать волю эмоциям, особенно во время войны.

В дополнение к этому, на случай, если Манди вдруг забыл правила хорошего тона, Саша подносит согнутый указательный палец к губам. Это не предупреждение, скорее раздумчивое движение руки человека, наслаждающегося тем, что ему удалось представить себе, как неким солнечным утром он пробуждается на этой кровати и смотрит из окна на водопад на северном склоне Энненкопфа. Жест этот настолько естественный, что ни самый внимательный наблюдатель, ни самая лучшая камера слежения не уловили бы и намека на их воссоединение.

Но Саша все равно здесь, Саша, в котором энергия бьет ключом, даже когда он замирает, стоит, не шевелясь, выдерживая дистанцию от ближайшего к нему человека, с тем чтобы избежать сравнения в росте, приподняв локти, будто собирается бежать, его яростный взгляд нацелен чуть повыше бровей, и пусть Манди на полторы головы выше, взгляд этот смелый, обвиняющий, изучающий, вызывающий, глаза зажимают, допрашивают, выбивают из колеи. Саша, двух мнений тут быть не может.

Экскурсия заканчивается. Инструкция запрещает гидам выпрашивать чаевые, но позволяет задерживаться в дверях, кивая выходящим в солнечный свет туристам и желая им безопасного и просто чудесного отдыха. Чаевые всегда разлились, но с началом войны из ручейка превратились в тоненькую струйку. Иногда Манди стоит с пустыми руками до самого последнего туриста, его котелок отдыхает на

соседнем бюсте, чтобы его, не дай бог, не приняли за что-то вульгарное, вроде миски нищего. Иногда пожилая пара или школьная учительница, переполненная восторгом, застенчиво подходят к нему, суют банкнот в руку и бросаются обратно в толпу. На этот раз это владелец строительной фирмы в Мельбурне и его жена Дарлен, которые считают своим долгом сообщить Манди, что прошлой зимой их дочь, Трейси, купила точно такой же тур, у *той же туристической компании*, можете вы такое себе представить? И ей очень понравилась поездка, возможно, вы запомнили ее, потому что она рассказывала о высоченном англичанине в котелке! Блондинка, вся в веснушках и с конским хвостом, бойфренд — студент-медик из Перта, играет в регби за свой университет. И пока Манди делает вид, будто пытается извлечь Трейси из глубин памяти, бойфренда зовут Кит, доверительно сообщает строитель, на случай, если имя поможет, он чувствует, как маленькие пальчики сжимают ему запястье, поворачивают руку ладонью вверх, кладут на нее сложенную записку и прикрывают пальцами. Одновременно краем глаза он замечает исчезающий в толпе берет Саши.

— Будете в Мельбурне, заглядывайте к нам, хорошо? — восклицает австралийский строитель, засовывая визитную карточку в нагрудный карман пиджака, с нашитым на нем «Юнион Джеком».

— Договорились! — со смехом отвечает Манди, убирая записку в боковой карман.

* * *

Перед тем как отправиться в дальнюю поездку, обязательно надо присесть, предпочтительно на чемоданы. В России это суеверие, а Ником Эмори, долгие

годы советником Манди в вопросах выживания, сформулировано в аксиому: если грядет что-то большое, Эдуард, и ты — его составная часть, ради бога, зажди в кулак свою природную импульсивность и сделай паузу, прежде чем прыгать.

Рабочий день в Линдерхофе окончен, персонал и туристы спешат к автостоянке. Как радушный хозяин, Манди торчит на лестнице, прощаясь с расходящимися коллегами. «Auf Wiedersehen, Frau Meierhof!¹ Его все еще не нашли! — последнее об ускользающем из рук коалиции иракском оружии массового поражения. — Fritz, Tschuss!² Мои наилучшие пожелания твоей ненаглядной! Прекрасную речь произнесла она на днях в «Полтергейсте», — это местный культурный и дискуссионный клуб, где Манди иногда стравливает политический пар. Он поворачивается к Пабло и Марселю, испанскому и французскому гидам, женатой мужской паре. — Пабло, Марсель, на следующей неделе нам надо где-нибудь посидеть. Buenas noches, bonsoir³ вам обоим». Последние фигуры исчезают в сумерках, когда он отступает в тень западного фасада дворца, растворяясь в темноте лестничного колодца.

Это место он обнаружил совершенно случайно, вскоре после того, как его взяли на работу.

Однажды вечером, исследуя территорию замка (известный симфонический оркестр давал концерт под луной, и, с разрешения Мустафы, он остался, чтобы послушать божественную музыку), Манди натывается на уходящую вниз лестницу. Она приводит

¹ Auf Wiedersehen, Frau Meierhof — До свидания, фрау Майерхоф (нем.).

² Fritz, Tschuss — Фриц, пока (нем.).

³ Buenas noches, bonsoir — доброй ночи (исп., фр.).

его к ржавой железной двери с торчащим в замке ключом. Манди стучит, ему никто не отвечает, поэтому он поворачивает ключ и входит. Для любого, кроме Манди, помещение, в котором он очутился, — не более чем грязная подсобка садовника: лужи воды и земля на полу, лейки, бухты шлангов, больные растения в горшках.

Ни одного окна, только металлическая решетка под потолком в каменной стене. В жарком воздухе, нагретом соседней бойлерной, тяжелый запах гниющего гиацинта. Но для Манди эта подсобка — все то, что искал Безумный Людвиг, когда строил Линдерхоф: святилище, место, где можно укрыться от всех остальных, убежище. Он выходит за дверь, запирает ее на замок, кладет ключ в карман и семь рабочих дней отдает все свое свободное время достижению поставленной цели. К десяти утра, когда открываются ворота замка, все здоровые растения в комнатах и залах политы, все больные — вынесены. Автомобиль цветочника, микроавтобус, разрисованный цветами, выезжает за ворота максимум в половине одиннадцатого, и к этому времени больные растения уже находятся или в подсобке, или в кузове микроавтобуса, те, кому прописана госпитализация. Исчезновение ключа никого не удивляет. Замок-то остался прежним. Так что каждый день, начиная с одиннадцати утра, подсобка садовника — его частная собственность.

Как и в этот вечер.

Вытянувшись в полный рост под погашенной лампой у потолка, Манди достает из кармана миниатюрный фонарик, разворачивает записку, пока она не превращается в прямоугольник белой бумаги, и видит то, что, собственно, и ожидает: почерк Саши,

каким он всегда был и останется, резкий и решительный. Когда Манди читает записку, на его лице отражаются разные чувства. В том числе смирение, тревога и радость. Но доминирует, пожалуй, волнение. Тридцать четыре чертовых года. Нас связывает более трех десятилетий. Мы встретились, воевали, на десять лет разбежались. Встретились вновь, десять лет не могли друг без друга, уже на другой войне. Расстались навсегда, а десять лет спустя ты возвращаешься.

Порывшись в карманах пиджака, он достает книжицу спичек из кебабной Зары, отщипывает одну, зажигает, держит записку над пламенем одним краем, потом другим, пока она не скручивается, чернея. Бросает на плиточный пол, растирает в черную пыль, осторожности много не бывает. Смотрит на часы, делает необходимые расчеты. Ему надо убить час и двадцать минут. Звонить Заре смысла нет, ее смена только что началась. И босс ужасно злится, когда сотрудников зовут к телефону в час пик. Мустафа будет у Дины, с Камалем. Мустафа и Камаль — близкие друзья, звезды Уэстсайдовской турецкой национальной крикетной лиги, президент которой — мистер Эдуард Манди. Дина — двоюродная сестра и близкая подруга Зары. Просматривая «записную книжку» мобильного, он находит и набирает ее номер.

— Дина. Добрый вечер. Чертова дирекция назначила на этот вечер совещание гидов. Я совершенно забыл. Сможет Мустафа переночевать у тебя, если я задержусь допоздна?

— Тед? — ломающийся голос Мустафы.

— *Добрый вечер, Мустафа! Как поживаешь?* — Манди говорит медленно, четко выговаривая каждое слово. На английском, которому учит Мустафу.

— У... меня... все... очень... хорошо... Тед!

— Кто такой Джон Брэдман?

— Дон... Брэдман... величайший... бэтсмен¹... какого... только... видел... мир, Тед!

— Сегодня ты будешь спать у Дины, хорошо?

— Тед?

— Ты меня понимаешь? У меня вечером совещание. Я вернусь поздно.

— И... я... буду... спать... у Дины.

— Правильно. Молодец. Ты будешь спать в доме Дины.

— Тед?

— Что?

Мустафа заливается смехом, не может говорить.

— Ты... очень... очень... плохой... человек, Тед.

— Почему я плохой человек?

— Ты... любишь... другую... женщину! Я... скажу... Заре!

— Откуда тебе известен мой самый большой секрет? — Эту фразу ему приходится повторить дважды.

— Я... это... знаю. У меня... большие... большие... глаза!

— Хочешь, я опишу тебе другую женщину, которую люблю? Чтобы ты мог сказать Заре?

— Что, что?

— Мою другую женщину. Сказать тебе, как выглядит эта женщина?

— Да, да! Скажи... мне. Ты... плохой... человек! — вновь взрыв хохота.

— У нее прекрасные ноги. Просто потрясающие ноги...

— Да, да!

---

¹ Бэтсмен — в крикете игрок, отбивающий битой мяч, брошенный по калитке.

— У нее четыре прекрасных ноги... очень мохнатых... и длинный золотистый хвост... и зовут ее...

— Мо! Ты любишь Мо! Я скажу Заре, что Мо ты любишь больше!

Мо — лабрадор. Мустафа так назвал ее в свою честь. Она поселилась у них на Рождество, и Зара поначалу пришла в ужас, ибо ее с детства учили, что от прикосновения к собаке она станет слишком грязной и не сможет молиться. Но под напором двух мужчин сердце Зары растаяло, и теперь Мо — полноправный член семьи.

Он звонит в квартиру и слышит собственный голос на автоответчике. Зара любит голос Манди. Иногда, скучая по нему днем, она сама проигрывает пленку. Я могу прийти поздно, дорогая, предупреждает он ее на немецком. На вечер назначено совещание, а я забыл тебя предупредить. Ложь ради заботы о ближнем и идущая от сердца где-то даже оправданна, говорит он себе, думая при этом, а согласится ли с ним просвещенный молодой имам. И я люблю тебя ничуть не меньше, чем любил этим утром, добавляет он про себя, так что другого объяснения просто не может быть.

Он смотрит на часы — ждать осталось на десять минут меньше. Берет золоченый, изъеденный древооточцем стул, ставит перед старинным гардеробом. Балансируя на стуле, шарит за задней стенкой гардероба и достает старый ранец цвета хаки, покрытый пылью. Стряхивает пыль, садится на стул, опускает ранец на колени, высвобождает ремни из пряжек, откидывает клапан, с осторожностью заглядывает внутрь, словно не знает, что его там ждет.

Не торопясь, выкладывает содержимое ранца на бамбуковый столик: древнюю групповую фотогра-

фию англо-индийской семьи с множеством слуг, позирующей на ступенях большого колониального особняка; толстую папку с надписью чернилами «ПАПКА»; связку писем с десятками орфографических ошибок тех же времен; локон женских волос, темно-каштановых, перевязанных полоской кожи.

Но эти предметы достаиваются лишь мимолетного взгляда. Ему нужно другое, возможно, сознательно оставленное в ранце напоследок: пластиковая папка-конверт, в которой лежат как минимум двадцать нераспечатанных писем, адресованных мистеру Тедди Манди через его гейдельбергский банк. Адрес написан теми же черными чернилами и тем же решительным почерком, что и записка, которую он только-только сжег. Имя отправителя не указано, но необходимости в этом нет.

Все письма доставлены авиапочтой.

Конверты стран третьего мира из грубой бумаги для надежности заклеены липкой лентой и сверкают марками, такими же яркими, как тропические птицы. Отправлены письма из далеких городов: Дамаска, Джакарты, Гаваны...

Первым делом он раскладывает письма в хронологическом порядке, в соответствии со штемпелем. Потом вскрывает, одно за другим, старым перочинным ножом, который также лежал в ранце. Начинает читать. Ради чего? *«Когда вы что-то читаете, мистер Манди, прежде всего задайте себе вопрос, а зачем вы это читаете?»* — Он слышит голос старого учителя-немца, доктора Мандельбаума, с сильным акцентом, сорокалетней давности. — *Вы читаете что-то, чтобы получить информацию? Это единственная причина. Или вы читаете, чтобы получить знания? Информация — это тропы, мистер Манди. Знания — цель».*

«Я читаю ради знаний, — думает он. — И обещаю, что не клюну на опасную идеологию, — добавляет он, из уважения к имаму. — Я читаю, чтобы узнать то, чего знать мне точно не хотелось, и я не уверен, что хочется теперь. Как ты меня нашел, Саша? Почему мне не следовало узнавать тебя? От кого ты нынче прячешься и по какой причине?»

Среди писем обнаруживаются газетные вырезки со статьями за подписью Саши. Самые яркие пассажи подчеркнуты или отмечены на полях восклицательными знаками.

Он читает час, убирает письма и газетные вырезки в ранец, последний возвращает в тайник за гардеробом. «Сборная солянка, как я и ожидал, — говорит он себе. — Никакой определенности. Он продолжает войну, как и собирался. Никаких скидок на возраст. Он никогда его не чувствовал и не почувствует».

Манди ставит золоченый стул на то самое место, откуда брал, садится и тут вспоминает, что котелок по-прежнему у него на голове. Снимает, переворачивает, смотрит внутрь, что случается крайне редко. Основателя фирмы-производителя, Штейнмацки, звали Джозеф. Вместе с ним фирмой владели сыновья, не дочери. Адрес фирмы — дом 19 по Дюрерштрассе, над булочной-пекарней. А может быть, теперь по этому адресу никакой шляпной фирмы уже нет, потому что старина Джозеф Штейнмацки любил датировать свою продукцию, и вот этот котелок сработан в 1938 году.

Уставившись в шляпу, Манди видит далекое прошлое. Вымощенная брусчаткой улица, маленький магазин над булочной-пекарней. Разбитое стекло, кровь на брусчатке, Джозефа Штейнмацки, его жену и многих сыновей увлакивают при молчаливом со-

гласии венских зевак, которые, как известно, не запятнаны преступлениями нацизма.

Манди встает со стула, расправляет плечи, взмахивает руками, чтобы размять затекшее тело. Выходит за дверь, запирает ее, поднимается по каменным ступеням. Капельки росы дрожат на лужайках дворца. В воздухе пахнет свежескошенной травой и влажным полем для крикета. Саша, безумный мерзавец, чего ты хочешь на этот раз?

* * *

За рулем «Фольксвагена»-«жука», миновав «лежащего полицейского» у золотых ворот Безумного Людвига, Манди поворачивает на дорогу к Мурнау. Как и владелец, автомобиль уже не первой молодости. Двигатель чихает, усталые «дворники» выскоблили полукружья на ветровом стекле. На заднем — наклейка на немецком, собственноручно изготовленная Манди: *«Водитель этого автомобиля более не имеет территориальных претензий к Саудовской Аравии»*. Он проезжает два маленьких перекрестка, никаких инцидентов, и, как и обещано, впереди, на участке обочины, отведенном для кратковременной остановки автомобилей, стоит синяя «Ауди» с мюнхенскими номерами, в заднем стекле виден силуэт Саши в берете.

Пятнадцать километров, по далеким от точности показаниям приборного щитка «Фольксвагена», Манди следует за «Ауди». Шоссе ныряет в лес, выныривает из него, раздваивается. Не подавая сигнала, Саша поворачивает налево, Манди в «Фольксвагене» повторяет маневр. Обсаженная темными деревьями дорога ведет к озеру. Какому озеру? По словам Саши, Манди и Льва Троцкого объединяло одно: топо-

графический кретинизм. «Ауди» сворачивает на стоянку и останавливается. Манди проделывает то же самое. Перед тем как свернуть с дороги, смотрит в зеркало заднего обзора: на хвосте никто не сидит. Саша, с саквояжем в руке, тяжело спускается по каменной лестнице.

Саша уверен, что при родах кислород ему перекрыли раньше, чем он покинул матку.

От озера к стоянке поднимается громкая музыка. На деревьях перемигиваются огоньки. Внизу что-то празднуют, и Саша направляется навстречу веселью. Боясь потерять его, Манди сокращает разделяющее их расстояние. Когда оно уже не превышает пятнадцати ярдов, Саша вливается в шумную толпу. Крутится карусель. Матадор на соломенной телеге преследует картонного быка, что-то нашептывая на ухо своей соседке. Разгоряченные пивом участники праздника, напрочь забыв о войне в Ираке, веселят друг друга, выдувая бумажных змей. «Никто здесь не бросается в глаза, ни Саша, ни я, — думает Манди. — Каждый отдыхает как может, и Саша не растерял прежних навыков».

Капитан украшенного флагами пароходика приказывает отстающим забыть о заботах и тревогах и *незамедлительно* подняться на борт его корабля, который отправляется в романтический круиз. Над озером взрывается ракета. Разноцветные звезды падают в воду. Прилетела она или улетела? Спросите Буша и Блэра, двух наших великих военачальников, ни один из которых не нюхал пороха.

Саша исчез. Манди вскидывает голову и с облегчением видит, что Саша и его саквояж поднимаются к небесам по витой металлической лестнице, ведущей к вилле, построенной в стиле короля Эдуарда и

разрисованной горизонтальными полосами. Шаги неровные, как всегда. Голова падает набок, когда он опирается на правую ногу. Саквояж тяжелый? Едва ли, но Саша несет его осторожно, чтобы не ударить при поворотах. В нем бомба? Нет, Саша бомбу не понесет, никогда.

Еще раз как бы ненароком оглядевшись: а вдруг на праздник заглянул кто-то еще, Манди устремляется к лестнице. «АРЕНДА МИНИМУМ НА НЕДЕЛЮ», предупреждает его аккуратная надпись на табличке. *На неделю?* Кому нужна неделя? С этими играми уже лет четырнадцать как покончено. Он смотрит вниз. Следом за ним никто не поднимается. Дверь каждой квартиры выкрашена в муаровый цвет и освещена флуоресцентной лампой. На одной из площадок женщина с ввалившимися щеками, в кашемировом пальто и перчатках, роется в сумочке. Конечно же, он, тяжело дыша, здоровается: «Добрый вечер». Она или игнорирует его, или глухая. Снимите перчатки, женщина, и, возможно, вы найдете, что ищите. Продолжая подъем, он оборачивается к ней, словно она — суша, увиденная спасшимся в кораблекрушении. Она потеряла ключ от двери! В квартире остался малолетний внук! Вернись, помоги ей. Соверши поступок, достойный сэра Галахада, а потом возвращайся домой, к Заре, Мустафе и Мо.

Он поднимается. Еще один поворот лестницы. На горных вершинах вокруг него вечные снега купаются в лунном свете. Ниже — озеро, празднество, веселье и по-прежнему никаких преследователей, в этом он уверен. А перед ним последняя муаровая дверь, приоткрытая. Он толкает ее. Она открывается на фут, но он видит только чернильную тьму. Уже собирает-

ся крикнуть: «Саша!» — но воспоминания о берете останавливают его.

Прислушивается, но до него доносится только шум праздника. Переступает порог и захлопывает дверь за собой. В полумраке видит Сашу, карикатуру на солдата, вытянувшегося по стойке «смирно», с саквояжем у ног. Руки, насколько возможно, вытянуты по швам, большие пальцы отставлены и торчат вперед, в лучших традициях функционера коммунистической партии на параде. Но шиллеровское лицо, яростные глаза, фигура, словно изготовившаяся к прыжку... даже в сумраке видно, что Саша просто вибрирует от распирающей его энергии.

— Должен отметить, в нынешние времена ты не сешь много разной чуши, Тедди, — говорит он.

Тот же саксонский акцент, отмечает Манди. Тот же педантичный, резкий голос, более приличествующий человеку, превосходящему Сашу как минимум на три размера. То же умение вызвать чувство вины.

— Твои филологические экскурсии — чушь, твой портрет Людвиг — чушь. Людвиг был фашиствующим мерзавцем. Как и Бисмарк. И ты такой же, иначе отвечал бы на мои письма.

Но к этому моменту они уже спешат друг к другу, чтобы крепко обняться после столь долгой разлуки.

ГЛАВА 2

Изобилующая водоворотами река, что вьется меж берегов от рождения Манди до воскрешения Саши в Линдерхофе, берет свое начало не в одном из графств Англии, а среди горных хребтов и долин Гиндукуша, которые после трехсот лет правления Британской колониальной администрации оказались на территории Северо-Западной Пограничной провинции.

— Этот юный сахиб, которого вы видите рядом со мной, — сообщает вышедший в отставку пехотный майор, отец Манди, в маленьком баре «Золотой лебедь» в Уэйбридже любому бедолаге, который не слышал эту историю раньше или слышал с дюжину раз, но из вежливости не может об этом сказать, — историческая редкость, не так ли, мой мальчик, не так ли?

И, обняв одной рукой Манди за плечо, второй ерошит ему волосы, прежде чем повернуть к свету. Майор — маленького росточка, вспылчивый, нетерпеливый. Его движения, даже в любви, драчливые. Сын, тоненький, как тростинка, уже на голову выше отца.

— И я скажу вам, почему этот юный Эдуард — редкость, если вы позволите мне, сэр, — продолжает он, повышая голос, обращаясь ко всем сэрам, находящимся в пределах слышимости, да и к леди тоже, потому что он все еще нравится им, а они — ему. — В то утро, когда мой посыльный сообщил мне, что мемсахиб¹ готовится оказать мне честь, одарив меня ребенком, вот этим самым ребенком, сэр, совершенно обычное индийское солнце поднималось над военным госпиталем.

Театральная пауза, со временем Манди научится выдерживать их с таким же мастерством, по ходу которой стакан майора поднимается, а голова опускается, чтобы поприветствовать его.

— Однако, сэр, — продолжает он, — однако когда этот самый молодой человек соблаговолил появиться на плацу, — майор хищно поворачивается к Манди, но в яростном взгляде синих глаз любви не ста-

---

¹ Мемсахиб — в Индии почтительное обращение к замужней европейской женщине.

новится меньше, — не в парадной форме, сэр, после четырнадцати дней пребывания в казарме без увольнительной, как мы раньше говорили, это солнце более не индийское. Оно принадлежит самоуправляемому доминиону, который называется Пакистан. Не так ли, мой мальчик? Не так ли?

Тут мальчик обычно краснеет и бормочет что-то вроде: «Ну, так ты мне говорил, папа», зарабатывая добродушный смех слушателей, а майор чаще всего угощается за чей-то счет и получает возможность изложить мораль вышеприведенного эпизода своей жизни, изобиловавшей самыми разными событиями.

— Мадам История — дама переменчивая. — Скороговорку отца впоследствии унаследует и сын. — Ты можешь маршировать для нее день и ночь. Лезть из кожи вон. Прихорашиваться, начищать до блеска пуговицы, бриться, мыть шампунем волосы. Ничего это не изменит. В тот день, когда нужда в тебе отпадает, ты для нее больше не существуешь. Ты свободен. Тебя просто нет. Хватит об этом, — от нового стакана его язык начинает чуть заплетаться. — Доброго вам здоровья, сэр. Щедрая душа. За королеву-императрицу. Благослови ее господь. Вместе с пенджабскими солдатами. Лучшими солдатами всех времен и народов. При условии, что ими командуют, сэр. Это главный момент.

И молодой сахиб при удаче получает стакан имбирного пива¹, пока майор, захваченный эмоциями, достает из рукава выдавшего вида кителя носовой платок цвета хаки, проводит им по щеточке усов, промокает щеки и вновь убирает в рукав.

У майора была причина для слез. День рождения

---

¹ Имбирное пиво — шипучий безалкогольный напиток с добавлением имбиря.

Пакистана, о чем очень хорошо знали завсегдатаи «Золотого лебедя», лишил его не только карьеры, но и жены, которая, успев бросить лишь один взгляд на долгожданного и переносенного сына, как и Империя, покинула этот мир.

— Эта женщина, сэр... — в этот вечерний час водопоя майор предельно сентиментален. — Для того чтобы охарактеризовать ее, достаточно одного слова: *класс*. Впервые я увидел ее в костюме для верховой езды, на утренней прогулке с двумя сопровождающими. Она проскакала уже немало миль по жаркой равнине, но выглядела так, словно только что вышла из-за стола, откушав клубники с мороженым, в Челтнем-Леди-Колледж¹. Знала флору и фауну окрестных мест лучше своих сопровождающих. И радовала бы нас своим присутствием и по сей день, если бы этот говнюк-врач из военного госпиталя был наполовину трезв. Помянем ее, сэр. За ушедшую от нас миссис Манди. Такая женщина! — Его блестящие от слез глаза останавливаются на сыне, о присутствии которого он, похоже, на какое-то время забывает. — Юный Эдуард, — продолжает он, — играет в школьной команде по боулингу. Первый бросок всегда доверяют ему. Сколько тебе лет, парень?

И парень, ожидая, пока придет час отводить отца домой, признается, что ему шестнадцать.

Майора, однако, как он еще успеет заверить вас, эта двойная трагедия не сломила. Он устоял на ногах, сэр. Выдержал. Овдовевший, с сыном-младенцем, с рушащимся, словно карточный домик, привычным правопорядком, вы могли бы подумать, что

---

¹ Челтнем-Леди-Колледж — известная женская привилегированная частная школа в г. Челтнем, графство Глостершир. Основана в 1853 г.

он повторил путь многих: опустил «Юнион Джек», покинул свой пост и отплыл домой, чтобы о нем все забыли. Только не майор, сэр. Ни в коем разе. Он скорее стал бы вычерпывать дерьмо из солдатского сортира в казарме пенджабцев, чем целовать задницу какого-нибудь нажившегося на войне мерзавца на Гражданской улице, благодарю вас.

— Я вызвал моего денщика. Я сказал моему денщику: «Денщик, срежь майорские короны с моей формы и нашей пакистанские полумесяцы». И я предложил свои услуги, пока они оставались востребованными, лучшим солдатам в мире, при условии, — его указательный палец нацеливается в небо, — ...что ими командуют. Это главное.

И вот тут, к счастью, звенит колокольчик, возвещая о том, что пришло время последнего заказа, и мальчик привычным жестом берет отца под руку, чтобы отвести его домой, в дом номер два, в Долине, где они смогут доесть вчерашнее жаркое.

* * *

Но прошлое Манди не такое простое, как могло бы показаться, исходя из воспоминаний в баре. Майор, с легкостью излагая основные моменты, не вдавался в мелкие подробности, так что воспоминания Манди — череда армейских лагерей, казарм, гарнизонов и застав, которые с годами меняются все быстрее. Поначалу гордый сын Империи правит военным городком с клубом, полем для поло, плавательным бассейном, детской площадкой и пьесами на Рождество, включая историческую постановку «Белоснежки и семи гномов», где Манди впервые выходит на сцену в роли Доупи. А кончается все тем, что Манди бегает босиком по пыльным улицам полупус-

того лагеря, расположенного во многих милях от ближайшего города, с телегами, запряженными быками, вместо грузовиков, ангаром из ржавого железа, выполняющим роль клуба, и рождественским пудингом, который подают на стол заплесневелым.

Лишь редким вещам удается пережить столько переездов. Тигровые шкуры майора, его военные трофеи, дорогие статуэтки из слоновой кости исчезают бесследно. Украдена даже память о жене майора: ее дневники, письма, шкатулка с фамильными драгоценностями. Спасибо вороватому начальнику железнодорожного вокзала в Лахоре, майор потом прикажет побить палками и начальника, и каждого из его зарящихся на чужое добро подчиненных! Однажды, крепко набравшись, он отвечает еще на один вопрос, который не устает задавать ему Манди. «Ее могила, сынок? Я скажу тебе, где ее чертова могила! Исчезла! Вместе с кладбищем, которое разрушили до основания местные мародеры! Растащили все камни, все ограды! Все, что от нее осталось, хранится здесь! — Миниатюрным кулачком он бьет себя в грудь, вновь наполняет стакан. — Ты не поверишь, сынок, какой благородной была эта женщина. Англо-ирландская дворянка. Огромные поместья, обратившиеся в прах в Тревожные годы¹. Тогда это сделали ирландцы, потом чертовы дервиши. Практически весь клан уничтожен, остатки унесены ветром.

Наконец они прибывают в расположенный на холме гарнизонный городок Мюрри. И пока майор прозябает в сложенной из саманного кирпича штаб-

---

¹ Тревожные годы — 1919—1923 гг., гражданская война в Ирландии; партизанская война против английского господства и вооруженная борьба между Ирландской республиканской армией и сторонниками соглашения с Англией.

ной казарме, куря сигареты с пониженным содержанием смолистых веществ, бережет горло, и чертыхаясь над выплатными ведомостями, списками больных и графиком увольнительных, маленький Манди вверен заботам очень толстой айя¹ из Мадраса, которая приехала на север вместе с Независимостью. У нее нет другого имени, кроме Айя, она поет ему песни на английском и пенджабском, тайком учит святым изречениям из Корана и рассказывает о боге, которого звать Аллах и который любит справедливость и всех людей и пророков, включая христианских и индуистских, но больше всего, по ее словам, любит детей. И лишь с огромной неохотой, под сильным нажимом Манди, она признает, что у нее нет ни мужа, ни детей, ни родителей, ни сестер или братьев. «Они все мертвы, Эдуард. Они с Аллахом, все до единого. Это все, что ты должен знать. А теперь спи».

Дальнейшие допросы позволяют выяснить, что все они убиты во время страшных погромов, которыми сопровождался Раздел. Убиты индусами. Убиты на железнодорожных станциях, в мечетях, на рынках.

— А как ты осталась жива, Айя?

— На то была воля Аллаха. Ты моя радость. А теперь спи.

Возвращаясь вечером домой, под бляенье коз, вой шакалов, крики орлов и непрерывный грохот пенджабских барабанов, майор также размышляет о смерти, сидя под азадирахтой индийской и попыхивая манильской сигарой², он называет их бирманскими и режет на части перочинным ножом. Время от времени он прикладывается к латунной фляжке, смотрит, как его непомерно высокий сын плещется в воде со

¹ Айя — няня-туземка, служанка-туземка (*инд.*).

² Манильская сигара — сигара с обрезанными концами.

своими местными сверстниками или на берегу участвует в играх, имитирующих резню, устроенную взрослыми, индусы против мусульман, и изображает мертвого, когда приходит его очередь. И сорок лет спустя Манди достаточно закрыть глаза, чтобы почувствовать магическую прохладу, которая пронизывает воздух с заходом солнца, ощутить запахи, которые накатывают со всех сторон с наступлением сумерек, увидеть зарю, встающую над холмами, зазеленевшими после муссонных дождей, услышать, как кошачьи вопли сверстников уступают место голосу муэдзина и вечерним крикам отца, бранящего собственного чертова сына за то, что тот убил свою мать... *«Что ж, ты убил, не так ли? Иди сюда, я приказываю. Мои приказы должны выполняться, и быстро!»* Но мальчик не идет, предпочитая прижиматься к необъятному боку Аи, пока спиртное не сделает свое дело.

Время от времени мальчику приходится переживать свой день рождения, и стоит ему замаячить на горизонте, как на Манди сваливается какая-то болезнь: колики в животе, головная боль, понос, малярия, страхи, что его укусила ядовитая летучая мышь. Но день приходит, на кухне повара готовят жаркое и пекут большущий торт с надписью *«ПОЗДРАВЛЯЮ ЭДУАРДА С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»*, однако других детей не приглашают, ставни закрыты, обеденный стол накрыт на троих, свечи горят, слуги молча стоят у стены, майор в парадной форме и при всех орденах и медалях раз за разом прокручивает на граммофоне одну и ту же пластинку с ирландскими балладами, а Манди гадает, сколько жаркого он может оставить на тарелке. Он торжественно задувает все свечи, отрезает три куса торта и кладет один на тарелку матери. Если майор не успевает напиться, отец и сын играют в шахматы. Красные и белые фигурки выреза-

ны из слоновой кости и извлекаются из коробки только по самым большим праздникам. Игры обычно не заканчиваются. Переносятся на завтра, которое никогда не наступает.

Но бывают и другие, пусть редкие вечера, а много и не нужно, когда майор, как обычно, хмурясь, направляется к столу, что стоит в углу комнаты, открывает ящик ключом с цепочки и, словно святыню, достает потрепанную книгу в красном переплете, «*Избранные произведения Редьярда Киплинга*». Вытащив из помятого металлического футляра очки для чтения, надевает их, ставит в углубление на подлокотнике кресла стакан виски и начинает командным голосом зачитывать фразы о Маугли, мальчике из джунглей, и о другом мальчике, Киме, который стал шпионом на службе своей королевы, хотя о случившемся после того, как он стал им, вернулся ли с секретами врага или его поймали, в приведенном в этой книге отрывке не говорится. Долгими часами майор прикладывается к стакану виски, читает, снова прикладывается, с серьезным видом, словно выполняет важную работу, пока не засыпает на полуслове, после чего от стены отделяется Айя, все это время сидевшая на корточках в темноте, берет Манди за руку и ведет в постель. Антология Киплинга, говорит ему майор, единственная уцелевшая книга из библиотеки, когда-то принадлежавшей его матери.

— У этой женщины было больше книг, чем дней в моей жизни, — восхищается он. Тем не менее со временем это утверждение ставит Манди в тупик и раздражает. Почему, задается он вопросом, такая заядлая читательница, как мать, оставила ему книгу, в которой многое остается недосказанным? Он предпочитает истории, которые перед сном слышит от Айи, о героических деяниях пророка Мухаммеда.

Образование мальчик получает в разваливающейся школе для сирот и детей безденежных офицеров-англичан, участвует в пантомимах и раз в неделю посещает гладко выбритого англиканского миссионера, который приобщает его к божественности и пианино и больше всего любит направлять пальцы мальчиков своими пальцами. Но эти редкие встречи с христианством — потерянные минуты, вырванные из залитых солнцем языческих дней. Лучшее для него время — часы, отданные крикету, в который он играет с Ахмедом, Омаром и Али на пыльной лужайке за мечетью, или сидит на берегу крошечных озер, скалистое дно которых поблескивает перламутром, и шепчет слова детской любви Рани, босоногой девятилетней красавице, на которой он собирается жениться, как только будут улажены все формальности, или поет патриотические гимны на пенджабском, когда по флагштоку медленно и торжественно поднимается новенький флаг Исламской Республики Пакистан.

И Манди провел бы там остаток своей юности, а может, и всю жизнь, не наступи вечер, когда убегают все слуги, даже Айя, ставни бунгало накрепко запираются, а отец и сын в молчаливой спешке рассовывают немногочисленные пожитки по чемоданам с бронзовыми нашлепками на углах. При первом свете зари они уже выезжают из лагеря в кузове древнего грузовика военной полиции, в сопровождении двух мрачных, вооруженных винтовками пенджабцев. Рядом с Манди сидит разжалованный майор пакистанской пехоты, в гражданской трильби¹ и шелковом галстуке, поскольку форменный носить изгою, признанному виновным в том, что поднял руку на брата-

---

¹ Трильби — мужская мягкая фетровая шляпа.

офицера, носить не положено. Что сделал он с поднятой рукой, не ясно, но, если опыт Манди что-то да значит, маловероятно, что рука эта просто опустилась. У гарнизонных ворот лицо часового, который всегда встречал Манди лучезарной улыбкой, напоминает гранитную маску, а Айя стоит такая же бледная, как все призраки, иногда являющиеся ей, которых она боится. Ахмед, Омар и Али кричат, машут руками и бегут вслед за грузовиком, но Рани среди них нет. В аккуратном платье брауни-гайдов¹, с заплетенными в косички черными волосами, она сгибается пополам на обочине, с прижатыми друг к дружке ногами, и, закрыв лицо руками, рыдает.

Корабль отплывает из Карачи в темноте, и пока не пришвартуется в Англии, в каюте тоже царит темнота, поскольку майор стыдится своего лица после того, как увидел свою фотографию в местной прессе. Скрываясь от сына, пьет виски в каюте и ест только под сильным нажимом мальчика. Мальчик берет на себя все заботы об отце, приглядывает за ним, выполняет поручения, заранее просматривает выходящую на корабле газету, чтобы на глаза отца не попало что-нибудь лишнее, выводит его на палубу на прогулки перед рассветом и вечером, когда все пассажиры переодеваются к обеду. Лежа на спине на своей койке, докуривая бирманские сигары отца, считая бронзовые заклепки на тиковых переборках, слушая жалобы отца на шум двигателей или гадая о том, что же случилось с героями Редьярда Киплинга, он грезит о Рами и плывет к незнакомой ему родине из далекой страны, которую отец по-прежнему называет Индией.

---

¹ Брауни-гайды — младшая дружина девочек-скаутов от 7 до 10 лет в организации герл-гайдов.

А майору, терзаемому душевной болью, есть что сказать о его обожаемой, теперь покинутой навсегда Индии, и многое становится для Манди сюрпризом. Теперь майору более нет нужды притворяться и скрывать свое мнение, вот он и говорит, что смертельно оскорблен молчаливым попустительством, проявленным его страной при Разделе. Он обрушивает проклятия на головы этих мерзавцев в Вестминстере. Все происшедшее — их вина, включая и то, что они сделали с семьей Аи. Майор словно перекладывает собственную вину на их плечи. Кровавая резня, насильственное переселение, крах закона, порядка, центральной власти — следствия не национальной непримиримости, но пренебрежения, манипулирования, жадности, продажности и трусости английской колониальной администрации. Лорд Маунтбеттен, последний генерал-губернатор Индии, о котором ранее майор не говорил дурного слова, в пропитанной парами виски атмосфере маленькой каюты становится Шакалом. «Если бы этот Шакал не торопился с Разделом, зато поспешал с прекращением резни, он мог бы спасти миллион жизней. Два миллиона». Достается и Эттли¹, и сэру Стаффорду Криппсу². Они называли себя социалистами, но на самом деле были такими же снобами, как все остальные.

— Что же касается Уинстона Черчилля, если б ему дали волю, он бы натворил больше, чем все остальные, вместе взятые.

— И знаешь почему, малыш? Знаешь *почему*?

---

¹ Эттли, Клемент Ричард (1883—1967) — премьер-министр Великобритании в 1945—1951 гг., лидер Лейбористской партии в 1935—1955 гг.

² Криппс, Ричард Стаффорд (1889—1952) — один из лидеров левого крыла Лейбористской партии, в 1940—1942 гг. — посол в СССР, в 1945—1950 гг. — министр иностранных дел.

— Нет, сэр.

— Он думал, что индусы — стадо баранов, вот почему. Пори их, вешай, учи Библии. И чтоб я никогда не слышал от тебя хорошее слово об этом человеке, ты меня понял, малыш?

— Да, сэр.

— Дай мне виски.

Еретические выпады майора, возможно, не лишены интеллектуальных ограничений, но их воздействие на Манди в этот критический момент его жизни сравнимо со вспышкой молнии. Он вдруг видит Айю, которая, сцепив руки, стоит среди всех ее убиенных родственников. Он вспоминает докатывающиеся до него слухи о массовых убийствах, за которыми следовала не менее массовая месть. Так, значит, злодеями в той истории являлись англичане, не только индусы! Он вспоминает насмешки, которыми его, английского мальчика, осыпали Ахмед, Омар и Али. Слишком поздно понимает, что должен благодарить их, раз все ограничились только насмешками. Он видит Рами и удивляется, что ради любви она сумела преодолеть переполнявшее ее отвращение к нему. Изгнанный из страны, которую любит, раздираемый муками пубертатного периода, с каждым днем и ночью приближающийся к виноватой стране, которую никогда не видел, но должен называть родиной, Манди впервые в жизни сталкивается с радикальной переоценкой колониальной истории.

* * *

Англия, которая встречает юного Манди, — залитое дождем кладбище для живых мертвецов, освещенное сорокаваттной лампой. Средневековая, из серого камня школа-интернат пахнет раствором для

дезинфекции и управляется мальчишками-кислингами и деспотами-взрослыми. В доме номер два, в Долине, отец готовит несъедобное жаркое и сознательно деградирует. Поскольку туземного квартала красных фонарей в Уэйбридже нет, он пользуется услугами взбалмошной шотландки-домоправительницы, миссис Маккечни, вечно двадцатидевятилетней, которая, пренебрежительно морщась, делит его постель и полирует последние из оставшихся индийских серебряных шкатулок, пока они загадочно не исчезают одна за другой. Но взбалмошная миссис Маккечни никогда не гладит Манди по щеке, как гладила Аяя, не рассказывает героических историй о Мухаммеде, не держит руку между своими, пока он не заснет, не заменяет потерянный талисман из тигровой кожи, отгоняющий ночные ужасы.

Определенный в школу-интернат, спасибо наследству далекой тетушки и стипендии, положенной детям армейских офицеров, Манди вначале недоумевает, потом ужасается. Слова майора, произнесенные на прощание, разумеется, с самыми добрыми намерениями, совершенно не подготовили его к тому, с чем пришлось столкнуться в этой новой для него жизни. «Всегда помни, что твоя мать наблюдает за тобой, малыш, и, если человек причесывается на людях, беги от него, словно от огня», — напутствует его отец, обнимая на прощание. Сидя в поезде, изо всех сил пытаюсь ни на секунду не забыть о том, что мать наблюдает за ним, Манди напрасно ищет маленьких нищих, прижимающихся к стеклам, или железнодорожные платформы, на которых штабелями лежат в саванах трупы умерших своей смертью — не убитых, с закрытыми головами, или мужчин, причесывающихся на людях. Коричнево-серые долины и

далекие синие хребты заменяются залитыми водой полями и загадочными надписями: «Добро пожаловать в Сильную страну».

По прибытии в место заключения бывший белый божок и герой сразу же превращается в парию. К окончанию первого семестра его определяют в выродка из колоний, передразнивают его акцент. К ярости своих соучеников, он везде высматривает змей. А когда слышит, как бурчат древние то ли водопроводные, то ли канализационные трубы, ныряет под парту с криком: «Землетрясение!» В банные дни он вооружается старой теннисной ракеткой, чтобы отгонять падающих с потолка летучих мышей, а когда звонит колокол, созывая на службу, спрашивает вслух, не его ли зовет муэдзин. Во время утренних пробежек, цель которых — успокоить либидо, осведомляется, указывая на кружащих в небе дорсетских ворон, не воздушные ли это змеи.

Наказания, которые он буквально притягивает, не останавливают его. Во время вечерних занятий он бормочет полузабытые суры из Корана, которым учила его Айя, а когда звенит сигнал отбоя, его, в халате, могут застать в умывальной общезития перед треснутым зеркалом, где он пристально разглядывает лицо, в надежде найти признаки потемнения кожи, подтверждающие тайную убежденность в том, что его мать — не англо-ирландская аристократка, а последовательница Аллаха. Как бы не так: он — Презираемый, приговоренный к пожизненному заключению с личиной белокожего, задавленного чувством вины английского джентльмена завтрашнего правящего класса.

Его единственный духовный союзник — такой же отверженный, как и он сам: величественный, не-

стареющий, застенчивый, седоволосый беженец, в очках без оправы и мешковатом костюме, который ведет факультативные занятия немецкого и игры на виолончели и живет один в домике на Бристоль-роуд, где снимает комнату. Зовут его мистер Мэллори. Манди находит его в чайной на Хай-стрит, где тот читает какую-то книгу. В это самое время идет совещание учителей, так почему мистер Мэллори на нем не присутствует?

— Потому что я не состою в штате, мистер Манди, — объясняет он, закрывает книгу и выпрямляется. — Возможно, когда я повзрослею, меня туда и зачислят. Но пока я учитель временный. Постоянно временный. Хотите кусок торта? Я вас приглашаю, мистер Манди.

На той же неделе Манди записывается на дополнительные занятия игры на виолончели, немецкой грамматики и немецкого разговорного. «Я это сделал, потому что очень люблю музыку, а немецкий язык — это, в определенном смысле, музыка в литературе», — пишет он майору и просит отца добавить пятнадцать фунтов к ежегодным затратам на обучение.

Майор отвечает тут же, телеграммой. «Твое решение одобряю всем сердцем. Твоя мать была музыкальным гением. Если он родственник Мэллори, который взял штурмом Эверест, то сделан из превосходного человеческого материала. Спроси его и доложи. Манди».

Мистер Мэллори, увы, не сделан из превосходного человеческого материала, во всяком случае, того, что представляется превосходным майору. На самом деле он — доктор Гуго Мандельбаум, родом из Лейпцига, и в горы его совершенно не тянет. «Но не

рассказывайте об этом мальчикам, мистер Манди. Им фамилия Мандельбаум — лишняя повод для насмешек», — и он смеется и кивает седой головой со смирением человека, над которым уже в досталь насмеялись.

С виолончелью ничего не получается. Поначалу доктора Мандельбаума заботит только смычок. В отличие от англиканского миссионера в Мюрри с пальцами Манди он ведет себя так, будто они — оголенные электрические провода, осторожно прикладывает их к нужным точкам, чтобы тут же отпрыгнуть к противоположной стене. Но к концу пятого урока выражение лица мистера Мандельбаума изменяется: если ранее его главной заботой была техника, то теперь он просто жалеет Манди как человека, взявшегося не за свое дело. Сев на вращающийся стул у рояля, он переплетает пальцы рук, склоняется над ними.

— Мистер Манди, музыка — не ваше убежище, — наконец объявляет он очень даже торжественно. — Возможно, позже, когда вы испытаете эмоции, которые выражает музыка, она станет вашим убежищем. Но уверенности в этом пока нет. Поэтому будет лучше, если вы станете искать спасение в языке. Владеть другим языком, говорит нам Шарлемань¹, все равно что овладеть чужой душой. Немецкий — как раз такой язык. Как только он окажется у вас в голове, вы сможете уходить в него в любое время, вы сможете закрывать дверь, у вас появится убежище. Вы позволите мне прочитать вам маленькое стихотворение Гете? Иногда Гете такой непорочный. Он был непорочным в вашем возрасте. И снова стал им, до-

---

¹ Шарлемань, Карл Великий (741—814) — король франков с 768 г. и император с 800 по 814 г.

стигнув моего. Вот я и хочу прочитать вам на немецком самое прекрасное маленькое стихотворение, а потом скажу, о чем в нем идет речь. И к нашей следующей встрече вы выучите это маленькое стихотворение.

Доктор Мандельбаум декламирует самое прекрасное и самое короткое стихотворение на немецком, потом его перевод: *«Горные вершины спят во тьме ночной... подожди немного, отдохнешь и ты»*. Виолончель отправляется в шкаф доктора Мандельбаума, где он держит и мешковатый костюм. А Манди, который уже возненавидел виолончель, но еще не привык к слезам, плачет и плачет от стыда, видя, что ее убирают, тогда как доктор Мандельбаум сидит у окна с тюлевыми занавесками, глядя в книгу, набранную готическим шрифтом.

Тем не менее происходит чудо. По окончании пары семестров у доктора Мандельбаума появляется ученик-звезда, а Манди находит свое убежище. Гете, Гейне, Шиллер, Эйхендорф¹ и Мёрике² становятся его лучшими друзьями. Он читает их, вместо того чтобы готовить домашние задания, берет в кровать, чтобы читать под одеялом при свете фонарика.

— Итак, мистер Манди, — гордо говорит доктор Мандельбаум, нарезая шоколадный торт, который купил, чтобы отметить успех Манди на экзамене, — сегодня мы оба беженцы. Ибо, пока человечество пребывает в цепях, возможно, все хорошие люди на земле — беженцы. — Только говоря на немецком, как сейчас, он позволяет себе комментировать пора-

---

¹ Эйхендорф, Йозеф (1788—1857) — немецкий писатель и поэт-романтик.

² Мёрике, Эдуард (1804—1875) — немецкий писатель и поэт-романтик.

бощение одних другими. — Мы не можем жить в башне из слоновой кости. Уютное неведение — не выход. В немецких студенческих обществах, ни в одно из которых меня не приняли, произносили тост: «Лучше быть саламандрой и жить в огне».

А после этого зачитывает ему строки из драмы Лессинга¹ «Натан Мудрый». Манди уважительно кивает, вслушиваясь в мелодичность этого прекрасного голоса, словно это музыка, которую он когда-нибудь поймет.

— А теперь расскажите мне об Индии, — просит доктор Мандельбаум и в свою очередь закрывает глаза, слушая истории Айи.

Периодически, захваченный желанием исполнить родительский долг, майор без предупреждения появляется в школе, опираясь на тяжелую трость из вишневого дерева, инспектирует гарнизон и ревет. Если Манди играет в регби, он ревет, требуя, чтобы тот переломал ноги соперникам; если в крикет — разнести калитку. Его визиты заканчиваются резко: разъяренный поражением, он обзывает тренера сосунком, за что его, не впервые в жизни, выводят с поля. За воротами школы бушуют Ревущие шестидесятые, зато на ее территории царят тишь да гладь. Дважды в день на церковной службе воздают хвалу тем выпускникам школы, которые погибли ради ныне живущих, ставят белого человека выше тех, у кого другой цвет кожи, проповедуют целомудрие юношам, которые находят сексуальные стимулы даже в передовицах «Таймс».

И хотя притеснения, которым подвергается Ман-

---

¹ Лессинг, Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, основоположник немецкой классической литературы.

ди в руках своих тюремщиков, усиливают его презрение к ним, он не может заставить себя взбунтоваться. Его настоящий враг — добросердечность и неугаемое желание быть частью чего-то. Возможно, только те, кто рос без матери, могут осознать пустоту, которую он должен заполнить. Изменение официального отношения к нему тонкое и незаметное. Одно за другим его проявления непокорности остаются незамеченными. Он курит в самых опасных местах, но никто его не ловит, не унюхивает запаха табака в дыхании. Он читает молитву в часовне, пьяный от пинты пива, выпитой залпом у двери черного хода соседнего бара, но его не секут розгами, наоборот, хвалят и предлагают продолжать в том же духе. И это еще не все. Пусть в регби проку от него нет, в крикете он быстро попадает в первую команду школы и уже там становится звездой. Более никто не числит его в изгоях. В ужасной школьной постановке «Рядового человека»¹ он получает главную роль. Так что школу он покидает, купаясь в лучах нежеланной славы и, благодаря доктору Мандельбауму, со стипендией на продолжение изучения современных языков в Оксфорде.

— Дорогой мальчик.

— Отец.

Манди дает майору время собраться с мыслями. Они сидят в оранжерее суррейской виллы, и, как обычно, идет дождь. Затушевывает серебристые ели в забытом хозяином саду, каплями воды скатывается по разохшимся французским окнам, натекает лужицами на растрескавшихся плитках пола. Взбалмошная миссис Маккечни уехала в отпуск в Абердин. День

---

¹ «Рядовой человек» («Everyman») — нравоучительная английская пьеса конца XV в.

катится к вечеру, и майор, пропустив последний стакан за ленчем, предвкушает первый, который выпьет за обедом. Золотушный ретривер портит воздух и тихонько рычит у ног майора. Кое-где стеклянные панели выбиты, но оно и к лучшему, потому что в последнее время у майора развился страх перед замкнутым пространством. Согласно его последнему приказу, ни двери, ни окна в доме не запираются. Если он понадобится этим мерзавцам, с удовольствием сообщает он поредевшей аудитории в «Золотом лебеде», они знают, где смогут его найти; и постукивает по полу тяжелой тростью из вишневого дерева, с которой теперь неразлучен.

— Ты принял решение, не так ли, мой мальчик? Поставил на немецкий? — и майор затягивается бирманской сигарой.

— Думаю, да, благодарю вас, сэр.

Майор и ретривер обдумывают услышанное. Первым заговаривает майор.

— Приличные войсковые части существуют и теперь, знаешь ли. Не все пошло псу под хвост.

— Тем не менее, сэр.

Вновь долгая пауза.

— Полагаю, гунны опять пойдут на нас, как думаешь? С последнего шоу прошло двадцать лет. Они практически готовы к следующему, заверяю тебя.

Опять тишина, пока лицо майора не освещает лучезарная улыбка.

— Ну, как скажешь, малыш. Вина на твоей матери.

Не в первый раз за последние месяцы Манди тревожится за психику отца. Моя бедная мать несет ответственность за грядущую войну с немцами? Как такое может быть?

— Эта женщина щелкала языки, как мы — ореш-

ки. Хинди, пенджабский, урду, телугу, тамильский, немецкий.

Манди изумлен.

— Немецкий?

— И французский. Писала, говорила, пела. Музыкальный слух. Характерный для всех Стэнхоупов.

Манди рад это слышать. Благодаря доктору Мандельбауму он получил доступ к секретной информации и теперь знает, что немецкий язык — красивый, поэтический, музыкальный, логичный, с отменным чувством юмора и романтической душой, но тому, кто не может его расшифровать, осознать это нет никакой возможности. За исключением таблички «ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ» на входной двери, в нем есть все, о чем может мечтать девятнадцатилетний Steppenwolf¹, ищущий культурного убежища. Теперь же в его пользу говорят и гены. И какие могут быть сомнения в том, что немецкий язык — призвание, определенное судьбой? Без знания немецкого он бы никогда не записался на еженедельные занятия по изучению Библии в переводе епископа Вулфила. А если бы не записался, то на третий день своего первого семестра не оказался бы бок о бок, на диване в Северном Оксфорде, с тщедушной венгеркой-полиглотом, которая зовется Ильзе и берет на себя труд просветить воспитывавшегося без матери, выросшего до шести футов и четырех дюймов девственника в вопросах секса. Интерес Ильзе к Вулфиле, как и у Манди, случаен. После академического тура по Европе она оказалась в Оксфорде, чтобы расширить свои знания о корнях современного анархизма. Но каким-то образом в перечень предметов, на которые она записалась, попал и Вулфила.

¹ Steppenwolf — степной волк (нем.).

* * *

Вызванный темной ночью на суррейскую виллу, Манди держит на коленях влажную от пота голову отца и наблюдает, как тот отхаркивает последние остатки загубленной жизни, тогда как миссис Маккенчи курит на лестничной площадке. На похороны приходят друг-алкоголик, который при этом и солиситер¹, безработный полиграфист, хозяин и все завсегдатаи «Золотого лебедя». Миссис Маккенчи, по-прежнему двадцатидевятилетняя, стоит у открытой могилы, по всем статьям мужественная шотландская вдова. На дворе лето, и она в черном шифоновом платье. Ленивый ветерок ласково прижимает материю к телу, подчеркивая отменную грудь, да и остальные достоинства. Прикрывая рукой рот, она шепчет Манди с такого близкого расстояния, что ее губы буквально касаются нежных волосков в ухе:

— Посмотри, что бы ты мог получить, если бы вежливо попросил. — Голос звучит насмешливо, и, чтобы окончательно вогнать Манди в краску, она ненароком проводит рукой по той части брюк, под которой скрывается детородный орган.

Вернувшись в свою комнату в общежитии колледжа, потрясенный Манди проводит инспекцию доставшегося ему наследства: один комплект красно-белых шахматных фигурок из слоновой кости, многие повреждены; один армейский ранец с шестью рубашками, сшитыми фирмой «Ранкен-энд-компани, лимитед», Восточная Калькутта, 1770, по разрешению Его высочества короля Георга V, с отделениями в Дели, Мадрасе, Лахоре и Мюрри; одна ла-

---

¹ Солиситер — стряпчий, юрист, консультирующий клиентов, в т. ч. организации и фирмы. Подготавливает дела для барристера, имеет право выступать в низших судах.

тунная фляжка, сильно помятая, в компании которой так хорошо сидится под азадирахтой индийской на закате дня; один перочинный нож; бирманские сигары; один гуркхский церемониальный кинжал с гравировкой по кривому лезвию «Доблестному другу»; один переживший многие поколения твидовый пиджак без указания изготовителя; один том «Избранных произведений Редьярда Киплинга» с измятыми и загнутыми страницами и один тяжелый кожаный чемодан с бронзовыми нашлепками по углам, найденный спрятанным или забытым под грудой пустых бутылок в гардеробе в спальне майора.

Закрытый на замок.

Без ключа.

Несколько дней он держит чемодан под кроватью. Он — единственный хозяин судьбы чемодана, во всем мире только ему известно о существовании сего предмета. Он станет невероятно богатым? Унаследует «Бритиш-американ тобакко»¹? Узнает все тайны исчезнувших Стэнхоупов? Вооружившись ножовкой, позаимствованной у плотника общежития, он проводит вечер, пытаясь вырезать замок. В отчаянии кладет чемодан на кровать, выхватывает церемониальный гуркхский кинжал из расшитых ножен и решительным движением вырезает в крышке круг. Когда отбрасывает его, в нос ударяют запахи Мюрри на закате и пота на шее Рами в тот момент, когда она сидит рядом с ним на корточках и всматривается в скалистое дно пруда.

Официальные армейские бумаги: английские, индийские, пакистанские.

---

¹ «Бритиш-американ тобакко» — крупнейшая компания по производству табака и табачных изделий, выпускает также парфюмерию и косметические средства. Основана в 1902 г. В 1978 г. переименована в «Би-эй-ти индастриз» («БАТ индастриз»).

Выцветшие указы о присвоении Артуру Генри Джорджу Манди званий второго лейтенанта, лейтенанта, капитана, майора.

Одна пожелтевшая, отпечатанная на машинке программка «Белоснежки» в постановке «Пешаварской труппы», где среди прочего указано, что роль Доупи исполнил Э. А. Манди.

Письма впавших в тоску банковских управляющих касательно «расходов на столовую и других долгов, которые не может покрыть этот счет».

Каллиграфически выписанный протокол заседания военного трибунала, прошедшего в Мюрри в сентябре 1956 года, подписанный уоррен-офицером Джи. Пи. Сингхом, судебным клерком. Обвиняемый признался в совершении преступления, защитник не потребовался. Заявление друга обвиняемого: *«Майор Манди напился. Обезумел. Он искренне сожалеет о содеянном и отдает себя на милость суда»*.

Не так быстро. Извините, но ничего не ясно. Какие действия? Какая милость?

Краткое изложение обвинения, представленное в суд, но не зачитанное. Обвинением установлено, и обвиняемый с этим согласился, что *«майор Манди, выпивая в офицерской столовой, принял на свой счет некие слова, игриво сказанные капитаном Греем, уважаемым английским офицером, техническим специалистом, прибывшим в командировку из Лахора. Схватив вышеуказанного уважаемого офицера за лацканы кителя, майор Манди, грубо нарушив нормы поведения и армейскую дисциплину, трижды ударил капитана головой в лицо, вызвав обильное кровотечение, потом целенаправленно нанес удар коленом в пах и, сопротивляясь попыткам других офицеров сдержать его, выволок капитана на веранду. А там нанес множество ударов*

кулаками и ногами, которые поставили под угрозу саму жизнь капитана, не говоря уже об армейской карьере».

О словах, которые игриво произнес капитан, более не упоминается. Поскольку обвиняемый не привел их в свою защиту, суд не считает нужным повторять их. «Он напился. Он искренне сожалеет о содеянном». Конец защите, конец карьере. Конец всему. Кроме загадки.

Одна толстая папка, с написанным чернилами рукой майора словом «ПАПКА». Почему? Можно ли писать слово «КНИГА» на книге? Да, пожалуй. Манди раскладывает содержимое папки на покрывале. Одна фотография, размером в $\frac{1}{4}$ долю листа, в картонной рамке с позолотой. Члены англо-индийской семьи с множеством слуг стоят плотной группой на лестнице, ведущей к колониальному особняку со многими колоннами, построенному у подножия холмов в Верхней Индии и окруженному ухоженными лужайками с цветочными клумбами и кустарниками. На каждой колонне полощется «Юнион Джек». По центру группы — надменный белый мужчина в строгом костюме. Рядом с ним — надменная, без тени улыбки, белая женщина, в кардигане и джемпере из одинаковой шерсти и плиссированной юбке. Двое белых сыновей застыли по обе стороны родителей, оба в итонских костюмах¹. К сыновьям примыкают белые дети и взрослые различных возрастов. Скорее всего, тетушки, дядья, кузены и кузины. Ступенькой ниже расположились слуги в униформе. Место каж-

---

¹ Итонский костюм — школьная форма учащихся Итона и некоторых других привилегированных частных школ: черный пиджак до пояса, напоминающий фрак без фалд, черные жилет и галстук, брюки в узкую полоску, белая рубашка с крахмальным воротником.

дого определено цветом кожи: самые белые — по центру, самые темные — с краю. Надпись на фотографии гласит: «*Семья Стэнхоупов дома, в День победы в Европе, 1945. БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ*».

Полностью отдавая себе отчет в том, что рядом незримо присутствует душа матери, Манди берет фотографию и подставляет под включенную настольную лампу, пристально всматривается в женскую половину семьи Стэнхоупов, пытаюсь вычислить высокую англо-ирландскую аристократку, щелкающую иностранные языки, словно орешки, которая в не столь уж отдаленном будущем должна стать его матерью. Особо он ищет признаки достоинства и эрудиции. Видит матрон с яростным взглядом. Вдовствующих особ, уже перешагнувших детородный возраст. Хмурящихся девушек-подростков с детским жирком и косичками. Кого не видит, так это потенциальной матери. Перед тем как отложить фотографию, переворачивает ее обратной стороной и обнаруживает короткую надпись, коричневыми чернилами, авторство которой, судя по почерку, принадлежит не майору. Писала полуграмотная девушка, возможно, одна из подростков, буквы аж прыгают от волнения. «*Я — это та, которая с закрытыми глазами, типично!!!*»

Подписи нет, но волнение заразительно. Вернувшись к фотографии, Манди вновь изучает ее в поисках пары закрытых глаз, английских или индийских. Но закрытых очень много, все из-за солнца. Он кладет фотографию на покрывало, роется в содержимом папки и выбирает, скорее всего неслучайно, стопку писем, перетянутых бечевкой. Опять переворачивает фотографию. Сравнивает почерк. Автор у писем и надписи на обратной стороне рамки один, сомнений в этом нет. Манди раскладывает письма на покрыва-

ле. Их шесть. Самое длинное — из восьми непронумерованных страниц. Буквы-каракули, масса ошибок. Достоинство и эрудиция определенно не просматриваются. Первые начинаются «Мой ненаглядный» или «О, Артур», но тон быстро меняется:

«Артур, черт побери, из любви к Богу послушай меня!

Мерзавиц, который мне это сделал, тот самый мерзавиц, которому Нелл с радостью отдалась, ты обольстил меня и не вздумай этого отрицать, Артур. Если я приеду домой обесчещенная, отец меня убьет. Меня встретят, как проститутку, прижившую ребенка без брака. Его надо кормить и меня отдадут монахиням, которые, я слышала, в наказанье отберут у меня младенца. Если я останусь в Индии, мне просто придется торговать телом на рынке. Видит Бог, я лучше брошу в Ганг. Исповедь здесь небезопасна, все небезопасно, этот грязный козел М'Гроу или расскажет все леди Стэнхоуп, или полезет мне под юбку, а домоправительница тарашится на мой живот так, словно я украла у нее ленч. «Вы, случайно, не беременны, горничная Нелли?» Господи, помоги мне, сделай так, чтобы мисис Ормрод думала, что все дело в хороший еде, которой кормят слуг. Но как долго она будет этому верить, Артур, если я на шестом месяце и продолжаю раздуваться? И я играла Святую Деву Марию в рождественной постановке, на Рождество, Артур! Но со мной это проделал не Святой Дух, не так ли? Это был ты!

У МЕНЯ ЧЕРТОВА ДВОЙНЯ АРТУР. Я СЛЫШУ КАК ВНУТРИ МЕНЯ БЬЮТСЯ ИХ СЕРДЦА!»

Манди нужно увеличительное стекло. Он занимает его у студента-первокурсника, который живет на его лестничной площадке и собирает марки.

— Извини, Сэмми, мне надо кое-что рассмотреть.

— В гребаную полночь?

— Получается, что да.

Он сосредотачивает внимание на нижней ступеньке и ищет высокую девушку в униформе горничной с закрытыми глазами. Найти ее не составляет труда. Она — веселый ребенок-переросток, со множеством черных кудряшек на голове, и ее ирландские глаза закрыты, как и было написано на обороте фото. И, если бы Манди надел униформу горничной, черный парик и крепко закрыл глаза от яркого индийского солнца, выглядел бы он именно так, потому что: «Я в том же возрасте, — думает он. — И у нее та же дурацкая, не сползающая с лица улыбка, какой улыбаюсь и я, разглядывая ее через увеличительное стекло, ибо ближе к ней мне никогда не быть».

«Может, и буду, если прямо сейчас повешусь», — приходит другая мысль.

«Может, ты так улыбаешься из застенчивости, потому что очень высокая».

«И я вижу, пристально взглядевшись в тебя, что в твоей душе тоже живет что-то бунтарское».

«Что-то импульсивное, доверчивое и веселое, а потому ты очень похожа на высокую, белую, повзрослевшую Рами».

«Что-то гораздо более близкое мне по духу, чем заносчивая, высокомерная, величественная и эрудированная аристократка, которую выдавали за мою мать с того самого момента, как появилась возможность мне лгать».

* * *

«Лично и конфиденциально»

Дорогой капитан Манди!

Я уполномочен леди Стэнхоуп обратить Ваше внимание на Ваши обязательства перед мисс Нелли О'Коннор, которая служит горничной у Ее светлости. Ее светлость просит сообщить Вам следующее: если положение мисс О'Коннор не будет немедленно урегулировано и Вы не поступите, как должно поступать в подобной ситуации офицеру и джентльмену, ей не останется иного выхода, кроме как поставить в известность командира вашей части.

*Искренне Ваш,
Личный секретарь леди Стэнхоуп».*

Одно свидетельство о браке, подписанное англиканским викарием Дели, похоже, в спешке.

Одно свидетельство о смерти, подписанное тремя месяцами позже.

Одно свидетельство о рождении, датированное тем же днем: Эдуард Артур Манди пожаловал в этот мир. Он родился, к его удивлению, не в Мюрри, а в Лахоре, где умерли его мать и сестра-близняшка.

Манди без труда находит неизвестный член уравнения. Ему уже понятно, какие слова *«игриво сказаны»* капитаном Греем. *«Манди? Манди? Уж не вы ли обрюхатили горничную Стэнхоупов?»* Признав себя виновным, майор добился того, что в суде эти слова не озвучивались. Но только в суде. Письмо секретаря могло быть личным и конфиденциальным, но у Стэнхоупов слишком много слуг, чтобы сохранить случившееся в тайне. Перед его мысленным взором возникает обезумевший майор, осыпающий ударами капитана, разворошившего прошлое. Манди ищет в

своем сердце подобающую случаю ярость, злость, упреки, которые мог бы бросить в лицо отцу, но испытывает только бесконечную жалость к двум бессловесным душам, попавшим в клетку приличий своего времени.

Почему он лгал мне все эти годы?

Считал, что недостойн меня.

Думал, что она недостойна.

Испытывал сожаление и чувство вины.

Хотел, чтобы я гордился хотя бы кем-то из родителей.

И причина тому — любовь.

Чемодан с бронзовыми нашлепками на углах хранит еще один секрет: коробочку, обтянутую потрескавшейся кожей с золотым крестом, в которой лежит наградной лист Пакистанского министерства обороны, подписанный через шесть месяцев после рождения Манди. Командуя отрядом, рискуя собственной жизнью и стреляя с бедра из автомата, майор Артур Генри Джордж Манди положил на землю двадцать всадников противника, за что и стал кавалером пакистанского чего-то там чести. Сама награда, если ее и вручили майору, из коробочки исчезла. Должно быть, майор ее продал, чтобы купить выпивку.

Забрезжила заря. Глотая слезы, которые наконец-то текут по щекам, Манди прикрепляет к стене над кроватью наградной лист, рядом с ним — фотографию празднующих Победу Стэнхоупов и их домочадцев, забивая гвоздики каблуком ботинка.

* * *

Радикальные принципы Ильзе, как и ее сладострастное маленькое тело, неукротимы, и проходящего инициацию Манди можно простить за то, что

он не замечает разницы. С какой стати ему волноваться, что о Михаиле Бакуanine он знает даже меньше, чем об особенностях женской анатомии? Ильзе обеспечивает ему ускоренное обучение по обеим дисциплинам, и, пожалуй, невежливо отдавать себя целиком одной из них, пренебрегая другой. Если она обрушивается на государство, считая его инструментом тирании, Манди всецело с ней соглашается, хотя на государство в такой ситуации ему глубоко плевать. Если она глаголет об *индивидуализме*, превозносит *возрождение культа индивидуальности и главенство индивидуума* и обещает освободить Манди от смиренности, связывающей его по рукам и ногам, он умоляет ее незамедлительно этим заняться. А то, что одновременно она говорит и о радикальном коллективизме, его совершенно не тревожит. Как-нибудь он свяжет одно с другим. Если она читает вслух Лейинга или Купера, пока он дремлет на ее голом животе, одобрителный кивок едва ли может быть воспринят за тяжелый труд. И если занятия любовью она ставит выше занятий войной, в свободное от анархизма и индивидуализма время Ильзе еще и убежденная пацифистка, он готов заряжать для нее свой мушкет в любое время дня и ночи, пока ее нетерпеливые пятки барабанят ему по спине на мате из волокна кокосовой пальмы в комнатке общежития Сент-Хьюза¹, куда джентльменов пускают от 4 до 6 часов пополудни, на чай с сэндвичами при открытой двери. И что может быть более успокаивающим на фоне временно утоленной страсти, чем разделенное видение социального рая, законы которого — результат

¹ Сент-Хьюз — колледж Оксфордского университета. Основан как женский в 1886 г.

добровольной взаимной договоренности всех заинтересованных сторон.

Однако из этого нельзя делать вывод, что Тед Манди безразличен к идеям Нового Иерусалима, которые открывает перед ним Ильзе. В ее искрящемся радикализме он находит не только слова и мысли достойного доктора Мандельбаума, но и свидетельства собственного неприятия многого из того, что являет собой Англия. Праведные идеи девушки он принимает как свои. Он — гибрид, номад, человек без малой родины, родителей, собственности, жизненной цели. Он — замороженный младенец, который только-только начал оттаивать. Иной раз, шагая на лекцию или в библиотеку, он сталкивается с бывшим однокашником в пиджаке спортивного покроя, брюках из кавалерийского твила¹ и начищенных коричневых ботинках. Оба чувствуют себя неловко и после обмена несколькими ничего не значащими фразами разбегаются в разные стороны. *«Господи, этот Манди, — угадывает он их мысли. — Он же совершенно съехал с катушек»*. И они правы. По большей части действительно съехал. Он не состоит ни в «Буллингдоне»², ни в «Гридироне», ни в «Каннинге»³, ни в «Юнионе»⁴. Если уж появляется на политических сборищах, то борется с ненавистными правыми. Несмотря на немалый рост, его любимая позиция вне объятий Ильзе — сидеть, скрестив ноги и подтянув колени к ушам, в комнате, бит-

¹ Кавалерийский твил — диагональ, шерстяная брючная ткань.

² «Буллингдон клуб» — клуб для отдыха и развлечений студентов-спортсменов Оксфорда из состоятельных семей.

³ «Гридирон», «Каннинг» — студенческие клубы.

⁴ «Юнион» — студенческое дискуссионное общество Оксфордского университета.

ком набитой леваками, и слушать божественное писание от Торо, Гегеля, Маркса и Лукача.

А тот факт, что не убеждают его эти интеллектуальные аргументы, что воспринимает он их как музыку, которую не может сыграть, а не как железную логику, за которую они выдаются, не имеет ровно никакого значения. Его не страшит принадлежность к маленькой группке храбрецов. Когда Ильзе участвует в марше, Манди, большой любитель в чем-либо поучаствовать, всюду сопровождает ее, на рассвете садится в поезд в Глостер-Грин, вооружившись батончиками «Марс», которые она любит, аккуратно завернутыми сандвичами с салатом и яйцами, приобретенными на рынке, и термосом с томатным супом, вот где становится незаменимым ранец майора. Плечом к плечу и часто рука в руке они маршируют, протестуя против поддержки Гарольдом Вильсоном вьетнамской войны и, поскольку они лишены возможности высказать свое несогласие в парламенте, называют себя внепарламентской оппозицией. Они маршируют по Трафальгарской площади, протестуя против апартеида, и сочиняют страстные декларации в поддержку американских студентов, сжигающих призывные повестки. Они кучкуются в Гайд-парке, где их вежливо рассеивает полиция, и чувствуют себя страшно оскорбленными. Но сотни вьетнамцев умирают каждый день, разорванные бомбами, сожженные напалмом, выброшенные из вертолетов во имя демократии, и сердцем Манди с ними, так же, как Ильзе.

В знак протеста против захвата власти в Греции полковниками, поддержанными ЦРУ, и пыток и убийств греческих левых, они без особого результата толкуются около лондонского отеля «Кларидж», в ко-

тором, по слухам, останавливались полковники во время их тайного визита в Лондон. Никто не выходит, чтобы услышать их насмешки. Ничего не боясь, они приходят к греческому посольству под транспарантами «*Спасите Грецию сейчас*». И испытывают чувство глубокого удовлетворения, когда атташе высовывается из окна и кричит: «В Греции мы бы вас расстреляли!» Вернувшись в Оксфорд в целостности и сохранности, они все еще слышат посвист воображаемых пуль.

Во время зимнего семестра, это правда, Манди находит время поставить на немецком пьесу Бюхнера¹ «Войцек», но ее радикализм не вызывает сомнений. А летом, где-то даже удивляясь самому себе, первым бросает мяч за свой колледж в матче по боулингу, а потом наверняка долго бы отмечал победу с игроками, если б не напомнил себе о других обязанностях.

Родители Ильзе живут в Хендоне², на вилле с зеленой крышей и пластмассовыми гномами, уद्याщими рыбу в садовом пруду. Ее отец — хирург-марксист с широким славянским лбом и вьющимися волосами, мать — пафицистка-психотерапевт, последовательница Рудольфа Штайнера³. Никогда в жизни Манди не встречал такой интеллигентной, широко мыслящей семейной пары. Вдохновленный примером, он просыпается как-то утром в своей комнате, охваченный решимостью предложить их дочери выйти за него замуж. И случай для этого представляется

---

¹ Бюхнер, Георг (1813—1837) — немецкий драматург, среди прочего автор прокламации, начинавшейся призывом: «Мир хижинам! Война дворцам!» Пьеса «Войцек» написана в 1837 г.

² Хендон — северо-западный пригород Лондона.

³ Штайнер, Рудольф (1861—1925) — австрийский философ, литератор, мистик.

более чем подходящий. Заскучав от, по ее словам, сонных английских протестов, Ильзе какое-то время ищет кампус, где студенты показывают себя во всей красе, так же, как в Париже, Беркли или Милане. Ее выбор, после долгого копания в душе, падает на Свободный университет Берлина, колыбель нового мирового порядка, и Манди предлагает себя в сопровождающие, поскольку может провести год вне Оксфорда.

И, понятное дело, заявляет он, будет намного лучше, если они поедут как муж и жена.

Время для такого предложения выбрано, наверное, не столь удачно, как он предполагал, но Манди, захваченный большой идеей, слеп и глух к тактическим нюансам. Он только что сдал недельное сочинение о символическом значении света в произведениях менестрелей и чувствует себя хозяином положения. Ильзе, с другой стороны, вымоталась донельзя после двухдневного, не давшего никакого результата марша в Глазго, где компанию ей составлял Фергус, шотландский студент, изучающий историю рабочего класса, по ее словам, неисправимый гомосексуалист. Ее реакция на предложение Манди сдержанная, если не сказать презрительная. *Женитьба?* Эта идея не входила в число тех, которые они рассматривали, обсуждая Лейинга и Купера. *Женитьба?* Буржуазная свадьба, так? С официальной церемонией, проводимой представителем государства? Неужто Манди так далеко регрессировал в своем радикальном развитии, что готов получить благословение церкви? Она смотрит на него если не со злостью, то в глубокой печали. Пожимает плечами не так уж и грациозно. Требуется время на раздумья, чтобы понять, удастся ли примирить столь экстраординарный шаг с ее принципами.

Днем позже Манди получает ответ. Его венгерский ангел, в одних носках, расставив ноги, стоит в углу комнаты, рядом с окном. Ее пацифистская анархистская гуманистическая радикальная филантропия иссякла. Кулаки сжаты, по пылающим щекам текут слезы.

— У тебя абсолютно буржуазное сердце, Тедди! — верещит она на английском с характерным для нее очаровательным акцентом. А потом добавляет: — Ты вот хочешь жениться, но ведь в сексе ты еще полнейший младенец!

ГЛАВА 3

Целеустремленный исследователь немецкой души сходит с поезда, прибывшего в Западный Берлин, имея при себе шесть отцовских рубашек, которые коротки ему в рукавах, но почему-то не в подоле, сто фунтов стерлингов и пятьдесят шесть немецких марок, которые заплаканная Ильзе нашла в ящике стола. Стипендия, позволявшая ему худо-бедно сводить концы с концами в Оксфорде, как он слишком поздно выяснил, не выплачивалась во время учебы в заморских университетах.

— *Какой Саша, ради бога, где Саша?* — кричит он Ильзе, стоящей на перроне вокзала Ватерлоо, когда она, мучимая мадьярской совестью, в бессчетный раз меняет окончательно принятое решение и готова прыгнуть на подножку уходящего поезда, да только выясняется, что необходимый для поездки паспорт остался дома.

— Скажи ему, что тебя послала я, — умоляет она, когда поезд наконец-то трогается. — Передай ему мое письмо. Он учится на последнем курсе, но очень

демократичен. В Берлине все знают Сашу. — Для Манди это звучит так же убедительно, как утверждение о том, что в Бомбее все знают Гуптов¹.

Идет 1969 год, битломания уже не в зените, но Манди никто об этом не сказал. Помимо гривы каштановых волос, которые закрывают уши и падают на глаза, он несет на плечах ранец отца, подчеркивая, что превратился в перекати-поле, в лишившегося корней странника, которому до конца своих дней предстоит мотаться по белу свету, потому что жизнь для него потеряла всяческий смысл. Позади лежат обломки великой любви, впереди — модель Кристофера Ишервуда², лишившегося иллюзий летописца Берлина на распутье. Как Ишервуд, он более не собирается ожидать от жизни ничего, кроме жизни. Он станет камерой с разбитым сердцем. А если, в это, правда, верится с трудом, так уж выйдет, что он снова обретет способность любить, хотя Ильзе вроде бы напрочь лишила его этой способности, тогда, возможно, в каком-нибудь кафе, пользующемся дурной славой, где прекрасные женщины в шляпках-клоше³ пьют абсент и хрипловатыми голосами поют об освобождении от чар, он найдет свою Салли Боулс⁴. Он анархист? Как посмотреть. Чтобы быть анархистом, нужно иметь хотя бы искорку надежды. Для нашего недавно сброшенного с небес на землю мизантропа ближе, конечно же, нигилизм. Тогда почему, может задаться он вопросом, столь энергична моя походка,

¹ Гупты — династия, правившая в Северной Индии в IV—VI вв.

² Ишервуд, Кристофер (1904—1986) — английский писатель, придерживавшийся нетрадиционной сексуальной ориентации. Среди его произведений роман «Прощай, Берлин» (1939 г.).

³ Шляпка-клоше — женская шляпа в форме колпака.

⁴ Салли Боулс — певичка (Лайза Минелли) дешевого берлинского кабаре в фильме «Кабаре».

откуда решимость, с которой я отправляюсь на поиски Саши, этого Великого Борца? Откуда ощущение прибытия в более чистый, более веселый мир, когда жизнь, по существу, кончена?

— Иди в Кройцберг! — вопит Ильзе вслед уходящему поезду, когда Манди, высунувшись из окна, трагично машет ей рукой. — Поищи его там. *И пригляди за ним, Тедди*, — отдает она последний приказ, а у него нет времени узнать, чем обусловлены ее слова, потому что поезд уже уносит Манди к новому этапу его жизни.

* * *

Кройцберг — не Оксфорд, с облегчением отмечает Манди.

Нет доброй дамы с крашенными синькой кудряшками из Университетского комитета по обеспечению студентов жильем со списком адресов, где он должен вести себя как джентльмен. Вытесненные высокими ценами за аренду жилья из лучших районов города, студенты Западного Берлина поселились в разбомбленных заводских корпусах, на брошенных железнодорожных станциях, в кварталах жилых домов, расположенных слишком близко от Стены, а потому не привлекающих внимания здравомыслящих застройщиков. В турецких барачных поселках из листов асбоцемента и ржавого железа, так живо напомнивших Манди его детство, не продают ни учебники, ни ракетки для сквоша, зато там можно купить инжир, медные сковородки, халву, кожаные сандалии и пластмассовых желтых уток. Запахи пряностей, горящего древесного угля, жареной баранины кажутся такими родными блудному сыну Пакистана. Надписи и рисунки на стенах и окнах коммун не со-

общают о новых постановках малоизвестных драматургов периода правления королевы Елизаветы самодетельными студенческими театрами, но на все лады проклинаят шаха, Пентагон, Генри Киссинджера, Линдона Джонсона и применение во Вьетнаме напалма агрессивным американским империализмом.

И совет Ильзе — не тычок пальцем в небо. Мало-помалу в кафе, импровизированных клубах, на уличных углах, где толкуются, курят и бунтуют студенты, имя Саша вызывает странную улыбку, какие-то воспоминания, ассоциации. Саша? Ты про Сашу — Великого оратора... *того* Сашу? Видишь ли, тогда у нас проблема. Нынче мы никому не даем наши адреса. У Schweinesystem длинные уши. Лучше оставь записку у «Студентов за демократический социализм», и увидишь, захочет ли он связаться с тобой.

Schweinesystem, Манди, новичок, повторяет про себя. Запомни это слово. Система свиней. В это мгновение он злится на Ильзе, забросившую его в «глаз» радикального тайфуна без карт и инструментов. Пожалуй. Но вечер близится, путь определен, и, несмотря на царящий в душе траур, ему не терпится начать новую жизнь.

— Попробуй поговорить с Анитой в Шестой коммуне, — советует ему сонный революционер в шумном подвале, заполненном дымом сигарет с марихуаной и вьетконговскими флагами.

— Может, Бриджит подскажет, где его найти, — дает наводку девушка в палестинском платке на голове, перебирающая струны гитары. У ее ног сидит малыш, рядом — здоровяк в сомбреро.

Бывший заводской корпус с выщербленными пулями стенами, высокий, как Паддингтонский вокзал

в Лондоне, украшают портреты Кастро, Мао и Хо Ши Мина. Портрет погибшего от рук палачей Че Гевары окаймлен черным. Слоганы на белых простынях предупреждают Манди, что «*Запрещать запрещено*», советуют — «*Будь реалистичным, требуй невозможного*», указывают — «*Не принимай ни богов, ни хозяев*». Разбросанные по полу, словно выжившие после кораблекрушения, студенты и студентки спят, курят, кормят грудью детей, играют рок-музыку, обнимаются и ругаются друг с другом. Анита? Давно уже ушла, говорит один доброжелатель. Бриджит? Загляни во Вторую коммуну, и на хер Америку, говорит другой. Когда он спрашивает, где тут туалет, ласковый швед подводит его к шести кабинкам, во всех выбиты двери.

— Право на личное уединение, товарищ, есть буржуазный барьер на пути к всеобщему объединению, — объясняет швед на безупречном английском. — Мужчины и женщины, писающие вместе, куда лучше бомбежек вьетнамских детей. *Саша?* — повторяет он после того, как Манди вежливо отклоняет его поползновения. — Возможно, ты найдешь его в клубе «Троглодит», только теперь он называется «Обритый кот». — Швед достает из кармана сигаретную бумагу и, воспользовавшись спиной Манди как столом, рисует карту.

Последняя приводит Манди к каналу. С ранцем в руке он бредет вдоль берега. Минует сторожевые вышки, потом мимо проплывает патрульный катер, ошестинившийся пулеметами и пушками. Наш или их? Какая разница? Ничей. И вышки, и катер — часть большого тупика, из которого он должен найти выход. Он поворачивает на вымощенную булыжником улицу и останавливается как вкопанный. Путь ему

перегораживает стена из бетонных блоков высотой в двадцать футов, с колючей проволокой поверху, залитая светом прожекторов. Поначалу он отказывается признавать, что именно видит перед собой. Нет, это мираж, декорация на съемочной площадке, стройка. К нему подходят двое западноберлинских полицейских.

— Уклоняешься от службы в армии?

— Англичанин, — отвечает он, протягивая паспорт.

Они ведут его к свету, внимательно изучают паспорт, потом лицо.

— Раньше не видел Берлинской стены?

— Нет.

— Тогда хорошенько рассмотри ее, англичанин, а потом иди спать. И не нарывайся на неприятности.

Он возвращается к каналу, находит боковую дорогу. На ржавой железной двери среди голубей мира Пикассо и символов «Запретить Бомбу» нарисован безволосый кот, на задних лапах и с торчащим пенисом. Внутри музыка и споры сливаются в единый звериный рев.

— Загляни в Мирный центр, товарищ, на верхнем этаже, — рекомендует ему красавица, взяв за руки.

— И где Мирный центр?

— Наверху, козел.

Он поднимается, едва переставляя ноги по ступеням. Близится полночь. На каждом этаже ему открывается новая живая картина освобождения. На первом студенты и дети сидят кружком, как в воскресной школе, а строгого вида женщина рассказывает о вредных последствиях родительского воспитания. На втором над переплетенными телами парит

посткоитусное умиротворение. «Поддержим нейтронную бомбу!» — гласит надпись на стене. С ней соседствует другая: «Убей тещу! Не повреди телевизор!» На третьем Манди охватывает восторг: там репетируют какую-то пьесу. На четвертом заросшие волосами молодые люди колошматят по пишущим машинкам, совещаются, вставляют листы бумаги в ручные прессы и отдают приказы по радиотелефонам.

Он поднимается на верхний этаж. Лестница ведет к открытому люку в потолке. Он залезает на чердак, освещенный одинокой лампой. Коридор уводит вдаль. В его конце Манди находит двух мужчин и двух женщин, склонившихся над столом, на котором разложены карты и стоят бутылки пива. Одна женщина черноволосая, с хмурым лицом, вторая — ширококостная блондинка. Мужчина, что находится ближе к Манди, практически не уступает ему в росте: викинг с золотистой бородой и шапкой соломенных волос, повязанных пиратским платком. Второй мужчина — недомерок, очень энергичный, черноволосый. Одно плечо у него ниже другого, оба слишком узкие для его головы. Черный баскский берет он носит, сдвинув набекрень, и он — Саша. Откуда Манди это знает? Поскольку интуитивно догадывался, что Ильзе говорила о человеке, таком же миниатюрном, как и она сама.

Слишком застенчивый для незваного гостя, он не решается подойти к столу, переминается с ноги на ногу, сжимая в руке письмо. Слышит фрагменты плана боевых действий. Говорит только Саша. Голос у него непомерно силен, в сравнении с телом. Слова сопровождаются повелевающими движениями рук. «...не дать свиньям загнать нас в боковые улицы, слышите?.. Нужно встретиться с ними на открытом

пространстве, где камеры смогут зафиксировать, что они с нами делают...» Манди уже решает на цыпочках отступить к лестнице и подняться в другой раз, когда совещание резко обрывается. Черноволосая сгребает карты. Викинг распрямляется и потягивается. Блондинка обнимает его за ягодицы и прижимает к себе. Саша тоже встает, но не становится от этого выше. Когда Манди направляется к столу, чтобы представиться, все трое инстинктивно сдвигаются, прикрывая собой маленького императора.

— Добрый вечер. Я — Тед Манди. У меня для вас письмо от Ильзе. — Он надеется, что голос звучит уверенно и доброжелательно. А поскольку имя отправительницы не находит видимого отклика в широко посаженных темных глазах, добавляет: — Ильзе, венгерка, студентка, изучает политическую философию. Побывала здесь прошлым летом и имела честь познакомиться с вами.

Возможно, именно вежливость Манди выбивает их из колеи, и несколько мгновений они подозрительно переглядываются. Кто он, этот учтивый английский говнюк с битловской прической? Высокий викинг реагирует первым. Встав между Манди и остальными, берет письмо, адресованное Саше, осматривает со всех сторон. Ильзе залепила клапан клейкой лентой. Слова «Лично! Конфиденциально!» дважды подчеркнуты. Сие ясно указывает, что письмо не предназначено для чужих глаз. Викинг передает конверт Саше, который быстро разрывает его и достает два листочка, плотно исписанные неровным почерком Ильзе. Читает первые строки, переходит к последней странице, чтобы посмотреть на подпись. Потом улыбается, сначала себе, потом Манди. И на

этот раз Манди выбит из колеи, потому что темные глаза очень уж умные, а улыбка слишком уж юная.

— Так-так. *Ильзе!* — бормочет он. — Потрясающая девчушка, не правда ли? — Он сует письмо в карман изношенной короткой прямой суконной куртки.

— Скорее да, чем нет, — соглашается Манди на отменном немецком.

— Венгерка... — напоминает себе Саша. — А ты — Тедди.

— Ну, пожалуй, Тед.

— Из Оксфорда.

— Да.

— Ее любовник? — Вопрос уж больно прямой. — Мы тут все любовники, — добавляет Саша. Под общий смех.

— Был, несколько недель тому назад.

— Несколько недель! В Берлине это целая жизнь! Ты — англичанин?

— Да. Ну, не совсем. Родился за границей, учился в Англии. О, и она послала вам бутылку шотландского. Помнит, что вам нравится виски.

— Шотландского! Господи, какая память! Женская память нас всех погубит. Слушай, и давай на «ты». Что ты делаешь в Берлине, Тедди? Ты — революционный турист?

Манди обдумывает ответ, когда черноволосая девушка с хмурым лицом приходит на помощь.

— Он спрашивает, ты искренне хочешь принять участие в нашем Движении или приехал изучать человеческую зоологию? — говорит она с иностранным акцентом, только он не может понять, откуда она родом.

— Я принимал участие в Оксфорде. Почему бы не здесь?

— Потому что здесь не Оксфорд! — фыркает она. — У нас поколение Освенцима, в Оксфорде — нет. В Берлине можно высунуться из окна, крикнуть: «Нацистская свинья», — и практически не ошибиться, если говнюку на улице больше сорока.

— И что ты собрался изучать в Берлине, Тедди? — спрашивает Саша более мягким тоном.

— Германистику.

Темноволосая вновь перехватывает инициативу.

— Тогда ты должен рассчитывать на везение, товарищ. Профессора, которые учат этому архаическому дерьму, так запуганы, что не выходят из своих бункеров. А двадцатилетние марионетки, которых они посылают, так пугаются, что вступают в наши ряды.

Тут подает голос блондинка:

— У тебя есть деньги, товарищ?

— Боюсь, немного.

— У тебя *нет* денег? Тогда от тебя нет никакой пользы! Как ты собираешься есть котлету каждый день? Как купишь новую шляпу?

— Наверное, пойду работать. — Манди изо всех сил старается разделить их чувство юмора, пока еще непривычное ему.

— На Систему свиней?

Черноволосая девушка не дает ему ответить. Волосы она зачесывает назад, оставляя открытыми уши. И подбородок у нее волевой.

— Какова цель нашей революции, товарищ?

Вопрос, конечно, неожиданный, но и шесть месяцев с Ильзе и ее друзьями оставили свой след.

— Всеми средствами противостоять войне во Вьетнаме... остановить расползание военного империализма... отвергать общество потребления... оспари-

вать буржуазные принципы... открывать глаза молодому поколению, учить его. Создавать новое и справедливое общество... противодействовать иррациональным действиям власти.

— *Иррациональным?* А разве власть может действовать рационально? Любая власть *иррациональна*, говнюк. У тебя есть родители?

— Нет.

— Ты разделяешь утверждение Маркузе о том, что логический позитивизм — полное дерьмо?

— Боюсь, я не философ.

— В государстве несвободы ни у кого нет свободной совести. Ты это принимаешь?

— Похоже, в этом что-то есть.

— В этом есть все, говнюк. В Берлине студенческие массы ведут постоянную борьбу с силами контрреволюции. Город спартаковцев и столица Третьего рейха вновь открыл для себя свое революционное предназначение. Ты читал Хоркхаймера¹? Если ты не читал «Период упадка» Хоркхаймера, ты смешон.

— Спроси, *eingebhaut* ли он, — предлагает блондинка, употребив слово, которого Манди раньше никогда не слышал. Все смеются, за исключением Саши, который, ранее молча наблюдавший за допросом, решает прийти на помощь Манди.

— Все понятно, товарищи. Он — хороший парень. Давайте оставим его в покое. Может, нам всем встретиться попозже в Республиканском клубе?

Провожаемые взглядом Саши, его помощники один за другим спускаются по лестнице. Наконец он опускает за ними крышку люка, запирает на засов и,

---

¹ Хоркхаймер, Макс (1895—1973) — немецкий философ и социолог.

к удивлению Манди, тянется вверх и хлопает его по плечу.

— Виски у тебя с собой, Тедди?

— В ранце.

— Не обращай внимания на Кристину. Греческие женщины слишком болтливы. И замолкают только после оргазма. — Он открывает маленькую дверь в боковой стене. — И тут все говнюки. Слово, выражающее расположение, такое же, как товарищ. Революция предпочитает прямоту.

Саша улыбается, говоря это? Поручиться Манди не может.

— Что означает *eingeblaubt*?

— Она спрашивала, доставалось ли тебе уже от свиней. Хотела знать, можешь ли ты продемонстрировать красивые синяки, оставшиеся на теле после ударов их дубинок.

Согнувшись пополам, Манди следом за Сашей попадает в длинное, пещерообразное помещение, которое поначалу напоминает ему корабельный трюм. Два фонаря в крыше-потолке высоко над головой медленно наполняются звездами. Саша снимает берет, высвобождая копну непокорных революционных волос. Чиркает спичкой и зажигает керосиновую лампу. По мере того как разгорается фитиль, Манди различает письменный стол с бронзовым подносом для бумаг, стопку буклетов, пишущую машинку. У стены стоит двуспальная железная кровать, застеленная много раз стираным покрывалом. На полу, как валуны, лежат груды книг.

— Украдено для революции, — объясняет Саша, указывая на книги. — Никто их не читает, никто не знает названий. Им лишь понятно, что интеллектуальная собственность принадлежит массам, а не кро-

вопийцам-издателям или владельцам книжных магазинов. На прошлой недели мы устроили конкурс. Тот, кто приносит больше книг, наносит самый сильный удар по жалкой буржуазной морали. Ты сегодня что-нибудь ел?

— Не так чтобы очень.

— Не так чтобы очень по-английски означает *ничего*? Тогда ешь.

Саша подталкивает Манди к старому кожаному креслу, ставит на столик два пластмассовых стаканчика, кладет колбасу и хлеб. Его костлявое левое плечо значительно выше правого. Правую ногу он подволакивает. Манди отщелкивает пряжки ранца, достает бутылку шотландского, приобретенную Ильзе в буфете Сент-Хьюза, завернутую, дабы не разбилась, в одну из рубашек майора, разливает виски по стаканчикам. Саша садится напротив на деревянную табуретку, достает очки в тяжелой оправе, начинает внимательно читать письмо Ильзе, тогда как Манди отрезает себе хлеба и колбасы.

— *«Тедди никогда тебя не подведет»*, — зачитывает Саша вслух. — Должен отметить, весьма субъективное суждение. Что сие должно означать? Что я собираюсь полностью тебе довериться? Из чего она делает такой вывод?

Ответа Манди не находит, впрочем, Саше он, похоже, и не требуется. На немецком Саша говорит с каким-то региональным акцентом, но Манди еще не может определить, каким именно.

— Что она обо мне рассказывала?

— Практически ничего. Ты — студент последнего курса и демократ. Все тебя знают.

Саша читает дальше.

— *«Хороший друг, верный во всех ситуациях, не*

способен на обман, не состоит ни в какой организации...» наверное, за это я должен тобой восхищаться... «в голове буржуа, но сердцем социалист». Не хватает только капитализма в душе и коммунизма в члене. Почему она мне все это пишет? — Тут Сашу осеняет: — Она, часом, от тебя не ушла?

— Не без этого, — признается Манди.

— Наконец-то мы подбираемся к сути. Она от тебя ушла, вот и чувствует за собой вину... а это еще что? Просто не верится... «Он хотел на мне жениться». Ты — чокнутый?

— Почему нет? — с глупой улыбкой спрашивает Манди.

— Вопрос почему, а не почему нет. У вас в Англии так принято, жениться на каждой девушке, с которой переспал несколько раз? Однажды в Германии был такой порядок. Закончилось все трагично.

Не зная, какого от него ждут ответа, Манди откусывает кусок от бутерброда, запивает виски, а Саша вновь склоняется над письмом.

— «Тедди любит мир, как и мы все, но он хороший солдат». Господи Иисусе. Что она под этим подразумевает? Что Тедди выполняет приказы, не задавая вопросов? Ты застрелишь любого, на кого укажут? Это не добродетель, а криминальная предрасположенность. Ильзе следует быть более разборчивой в комплиментах.

Манди что-то бурчит, частично соглашаясь, частично от раздражения.

— И почему она говорит, что ты — хороший солдат? — не унимается Саша. — Хороший солдат, как я — хороший демократ? Или речь о том, что ты герой в постели?

— Я так не думаю, — отвечает полнейший младенец в сексе.

Но Саша хочет разобраться до конца.

— Ты с кем-то дрался из-за нее? Почему ты хороший солдат?

— Это оборот речи. Мы вместе участвовали в демонстрациях. Я ее оберегал. Я занимался спортом. Какого черта? — Он встает, закидывает ранец за плечо. — Спасибо за виски.

— Мы его еще не допили.

— Она послала виски тебе, не мне.

— Но ты его привез. Не оставил себе, не выпил в одиночку. Показал себя хорошим солдатом. Где ты собираешься сегодня спать?

— Что-нибудь найду.

— Подожди. Остановись. Положи на пол свой глупый ранец.

Завороженный магией голоса Саши, Манди останавливается, но ранец с плеча не снимает. Саша бросает письмо на стол, какое-то время смотрит на почтальона.

— Ответь мне на один вопрос, только правдиво, хорошо? Мы тут все немного параноики. Кто тебя послал?

— Ильзе.

— Больше никто? Не полиция, не шпионы, не газетная редакция, не какие-нибудь умники? В этом городе умников хоть пруд пруди.

— Я не из их числа.

— Ты — такой, как пишет Ильзе? Не прибавить, не убавить. Это ты мне говоришь? Новичок в политике, изучающий германистику, хороший солдат с сердцем социалиста и так далее. Это все, что можно о тебе сказать?

— Да.

— И ты всегда говоришь правду?

- По большей части.
- Но ты гей.
- Нет. Отнюдь.
- Я тоже. Так что же нам делать?

Глядя сверху вниз на Сашу, не зная, что и ответить, Манди вновь поражается хрупкости своего хозяина. Кажется, все косточки его тела сначала сломали, а потом не позволили им правильно срастись.

Саша делает глоток виски, потом, не глядя на Манди, протягивает стакан, предлагая последовать его примеру.

— Ладно, — с неохотой вырывается у него.

«Что, ладно?» — гадают Манди.

— Опустит этот гребаный ранец.

На этот раз Манди подчиняется.

— Есть девушка, которая мне нравится, понимаешь? Иногда она приходит сюда. Возможно, придет этим вечером. Если придет, ты будешь спать на крыше. Если пойдет дождь, я дам тебе брезент. Такая уж она застенчивая. Согласен? При необходимости на крышу уйду я.

— О чем ты говоришь?

— Может, мне понадобится хороший солдат. Может, понадобится тебе. Какого хрена? — Он берет у Манди стакан, выпивает виски, наполняет стакан из бутылки, которая слишком велика для его детской руки. — А если она не появится, ты будешь спать здесь. У меня есть лишняя кровать. Раскладушка. Я об этом никому не говорю. Мы поставим ее в другом конце комнаты. И завтра я попрошу принести сюда стол для твоей германистики. Поставим его сюда, под фонарем. Тогда у тебя будет свет. Если будешь много пердеть, если я решу, что ты мне все-таки не нравишься, я вежливо попрошу тебя отвалить. Догово-

рились? — И продолжает, не дожидаясь ответа: — Утром я предложу принять тебя в коммуны. У нас будет дискуссия, потом голосование, все это дерьмо. Может, Кристина задаст тебе пару вопросов о твоём буржуазном происхождении. Она — самая буржуазная из нас всех. Её отец — греческий корабельный олигарх, который любит полковников и оплачивает половину еды, которую мы съедаем. — Он пьёт виски, протягивает стакан Манди. — Некоторые коммуны легальны. Эта — нет. Мы не любим нацистских домовладельцев. Когда будешь регистрироваться в университете, не называй этого адреса, мы дадим тебе письмо от хозяина дома в Шарлоттенбурге. Он напишет, что ты живешь у него, это неправда, что ты — добропорядочный лютеранин, тоже неправда, что каждый вечер ровно в десять ты уже в постели и женишься на каждой, кого трахаешь.

Вот так Манди узнал, что становится соседом Саши.

* * *

Совершенно неожиданно в жизни Манди наступает золотой век. У него есть дом, у него есть друг, и первое, и второе для него внове. Он — составная часть храброй новой общности, которая решила перестроить мир. Изредка выпадающая ночь под звездами — не такое уж серьезное испытание для солдатского сына, несущего службу на передовой революции. Он не обижается, когда красная лента на ручке двери указывает, что в данный момент его генерал никого не принимает. Если Саша использует женщин по назначению, Манди остается верен обету воздержания. Иногда ему приходится обменяться парочкой платонических слов с какой-нибудь из красавиц, которых

в коммуне на удивление много, но только потому, что при вступлении он пообещал трижды в неделю заниматься разговорным английским с любым из коммунаров, у кого возникает такое желание.

И саламандра живет в огне. Доктор Мандельбаум гордился бы им. Присутствие в зоне боевых действий, осознание, что в любой момент его могут позвать на баррикаду, где он встанет плечом к плечу с товарищами, ночные дебаты о том, кто и когда снесет прогнившее дерево старого мира и расчистит площадку для молодой поросли, действуют как постоянный стимулятор. И если Манди прибыл в Берлин желторотым птенцом, то под руководством Саши и товарищей он быстро становится наследником благородной истории Движения. Вскоре имена его героев и злодеев Манди знает не хуже, чем имена великих мастеров крикета.

Это иранский беженец Бахман Нируманд, который накануне визита шаха Ирана в Западный Берлин рассказал студентам, до отказа заполнившим Большую аудиторию Свободного университета, о сущности поддерживаемого Америкой режима шаха.

Это Бенни Онесон, который публично протестовал против визита шаха в город и в тот же самый день погиб, застреленный одетым в штатское полицейским детективом рядом с оперным театром Западного Берлина.

Именно похороны Бенни, отрицание своей вины полицией и мэром послужили причиной возрастания воинственности студентов и ускорили возвышение Руди Дучке, основателя «Студенческой внепарламентской оппозиции».

Фашистская риторика медиамагната Аксея Шпрингера и его одиозной «Бильд цайтунг» подвиг-

ла психически недоразвитого, отличающегося крайне правыми взглядами рабочего совершить покушение на Руди Дучке на берлинской Курфюрстендамм. Дучке, однако, выжил. В отличие от Мартина Лютера Кинга, которого убили в том же месяце.

Манди знает места и даты великих сидячих демонстраций и кровавых столкновений с полицией недавнего прошлого. Он знает, что студенческое возмущение сотрясает мир на тысячах полей сражений, что студенты Америки такие же храбрые, как и в других странах, и их выступления подавляются не менее жестоко.

Он знает, что лучшее периодическое издание в мире — газета «Конкрет», основанная верховной жрицей Движения, несравненной Ульрикой Майнхоф. А два самых великих революционных писателя на текущий момент — Ланганс и Тойфель.

Вокруг так много братьев и сестер! Так много товарищей, делящих общую мечту. И пусть сама мечта ясна ему не до конца, он готов участвовать в ее превращении в жизнь, какой бы она ни была.

* * *

Итак, жизнь начинается. Утром благочестивый выпускник английской школы-интерната и еще не вкусивший полицейской дубинки рекрут идеи всемирного освобождения вскакивает с раскладушки, тогда как Саша сладко спит после жарких ночных споров. После общего душа в компании девушек, которых он нарочито игнорирует, Манди работает на кухне, если приходит его черед, чистит украденные сосиски и овощи для супа, а потом бродит по просторным паркам Западного Берлина и его площадям, посещает лекции тех преподавателей, которых сту-

денческий эдикт не обвинил в распространении фашистской доктрины. Позже он может пойти в типографию, предложив разносить листовки с выдержками из программных произведений модных революционеров, а потом, набив ими рюкзак, мужественно встает на углу улицы и раздает листовки направляющимся домой буржуа, пребывающим в летаргическом сне и не ведающим, что творится вокруг.

Раздача листовок и бесплатных газет — занятие нелегкое. Более того, рисковое. Мало того, что берлинские буржуа отказываются просыпаться, они сыты студентами по горло. Еще не прошло и двадцати пяти лет после свержения Гитлера, и добропорядочные граждане недовольны тем, что улицы города наводнены полицейскими с дубинками и толпами грязно ругающихся радикалов, забрасывающих полицию камнями. По мнению буржуа, субсидируемые государством берлинские студенты, освобожденные от воинской повинности, должны помнить о своем долге перед обществом, соблюдать законы, учиться и молчать в тряпочку. Они не должны бить витрины, агитировать за прилюдное совокупление, создавать транспортные пробки и оскорблять наших американских освободителей. Неоднократно добропорядочный господин замахивается на него кулаком. Неоднократно старушка из поколения Освенцима криком требует, брызжа слюной в лицо, чтобы он унес свои глупые бумажки nach druben¹, где ими смогут потереться, она имеет в виду находящийся по другую сторону Стены Восточный Берлин, или пытается ухватиться за его длинные волосы, но он слишком высок для нее. Неоднократно таксист, само собой,

¹ Nach druben — на ту сторону (нем.).

реакционер, атакует его, заезжая колесами на бордюрный камень. Манди приходится спасаться бегством, листовки разлетаются по тротуару. Но хорошего солдата этим не испугаешь. Во всяком случае, надолго. Вечером того же дня, после уроков разговорного английского, его чаще всего можно найти расслабляющимся за кружкой пива в «Обритом коте», Республиканском клубе, или наслаждающимся чашечкой турецкого кофе и араком в одном из многочисленных лачужных кафе Кройцберга, где честолюбивому романисту нравится раскрывать блокнот и вживаться в образ Ишервуда.

Но случаются моменты, когда установка на хорошее настроение не помогает, и Манди постигает нереальность разделенного города, висельный юмор Берлина и обреченная атмосфера неуверенности в собственном выживании. Он окружен злобой, причины ее для него новые, а иной раз и чуждые, в такие тяжелые для себя моменты он задается вопросом, ужели его товарищи, как и он, сбились с пути, черпая силу в чьих-то утверждениях, а не в собственном сердце, и не заведут ли его поиски правды жизни в, как говаривал доктор Мандельбаум, башню из слоновой кости. Крепко держа в руках свое древко транспаранта, протестуя против последнего акта деспотизма насмерть запуганной университетской администрации или мужественно дожидаясь на баррикадах полицейского штурма, который так и не начинается, покинувший родину сын майора британской армии иной раз спрашивает себя: на какой войне он сражается, последней или очередной?

Однако поиски связей с окружающим миром продолжают. И приходит вечер, когда, вдохновленный мягкой погодой и араком, он устраивает матч по

крикету для многочисленных турецких детей, болтающихся среди лачуг. Участок пыльной земли становится центральной частью поля, поставленные друг на друга пустые банки из-под пива — калитками. Манди берет у Фейсала, хозяина его любимого кафе, ножовку и толстую рейку, отпиленный кусок превращается в биту. Конечно же, Рани не появляется из закатного света, чтобы поприветствовать его, но крики радости и отчаяния, мельтешение смуглых лиц, рук и ног поднимают настроение. Так рождается Кройцбергский крикетный клуб.

В будоражащих кровь походах в отбрасываемую Стеной тень он ищет иностранных туристов и рассказывает им самые захватывающие истории о побегах с той стороны. Если какой-то фактический эпизод вдруг не желает вспоминаться, Манди легко заменяет его вымышленным, и благодарность туристов не заставляет себя ждать. А если эти снадобья не способны вывести его из минора, всегда остается возможность вернуться домой к Саше.

* * *

Поначалу они приглядываются друг к другу. Как молодожены, которых сразу привели к алтарю, не предоставив времени на ухаживания, вот каждый и пытался держаться от другого на расстоянии, чтобы понять, с кем его свела жизнь. Действительно ли Манди хороший солдат, за которого принимает его Саша? Действительно ли Саша хромоногий харизматический революционер, который нуждается в Манди-защитнике? Пусть они делят одну территорию, существуют они в параллельных плоскостях, пересекаясь лишь по взаимной договоренности. О прошлом Саши Манди практически ничего не знает, в

коммуне бытует мнение, что эта информация — табу. Известно лишь, что Саша родился в Саксонии, в лютеранской семье, бежал из Восточной Германии, убежденный враг всех религий и так же, как Манди, сирота... насчет последнего, правда, уверенности нет, одни слухи, ничего больше. И только под Рождество, или, как говорят немцы, в Святой вечер, они оба открываются друг другу настолько, что обратного пути уже нет.

Уже к двадцать третьему декабря коммуна пустеет на три четверти: коммунары закрывают глаза на принципы и разъезжаются по домам, праздновать Рождество в лоне своих реакционных семей. Кому некуда ехать, остаются, как дети в школах-интернатах. Валит снег, и Кройцберг становится похож на рождественскую открытку. На следующий день, проснувшись рано утром, Манди с удовольствием отмечает, что фонари все выбелены, сообщает об этом Саше, в ответ получает только стон и рекомендацию отвалить. Нисколько не обидевшись, он натягивает на себя все, что только можно, и отправляется в турецкий поселок, лепить снеговика и готовить кебаб с Фейсалом и мальчишками из крикетного клуба. Вернувшись на чердак в сумерках, обнаруживает, что радио включено, настроено на станцию, транслирующую рождественские гимны, а Саша, напоминающий Чарли Чаплина в фильме «Новые времена», в берете и в фартуке, что-то помешивает в миске.

Письменный стол превращен в обеденный и накрыт на двоих. По центру горит свеча, рядом стоит бутылка греческого вина, от щедрот отца Кристины. Другие свечи горят на стопках украденных книг. На деревянной доске лежит впечатляющий кусок красного мяса.

— Где тебя носило? — спрашивает Саша, не прерывая своего занятия.

— Гулял. А что? Что-то случилось?

— Сегодня Рождество, не так ли? Гребаный семейный праздник. В такой день положено быть дома.

— У нас семей нет. Родители умерли, братья и сестры не родились. Я пытался тебя разбудить, но ты предложил мне отвалить.

Саша все не поднимает голову. В миске красные ягоды. Он готовит какой-то соус.

— А что это за мясо?

— Оленина. Хочешь, чтобы я отнес ее обратно в магазин и поменял на твой вечный гребаный Wiener-schnitzel¹?

— Оленина сгодится. Бэмби на Рождество. Уж не виски ли ты пьешь?

— Возможно.

Рот у Манди не закрывается, но Саша невесел. За обедом, пытаясь поднять ему настроение, Манди рассказывает историю своей аристократической матери, которая на поверку оказалась горничной-ирландкой. Он выбирает игривый тон. Призванный уверить слушателя в том, что рассказчик давно уже примирился с этой страницей семейной истории. Саша выслушивает его с плохо скрываемым нетерпением.

— Почему ты рассказываешь мне все это дерьмо? Хочешь, чтобы я пустил слезу, жалея, что ты — не лорд?

— Разумеется, нет. Я надеялся тебя рассмешить.

— Меня интересует только личное освобождение. А оно для всех нас начинается с того момента,

---

¹ Wiener-schnitzel — венский шницель (нем.), то есть свинина.

когда детство перестает быть оправданием. В твоем случае, должен отметить, как и для многих англичан, наступление этого момента сильно задерживается.

— Ладно. А как насчет твоих покойных родителей? Через что тебе пришлось переступить, чтобы достигнуть того совершенного состояния, в котором мы тебя находим?

Табу на историю Сашиной семьи снято? Вероятно, да, ибо шиллеровская голова несколько раз коротко кивает, словно возможные возражения одно за другим преодолеваются. И Манди замечает, что глубоко посаженные глаза вдруг состарились и уже вбирают в себя свет свечей, вместо того чтобы его отражать.

— Очень хорошо. Ты — мой друг, и я тебе доверяю. Несмотря на твою нелепую озабоченность герцогинями и служанками.

— Спасибо тебе.

— Мой усопший отец совсем не усопший и не умерший, как мне бы того хотелось. Если оценивать его по стандартным медицинским показателям, он такой же живой, как мы.

Манди то ли хватает ума промолчать, то ли он слишком удивлен, чтобы говорить.

— Он не набрасывался с кулаками на брата-офицера. Он не сдался на милость алкоголю, хотя периодически и пытался. Он — религиозный и политический флюгер, перевертыш, существование которого невыносимо для меня даже сегодня. Когда мне приходится думать о нем, я могу называть его только герр пастор, но никак не отец. Тебе, похоже, скучно.

— Как бы не так! Мне все говорили, что твоя личная жизнь — это святое. Я даже представить себе не мог, что *настолько* святое!

— С самого раннего детства герр пастор слепо верил в бога. Его родители были религиозными людьми, он же — суперрелигиозным, закаменелым пуританским лютеранским фанатиком, появившимся на свет в 1910 году. Когда наш дорогой фюрер пришел к власти, — иначе Саша Гитлера не зазывал, — герр пастор, двадцати лет от роду и уже рукоположенный в сан, состоял в нацистской партии. Его вера в нашего дорогого фюрера даже превосходила веру в бога. Он твердо знал, что Гитлер сотворит чудо. Вернет Германии честь и достоинство, сожжет Версальский договор, избавится от коммунистов и евреев и построит царство ариев на земле. Тебе действительно не скучно?

— Как ты можешь спрашивать? Я зачарован!

— Надеюсь, не настолько зачарован, чтобы, выйдя за дверь, рассказать десятку друзей, что у меня есть отец. Герр пастор и другие нацисты-лютеране называли себя *Deutsche Christen*¹. Как он выжил в последние годы войны, я так и не знаю, поскольку он наотрез отказывался говорить об этом. В какой-то момент его отправили на Восточный фронт, где он попал в плен. Русские не расстреляли его, и этой оплошности я не могу им простить и по сей день. Вместо этого его отправили в сибирские лагеря, и ко времени освобождения и возвращения в Восточную Германию из герра пастора-нациста-христианина он превратился в герра пастора-большевика-христианина. Благодаря этой трансформации Лютеранская церковь Восточной Германии дала ему работу: пестовать коммунистические души в Лейпциге. Признаюсь тебе, его возвращение из плена я встретил с не-

¹ *Deutsche Christen* — немецкие христиане (нем.).

годованием. Он не имел права отбирать у меня мою мать. Чужак, нарушитель заведенного порядка. У других детей не было отцов, почему я должен отличаться от остальных? Этот низкорослый трус, все вынюхивающий, сеющий слово Христа и Ленина, вызывал у меня отвращение. Чтобы ублажить мою бедную мать, мне пришлось притвориться, что он обратил в свою веру и меня. Должен отметить, иной раз связь между этими двумя божествами запутывала меня, но, поскольку оба были бородатыми, какой-то симбиоз определенно просматривался. Однако в 1960 году бог соблаговолил явиться пастору во сне и приказал перевезти семью и все пожитки в Западную Германию, пока существовала такая возможность. Так что мы рассовали Библии по карманам и пересекли границу Восточного и Западного секторов, оставив Ленина позади.

— У тебя были братья и сестры? Это потрясающе, Саша!

— Старший брат, которого родители всегда предпочитали мне. Он умер.

— В каком возрасте?

— Шестнадцатилетним.

— Отчего?

— Пневмония, осложненная респираторными проблемами. Долгая, медленная смерть. Я завидовал Рольфу, потому что он был любимчиком матери, я любил его, потому что мне он был хорошим братом. Семь месяцев я приходил к нему в больницу каждый день и присутствовал при его последних минутах. Не могу сказать, что вспоминаю об этом с удовольствием.

— Понятное дело. — Тут Манди решается еще на один очень личный вопрос: — А что случилось с твоим телом?

— Судя по всему, меня зачали, когда герр пастор приезжал в увольнительную, а родился я в канаве, когда моя мать пыталась убежать от наступающих русских. Она говорила мне, возможно, это и не так, что в последний период пребывания в матке я был лишен доступа кислорода. Чего была лишена моя мать, я могу только предполагать. Грязь в канаве не была лечебной. — Тут он возвращается к отцу: — Герр пастор с привычной быстротой перестроился с восточной духовности на западную. На него обратила внимание миссионерская организация из Миссури, известная сомнительными связями, его послали в Сент-Луис, на какие-то религиозные курсы. Закончил он их с отличием и вернулся в Западную Германию ревностным христианином семнадцатого столетия и проповедником христианского рыночного капитализма. Само собой, ему тут же нашли приход в оплоте нацизма, земле Шлезвиг-Гольштейн, где каждое воскресенье, к радости паствы, он восхваляет с кафедры Мартина Лютера и Уолл-стрит.

— Саша, это действительно ужасно. Ужасно и невероятно. Можем мы поехать в Шлезвиг-Гольштейн и послушать его?

— Никогда. Я полностью вычеркнул его из своей жизни. Для моих товарищей он мертв. Это единственное, в чем герр пастор и я нашли точку соприкосновения. Он тоже не желает признавать сыном атеиста-радикала-бунтаря, вот и я не хочу считать отцом агрессивного, лицемерного, религиозного перевертыша. Вот почему, по тайному сговору с отцом, я вычеркнул его из своего прошлого. И мечтаю только об одном: чтобы он не умер, прежде чем мне представится случай еще раз сказать ему, как сильно я его ненавижу.

— А твоя мать?

— Существует, но не живет. В отличие от твоей ирландской горничной ей не посчастливилось умереть в родах. Она шагает по топям Шлезвиг-Гольштейна в тумане горя и скорби по своим детям и постоянно говорит о том, что покончит с собой. В бытность молодой матерью ее, разумеется, многократно насиловали наши победоносные русские освободители.

Саша сидит за столом, перед пустым стаканом, застыв, как приговоренный к смерти. Глядя на него, вслушиваясь в иронические интонации его голоса, Манди чувствует прилив духовного милосердия, которое все проясняет и очищает. Так что наполняет стаканы и предлагает тост скорее сдержанный английский прагматик, чем терзаемый переживаниями немецкий исследователь жизни.

— Тогда за нас, — бормочет он. — *Prosit*¹. Со счастливым Рождеством, и все такое.

Все еще хмурясь, Саша берется за стакан, и они выпивают на немецкий манер: поднимают стаканы, смотрят друг другу в глаза, пьют, опять поднимают, опять смотрят, а после короткой паузы ставят стаканы на стол и замирают, замороженные торжественностью момента.

* * *

Взаимоотношения могут углубляться и умирать. Как потом вспоминал Манди, в ту рождественскую ночь их взаимоотношения углубились и стали только крепнуть. С того дня Саша более не отправляется в Республиканский клуб или в «Обритого кота», пред-

---

¹ *Prosit!* — Твое здоровье! (нем.)

варительно не осведомившись, пойдет ли туда Манди. В студенческих барах, во время прогулок по замороженным тропинкам вдоль канала и реки Манди играет роль Босуэлла¹ при Саше-Джонсоне² и Санчо Пансы при Дон Кихоте. Когда их коммуна становится богаче за счет украденных буржуазных велосипедов, Саша настаивает, чтобы двое друзей расширили свой кругозор, обследуя наружные границы западной части города. На все согласный Манди собирает корзинку для пикника: вареная курица, хлеб, бутылка красного бургундского, все честно куплено на его заработки экскурсовода у Берлинской стены. Они отправляются в путь, Саша настаивает, чтобы первый отрезок они прошли пешком, потому что он хочет кое-что обсудить и говорить лучше не на колесах, а ощущая под ногами твердую землю. Лишь когда здание, в котором расположилась коммуна, скрывается из виду, он объясняет, в чем дело.

— По правде говоря, Тедди, я никогда в жизни не ездил на этих гребаных железяках, — признается он с обескураживающей прямоотой.

Опасаясь, что Сашины ноги не справятся с порученным им делом, и ругая себя за то, что не подумал об этом раньше, Манди ведет Сашу в Тиргартен и находит пологий, поросший травой склон, где на них не смотрят дети. Он держит велосипед за седло, но Саша тут же приказывает убрать руку. Саша падает, грязно ругается, поднимается на склон, снова падает, ругается еще грязнее и громче. Но на третьей попытке понимает, как нужно удерживать равновесие,

---

¹ Босуэлл, Джеймс (1740—1795) — английский писатель, биограф С. Джонсона.

² Джонсон, Сэмюэль (1709—1784) — писатель и лексикограф. Автор «Словаря английского языка» (1755).

и пару часов спустя, раскрасневшись от гордости, в шинели сидит на скамье, ест курицу и, выдыхая пар, комментирует высказывания великого Маркузе.

* * *

Но Рождество, как это бывает во время войны, лишь временное затишье перед бурей. Еще не успевает растаять снег, как напряженность между студентами и городом вновь достигает точки кипения. Так уж получается, что бурлят все университеты Западной Германии. Из Гамбурга, Бремена, Геттингена, Франкфурта, Тюбингена, Саарбрюккена, Бохума и Бонна приходят истории о забастовках, отставках ведущих профессоров, триумфальном наступлении радикально настроенных студенческих масс. У берлинских студентов более давние, более серьезные претензии к городским властям, чем у всех остальных, вместе взятых. В тени надвигающейся грозы Саша совершает вылазку в Кёльн, где, по слухам, появился новый блестящий теоретик, раздвигающий границы радикальной идеи. К его возвращению Манди уже выступает за решительные действия.

— Оракул объяснил, как мирные люди должны вести себя в надвигающейся конфронтации? — спрашивает он, ожидая услышать одну из гневных тирад Саши, бичующих долготерпение псевдолибералов или разлагающее влияние военно-промышленного колониализма. — Предложил взять на вооружение гнилые яйца или помидоры, бомбы-вонючки, петарды... а может, автоматы «узи»?

— Наша задача — открыть всем *социальное происхождение человеческого знания*, — торопливо отвечает Саша, набивая рот хлебом с колбасой: скоро митинг.

— И что это означает в переводе на понятный язык? — осведомляется Манди, знакомый с ролью фокус-группы.

— Первичное человеческое государство, его исходная модель. День Первый — это уже поздно. Начинать надо со дня Зеро. В этом весь смысл.

— Тебе придется все это как следует разжевать, — предупреждает Манди, его брови уже сошлись у переносицы. Для него слова Саши действительно сюрприз, поскольку раньше Саша всегда настаивал на том, что они должны ориентироваться на суровую политическую действительность, а не чье-то видение Утопии.

— На первом этапе мы должны очистить человеческое сознание, освободиться от всех предрассудков, запретов, унаследованных желаний. Мы должны исторгнуть все старое и прогнившее. — В рот отправляется очередной кусок колбасы. — Американизм, жадность, классовую принадлежность, зависть, расизм, буржуазную сентиментальность, ненависть, агрессивность, суеверия, жажду денег и власти.

— И чем занять освободившееся место?

— Что-то я не понимаю твой вопрос.

— Все просто. Ты освободил от всего мое сознание. Я — чистый лист бумаги, не американец, не расист, не буржуа, не материалист. У меня не осталось плохих мыслей, не осталось дурных наследственных инстинктов. Что я получаю взамен, помимо удара полицейского башмака по яйцам?

Нетерпеливо остановившись в дверях, Саша громко возмущается. «Ты получаешь все необходимое для создания гармоничного общества и ничего больше. Братскую любовь, всеобщее равенство, взаимное

уважение. Наполеон был прав. Вы, англичане, материалисты до мозга костей».

Тем не менее положений этой теории Манди больше не слышал.

ГЛАВА 4

— Эти девицы — законченные лесби, — настаивает викинг, которого все зовут Питером Великим. Питер — пацифист из Штутгарта. Приехал в Берлин, чтобы избежать службы в армии. По слухам, его богатые родители принадлежат к Sympis¹, представителям крупной буржуазии, испытывающим чувство вины, а потому тайно помогающим материально тем, что борется за ее собственное уничтожение.

— Толку не будет, — рассеянно соглашается Саша, поглощенный проблемами революционной стратегии. — Не теряй на них время, Тедди. Выродки они обе.

Они говорят о Юристе Юдит и Юристе Карен, зовут их так, потому что обе изучают юриспруденцию. И тот непреложный факт, что обе являются самыми желанными женщинами коммуны, только усугубляет тяжесть их преступления. По мнению этих двух великих освободителей, сексуальный выбор, предоставленный каждой женщине, не включает в себя отказ улечься в койку с занимающими важное положение активистами-мужчинами. Господи, ты только взгляни на юбки из мешковины, которые они носят, указывает Питер. А их обувь, более всего напоминающая армейские ботинки? И куда, по-твоему, они маршируют? А как они закалывают волосы в

---

¹ Sympis — сокр. от sympathisieren, симпатизирующие, сочувствующие (нем.).

узел на затылке и слоняются по коммуналке, будто влюбленная парочка! Питер заявляет, что в библиотеке они всегда берут только одну книгу по юриспруденции, чтобы вместе читать ее в постели. Карен ведет пальцем вдоль строки, утверждает он, а Юдит произносит слова вслух.

Единственный человек, с кем они общаются, не считая друг друга, — гречанка Кристина, которая подзревается в аналогичной сексуальной предрасположенности. Ранее Манди никогда не сталкивался с лесбийским феноменом, но ему приходится признать: имеющиеся улики подтверждают, что слухи небеспочвенны. Обе девушки отказываются мыться в общем душе. Со дня появления в коммуналке они поселились в отдельной комнате. Изнутри снабдили дверь засовом, а снаружи написали: «ПОШЛИ НА ХЕР». Надпись так и осталась. Манди ее видел. А если нужны какие-то еще доказательства, говорит Питер, пусть Манди попытает удачу и увидит, что ему обломится, помимо фингала под глазом.

Однако, несмотря на не сулящий ничего хорошего прогноз, Юрист Юдит — сильнейшая помеха обету, взятому на себя Манди. Ее усилия скрыть свою красоту напрасны. Если Карен сутулится и сварлива, то Юдит легка и воздушна. На митингах протеста Карен рычит, как бульдог, а разозленная Юдит лишь качает золотистой головкой. Однако, едва митинг заканчивается, все возвращается на круги своя: Юрист Юдит и Юрист Карен, две хорошо воспитанные девушки из Северной Германии, которых принимают в лучших радикальных гостиных Берлина, гуляют рука об руку по берегам Лесбоса.

Так что забудь о ней, приказывает себе Манди всякий раз, когда чувствует, как начинает разгорать-

ся искра надежды. Эти прямые взгляды, которыми она одаривает тебя во время уроков разговорного английского, обусловлены лишь тем, что ты странный, высокий и еще из Оксфорда. А словесный флирт во время уроков, между прочим, затея Юдит, реализуемая ею возможность отточить на тебе свой английский, ничего больше.

— Я правильно произнесла это предложение, Тедди? — спрашивает она с улыбкой, способной растопить ледник.

— Блестяще, Юдит! Каждый звук, каждое ударение на месте. Ты говоришь как настоящая англичанка.

— Но у меня вроде бы американский акцент, Тедди. Если так, пожалуйста, *немедленно* поправляй меня.

— Нет даже намека на акцент, клянусь честью скаута! Чисто английское произношение. Это факт, — бормочет Манди, краснея от смущения.

Синие глаза ему не верят, но не отрываются от его лица, словно глаза ребенка, пока он вновь убеждает ее, что с произношением у нее действительно полный порядок, как убеждают детей, когда возникает такая необходимость.

— Спасибо, Тедди. Тогда желаю тебе приятного дня. Не *хорошего* дня, это уже по-американски. Да?

— Абсолютно правильно. И тебе приятного дня, Юдит. И тебе, Карен.

Потому что на урок, понятное дело, она никогда не приходит одна. Юрист Карен всегда сидит рядом с ней. Учится правильно строить фразы, расставлять ударения, делать паузы. И так продолжается до того дня, пока не выясняется, что Юрист Карен покинула коммуну и ее нынешнее местопребывание никому

не известно. Поначалу идут разговоры, что она заболела, потом — что уехала к умирающей матери, но кто-то вспоминает, что ее родители погибли в последний день войны. А тут полиция совершает налет на соседнюю коммуну, и слухи кардинально меняются. Юрист Карен перешла на нелегальное положение, то есть ушла в подполье к святой Ульрике Майнхоф. Ульрике, нашему смертному ангелу, нашей ведущей левачке, высшей жрице Альтернативной жизни, Жанне д'Арк Движения, такой же смелой и чистой, объявившей радикальному миру, что скоро может начаться стрельба. По тем же слухам, компанию Юристу Карен составила Кристина, лишив Юдит спутницы жизни, а коммуну — половины доходной части бюджета. Но у Манди просто разрывается сердце, когда он видит Юдит, плывущую, словно Офелия, по коридорам коммуны. И он удивлен до глубины души, когда как-то вечером невесомыми пальчиками она касается его руки и спрашивает, не сможет ли он отправиться с ней на ночную прогулку.

— На ночную прогулку, Юдит? Господи! Я готов отправиться с тобой куда угодно! — Он собирается добавить, что готов и спать с ней где угодно, но вовремя успеваает прикусить язык. — А что ты задумала?

Она объясняет.

— Это операция большой политической важности и совершенно секретная. Цель ее — напомнить берлинцам об их нацистском прошлом. Так ты готов?

— Саша тоже пойдет?

— К сожалению, он будет в Кельне, консультировать каких-то профессоров. И потом, он не очень хорошо управляется с велосипедом.

Верный Манди, конечно же, протестует.

— Саша отлично ездит на велосипеде. Ты просто не видела. Обгонит любого зайца.

Юдит, однако, остается при своем мнении.

По календарю ранняя весна, но погода этого не знает. Хлопья мокрого снега преследуют его в темноте, когда он пробирается к старому школьному зданию у самого канала. Питер Великий и его подруга Магда идут впереди. Как швед Торкиль и баварская амазонка Хильда. По приказу Юдит каждый заговорщик вооружился одним ручным фонариком, одним баллончиком-спреем с алой краской и одной банкой с растворимым стеклом, таинственной субстанцией, которая так глубоко проникает в оконную панель, что удалить ее можно лишь вместе с последней. Питер Великий, назначенный квартирмейстером, снабдил каждого украденным велосипедом. Манди одет в три отцовские рубашки, шарф и старую куртку с капюшоном. Его фонарик и банки с краской и растворимым стеклом в ранце. Торкиль и Питер Великий в вязаный шлемах. Хильда — в маске Председателя Мао. Разложив перед собой план города, Юдит с сильным северо-немецким акцентом инструктирует свои войска. Мешковину она сменила на толстый рыбацкий свитер и длинные белые шерстяные рейтузы. Если юбка и есть, то из-под длинного свитера не видна.

Наша цель на эту ночь — бывшие жилые дома, министерства и штаб-квартиры Третьего рейха, в настоящее время замаскированные под обычные городские здания, объявляет она. Задача — излечить от амнезии местных буржуа, напомнив им, какие функции выполняли они при нацистах. По опыту недавнего прошлого известно, что западноберлинские свиньи приходят в ярость от таких действий и принима-

ют все необходимые меры, чтобы заменить стекла и стереть граффити. Таким образом, мы одним ударом уьем двух зайцев: заклеим любовь буржуа к собственности и сведем на нет усилия Schweinesystem забыть свое нацистское прошлое. Главные цели, она указывает их на карте, включают Тиргартенштрассе, 4, дом программы эвтаназии, а потом канцелярия Адольфа Гитлера на Курфюрстенштрассе, теперь практически полностью снесенная (на ее месте намечено строительство нового отеля), а также штаб-квартира Генриха Гиммлера на углу Вильгельмштрассе и Принц Альбрехтштрассе, ставшая жертвой Берлинской стены, но в принципе мы должны действовать по обстоятельствам. По возможности будем отмечать те места, где собирали берлинских евреев перед отправкой в лагерь смерти, включая железнодорожную станцию Грюнвальд, там сохранились платформы, сооруженные именно для этого, и здание старого военного суда, с выходом на Вицлебенштрассе, где с гордостью вспоминали тех немногих смельчаков, которые решились на заговор против Гитлера, не упоминая о том, что его всей душой поддерживали многие миллионы. Наша надпись в Шлосспарке укажет буржуа на эту несправедливость.

Обсуждается также возможность поездки к Ванзее, где Гитлером принималось решение об окончательном разрешении проблемы евреев, но все сходится на том, что погода не способствует столь дальним вылазкам. А потому Ванзее должно стать объектом отдельной операции. Зато в сегодняшние второстепенные цели включаются столь любимые буржуа уличные фонарные столбы, спроектированные личным архитектором Гитлера, Альбертом Шпеером. Питер получает специальное задание: обклеить их

листовками, призывающих всех нацистов поддержать американский геноцид во Вьетнаме.

По разработанному плану Юдит возглавляет колонну, Тедди и Торкиль едут во втором эшелоне, Питер и Хильда — за ними. Магда держится чуть позади, чтобы при необходимости сообщить о появлении свиней и отвлечь их, если те попытаются сорвать операцию. Дружный смех. Магда красива и бесстыдна. Чтобы заработать деньги, не поступаясь революционными принципами, иной раз она с гордостью занимается проституцией. А также думает о том, чтобы выносить ребенка для бесплодной буржуазной пары и получить средства для завершения образования.

Отряд трогается с места, Манди тут же вырывается вперед за счет длинных ног, потом тормозит, позволяя Юдит обогнать его, что она тут же и проделывает на полной скорости. Опустив голову, приподняв к небу белую попку, она пронесется мимо, насвистывая «Интернационал». Он бросается следом, дисциплина забыта, радостные вопли разносятся по морозному воздуху, «Интернационал» становится их боевой песней. Светлые волосы колышутся на ветру, пританцовывая в такт словам, Юдит разрисовывает одну магазинную витрину. Манди, ее верный товарищ, другую. Дозор сообщает о приближении свиней. Однако Юдит продолжает начатое, сначала на немецком, потом на английском, для наших британских и американских читателей. Манди, определивший себя в телохранители Юдит, готов ценой жизни защитить ее от неумолимо надвигающихся полицейских. После отчаянного бегства по мощенным булыжниками улочкам отряд перегруппировывается, подсчитывает потери, таковых нет, после чего Питер Великий достает термос с буржуазным глинтвейном,

и они восстанавливают силы перед атакой на следующий объект. Оранжевая заря подсвечивает плывущие по небу снежные облака, когда усталые, но победоносные войска возвращаются в коммуну. Распаленный холодом и успехом охоты Манди провожает Юдит к двери ее комнаты.

— Как насчет того, чтобы немного поболтать по-английски, если ты не устала, — небрежно предлагает он, но дверь с надписью, предлагающей идти понятно куда, мягко закрывается перед ним.

Целую вечность он лежит без сна на своей раскладушке. Саша прав, черт бы его побрал: даже оставшись одна, Юдит по-прежнему недоступна. Из-за перевозбуждения к нему является сначала Ильзе, потом миссис Маккенчи в прозрачном черном шифоне. Устало он отсылает их прочь. Следующей приходит сама Юрист Юдит, в чем мать родила, если не считать падающих на плечи белокурых волос. «Тедди, Тедди, я хочу, чтобы ты проснулся, пожалуйста», — говорит она и все сильнее трясет за плечо. Понятное дело, хочешь, мрачно думает он. Пытается открыть глаза, они снова закрываются, но мираж здесь, никуда не делся, несмотря на неприятный утренний свет. В раздражении он отбрасывает руку, и она не рассекает воздух, как он ожидал, а ухватывает совершенно голый зад Юриста Юдит. Его первая мысль совершенно идиотская, что она, как Кристина и Юрист Карен, в бегах и ей нужно где-то спрятаться от погони.

— Что случилось? Нагрянула полиция? — спрашивает он на английском, поскольку это их язык общения.

— Почему? Или ты предпочитаешь заниматься любовью с полицией?

— Нет. Разумеется, нет.

— Ты сегодня занят? Может, у тебя свидание с другой девушкой?

— Нет. Не занят. Совершенно не занят. У меня нет другой девушки.

— Тогда не будем спешить, пожалуйста. Ты — мой первый мужчина. Тебя это не смущает? Может, ты слишком англичанин? Слишком приличный?

— Разумеется, нет. Меня это совершенно не смущает. И я не признаю никаких приличий.

— Тогда нам повезло. Пришлось подождать, пока все уснут, прежде чем я смогла подняться к тебе. Это для безопасности. И потом, пожалуйста, ты никому не должен говорить, что мы занимались любовью, иначе все мужчины коммуны предъявят на меня свои права, а мне бы этого не хотелось. Ты согласен на это условие?

— Согласен. Я согласен на все. Тебя здесь нет. Я сплю. Ничего не происходит. Я все сохраню под шляпой.

— Под шляпой?

Вот так Манди, полнейший младенец в сексе, становится торжествующим любовником Юриста Юдит, полнейшей лесбиянки.

* * *

Неистовость любовных ласк объединяет их в единую революционную силу. Насытив первую страсть, они перемещаются в комнатку Юдит. На двери остается надпись «ПОШЛИ НА ХЕР», но вечером того же дня ее спальня становится любовным гнездышком. Она настаивает, чтобы их связь держалась в секрете, а говорили они только на английском. Тем самым создается некая зона, в которую нет доступа

посторонним. Впрочем, он ничего не знает о ней, а она — о нем. Банальные вопросы — страшный грех буржуазной ортодоксальности. Лишь случайно какая-то информация соскальзывает с ее уст и долетает до его ушей.

Она еще не *eingeblaut*, но уверена, что это произойдет, как только начнутся весенние марши.

Она намерена, как Троцкий и Бакунин, стать профессиональным революционером и готова как минимум половину жизни провести в тюрьме или в Сибири.

Она рассматривает ледяную ссылку, тяжелый труд и лишения как необходимые этапы на пути радикального совершенствования.

Она изучает юриспруденцию, потому что закон — враг справедливости, и она хочет знать своего врага. Адвокат — всегда говнюк, уверенно заявляет она, цитируя известного гуру. Манди не находит ничего странного в ее выборе профессии, которая в фаворе у говнюков.

Ей не терпится смести все репрессивные социальные структуры, и она верит, что лишь непрекращающаяся борьба позволит Движению заставить Систему свиней сбросить маску либеральной демократии и показать свое истинное лицо.

А вот конкретизация формы грядущей борьбы привела к разрыву ее отношений с Карен. Как и Карен, Юдит принимает тезис Режи Дебре и Че Гевары о том, что революционный авангард должен поставить себя на место пролетариата, если тот еще не готов к борьбе или не оформился как класс. Она согласна и с тем, что в такой ситуации авангард имеет право действовать во благо несовершенного проле-

тариата. Разошлись они с Карен в методах борьбы. Точнее, как указывает Юдит, в методах и морали.

— Если я сыплю песок в топливный бак свиньи, ты считаешь это действие морально приемлемым или морально неприемлемым? — хочет она знать.

— Приемлемым. Абсолютно. Именно этого свиньи и заслуживают, — заверяет ее Манди.

Дебаты, как обычно, ведутся в кровати Юдит. Весна уже заявила о себе. Солнечный свет вливается в окно, и влюбленные блаженствуют в его лучах. Манди, словно вуалью, прикрывает лицо золотистыми волосами Юдит. Ее голос доносится до него сквозь дрему.

— А если я бросаю в топливный бак свиньи ручную гранату, это по-прежнему морально приемлемо или уже морально неприемлемо?

Манди не отшатывается, но, несмотря на блаженство, в котором пребывает, садится, прежде чем ответить.

— Ну, *нет*, пожалуй. — Он потрясен, что английское слово *hand-granade* так легко сорвалось с губ любимой. — Определенно, *un*¹. Ни в коем разе. Ни в топливный бак, ни куда-то еще. Никаких ручных гранат. Спроси Сашу. Он полностью с этим согласен.

— Для Карен ручная граната не только приемлема, но и желательна. Согласно Карен, против тирании и лжи легитимны любые методы. Убиваешь угнетателя — служишь человечеству. Защищаешь угнетенных. Такова логика. Для Карен террорист — это тот, у кого есть бомба, но нет самолета. Мы должны быть выше буржуазных *Hemmingen*.

— Запретов, — с готовностью переводил Манди, стараясь игнорировать нравоучительные нотки, появившиеся в ее голосе.

---

¹ Уп — не (*нем.*), в смысле неприемлемо.

— Карен полностью подписывается под словами Франца Фанона, что насилие, проявленное угнетенными, легитимно в любом виде, — продолжает Юдит.

— Что ж, я не подписываюсь. — Манди вновь плюется на кровать. — И Саша тоже, — добавляет он, словно закрывая тему.

Наступает долгая пауза.

— Знаешь, что я тебе скажу, Тедди?

— Что, любовь моя?

— Ты — битком набитый предрассудками, империалистический, английский говнюк.

* * *

Убеждая себя, что это еще одно приключение, Манди вновь надевает рубашки отца, на этот раз как броню. Демонстрации — это детские битвы, не настоящие. Все знают, когда они должны произойти, где и почему. Никто не получает серьезных повреждений. Если, конечно, на них не напрашивается. Даже в день сражения.

И я же помню, сколько раз стоял плечом к плечу с Ильзе, пусть ее плечо и находилось на уровне моего локтя, в густой толпе медленно продвигался к Уайтхоллу, тогда как полиция с обеих сторон прижималась к нам вплотную, чтобы не возникла необходимость махать дубинками. И чем все заканчивалось? Кому-то доставалось по ребрам, кому-то по заду, но на поле для регби, бывало, били куда сильнее. Да, конечно, благодаря божественной зловредности или милости, точную причину Манди назвать не мог, он не попал в число тех, кто великим маршем прошел по Гросвенор-сквер. Но участвовал в демонстрациях в Берлине, захватывал университетские здания, перекрывал улицы, стоял на баррикадах и благодаря

навыкам, полученным в боулинге, считался одним из лучших, когда приходилось бросать бомбы-вонючки или камни, обычно в полицейские броневики, и таким образом останавливать продвижение фашизма как минимум на сотые доли секунды.

Да, конечно, Берлин — не Гайд-парк, и мы собираемся не у Уйатхолла. Все пройдет грубее, без соблюдения спортивных правил. И силы, само собой, не равны, одна команда экипирована оружием, дубинками, наручниками, щитами, шлемами, защитными масками, слезоточивым газом, а другая... если на то пошло, ничего у нее нет, кроме ящиков с гнилыми помидорами и тухлыми яйцами, нескольких груд булыжников, множества красивых девушек и желания одарить человечество светлым будущим.

Но, я хочу сказать, мы все цивилизованные люди... ну, не так ли? Даже в особый для Саши день: Саша — наш харизматический оратор, наш восходящий на трон лидера человек, наш Квазимодо социального происхождения человеческого знания, способный, если верить слухам, заполнить самую большую аудиторию университета женщинами, которых оттрахал. Именно поэтому Саше, согласно информации, добытой вездесущей Магдой в постели полицейского, сегодня будет уделяться особое внимание, вот почему Манди, Питер, Юдит, Питер Великий и остальные члены клуба поддержки собираются вокруг него на ступенях университетской лестницы. Вот и свиньи намерены явиться в огромном количестве, чтобы в деталях ознакомиться с доктриной Франкфуртской школы, прежде чем вежливо пригласить Сашу в *grüne Minna*¹, тот самый автомобиль, который в Англии зовется черной Марией, а в Рос-

¹ *Grüne Minna* — зеленая Минна (нем.).

сии — черным воронком, и отвезти в ближайший полицейский участок, где его допросят с должным уважением к конституционным правам гражданина в рамках Основного Закона страны, чтобы получить добровольное признание с полным списком имен и адресов его товарищей, а также планами поджога Западного Берлина и возвращения мира в состояние, в котором он пребывал до того, как сдался на милость таких социальных болезней, как фашизм, капитализм, милитаризм, потреблятельство, нацизм, кока-колонизм, империализм и псевдодемократия.

Именно эти социальные болезни — основная тема сегодняшней Сашиной проповеди, которую он читает собравшимся на вытоптанной лужайке Свободного университета, и вид полицейских кордонов вдохновляет его, добавляет остроты и образности приводимым аргументам. Он выливает презрение и ненависть на Америку за ковровые бомбардировки вьетнамских городов, отравление посевов и выжигание джунглей напалмом. Он требует возобновить работу Нюрнбергского трибунала и начать суд над фашистско-империалистической верхушкой Америки, обвинив ее в геноциде и преступлениях против человечества. Он клеймит морально деградировавших американских лакеев, так называемое боннское правительство, и обвиняет его в затушевывании нацистского прошлого Германии путем создания общества потребления с превращением поколения Освенцима в стадо толстых баранов, думающих только о новых холодильниках, телевизорах и «Мерседесах». Он осуждает шаха и его секретную полицию, обученную и поддерживаемую ЦРУ, нещадно бранит греческих полковников, действующих с полного одобрения Америки, и «американское марионеточное государство Израиль». Он перечисляет агрессивные войны Аме-

рики, от Хиросимы и Кореи до Центральной и Южной Америк, Африки и Вьетнама. Он посылает братский привет нашим товарищам-активистам в Париже, Риме и Мадриде, салютует храбрым американским студентам в Беркли и Вашингтоне, округ Колумбия, «проторившим путь, по которому мы сейчас маршируем». Он отчитывает толпу разъяренных правых, которые требуют, чтобы он заткнул рот и продолжил учебу.

— Заткнуть рот?! — кричит он на них. — Вы, молчавшие в тряпочку при нацистской тирании, говорите нам, что мы должны молчать при вашей? Мы — хорошие дети! Мы отлично выучили уроки прошлого! Благодаря вам, говнюки! Благодаря нашим молчаливым нацистским родителям! И мы можем вам это обещать. Дети поколения Освенцима никогда, НИКОГДА не будут молчать!

Чтобы сказать все это, он поднялся на импровизированную трибуну, сработанную Манди. Тот сколотил ее в мастерской, примыкающей к кафе Фейсала. Юдит стоит рядом с Манди, в каске пожарного на голове и бедуинском платке, закрывающем нижнюю половину лица. Ее китель а-ля председатель Мао едва сходится на крикетной фуфайке Манди. Но главный секрет Юдит — бесценное тело, которое она прячет под бесформенной одеждой, и этот секрет делит с ней Манди. Он знает ее тело лучше собственного, каждую складочку и контур. Каждый вскрик удовольствия, исторгаемый им из нее, есть крик его собственного сердца. В политике, как и в любви, она не останавливается, пока они оба не пересекают границу и не углубляются в страну Анархию.

Внезапно все замирает. Во всяком случае, так это воспринимает Манди. Словно он на просмотре фильма и пленка на мгновение останавливается, саундтрек соответственно замолкает, а потом вновь начи-

нает двигаться. Саша продолжает говорить, стоя на трибуне, но его речь глушится новыми звуками. Полиция со всех сторон надвигается на протестующих студентов, удары дубинками по щитам подобны грому, канистры со слезоточивым газом уже вскрыты, но газ полицейским не помеха, потому что все они заблаговременно надели маски. В тумане из дыма и водяных брызг студенты разбегаются в разные стороны, завывая и всхлипывая под воздействием газа. Уши, нос и горло Манди горят огнем, слезы слепят его, но он знает, что вытирать их нельзя, будет только хуже. Струи воды бьют ему в лицо, он видит взлетающие дубинки, слышит стук копыт по брусчатке и жалобные крики раненых. В царящем вокруг хаосе только один игрок демонстрирует класс, и это Юрист Юдит. К его полному изумлению, она выхватывает из-под кителя Мао приличных размеров бейсбольную биту, и, игнорируя призывы Саши к пассивному сопротивлению, обрушивает ее на голову молодого полицейского с такой силой, что новенький шлем падает ему в руки, как подарок Небес, а он сам, глупо улыбаясь, опускается на колени. «Тедди, *du gibst bette Acht auf Sasha!*» — говорит она на утонченном языке Томаса Манна, а не на английском, языке их страсти. Потом исчезает под змеиным клубком коричневых и синих форм, и добраться до нее нет никакой возможности. Он еще успевает увидеть, как каска пожарного на голове Юдит уступает место кровавой шапочке, но ее просьба стоит в ушах: «*Тедди, пожалуйста, позаботься о Саше*», и он помнит, что Ильзе обращалась к нему с такой же просьбой, да и он сам дал себе слово оберегать Сашу.

Водометы подкатились совсем близко, но две армии перемешались, свиньям не хочется мочить своих, а Саша продолжает что-то кричать, стоя на три-

буне. Свиньи уже на расстоянии вытянутой дубинки от него, очень толстый сержант орет: «Взять этого брызжущего ядом карлика!» — и Манди вдруг делает то, что не планировал, даже представить себе такого не мог. Сын майора Артура Манди, кавалера пакистанского чего-то там чести, уничтожившего в бою двадцать человек, бросается на врага. Но в руках у него Саша — не автомат «брен». Слепо повинувшись приказу Юриста Юдит, да и собственному здравому смыслу, он сдергивает Сашу с трибуны и бросает на плечи. Ухватив одной рукой брыкающиеся ноги, а второй — размахивающие руки, бежит сквозь облака вражеского слезоточивого газа, продирается через массу вопящих, окровавленных тел, не чувствуя ударов дубинок, не слыша ничего, кроме голоса Саши: «Отпусти меня, говнюк, беги, спасайся, свиньи тебя убьют», — пока наконец вновь не выглядывает солнце, а с плеч не сваливается гора, потому что он выполнил приказ Юдит, Саша соскользнул на землю и сумел целым и невредимым ретироваться через площадь, и это Манди, а не Саша сидит в зеленой Минне. Руки его прикованы наручниками к металлическому стержню над головой, и это его дубасят двое полицейских: Тед Манди на собственном опыте познает значение слова *eingeblaut*, и перевод Саши ему более не требуется.

* * *

Манди так и не удалось полностью восстановить в памяти, что произошло потом. Полицейский автобус для перевозки арестованных, полицейский участок, камера, пахнувшая всем, чем положено пахнуть камере: экскрементами, солеными слезами, блевотиной и, время от времени, теплой кровью. Несколь-

ко часов он делил камеру с лысым поляком, который заявлял, что он серийный убийца, закатывал глаза и хохотал. В комнату для допросов поляка не привели. В ней Манди оказался лишь в компании тех самых двух полицейских, которые избивали его в зеленой Минне, а теперь принялись избивать вновь, принимая за Петра Великого, который сбрил бороду и косит под английского подданного. Он мог бы показать им студенческую карточку, пусть на ней указан неправильный адрес, и английский паспорт, но, к сожалению, оставил документы на чердаке, боясь потерять в грядущей схватке с полицией. Он предложил пойти и принести их, но не стал называть инквизиторам адрес, где бы они могли найти документы сами, потому что навел бы их на Сашу и нелегальную коммуны. Его упрямство вызвало у них новый приступ ярости. Они перестали слушать его и принялись лупить, в пах, по почкам, по ступням, снова в пах, из косметических соображений не трогая только лицо, хотя и лицу досталось больше, что им всем хотелось бы. Периодически он терял сознание. Периодически его отволакивали в камеру, чтобы они могли передохнуть. Сколько раз это повторялось, он сказать не мог, но неожиданно все закончилось, и на машине «Скорой помощи» его отвезли в английский военный госпиталь. Последовали новые провалы в памяти, иногда он видел синие фонари, которые вспыхивали у него в голове, а не на улице, где им следовало вспыхивать, ощущал под руками чистую белую простыню, пахнущую «Деттолом»¹. А иногда перед его взором возникала медсестра-горничная с серебрис-

---

¹ «Деттол» — фирменное название дезинфицирующего средства компании «Рекитт энд Коулман».

тым секундомером, прицепленным к нагрудному карману ее накрахмаленного халата.

— Манди? Манди? Вы, часом, не родственник того малыша, которого звали майор Артур Манди, служившего в бывшей индийской армии? Не может такого быть? — подозрительно спрашивает военный врач, глядя на длинное забинтованное тело.

— Боюсь, что нет, сэр.

— Не надо бояться, старина. Считайте себя счастливым, вот что я могу вам сказать. Сколько я показываю пальцев? Хорошо. Очень хорошо.

* * *

Он лежит в каюте корабля, но без бирманских сигар. Он сидит на корточках около Рани на берегу пруда со скалистым дном, но не может встать. Он стоит, опустив голову в раковину, держась руками за хромированные краны, в школьной умывальной, тогда как префекты¹ по очереди секут его за недостаток христианского уважения. Он отрезан от всех, зачумленный. Заразен даже сам его вид. Он — неприкасаемый, что доказывает надпись на обратной стороне двери:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

или, как сказала бы Юдит, пошли на хер. Более того, его здоровье оберегает теперь сержант военной полиции в красной фуражке. Сержант ясно выражает свое отношение к Манди, когда тому в первый раз достает сил, чтобы встать и, волоча ноги, пойти в туалет, справить малую нужду.

— Мы бы призвали тебя к порядку, если б ты

---

¹ Префект — староста класса в школе, назначается администрацией.

попал к нам, сынок, — заверяет его он. — Ты бы давно уже умер и благодарил нас за это.

К нему приходит английский чиновник. Его зовут мистер Эмори, он приносит визитную карточку, из которой можно узнать, что ее податель — мистер Николас Эмори, вице-консул, сотрудник представительства Великобритании в Берлине. Он лишь на несколько лет старше Манди, но уже безвозвратно обуржуазившийся англичанин из класса угнетателей, однако манеры у него приятные, что в определенной степени сбивает с толку. На нем хороший твидовый костюм, который, однако, уже лохматится. И замшевые туфли далеко не первой свежести. На плече болтается ранец майора.

— И кто прислал вам виноград, Эдуард? — спрашивает он, вертя в пальцах ягоды и улыбаясь.

— Берлинская полиция.

— Господи, неужели? А хризантемы?

— Берлинская полиция.

— Что ж, думаю, это очень мило с их стороны, не так ли, учитывая, какие напряженные у них сейчас дни и ночи. — Он ставит ранец на пол, прислоняет к ножке кровати Манди. — Это передовая, знаете ли. Нельзя винить их за то, что иной раз они срываются. Особенно если их провоцирует толпа студентов, учебу которых оплачивает государство. Студентов, которые не могут отличить свои радикальные задницы от локтей... подозреваю, вы тоже на это неспособны. — Он пододвигает стул, садится и критически разглядывает лицо Манди. — Кто ваш милый друг, Эдуард?

— Который именно?

— Низкорослый грубиян, который ворвался в нашу контору, как гребаный эсэсовец, — отвечает

он, бросает в рот виноградину. — Влез без очереди, бросил на стол паспорт и наорал на нашего немецкого сотрудника, требуя, чтобы он немедленно освободил вас из застенков западноберлинской полиции, а иначе ему придется пенять на себя. Потом убежал, прежде чем кто-то успел узнать его имя и адрес. Наш сотрудник перепугался до смерти. Сказал только, что у вашего друга саксонский акцент. Действительно, наверное, только саксонец может вести себя подобным образом. Неужто у вас много таких друзей, Эдуард? Рассерженных немцев из Восточной Германии, которые не оставляют своего имени?

— Нет.

— Как давно вы в Берлине?

— Девять месяцев.

— Где жили?

— У меня закончился грант.

— Где жили?

— В Шарлоттенбурге.

— Кто-то говорил мне о Кройцберге.

Молчание.

— Вам следовало подъехать в представительство и зарегистрироваться. Что мы прекрасно умеем, так это помогать попавшим в беду английским студентам.

— Я не попадал в беду.

— А где вы, по-вашему, сейчас? Вы играли в боулинг в частной школе, не так ли?

— Пару раз.

— У нас тут неплохая команда. Впрочем, поздно об этом говорить. К сожалению. Кстати, а как его зовут?

— Кого?

— Вашего колченогого недомерка, саксонского

рыцаря. Его уродливое лицо показалось нашему сотруднику знакомым. Вроде бы он видел его в газетах.

— Я не знаю.

Ответ вызывает у Эмори улыбку. Он консультируется с мысками выдавших виды замшевых туфель.

— Ладно. Следующий вопрос, Эдуард, так что же нам с вами делать?

Предложений у Манди нет. Он спрашивает себя, может быть, Эмори — один из префектов, что секли его в умывальной.

— Полагаю, вы можете поднять шум. Позвонить шести адвокатам. Телефоны мы вам дадим. Полицейские выдвинут свои обвинения, это очевидно. Начиная с нарушения общественного порядка. Опять же, поведение, несовместимое со статусом зарубежного гостя, судьи этого не любят. Плюс предоставление ложного адреса при регистрации. Мы, конечно, сделаем для вас все, что в наших силах. Будем передавать сквозь прутья решетки французские батоны. Вы что-то сказали?

Манди не издал ни звука, Эмори может бить его сколько влезет.

— С точки зрения полиции, все ясно: вас просто приняли не за того. А окажись вы тем, за кого они вас приняли, их бы еще и наградили. Они говорят, что вас так отделал какой-то поляк-убийца. Это возможно?

— Нет.

— Однако они готовы пойти на сделку, если мы пройдем свою половину пути. Не будут предъявлять вам обвинения, если вы забудете о том, что произошло — или не произошло, — пока вы находились за решеткой. А потом мы спасем наше английское лицо в столь деликатный период международного кризи-

са, вывезя вас из Берлина в обличье нубийского раба. По рукам?

Ночная медсестра такая же большая, как незабываемая Айа, но не рассказывает истории о пророке Мухаммеде.

* * *

Он приходит, как врач, на манер умных героев в фильмах: на заре, когда солдат, присланный сержантом, дремлет на стуле у двери, а Манди лежит на спине, отправляя мысленные послания Юдит. На каждом плече белого медицинского халата по три звездочки, а сам халат ему на несколько размеров велик. На шее из стороны в сторону мотается стетоскоп, кроссовки скрываются под парой огромных хирургических бахил. Должно быть, весь Западный Берлин ищет брызжущего ядом карлика, но его это не остановило, он хитер и изворотлив. Каким-то образом проскочил мимо часовых у ворот госпиталя, сумел пробраться в комнату персонала, вскрыл один из шкафчиков. Вокруг глаз у него желтые болезненные круги, челка его молодит, революционная хмурость уступила место глубокой неопределенности. А телом он стал мельче, и его еще сильнее перекособочило.

— Тедди, у меня нет слов. Что ты для меня сделал... просто спас мне жизнь... я этого не заслужил. Чем мне расплатиться с тобой? Никто и никогда не жертвовал собой ради меня. Ты — англичанин, и для тебя вся жизнь — глупая случайность. Но я — немец, и для меня бессмысленно все, где нет логики.

В карих глазах собираются озера. Голос, идущий из маленькой груди, садится. Слова, похоже, отрепетированы заранее.

— Как Юдит?

— Юдит? Юрист Юдит? — вроде бы он с трудом вспоминает, о ком речь. — Юдит в порядке, в хорошей форме, спасибо тебе, Тедди, да. Ей досталось, как и всем нам, но случившееся, как ты и мог ожидать, ее не сломило. У нее рана на голове, она надышалась этим газом. Она — *eingeblaut*, как и ты, но уже полностью оклемалась. Просит, чтобы ты ее помнил, — словно это решает все проблемы, — помнил с теплотой, Тедди. Восхищается тем, что ты сделал.

— Где она?

— В коммуне. Несколько дней носила повязку. Потом ничего.

Это *ничего* и последующая неловкая пауза подвигает Манди на невеселую ухмылку.

— «*За девушку, которая носит нич-чего*», — говорит он на английском, цитируя одну из фраз, которую любил повторять майор в крепком подпитии. — Она знает, что меня высылают, не так ли? — спрашивает он.

— Юдит? Конечно. Как адвокат, она в ярости. Хотела обратиться в суд. Мне с огромным трудом удалось убедить ее, что в легальности твоего положения имеется немало изъянов.

— Но ты убедил?

— Да, затратив огромные усилия. Как и все женщины, Юдит не в ладах с практической целесообразностью. Однако ты можешь ею гордиться, Тедди. Благодаря тебе она полностью свободна.

После этого, как и положено настоящему другу, Саша садится на кровать Манди, держит его за руку, но почему-то избегает встречаться с ним взглядом. Манди лежит, глядя на него, Саша сидит, упершись взглядом в стену, пока Манди из вежливости не при-

творяется спящим. Саша уходит, и дверь, похоже, закрывается дважды, первый раз за Сашей, второй — за полностью свободной Юдит.

ГЛАВА 5

Пустые годы, годы разочарований, годы бесцельных странствий едва не останавливают развитие Теда Манди, вечного ученика жизни. Потом он думает о них, как о Потерянном четвертаке, хотя длится этот жизненный отрезок меньше десятилетия.

Не в первый раз за его короткую жизнь Манди вывозят из города на рассвете. Ему нет нужды заботиться об обезбещенном отце, дорога прямая и гладкая. Рани не плачет на обочине около ворот лагеря, и, хотя он вертит головой во все стороны, нигде нет и Юдит. Старенький армейский грузовик заменен полированным джипом с белыми боковинами колес. Сопровождает его не пенджабский солдат, а сержант военной полиции, который напоследок дает ему дружеский совет:

— Возвращайся в любое время, когда захочешь, сынок. Мы тебя запомнили, так что будем ждать.

Сержант напрасно тревожится. После трех недель изучения потолка в госпитальной палате у Манди нет никакого желания возвращаться, нет и планов на будущее. Продолжить учебу в Оксфорде? На кого? В каком статусе? Перспектива получения диплома в компании хорошо образованных детей, которые не ведают, что есть растоптанные идеалы, представляется ему омерзительной. После приземления в аэропорте Хитроу он неожиданно для себя принимает решение ехать в Уэйбридж, где подвыпивший адвокат, который приходил на похороны отца, принимает его

в темном псевдотюдоровском особняке, который называется «Сосны». Идет дождь, впрочем, по-другому в Уэйбридже и не бывает.

— Я надеялся, что тебе хватит совести ответить хотя бы на одно письмо, — жалуется адвокат.

— К сожалению, не хватило, — отвечает Манди и помогает найти нужный документ среди истрепанных папок.

— Ага, вот и мы. Какой-то навар все-таки есть. Твой усопший отец Артур держал все деньги на сберегательном счету, глупец. На его месте я бы давно их снял. Не будешь возражать, если пять сотен я возьму в качестве вознаграждения?

«Адвокат всегда говнюк», — напоминает себе Манди, захлопывая за собой садовую калитку. Шагая по дороге, натывается на «Золотого лебедя». Последние завсегдатаи выходят под дождь. Манди замечает среди них себя и майора.

— Сегодня собралось много народу, малыш, — майор держится за его руку, словно утопающий. — Отлично поболтали. В офицерской столовой такое невозможно. Там все только о делах.

— Интересный был разговор, сэр.

— Если хочешь почувствовать пульс Англии, послушай этих людей. Я-то говорю мало, но слушаю внимательно. Особенно Перси. Кладезь знаний. Не припомню, чтобы этот парень в чем-то ошибся.

Дом номер два уже стерли с лица земли. На его месте лишь щит строительной компании. В свете уличного фонаря Манди читает, что желающие могут приобрести квартиры с тремя спальнями, а закладная составит девяносто процентов стоимости. На станции выясняется, что последний поезд в никуда уже отбыл. Старик, прогуливающий восточно-

европейскую овчарку, предлагает ночлег и завтрак за пять фунтов, заплаченные вперед. К полудню Манди снова превращается в мальчика, едет в поезде на запад, в школу, подозрительно озираясь в поисках мужчин, которые причесываются на людях.

Аббатство с флагом святого Георгия, реющим над маленьким городком. Огороженная территория начинается у подножия холма, на склоне стоит самое древнее здание школы. Но на холм Манди не поднимается. Там так и не прижились бедные беженцы из гитлеровской Германии, способные учить игре на виолончели и языку Гете. Они чувствовали себя куда комфортнее в домике из красного кирпича, в комнатухе над обувным магазином. С боковой дверью, выходящей в переулок. Никуда не делась и бумажка, прикрепленная к стене ржавыми кнопками, с выцветшими строчками, написанными педантичной немецкой рукой Мандельбаума. *«Если магазин закрыт, нажимайте только НИЖНЮЮ кнопку. К Мэллори нажимайте только ВЕРХНЮЮ, а потом, пожалуйста, ПОДОЖДИТЕ»*. Манди нажимает *только ВЕРХНЮЮ* и терпеливо ждет. Слышит шаги, начинает улыбаться, но вдруг понимает, что шаги — не те, что он ожидал услышать. Быстрые, торопливые, к двери спускается женщина, да еще на ходу кричит: *«Подожди, Билли, мама сейчас вернется!»*

Дверь открывается на шесть дюймов, застывает. Тот же голос произносит: *«Дерьмо»*. Потом он слышит металлический скрежет: снимают цепочку. Дверь распаивается.

— Да?

У молодых мам никогда нет времени. У этой розовое лицо, длинные волосы, которые она отбрасывает с глаз, чтобы не мешали смотреть.

— Я пришел к мистеру Мэллори. — Манди указывает на бумажку с выцветшей надписью. — Он — школьный учитель. Живет на верхнем этаже.

— Вы про того, что умер? Спросите в магазине. Они вам все скажут. *Иду, Билли!*

Ему нужен банк. Иногда там обналичивают чеки от адвокатов из Уэйбриджа для молодых людей, ищущих Годо.

* * *

Вновь в воздухе, высоко над землей, Манди пребывает между грезами и реальностью. Рим, Афины, Каир, Бахрейн и Карачи принимают его без лишних вопросов и пропускают дальше. Приземлившись в Лахоре, он отказывается от многочисленных предложений ночлега и вверяет себя в руки водителя по имени Махмуд, который говорит на английском пенджабском. У Махмуда военные усы и «Вулзли»¹ модели 1949 года с приборным щитком из красного дерева и восковыми гвоздиками в вазе, прикрепленной у заднего стекла. И Махмуд знает дорогу *в то самое место, сахиб, без всяких «если» и «может быть», именно в то самое место*, где с должными почестями похоронили ирландскую католическую горничную и ее родившуюся мертвой дочку. Махмуд знает, потому что волей случая он давний друг и двоюродный брат церковного сторожа, который говорит, что назвали его Павлом, в честь святого. Он ведет обтянутую кожей регистрационную книгу и за маленькое вознаграждение всегда готов показать, где захоронены милостивые сахибы и мемсахибы.

---

¹ «Вулзли» — легковой автомобиль средней мощности компании «Бритиш лейланд».

Кладбище — окаймленный стенами овал, террасами спускающийся вниз за древним газовым заводом. На нем полным-полно обезглавленных ангелов, частей старых автомобилей, разбитых бетонных крестов с торчащей арматурой. Могила находится у подножия дерева, переплетенные ветви которого вырезают в залитом солнцем кладбище круг столь густой тени, что Манди на мгновение кажется, будто перед ним разверзлась земля. Надгробье из мягкого песчаника, выбитая надпись едва видна, и прочитать ее можно, лишь водя пальцем по буквам. *«В память Нелли О'Коннор из графства Керри, Ирландия, и ее малютки-дочери Розы. От любящих их отца Артура и сына Эдуарда. Покойтесь с миром».*

Я — Эдуард.

Появляются два десятка детей, предлагающих цветы, сорванные с других могил. Не обращая внимания на протесты Махмуда, Манди сует деньги в каждую маленькую ручку. Склон превращается в улей детей-нищих, и высокий, сутулящийся англичанин мечтает о том, чтобы стать одним из них.

* * *

Едва втиснувшись на пассажирское сиденье, с коленями, плотно прижатыми к приборному щитку из красного дерева древнего «Вулзли», Возвратившийся сын наблюдает за надвигающимся облаком пыльного тумана, которого в Индии никак не миновать, если ты куда-нибудь едешь. И по прибытии на место все тот же туман поджидает его. На зеленых склонах холмов он узнает брошенные каменные пивоварни, построенные властями, чтобы было чем запивать карри майора. Это та самая дорога, по которой мы ехали, когда нас выслали в Англию, думает

он. Это те же запряженные волами телеги, которые мы обгоняли. Это те же дети, которые смотрели нам вслед, но я тогда не оглядывался.

Повороты плавно переходят один в другой. «Вулзли», как старая лошадь, четко им следует. Впереди встают коричневые горы с вершинами, прячущимися в облаках. Слева лежат предгорья Гиндукуша. Над ними возвышается громада Нанга Парбат.

— Тот самый город, сахиб! — кричит Махмуд, и, да, он успевает заметить коричневые дома на гребне, исчезнувшие с поворотом дороги. Теперь реликты отбывших англичан приобретают четкую военную направленность: разрушенный блокпост, разваливающаяся казарма, заросший сорняками плац. Последний рывок «Вулзли», еще несколько поворотов. Они в городе. Экскурсовод и шофер Махмуд превращается в агента по торговле недвижимостью. Он знает все лучшие дома, продающиеся в Мюрри, и минимальные цены, по которым их можно купить. Главная улица, сахиб, сегодня одно из самых модных мест во всем Пакистане: обратите внимание на отличные рестораны, продовольственные и промтоварные магазины. А на этих боковых тихих улицах расположены элегантные летние виллы самых богатых и разборчивых жителей Исламабада.

— Вы только посмотрите, какие тут прекрасные виды, сахиб! Как великолепны далекие равнины Кашмира! Что касается климата, то большую часть года он очень даже мягкий. А в сосновых лесах полно всякой живности в любое время года! Почувствуйте, как сладок гималайский воздух! О, как же здесь хорошо!

Пожалуйста, поезжайте на холм, говорит Возвратившийся сын.

— Да, да, правильно, мимо пакистанской военно-воздушной базы и дальше.

Спасибо, Махмуд.

На военно-воздушной базе траву заменил бетон. Офицерскую столовую надстроили на один этаж. *«Эти чертовы финансисты, вечно урезают бюджет»*, — слышит Манди возмущенный голос майора. Дорога уже вся в выбоинах, ехать по ней — удовольствие маленькое. Городское богатство уступает место пыльной бедности. Еще пара миль, и они добираются до коричневого склона с заброшенными казармами и деревенскими домишками.

Остановитесь здесь, пожалуйста, Махмуд. Благодарю вас. Да, именно здесь.

Козы, собаки и вечные бедняки тянутся к автомобилю через плац. Полоска пыльной травы за мечетью, где великие завтрашние игроки в крикет оттачивали свое мастерство, превратилась в хоспис для умирающих. Та же рука, что стерла с лица земли дом номер два в Уэйбридже, оставила от бунгало майора только стены, снесла крышу, с корнем вырвала двери, оконные рамы, балкон. Пустые глазницы окон, вот и все, чем может похвастаться бунгало.

Задавай вопросы, Махмуд, пожалуйста. Я пенджабский забыл.

Айя? Тут все айи, сахиб. Как ее имя?

У нее не было имени, просто Айя. Она была очень толстая. Манди хочет добавить про огромный зад, который не помещался на маленькой табуретке в коридоре, за дверью спальни, но не хочет, чтобы дети смеялись. Она работала у английского майора, который здесь жил, говорит он. Майор неожиданно уехал. Он пил слишком много виски. Любил сидеть вон под тем деревом и курить сигары, которые называл бир-

манскими. Скорбел по умершей жене, любил сына и сожалел о Разделе.

Махмуд все это переводит? Скорее нет, чем да. Он тоже человек деликатный. Они находят старейшину. *«О, я помню Айю очень хорошо, сахиб! Она из Мадраса, если не ошибаюсь. Вся ее семья погибла в пожарах, кроме этой милой женщины. Да, сэр, да, она приехала сюда, здесь и осталась. После отъезда майора ее услуги никому не требовались. Сначала она просила милостыню, потом умерла. Перед смертью так исхудала. Сахиб никогда бы не узнал в ней ту большую женщину, которую описывает. Рани? — Он напрягает память. — О какой Рани говорит сахиб?»*

Рани, отцу которой принадлежала ферма пряностей, отвечает Манди, потому что память вдруг подсказывает ему, как Рани частенько приносила ему в подарок пряности, завернутые в листья.

И старейшина тут же вспоминает Рани!

«Мисс Рани, она так хорошо вышла замуж, уверяю вас, сахиб! Вы будете счастливы, узнав, как широко улыбнулась ей судьба, сэр. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, отец выдал ее за богатого владельца фабрики в Лахоре, для наших мест это очень завидный жених. Аллах уже благословил их тремя сыновьями и дочерью, и я думаю, что это очень даже неплохо. Благодарю вас, сахиб, вы очень щедры, как все англичане».

Они возвращаются к «Вулзли», но старейшина догоняет их, хватая Манди за руку, смотрит в глаза с неземной доброжелательностью.

«А теперь, прошу вас, возвращайтесь домой, сэр, пожалуйста, — советует он, очень по-доброму. — И не привозите нам ваши товары, я вас умоляю. Не присылайте ваших солдат, у нас хватает своих, благодарю вас. Вы, англичане, уже взяли у нас все, что хоте-

ли. У вас теперь всего вдоволь. Дайте нам отдохнуть от вас, пожалуйста!»

Подождите здесь, говорит Манди Махмуду. Присмотрите за машиной.

Он спускается по лесной тропе, представляя себе, что идет босиком. Через минуту Айя позовет меня, чтобы сказать, что я не должен уходить так далеко. Стволы двух высоченных деревьев такие же огромные, как раньше. Тропа между ними ведет к берегу речки. Скалистое дно пруда по-прежнему поблескивает перламутром. Но в воде он видит отражение только собственного лица.

* * *

«Дорогая Юдит, — в тот же вечер пишет он по-английски в номере отеля в бедной части Лахора. — Ты могла бы хоть как-то дать знать о себе. Хотелось бы думать, что время, проведенное нами вместе, значит для тебя так же много, как для меня. Я должен верить в тебя. Одно дело — продолжать изучать жизнь. Совсем другое — иметь твердую почву под ногами. Я уверен, тебе понравилось бы это место. Населяет его, как ты бы сказала, настоящий пролетариат. Я знаю насчет тебя и Саши и ничего не имею против. Я тебя люблю. Тед».

Совершенно не похоже на меня, решает он. Но что похоже? На почтовом ящике в отеле герб королевы Виктории. Остается надеяться, что Ее величество знает, как найти коммуны в Кройцберге.

* * *

Он снова в Англии. Рано или поздно приходится возвращаться. Может, у него закончилась виза. Может, надоела собственная дурная компания. Следуя

испытанной временем традиции, бывший старший префект и герой крикетных полей поступает на работу в сельскую подготовительную школу¹, которая нанимает учителей без диплома, разумеется, на неполную ставку. Призвав на помощь давнюю подругу, самодисциплину, он с привычным рвением набрасывается на загадки немецких глаголов, правильных и неправильных, грамматических родов и множественности. Время, остающееся после исправления ошибок в домашних заданиях и контрольных, использует так: он ставит на школьной сцене «Приключение Амброза Эпплджона»² и занимается любовью с суррогатом Юдит, женой учителя физики, в сторожке за полем для крикета. Во время школьных каникул убеждает себя, что он — будущий Ивлин Во, но издатели этого мнения не разделяют. Время от времени посылает в коммуны все более отчаянные письма. В некоторых предлагает Юдит выйти за него замуж, в других сообщает о разбитом сердце, но все они загадочным образом имитируют прозаический тон лахорского письма. Зная только, что ее фамилия Кайзер, а родом она из Гамбурга, он роется в телефонных справочниках местной библиотеки, потом загружает работой международную телефонную станцию, обзванивая подряд всех Кайзеров Северной Германии, пытаясь найти среди них Юдит. Но поиски бывшей ученицы разговорного английского успеха не приносят.

К Саше отношение у него сдержанное. По прошествии времени он понимает, что слишком многое

---

¹ Приготовительная школа — частная, обычно школа-интернат для мальчиков 8—13 лет, готовит к поступлению в привилегированную частную среднюю школу.

² «Приключение Амброза Эпплджона» — пьеса американского драматурга Уолтера Хэкетта (1876—1944).

в поведении его бывшего соседа по комнате достойно осуждения. Он недоволен тем, что при встрече лицом к лицу сразу попал под обаяние Саши. Сожалеет о своем восхищении Сашиными философскими абстракциями. Его раздражает, хотя раньше он утверждал обратное, то, что до него Саша был любовником Ильзе, а после него стал любовником Юдит. «Придет день, когда я ему напишу, — говорит он себе. — Пока же буду писать свой роман».

А что самое огорчительное, через три полных года после высылки из Берлина он получает пачку писем, отправленных в его оксфордский колледж, а потом переадресованных в его банк после долгой выдержки в почтовом хранилище.

* * *

Их круглая дюжина. Некоторые состоят из двадцати страниц, отпечатанных через один интервал на Сашиной переносной «Оливетти», плюс комментарии и постскрипtum, написанные его резкой немецкой рукой. Первая трусливая мысль Манди — не читая, отправить все письма в мусорное ведро. Вторая — спрятать так, чтобы потом никогда не найти: за шкафом, в стропилах сторожки за полем для крикета. Но, после многодневного перекладывания писем с места на место, он наливает себе виски, раскладывает их в хронологическом порядке и читает.

Сначала он тронут, потом его охватывает стыд.

Негодование исчезает бесследно.

Саша в отчаянии.

Письма — крик боли его хрупкого друга, который не покинул передовую.

Исчезли отрывистые фразы, догматические заявления, изрекаемые с трона. Вместо них робкая на-

дежда, что в мире, рушащемся ему на голову, остается еще искорка надежды.

Он не просит ничего материального. Его потребности минимальны, и удовлетворить их проще простого. Он сам может готовить себе еду, по телу Манди пробегает дрожь, у него нет недостатка в женщинах... а когда был? Журналы должны ему деньги за опубликованные статьи; один или другой заплатит, прежде чем разорится. Фейсал из кафе тайком гонит арак, который может свалить с ног лошадь. Нет, трагедия Сашиной жизни на другом, более высоком уровне. Беда в том, что радикальные леваки Западной Германии — пройденный этап, и Саша — пророк без страны.

«Пассивное сопротивление перестало быть сопротивлением, гражданское неповиновение переросло в вооруженное насилие. Маоистские группы борются друг с другом за подачки ЦРУ, экстремисты взяли верх над радикалами, и те, кто не идет на соглашение с боннскими реакционерами, изгоняются из так называемого общества. Возможно, ты этого не знал, но теперь у нас действует закон, который официально исключает из общественной жизни всех, кто не присягнул на верность *базовым принципам либеральной демократии*. Одна пятая наемных работников Германии, от машинистов и профессоров до меня, причислены фашистами к не-людям! Ты только подумай, Тедди! Мне не будет позволено водить поезд, пока я не соглашусь пить кока-колу, бомбить дамбы Красной реки и выжигать напалмом вьетнамских детей! Скоро меня заставят нашивать на одежду желтую литеру «С», чтобы все знали, что я — социалист!»

Манди уже с жадностью ищет хоть слово о Юдит.

И находит в сноске, посвященной вопросам, не связанным с основной темой письма, для Саши это типично.

«Люди уезжают из Берлина по ночам. Часто мы понятия не имеем, куда они направляются. Питер Великий, по слухам, уехал на Кубу. Будет сражаться за Фиделя Кастро. Будь у меня нормальные ноги и плечи Питера, я бы, наверное, и сам встал на защиту этого кубинца. Насчет Кристины информация печальная. Вроде бы отец добился для нее разрешения вернуться в Афины. С милостивого согласия правящей страной фашистской военной диктатуры, поддерживаемой Америкой, ей дозволено работать в судходной компании отца. Юдит, игнорируя мои советы, уехала к Карен в Бейрут. Я боюсь за нее, Тедди. Путь, который она выбрала, героический, но тупиковый. Если верить другу, недавно вернувшемуся из тех краев, даже самые радикальные арабы не приемлют нашей сексуальной революции, полагая ее западным декадансом. Такие предрассудки идут в разрез с аппетитами Юдит. К сожалению, к моменту ее отъезда мое влияние на нее практически равнялось нулю. Она женщина своенравная, руководствуется собственными эмоциями, и доводами, продиктованными здравым смыслом, ее не убедишь».

Столь несправедливый портрет любимой женщины Манди пробуждает в нем романтические позы: *«Поезжай к ней! Лети в Бейрут! Прочеси палестинские тренировочные лагеря! Присоединись к борьбе, отдели ее от Карен, привези обратно живой!»* Обнаружив, что по-прежнему сидит на стуле, он читает дальше.

«Меня тошнит от теории, Тедди. Меня тошнит от буржуазных теоретиков, для которых революция —

курение марихуаны, а не табака перед собственными детьми. Ненавистный лютеранин во мне не спит, я это признаю, признаю. Сейчас, когда я пишу это письмо, я готов отдать половину того, во что верю, за идею, которая разгонит окружающую меня темноту. Как же хочется узреть на горизонте хотя бы одну великую, рациональную истину и пойти к ней, независимо от того, что придется оставить позади, от чего отказаться. Сумеет ли завтра изменить меня? Ничто меня не изменит. Меняется только мир. А здесь, в Западной Германии, завтра нет. Есть только вчера, или изгнание из общества, или порабощение силами империализма».

Манди чувствует, что голова у него начинает идти кругом. Если б слушал, то давно отключился бы. Но как-то продолжает читать.

«Любые акции протеста, проводимые левыми в эти дни, только узаконивают правый заговор, который нас заставляют называть демократией. Само наше существование, как радикалов, укрепляет власть наших врагов. Боннская военно-промышленная хунта так крепко привязала Западную Германию к американской военщине, что мы не можем и пальцем пошевелинуть против ее жестокостей».

Он мечет громы и молнии. Манди теперь читает по диагонали.

«Наши терпимые властью голоса — это все, что осталось нам для борьбы с корпоративной тиранией... Истинные социалистические идеалы превратились в придворных евнухов боннского Пантеона...»

В Пантеоне держали евнухов? Манди, учитель-педант, в этом сомневается. Он слюнявит палец, переворачивает пару страниц, потом еще пару. Отличные новости. Саша по-прежнему ездит на велосипе-

де. «С того дня, как ты учил меня кататься в Тиргартене, я больше не падал». Сведения о его бывшем учителе в Кельне не столь приятные: *«Мерзавец отказался от половины своих идей и уехал в Новую Зеландию!»*

Манди откладывает письмо в сторону и берет последнее. Оно начинается зловеще: *«Я принялся за вторую бутылку арака»*. Слова льются легче, фразы проще, более человечные.

«Я не держу на тебя зла за твое молчание, Тедди. Я вообще на тебя не сержусь. Ты спас мне жизнь, а я увел у тебя женщину. Если ты все еще зол на меня, оставайся злым. Без зла мы — ничто, ничто, ничто, — приятно это слышать. И что *из этого следует?* — Если ты охраняешь свою литературную музу молчанием, охраняй ее как следует, пиши хорошо, лелей свой талант. Я более никогда не буду воспринимать тебя только слушателем. А слушать ты умел. Теперь я краснею, вспоминая ту чушь, которую нес, а ты слушал, — что ж, наконец-то ты понял. — Ты все еще слушаешь? Надеюсь на это. Ты идеологически не зашорен. Ты — мой буржуазный исповедник, а я продолжаю одиссею логической трансформации. Только с тобой я могу мыслить вслух. Вот я и шепчу тебе сейчас через решетку исповедальни, что я — тот самый персидский поэт, уходящий в дверь, через которую ранее вошел, после того как выслушал все аргументы мира. Я вижу перед собой эту темную дверь. Она открыта, ждет, чтобы я переступил порог». *Темная дверь?* О чем он, черт побери... неужели о самоубийстве? «Господи, Саша, возьми себя в руки», — думает Манди, но он очень встревожен.

Незаконченная страница. Продолжение на следующей. Буквы и строчки налезают друг на друга,

послание от человека, которого приговорили к прыжку со скалы.

«Таким образом, Тедди, ты видишь своего друга, стоящего на перекрестке дорог... — на перекрестке или перед персидской дверью? Определись с этим, говнюк! — Какие имена читаю я на указателях? Туман такой густой, что я едва могу разобрать их! Ответь мне на это, мой дорогой друг. А лучше ответь моим новым соблазнительям... если наш классовый враг — капиталистический империализм (и кто может в этом сомневаться?)... тогда кто наш классовый друг? Я слышу, ты предупреждаешь меня, что я могу попасть в зыбучие пески, — ага, понял, твоя темная дверь открывается на пляж. — Ты прав, Тедди! Ты прав, как всегда! Однако как много раз ты не слышал мои слова о том, что долг каждого революционера действовать там, где ты можем принести максимальную пользу нашей Борьбе? — Манди такого не помнит, но, возможно, он действительно не слушал, а потому и не слышал. — Так вот, Тедди, теперь ты видишь, как плотно я спеленат несовершенной логикой моих же убеждений. Ты — мой верный друг! Абсолютный друг! Если я приму решение, а я боюсь, что уже принял его, то унесу твое верное сердце с собой!»

С театральным стоном Манди отбрасывает письмо, но ему остается прочитать еще одну страничку.

«Пиши через Фейсала в «Стамбульском кафе». Я позабочусь о том, чтобы твои письма попадали ко мне, куда бы ни забрасывала меня судьба. Стараниями этих свиней ты стал хромым? О, какие же они сволочи! Ты еще способен основать династию? Я на это надеюсь, и на то есть причина: чем больше Тедди будет в нашем мире, тем лучше этот мир будет. А как

голова, не болит? Это все, что мне нужно знать. Твой во Христе, в священной вечере любви, в дружбе, в отчаянии, Саша».

* * *

Охваченный чувством вины и тревогой, чувствуя неловкость, как случалось всегда, стоило тени Саши упасть на его тропу, Манди хватает ручку, бумагу, начинает объяснять причины своего молчания и клянется в вечной верности. Он не забыл, каким трудным был путь Саши в эту жизнь; или чувство, которое возникало у него всякий раз, когда Саша выходил из комнаты: а ведь он может и не вернуться. Он помнит разновысокие плечи, благородную голову, плохо координированные движения, что при ходьбе, что при езде на велосипеде. Он помнит Сашу при свете свечей, рассказывающего о герре пасторе. Он помнит карие, светящиеся умом глаза, лихорадочный поиск наиболее уместного слова, неспособность к компромиссам или уверткам. Он решительно прощает ему Юдит. Прощает и Юдит. Он и раньше множество раз пытался ее простить, но не получалось.

Письмо начинается очень хорошо, но потом запал быстро иссыкает.

«Допишу утром, на свежую голову», — говорит он себе.

Но утро не лучше предыдущего вечера.

Он пытается воспользоваться посткоитусной расслабленностью после особенно удачной встречи в сторожке за полем для крикета, но доброжелательное, с легким юмором письмо, которое он задумал, упрямо остается ненаписанным.

Как обычно, он находит пусть слабые, но оправ-

дания. Господи, прошло добрых три года. Скорее даже четыре. Фейсал мог закрыть кафе, он копил деньги, чтобы купить такси.

И потом, каким бы безумным ни был шаг, на который решился Саша, он его уже сделал. Опять же, у меня целая стопка непроверенных сочинений пятиклассников на немецком языке.

Манди все еще мучается с письмом, когда жена учителя физики, сдавшись затерзавшим ее угрызениям совести, признается мужу во всех своих грехах. Всю троицу вызывают к директору школы, где быстро приводят к взаимоприемлемому решению. Поставив свои подписи под заранее заготовленным документом, все стороны обещают сдерживать свои страсти до окончания экзаменов.

— Ты не мог бы вывезти ее куда-нибудь на каникулы, старина? — шепчет учитель физики на ухо Манди в местном пабе, пока жена делает вид, будто не слышит. — На лето мне предложили неплохую работу в аэропорту Хитроу.

Манди сожалеет, но вынужден ему отказать, поскольку его планы на лето уже определены. И пока он раздумывает, что же это за планы, и не только на лето, писательский психологический блок исчезает. В нескольких добросердечных фразах он повторяет Сашину клятву в верности, советует ему взбодриться и не принимать все слишком серьезно. Выражение доктора Мандельбаума «*дурацкая серьезность*» небрежно слетает с его пера. «*Не загоняй себя, друг мой, сделай паузу! Жизнь несовершенна, и ты в одиночку не сможешь исправить все ее недостатки, никто не сможет, и уж тем более твои новые соблазнитель, кем бы они ни были!*» А потом забавы ради, а также для того, чтобы показать, что ревность забыта, он добавляет

раблезианский и не в полной мере соответствующий действительности рассказ о своем романе с женой учителя физики.

«И я действительно больше не ревную, — убеждает он себя. — Юдит и Саша поимели свою долю свободной любви, и я за это заплатил. Как справедливо говорит Саша, без злости мы ничто».

* * *

Избрать карьеру журналиста — сделать шаг к литературному бессмертию, вот Манди и поступает на соответствующие курсы, а потом нанимается репортером в умирающую провинциальную газетенку в Восточных центральных графствах. Поначалу все идет хорошо. Его материалами об упадке местного рыболовного флота восхищаются; его красочные описания событий в гостиной мэра находят забавными, и ни одна из жен коллег не предлагает заменить собой Юдит. Но потом, во время отпуска редактора, он пишет об эксплуатации нелегальных эмигрантов-азиатов на местной консервной фабрике, и идиллия резко обрывается. Владельцу фабрики принадлежит и газета.

Перебравшись со всеми своими талантами на пиратскую радиостанцию, он берет интервью у местных знаменитостей, запускает песни давно ушедших лет, из золотых денечков нынешних пап и мам, когда продюсер предлагает ему заглянуть в соседний бар.

— У нас другая аудитория, Тед, — объясняет продюсер. — Спонсоры говорят, что передачу ты ведешь, как закормленный старикашка из палаты лордов.

Наступают тяжелые времена. Би-би-си отказывается от его радиопьесы. Детская история о художнике, который мелом рисует на выложенной плита-

ми берлинской площади шедевр, а потом нанимает банду подростков, чтобы те помогли ему утащить плиты, не нравится издателям, один из которых реагирует с нежелательной прямоотой: *«Мы находим действия Ваших немецких полицейских жестокими, а язык оскорбительным. Нам непонятно, почему местом действия Вашей истории Вы выбрали Берлин, город, который вызывает неприятные ассоциации у многих наших английских читателей»*.

Но даже из глубин тоски Манди видит проблеск света. В периодическом издании, выходящем раз в квартал и ориентированном на читателей со склонностью к литературному труду, американский фонд предлагает гранты писателям моложе тридцати лет, которые готовы черпать вдохновение в третьем мире. Не испугавшись перспективы оказаться в замке великана, Манди очаровывает трех добрых матрон из Северной Каролины за чаем с оладьями в старинном отеле на лондонской Расселл-сквер. Шестью неделями позже вновь оказывается на борту корабля, на этот раз плывущего в страну Возможность. Стоя на корме, глядя, как растворяются в морозящем дожде очертания Ливерпуля, он не может отделаться от ощущения, что оставляет не Англию — Сашу.

* * *

Годы бесцельных блужданий еще не исчерпали себя. В Таосе, наконец-то настоящий писатель, Манди арендуют глинобитную хижину с видом на заросли полыни, телеграфные столбы и стаю собак, словно забредших из Мюрри. Сидя у окна, он пьет текилу и пишет о каждодневном долго умирающем багряном закате. Таких дней много, как и текилы. Но тем же

довольствовались и Малколм Лаури¹, и Д. Г. Лоренс. Туземцы не просто дружелюбны, они прожарены солнцем, кроткие и часто обкуренные. В отличие от Берлина здесь никто не рвется разорвать на куски колонизаторов. Его усилия создать местную драматическую труппу заканчиваются ничем, не в силу неукротимой агрессивности, но из-за различий в восприятии.

Осилив пятьдесят страниц романа о гражданской борьбе в вымышленной европейской стране, он отправляет их издателю, с пожеланием получить совет о концовке романа. Издатель не склонен что-либо предлагать. Потом из-под пера Манди выходит маленький томик стихотворений, посвященных Юдит. Печатает Манди его на собственные средства, озглавливает «Радикальная любовь». Непризнанные таланты вроде него единодушны в восхищении собой, но стоимость сборника в два раза выше той, что указывалась в предварительной смете.

Время замедляет свой бег. Когда Манди совершает ежевечернюю прогулку по пыльным улочкам к «Испанской таверне», с его лица не сходит широкая, чуть стыдливая улыбка. Новости по проблемам, которые когда-то он принимал близко к сердцу, теперь напоминают отрывочные тексты Киплинга из книги майора. Вьетнамская война — продолжающаяся трагедия. Весь Таос так говорит. Палестинцы развязали кампанию террора, читает он в старом номере «Тайм», и фракция «Красная армия» Ульрики Майнхоф им в этом помогает. Неужто Юдит — человек в маске и с автоматом в руках? Карен? Сама идея вызывает у не-

---

¹ Лаури, Малколм (1909—1957) — канадский писатель-реалист.

го ужас, но что он может сделать? *«Карен полностью подписывается под словами Франца Фанона, что насилие, проявленное угнетенными, легитимно в любом виде»*. Что ж, я не подписываюсь. И Саша тоже. Но ты, предположительно, подписалась. И твоя сексуальная свобода несовместима с нравственными стандартами реакционной Аравии.

Если Манди иной раз и испытывает угрызения совести из-за того, что он более не участвует в маршах протеста и не подставляется под полицейские дубинки, то пара стаканчиков текилы без труда их заглушают. В раю, где все вокруг тебя живут только ради искусства, долг цивилизованного человека поступать точно так же. Но и в раю есть шипы, и никакая текила не может снять боль от их укулов. Ты можешь выгонять прошлое через дверь, но оно обязательно полезет в окно. Сидишь вот на веранде глинобитного домика с блокнотом на коленях, наблюдая, как то же самое гребаное солнце исчезает за той же самой гребаной горой, горбатишься вечер за вечером над пишущей машинкой с вставленным в каретку листом чистой бумаги, смотришь в окно, взбадривая талант текилой, и что ты слышишь, как не голос Саши, который, набив рот колбасой с чесноком, вещает тебе о происхождении человеческого знания? Или на пути в «Испанскую таверну», когда одиночество пустыни наваливается на тебя вместе с закатом и ты начинаешь считать давних друзей... кто, как не Саша, хромает рядом с тобой по берлинской брусчатке, когда вы оба направляетесь в «Обритого кота», где Саша расскажет всем собравшимся, как надобно перестраивать мир? А иногда ты в объятьях одной из художниц, писательниц, трансцендентальных созерцательниц или искательниц истины, чья дорога к поставленной

цели включает и остановку в твоей постели, чье несравненное тело, в длинных белых шерстяных рейтузах или без оных, стоит у тебя перед глазами?

* * *

И потом, как сказал бы Хемингуэй, здесь есть бедный, маленький Берни Люгер, бородатый, богатый, низкорослый художник с его моделью-кубинкой Нитой, которая больше ему не позирует. Как можно? Берни более не рисует гребаную женскую натуру, он выше этого дерьма! Теперь его восьмифутовые шедевры — черно-красные инферно Последнего дня, вот и сейчас он создает триптих «Залитая напалмом Миннесота», такой высоченный, что ему приходится залезать на лестницу. Неужто все художники-коротышки создают большие полотна? Манди подозревает, что да.

Берни, если вы ему верите, а верить ему — оптимальный вариант, величайший освободитель и борец за свободу со времен Торо, чьи произведения он читает вслух на своих затягивающихся до утра вечеринках, чуть возвышаясь над коричневым обрывом испанской кафедры, подаренной, по его словам, Че Геварой в благодарность за некие услуги, рассказать о которых он не может. Берни участвовал в акциях гражданского неповиновения в Мемфисе. Национальные гвардейцы едва не забили его дубинками... видите шрам на голове? Он возглавлял марши протеста в Вашингтоне и сидел в тюрьме за нарушение общественного порядка. Черные пантеры называют его братом, а ФБР прослушивает его телефон и читает письма... так он говорит, но верят ему все-таки немногие.

Как могло случиться, что Манди якшается с ним, этим трепливым богачом в очках с толстыми дымча-

тыми стеклами, с ужасными картинами, седым конским хвостом и нелепыми претензиями? Возможно, причина в том, что Манди понимает состояние постоянного ужаса, в котором пребывает Берни... любая мелочь может выбить его из колеи. Понимает это и Нита. С яростным взглядом, грубая и бесстрашная, она спит со всеми мужчинами Таоса во имя свободы человека, но защищает своего крошку Берни, как львица.

— Это дерьмо, которым ты занимался в Берлине, — начинает Берни как-то вечером, приподнявшись на локте, чтобы рывкнуть на Манди через расprostертую между ними Ниту.

Происходит сие на гасиенде Берни, в старом испанском фермерском доме, сооруженном в том месте, где «сливаются» русла двух пересохших рек. Вокруг лежит еще десяток гостей, внимающих галлюцинаторной мудрости *пейоты*¹.

— Какое именно? — спрашивает Манди, уже сожалея о том, что несколько дней тому назад, в момент слабости или ностальгии, признался в своем радикальном прошлом.

— Ты был Коммунистом, так?

— Только с маленькой буквы.

— Что значит с маленькой, лайми²?

— Коммунистом, возможно, в философском смысле. Но не членом партии. Образно говоря, чума на оба ваших дома.

— То есть ты исповедовал Средний путь! — фыркает Берни, пытаясь завестись, несмотря на успо-

¹ Пейота — маленький шарообразный кактус серовато-голубоватого цвета, мякоть которого вызывает галлюцинации.

² Л а й м и — пренебрежительное прозвище англичан.

каивающую музыку. — Был гребаным Либералом, с большой буквы «эл» и с маленьким членом.

По опыту Манди знает, что в такие моменты лучше не возражать.

— Что ж, когда-то и я был таким же, — продолжает Люгер, перегнувшись через Ниту и понизив голос. — Я исповедовал Средний путь, тропу мира и гребаного согласия. И вот что я тебе сейчас скажу. Нет никакого Среднего пути. Не существует. Когда ставки сделаны, есть только один путь. Запрыгиваем мы в гребаный поезд истории или стоим на платформе, почесывая наши британские задницы и наблюдая, как гребаный поезд уходит? — Манди вспоминает, что в своих письмах Саша задается практически тем же вопросом, но держит эти мысли при себе. — И, Господи Иисусе, я вот на этом поезде! Я на этом поезде в том смысле, о котором ты и не мечтал, более того, не решался мечтать... слышишь меня, товарищ? Слышишь меня?

— Ясно и отчетливо, старина. Только не знаю, что именно ты мне говоришь.

— Тогда считай себя счастливым, потому что от этого знания ты можешь умереть. — В избытке чувств он хватает предплечье Манди дрожащими пальцами. Потом разжимает их, жалко улыбается. — Шутка, понимаешь? Я люблю тебя, лайми. Ты любишь нас. Я ничего не говорил, ты ничего не слышал. Даже если они выдернут наши гребаные ногти. Поклянись мне. Поклянись!

— Берни, я уже все забыл, — заверяет его Манди и по пути домой печально размышляет о том, что обманутый любовник готов пуститься во все тяжкие, чтобы скрыть свою несостоятельность.

* * *

Однажды к нему приходит письмо, но не от Саши. Конверт из дорогой, плотной, высокого качества бумаги, и это хорошо, потому что письмо, начав свое путешествие в Канаде, дважды пересекло Атлантический океан, а на суше побывало во многих руках. В верхнем левом углу отпечатан логотип фирмы отправителя «Эпштейн, Бенджамин и Лонгфорд», с адресом в Торонто. Манди предполагает, что это адвокатская контора, внутренне готовится узнать о том, что какой-то разъяренный муж подает на него в суд. Оставляет конверт дозревать неделю или две, пока должное количество стаканчиков текилы не выводит его на необходимый уровень безразличия, и вскрывает письмо. Домашний адрес и телефон, тоже в Торонто, ему неизвестны. Подпись, которую он никогда не видел раньше, чиновничья закорючка, одна фамилия, не поддающаяся расшифровке.

«Дорогой Тедди!

Полагаю, ты удивишься, получив мое письмо после всех этих лет, но оно написано, так что деваться некуда. Я не собираюсь отнимать у тебя время, подробно рассказывая обо всех моих путешествиях и приключениях (тяжелый труд!), имевших место быть после нашего расставания в Берлине, господи, кем мы тогда были, скажу только о сделанном мною в этой жизни открытии: если ты достаточно часто ошибаешься в выборе пути, то с годами оказываешься аккурат в том месте, откуда и сделал первый шаг, и полагаю, что в определенном смысле, если я рассуждаю предельно рационально, а в моей работе другому нельзя, я сейчас нахожусь в отправной точке. После Берлина я думала, пасть ниже просто не-

возможно, но ошиблась, только падала и падала, однако, не достигнув дна, я бы, возможно, не поняла, какой безумной стала моя жизнь, и не смогла бы заставить себя пойти в наше посольство в Бейруте, позвонить родителям и попросить их забрать меня, пока я кого-нибудь не убила или не взорвала себя, как Карен, собирая гребаную бомбу на боковой улочке Найроби.

Так кто я теперь? (А) Я — уважаемый член коллегии адвокатов провинции Онтарио, добившаяся немалых успехов адвокатесса Торонто, (Б) мать очаровательной маленькой девочки по имени Жасмин, которая с годами будет выглядеть совсем как я, если ты помнишь, *какой* я была, и (В) замужем за очень милым, очень достойным мужчиной, прекрасным отцом, обожающим дочурку и, естественно, ее мать, но при этом он — жуткий гребаный зануда и обманщик, каких свет не видывал. Я богата, по стандартам канадского среднего класса мы оба богаты, да только не можем смириться с тем, что канадским адвокатам платят куда как меньше, чем их американским коллегам. Эти мысли отнимают у меня много времени (Ларри считает, что спешить тут не надо, эти вопросы следует решать на уровне коллегии адвокатов, но ты меня знаешь, я всегда хочу добиться большего).

Пункт (Г) я оставила на закуску, и, полагаю, в нем причина того, что я взялась за письмо. Может, это очень далекая перспектива, но у меня есть предчувствие, что это не так. Знаешь, что я тебе скажу? Господи, Тедди, я тоже люблю тебя. Все твои письма... они брали за душу, не только за душу, но и за некоторые другие части тела, которые тебе хорошо знакомы! Однажды, думала я, я напишу Тедди и скажу, как же мне хочется оказаться с ним рядом! Но,

чего уж там, по части тех, кто не любит писать писем, я занимаю твердое второе место в мире, при условии, что первое присудить не удалось. Так что давай исходить из того, что я бы тебе об этом сказала, если бы представилась такая возможность. Да, ты был моим первым мужчиной, я подарила тебе свою девственность, если тогда это что-то значило, но черт побери, Тедди, *нас связывало гораздо большее*. Почему я выбрала Тедди, хотя могла пойти к Питеру, Величайшему жеребцу на Земле, или к Саше, нашему харизматическому Сократу (который потом допустил меня в свой гарем, но чего-то особенного я там не нашла), или к любому другому из симпатичных парней, болтающихся в коммуне? Почему я мгновенно «намокала», стоило мне увидеть тебя, вышагивающего по коммуне, где все трахались, обнимались, курили травку, а ты даже не смотрел на них, пребывая в собственном мире? Потому что ты был особенным, Тедди, ни с кем не сравнимым, и таким ты остаешься для меня и теперь. А если я время от времени изменяла тебе, лишь потому, что ты открыл мой разум и мое кое-что еще, развернул к нормальным отношениям между мужчиной и женщиной, благодаря чему, спасибо тебе, я живу в Канаде, не гнию в могиле или какой-нибудь тюрьме...»

К этому времени повторяется история с Сашиними письмами: Манди проглядывает написанное, чтобы поскорее найти, что же ей нужно. Поиски много времени не отнимают: она хочет Тедди вместо Ларри. Она проверила Ларри и подтвердила давно зреющие подозрения: он ей изменяет. Сама она разводами не занимается, но партнер по фирме, с которым она посоветовалась, разумеется, строго кон-

фиденциально, заверил ее, что с такими доказательствами вины мужа она получит от двух до двух с половиной. И речь идет о миллионах, а не об орешках.

«И вот, Тедди, что я предлагаю. Как я уже и упомянула, речь, конечно, не о завтрашнем дне. У нас есть коттедж на озере Джозеф. Жить в нем можно и летом, и зимой. Он записан на мое имя. Так уж мы его покупали. У Ларри нет даже ключа от него. Я хочу, чтобы ты отвез меня туда, я хочу, чтобы этот коттедж стал нашим вторым Берлином. Ты помнишь, как называл мою кровать сексодромом? В коттедже кровать намного лучше. Опробуем ее и начнем с этого новую жизнь. Для Жасмин я уже нашла отличную няню.

Юдит».

Короче, еще одно доказательство, думает Манди, если оно кому-то требуется, что адвокат всегда говнюк.

* * *

Тем же вечером, на тайной церемонии, Манди сжигает оставшиеся у него экземпляры «Радикальной любви». Его подруга на тот момент — художница, зовут ее Гейл, которая в прошлой жизни работала в организации, именуемой Британский совет¹. Со-

---

¹ Британский совет — правительственная организация по развитию культурных связей с зарубежными странами в целях пропаганды английского образа жизни; устраивает выставки и т. п. за границей, проводит лекции, предоставляет иностранным студентам возможность изучать английский язык в Англии. Основана в 1934 г.

гласно Гейл, Британский совет делает для английской культуры то же самое, что Форин Оффис — для английской политики, только лучше. По настоянию Манди она связывается с ее бывшим работодателем, женатым мужчиной, роман с которым и стал причиной ее ссылки. С обратной почтой прибывают бланк заявления и письмо из двух строчек без подписи, с рекомендацией Манди заполнить приложенный бланк и никогда никому не говорить, как и от кого он получил этот документ. Предлагая Британскому совету свои услуги, Манди забывает упомянуть о том, что у него, строго говоря, нет университетского диплома. Стоя на палубе медленно приближающегося к Англии корабля, он наблюдает, как из тумана выступают очертания Ливерпуля. Рано или поздно, думает он во второй раз, мне пришлось бы сдаться на милость родины.

* * *

В Британском совете он с самого начала нравится всем, и Манди нравится все и вся в Британском совете: спокойные, доброжелательные люди, увлеченные проблемами культуры и ее распространением, а главное, никакой политики.

Ему нравится вставать утром в своей однокомнатной квартире в Хампстеде¹ и ехать на автобусе к Трафальгарской площади. Нравится ежемесячный чек, нравится ходить по коридору в буфет, чтобы выпить кофе и потрепаться с кем-нибудь из коллег. И нравится Криспин из отдела встреч, чье место он займет в самое ближайшее время, как только Криспину исполнится шестьдесят, хотя на самом деле, только не

---

¹ Хампстед — район на севере Лондона.

говори отделу кадров, старина, не шестьдесят, а все семьдесят, в чем он признается Манди за ленчем в маленьком итальянском ресторане, расположенном за углом. По этому случаю Кристин одевается, как на встречу очередного гостя: черный хомбург¹, красная гвоздика в петлице пиджака.

— Лучшая работа в этом мире, сынок. Труднее всего — избежать повышения по службе. Все дела — проехаться в аэропорт Хитроу на медленном, но надежном государственном лимузине, проси тот, где за рулем сидит Генри, он просто душа, показать пропуск милому молодому человеку из Иммиграционной службы, рассыпаться в любезностях перед очередным достопочтенным иностранным гостем, которого принимает правительство Ее величества, и на том же лимузине доставить его в отель около Кингз-Кросс². По дороге в аэропорт молись о том, чтобы самолет задержался. Тогда у тебя появится отличная возможность пропустить стаканчик-другой в зале приема ОВП³. По дороге из аэропорта молись, чтобы его номер еще не успели подготовить. Тогда по прибытии в отель тебе придется чем-нибудь угостить его в баре. И, соответственно, угоститься самому. А потом скорее на базу, составить отчет о расходах, конечно же, с небольшим плюсом, оставив себе на молочко, и свободен, как птица. Как, ты хочешь оплатить весь счет? Ну, ты далеко пойдешь.

И Манди идет. Проходит совсем немного времени, а он уже лучший Встречающий.

---

¹ Хомбург — мужская фетровая шляпа с узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на мягкой тулье.

² Кингз-Кросс — большой вокзал в Лондоне, куда прибывают поезда с севера страны.

³ ОВП — очень важная персона.

— О, какая честь, сэръ (или сеньор, мсье, мадам, а то и герр доктор)! — выкрикивает он, иногда два раза на день, выступая из-за стойки сотрудника Иммиграционной службы и протягивая руку. — Нет, нет, для нас — не для вас... мы уже и *не надеялись*, что вы сможете принять наше приглашение. Министр вне себя от счастья, и позвольте сказать, что я — искренний почитатель вашего таланта и просто без ума от вашей последней книги (пьесы, сюиты, персональной выставки, главное, чтобы подходило). Пожалуйста, сюда, позвольте взять ваши вещи. Моя фамилия — Манди, и я — скромный эмиссар министра... нет, нет, мистер более чем достаточно. Мне поручено проследить за тем, чтобы вы ни в чем не нуждались, и, если во время пребывания в нашей стране вам что-то потребуется, вот моя визитная карточка. Телефон зазвонит прямо у меня на столе. А это мой домашний номер, на случай чрезвычайных обстоятельств... — или то же самое на немецком, или на вполне пристойном французском. А в петлице — гвоздика, как была у Криспина.

Но жизнь Британского совета — это не только встреча гостей. В отличие от Криспина Манди хочет большего. Для достойного человека интересной работы здесь хватает, как доверительно сообщила ему добрая дама из отдела кадров, Манди ей понравился сразу же, во время первого собеседования. Британский балет и театральные труппы надо сопровождать в далекие страны, не говоря уже о художниках, писателях, музыкантах, танцорах и ученых. Следуя ее материнским советам, Манди начинает формировать собственный образ, дабы в нем видели человека, который, лелея таланты известных деятелей культуры, растет и сам. Если должность, предлагаемая

отделом кадров, может послужить трамплином для дальнейшего продвижения по службе, он подает соответствующее заявление... и в считанные месяцы из отдела встреч перемещается в куда более престижный отдел объединения, задача которого — налаживание связей между английскими территориальными образованиями, не испытывающими к этому особого желания, и землями, городами, селами (у этих энтузиазма куда как больше) страны бывшего противника.

С новой работой появляется собственный кабинет и карта Британии с указанием графств, городов, районов с наиболее стойкими антинемецкими настроениями. В поездках по этим графствам он очаровывает деревенских старейшин, мэров, глав охотничьих обществ. Работает в тесном контакте с немецкой коллегой, сдержанной, но веселой фрау доктор из института Гете. И так уж случается, что в этот период он встречается Кейт, симпатичную очкастую заместительницу директора одной из школ Северного Лондона, которая преподает математику, а по вечерам заклеивает конверты в сент-панкрасском¹ отделении Лейбористской партии.

Кейт светловолоса и практична. Высока ростом, чуть откидывается назад при ходьбе, Манди это очень трогает, почему — он поначалу не понимает, но потом на память приходит ирландская горничная с групповой фотографии семьи Стэнхоупов у своего дома в день Победы. Кожа у нее цвета сливок и словно покрыта пушком. Улыбка остается с ним и после того, как исчезает с ее лица. Лучи низкого солнца бьют в окна девятнадцатого века кабинета Кейт на

---

¹ Сент-Панкрас — крупный железнодорожный вокзал Лондона и примыкающий к нему район.

границе Хампстед-Хит¹, когда Манди делает решающий шаг. Рядом с важным видом кивает фрау доктор. Главное — это *соответствие*, настаивает он. Нет смысла запрягать в одну телегу орла и трепетную лань. И эта прекрасная школа, мисс Эндрюс, она для птиц высокого полета, двух мнений тут быть не может.

— Надеюсь, мы не задерживаем вас, не отрываем от урока? — в тревоге восклицает он, перед этим пустив в ход все свое обаяние. — Пожалуйста, взгляните сюда, если у вас возникнет повод для тревоги, пусть даже самый пустяковый, позвоните мне вот по этому телефону. А вот мой домашний номер, если... — тут он выдерживает театральную паузу, — ...знаете, будет быстрее, если вы просто пройдете несколько шагов по улице, это же номер семь, и нажмете на самый верхний звонок!

— А вот моя визитная карточка, мисс Эндрюс, — шепчет фрау доктор, на случай, если они про нее забыли.

* * *

Фаза ухаживания начинается быстро. Пятничными вечерами Манди забирает Кейт из школы, приезжает пораньше, с удовольствием смотрит, как Кейт общается детишками самых разных национальностей. В кинотеатре Кейт сама платит за билет. За обедом в греческой таверне «Бахус» они смеются над рассказами Манди об интригах Британского совета и жаркими схватками, в которые вступает Кейт на заседаниях сент-панкрасского отделения Лейбористской партии. Манди восхищается ее математически-

---

¹ Хампстед-Хит — лесопарк на северной возвышенной окраине Лондона.

ми способностями и говорит, что не может сложить два и два. Кейт уважает его интерес к немецкому, хотя признается, что из практических соображений считает изучение иностранных языков пустой тратой времени, потому что в самом ближайшем будущем весь мир перейдет на английский. Манди признается Кейт, что его мечта — перейти в отдел зарубежных поездок театральных коллективов и деятелей культуры. Кейт уверена, что он просто создан для этой работы. По уик-эндам они гуляют в Хампстед-Хит. Если в школе Кейт устраивается художественная выставка, Манди приходит на нее первым. Ее основательные социалистические ценности, другим в семье нет места, легко сочетаются с теми, что остались у Манди, и вскоре он пару часов в неделю тоже заклеивает конверты, рассылаемые Лейбористской партией. Его громкий голос и манеры поначалу становятся предметом насмешек новых товарищей, но проходит немного времени, и они уже смеются вместе с ним, а не над ним. Вне сент-панкрасского отделения Кейт осуждает проникновение в ряды ее любимой партии троцкистов и других леваков. Из ее слов Манди делает следующий вывод: еще не пришла пора признаваться в том, что не так уж и давно он был соседом и правой рукой красного анархиста, который увел его девушку.

Проходит почти два месяца, прежде чем они добираются до постели. Инициативу берет на себя Кейт. Манди проявляет странную застенчивость. Она выбирает его квартиру, не ее, субботу, вторую половину дня, когда внизу все смотрят международный футбольный матч. В этот день Хампстед купается в коричнево-золотых красках осени. Перед тем как при-

ти к нему, они прогулялись по Хиту, наслаждаясь теплом солнечных лучей и запахом горящих листьев.

Закрыв входную дверь квартиры Манди на замок и цепочку, она снимает пальто. И продолжает раздеваться, пока не остается в чем мать родила. Утыкается лицом в плечо Манди, помогая ему освободиться от одежды. Потом они шутят, что первый матч выиграли со счетом три-ноль. И, да, конечно, она выйдет за него замуж. Надеялась, что он попросит ее стать его женой. Они соглашаются, что на свадьбу должна приехать фрау доктор.

После принятия великого решения все остальное, как часто случается в жизни, устраивается само собой. Отец Кейт, Дес, дает денег на первоначальный взнос за дом викторианской эпохи на Эстельроуд, не подвергавшийся реконструкции. Дес — бывший боксер, освоивший профессию строителя. Взгляды у него решительные, он находится в жесткой оппозиции к правительству тори. Дом кирпичный, одноэтажный, ничего особенного, один из многих на улице, где отцы всех цветов кожи перекидываются футбольным мячом с детьми среди недорогих автомобилей. Но, как отмечает Дес, когда они первый раз осматривают дом и окрестности, здесь есть все необходимое и даже больше: парк и открытый плавательный бассейн по другую сторону пешеходного моста, футбольное поле, качели, карусели и даже большая детская площадка!

До школы Кейт идти десять минут, и рядом железнодорожная станция Госпел-Оук, которой они могут воспользоваться, если возникнет желание провести день в Кью¹. А если уж говорить о деньгах, Тед,

---

¹ Кью-Гарденз — большой ботанический сад в западной части Лондона. Основан в 1759 г.

дом того стоит, можешь мне поверить. Только на прошлой неделе за номер шестнадцать заплатили на двадцать «штук» больше, а в нем на одну спальню меньше, что глупо, ты понимаешь, солнца в комнатах там практически не бывает, а гостиная такая маленькая, что в ней едва хватит места для кошки, не так ли?

* * *

Было ли в жизни Манди время, когда все складывалось для него столь удачно? Он отказывается в это верить. Он любит все: свою работу, ее семью, дом и ощущение, что стал частью целого. А когда Кейт приходит домой, улыбаясь, словно ребенок, который, как ей только что сказали, у нее будет, он знает, что теперь его чаша счастья заполнена до краев. На свадьбу ему не удалось пригласить ни одного из родственников. Что ж, он приложит максимум усилий, чтобы найти хоть кого-то к крестинам!

И в довершение всего добрая фея Манди из отдела кадров тоже приносит хорошую весть. В знак признания его успехов в отделе объединения, мистер Э. А. Манди по подписании приказа переводится на должность заместителя выездного ассистента в отдел зарубежных поездок театральных коллективов и деятелей культуры. Сие означает, что ему придется чаще отлучаться из дома, что не нравится им обоим, особенно теперь, когда Кейт беременна. Но, если он не будет тратить все командировочные, то сможет внести свою лепту в выплаты по закладной.

А кроме всего прочего, на его плечи должна лечь ответственность за воспитание Манди-младшего. Так что годы бесцельных странствий наконец-то заканчиваются.

ГЛАВА 6

Чертовы ангелы, говорит Манди. Нет, честное слово, дорогая, я серьезно.

Ну, может, не совсем ангелы, но дети, которым можно отдать последнюю рупию, поясняет он Кейт в торопливом звонке из доков Харвича перед отплытием. Речь идет о «Свит доул компани», театральной труппе, состоящей из капризных детей, сплошь из рабочих семей, с севера Англии. За единичным исключением, все артисты — белые англосаксы, джорди¹, манкунианцы² и даже двое из Донкастера, где выросла Кейт. Это его первая молодежная труппа, всем меньше двадцати пяти, и с того самого момента, как их двухэтажный, с психоделической расцветкой автобус, изготовленный на заводе английской компании «Лейланд моторс», въезжает на паром, направляющийся в Голландию, они зовут его Папа.

Старшая в труппе — конопатая беспризорница Шпилька, она же продюсер, ей уже за двадцать два. Самый молодой — чернокожий Гамлет, его фамилия Лексэм, и ему только что исполнилось шестнадцать. Костюмы шьет Салли-Игла, миниатюрная португалка. Их конек — уличный Шекспир, и за короткое существование труппы они играли его пьесы в ночлежках и перед пикетами, в очередях за супом, у заводских ворот, в рабочих столовых во время обеда, и они — цыганская семья Манди на ближайшие сорок дней и ночей, которые вбирают в себя спектакли, банкеты по поводу приезда и отъезда, любовные треугольни-

---

¹ Джорди — прозвище жителей или уроженцев графства Нортумберленд (по североанглийскому произношению имени George).

² Манкунианец — житель или уроженец Манчестера.

ки, драки, которые вспыхивают мгновенно, и остальные понимают, что произошло, лишь видя, как один утирает с лица кровь платком другого.

Официально — он их представитель и руководитель тура. Неофициально — второй шофер, хранитель реквизита, радист, переводчик, суфлер, дублер, блюститель порядка, доверенное лицо и, когда Шпильку на девятый день отправляют в слезах домой с инфекционным мононуклеозом, продюсер. За двухэтажным автобусом на жесткой сцепке катится двухколесный крытый прицеп, в котором они везут декорации и реквизит, не уместившиеся на втором этаже. На крыше автобуса, по всей длине, закреплена полка, на которой лежит свернутый задник.

Их тур по Голландии, Западной Германии и Австрии — бессонный марш героев. Гаага их обожает, они покоряют Кельн, берут первый приз на фестивале во Франкфурте, им оказывают горячий прием в Мюнхене и Вене, а потом они напрягаются и запирают рот на замок, как и рекомендует им Манди в их последний вечер на Западе, перед тем как миновать Железный занавес и продолжить гастроль в Восточной Европе.

К тому времени нервные стрессы и физическая усталость начинают сказываться на труппе, и британские ограничения социалистического общества не способствуют улучшению поведения артистов. В Будапеште Манди выцарапывает пьяного Полония из тюрьмы. В Праге ведет Фальстафа к венерологу. В Кракове останавливает кулачный бой между Мальволио и двумя полицейскими в штатском, в Варшаве Офелия признается ему, что беременна, скорее всего от Шейлока.

Однако, по мнению Манди, все эти мелкие про-

исшествия не могут послужить причиной столь мрачного настроения, которое охватывает труппу, когда автобус останавливается перед флагами, домиками, сторожевыми будками, пограничниками и сотрудниками таможи, являющими собой контрольно-пропускной пункт на границе между Польшей и Восточной Германией. Им вновь приказывают выйти из автобуса и выстроиться вдоль обочины, тогда как их паспорта, вещи и сам автобус подвергается длительному и тщательному осмотру.

Так что же с ними происходит, гадают Манди. Они стоят, как заключенные, по одному ходят в вонючий туалет, возвращаются и не отрывают глаз от земли. Практически не разговаривают друг с другом, и уж тем более с Папой. Чего они боятся? Он подозревает худшее. Они закупили в Варшаве наркотики, а теперь ждут, что дурь обнаружат и они вместо Германии отправятся в тюрьму.

Более того, и это экстраординарно, они практически не реагирует на смену караула. Их любимый польский переводчик и сопровождающий, прозванный Спартаком за исключительную худобу, идет вдоль шеренги артистов, прощаясь с каждым. До сего момента они относились к Спартаку, как к принцу. Флиртовали с ним, болтали, учили самым грязным английским ругательствам, одаривали сигаретами и приглашениями в Хаддерсфилд. Теперь они лишь изредка обнимают его, выдавливают из себя: «Прощай, Спарт», — да хлопают по хрупким плечам. Его восточногерманская замена — блондинка-тяжеловес в блестящем черном костюме, однако никто не отпускает шуток, которые просто обязаны срываться с языка, повод-то налицо, никто не сподобливается даже на то, чтобы присвистнуть, глянув на ее необъ-

ятный зад. Ее маленькие быстрые глазки прячутся в больших белых щеках, волосы заплетены в косички и уложены на голове. Ее английский — пулеметные очереди, которые она выстреливает одну за другой.

— Доброе утро, мистер Манди, — чуть не ломает ему кисть железными пальцами. — Меня зовут Эрна. Я из Лейпцига. Я — ваш официальный сопровождающий на время вашего визита доброй воли. Добро пожаловать в Германскую Демократическую Республику, — после этого, словно прибывший с инспекцией генерал, она требует, чтобы ее представили всем членам труппы, тогда как Спартак наблюдает за происходящим с почтительного расстояния. Вновь никто не отпускает шуток. Никто не протестует, не представляется каким-то забавным именем. Действительно, глядя на них, можно подумать, что они приехали не на гастроли, а отбывать срок согласно вынесенному приговору.

И пока они ведут себя как паиньки, восточногерманские пограничники штурмуют автобус, потрошат прицеп, осматривают крышу, прыгают по свернутому заднику, рулон которого протянулся вдоль всей крыши. А потом, словно стервятники, набрасываются на чемоданы и рюкзаки членов труппы, даже трясут набивного зайца беременной Офелии, а вдруг внутри что-нибудь загремит. И опять никто не возмущается, даже Лексэм, которому они уделяют особое внимание, потому что он черный. Все подчиняются. Пассивно. Безмолвно. И когда их наконец загоняют в автобус, шлагбаум поднимается и они въезжают на территорию новых гостеприимных хозяев, не раздается ни единого крика восторга, чего на памяти Манди не бывало ни разу. К этому времени он уже серьезно встревожен. Вей-

мар¹ — их последняя остановка, самая важная, гвоздь всех гастролей. В Веймаре, культурной жемчужине Восточной Германии, проходит Шекспировская неделя, и «Свит доул компани» — единственный приглашенный английский театр. Им предстоит сыграть перед студентами, школьниками, в Веймарском Национальном театре, прежде чем отправиться в Западный Берлин и домой.

Так почему они не радуются? Почему не поет Салли-Игла? Почему молчит ее аккордеон? Почему они не пытаются выжать улыбку из закаменевших щек Эрны, которая едва втиснулась в сиденье за спиной водителя и неотрывно смотрит на убегающий под колеса автобан? В любой другой день Лексэм уже придумал бы ей прозвище: Моби Дик, Медный Колокольчик, Пухлая Фея. Но не сегодня.

И только поздним вечером, в Веймаре, после того как все они устроились в молодежном хостеле на Гумбольдштрассе, в столовой, где представитель Веймарского шекспировского общества социальной гармонии и литературного наследия зачитывает на удивление занудное приветствие, Манди краем глаза видит, как Виола засовывает в свою сумочку кусок мяса, два ломтя хлеба и яблоко.

* * *

Зачем? Кого она хочет накормить? Виола известна тем, что практически ничего не ест.

Она запасает еду для Офелии, которая, как Кейт, кормит двоих?

---

¹ Веймар — город на юго-западе Германии, крупнейший центр германского просвещения в XVIII—XIX вв. В городе расположены музеи Гете и Листа, дом-музей Шиллера, множество архитектурных памятников XVI—XIX вв. Неподалеку — мемориальный комплекс Бухенвальд.

Или Виола, которая обожает животных, подружилась с какой-нибудь собачонкой?

Согласно правилам хостела, юноши и девушки селятся отдельно. Кровать Манди — в нише коридора между двумя общежитиями. В полночь его будят шаги босых ног, спускающихся по деревянным ступеням.

Виола.

Он чуть выжидает, потом следует за ней, по лестнице, во двор, где стоит психоделический автобус. Большие звезды, теплая луна, аромат распустившихся цветов. Он успевает увидеть, как Виола, в коротенькой ночнушке, с сумкой в руке, залезает в автобус и по винтовой лестнице поднимается на второй этаж. Он ждет. Она не спускается. Он поднимается следом и видит, что она, задом кверху, лежит на груди сценических костюмов. Приглядевшись, замечает среди костюмов юного, красивого и голого польского актера. Звать его Ян, он прибил к труппе в Варшаве и сопровождал по всей Польше, днем и ночью.

Шепотом, прерываемым всхлипываниями, Виола признается во всем. Она по уши, до безумия влюбилась в Яна, а он — в нее. Но у Яна нет паспорта. Он — храбрец, а потому его ненавидит польская полиция. И вместо того чтобы расстаться с ним навек, она спрятала его в одном из ящиков с театральными костюмами и, с согласия остальных актеров, тайно перевезла через границу Польши и Восточной Германии. Она ни о чем не сожалеет, ни в чем не раскаивается. Ян — ее большая любовь, любовь на всю жизнь. Она увезет его в Берлин, в Англию, куда угодно. Никогда и никому его не отдаст. И мне без разницы, без разницы, что ты со мной сделаешь, Папа, клянусь.

Ян знает пять слов на немецком и ни одного на английском. Он маленький и пылкий, и прибор, похоже, у него что надо. Манди он не понравился еще в Варшаве, а теперь нравится еще меньше.

* * *

Манди понимает, что должен дождаться утренней репетиции. Во второй половине дня они дают спектакль на открытом воздухе перед школьниками, которых по этому поводу свезут со всего города. Их сценой будет участок луга перед разрушенной башней замка в историческом парке, что тянется по обоим берегам реки Ильм. Яркое солнышко улыбается им, на клумбах множество цветов. Эрна, все еще не получившая прозвища, восседает на длинной железной скамье, расставив ноги, поглядывает на своих подопечных. Компанию ей составляет тот самый представитель Шекспировского общества, который прошлым вечером едва не уморил их своей занудной речью, а также двое парней в кожаных куртках с каменными лицами. От скамьи до импровизированной сцены — двадцать футов. Манди собирает актеров в разрушенной башне, надеясь, что их там никто не слышит и не видит.

На текущий момент, сообщает он своей аудитории, ситуация такова, что каждому из них светит по двадцать лет каторжных работ: десять за то, что они тайно вывезли Яна из Польши, еще десять — ввезли в Восточную Германию. И если у кого-то есть предложения на предмет того, что делать дальше, Манди с благодарностью их выслушает.

Он ожидает искреннего раскаянья, забыв, что имеет дело с актерами. В абсолютной, сценической тишине все головы поворачиваются к Виоле, кото-

рая их не подводит. Сцепив руки под подбородком, она храбро смотрит в голубые небеса Гете. Она покончит с собой, если ее разлучат с Яном. И Ян заверил ее, что поступит так же. Она ни у кого ничего не просит. Если они боятся, хорошо, хорошо, она и Ян сдадутся на милость восточногерманских властей. Видит бог, может, в этой стране найдется кто-нибудь с человеческим сердцем.

Манди в этом сомневается. Более того, он объясняет Виоле, что на милость восточногерманских властей она сдаст не только себя и Яна, но и их всех. Есть другие предложения?

Какие-то мгновения все молчат. Виола отлично отыграла свою роль, так что от актера требуется немалое мужество, чтобы выйти на сцену следом за ней. И Манди подозревает, что большая часть труппы перепугана до смерти, осознав, что они натворили, и просто не видят выхода. Наконец Лену, восемнадцатилетнему рыжеволосому пареньку, приходит в голову здравая идея: поставить вопрос на голосование. Правда, голосу его недостает уверенности, должно быть, храбрость едва пересиливает страх.

— Значит, так. Что же нам делать? Бросить парня в час беды? Забудем на минуту о любви. Власти собственной страны его достали, так? Давайте из этого исходить. Помогаем ему выбраться из этого дерьма или отсылаем назад? Кто за то, чтобы помочь?

Принято единогласно, пусть и без должной решимости... не участвует в голосовании только Манди. Он попадает в сложное положение. Ему хочется обсудить свои дальнейшие действия с Кейт, но, к сожалению, все международные телефонные линии круглосуточно прослушиваются секретной полицией Восточной Германии. И нет нужды напоми-

нать, что шансы на перевозку польского актера или кого-то еще через Берлинскую стену призрачны. А вот шансы отбросить англо-восточногерманские связи на добрые десять лет велики, как никогда.

— С этого момента мы все рады и счастливы, — приказывает он труппе. — Мы гордимся собой, мы — звезды, мы заняли первое место на фестивале и в самом скором времени возвращаемся домой. Из этого и исходим. Понятно?

Как не понять, Папа.

Дневной спектакль проходит на ура. Школьники, рядами рассевшиеся на траве, забывают о сдержанности, которой от них ждут учителя, и заходятся от смеха, глядя на ужимки Лексэма, изображающего влюбленного Мальволио. Даже Эрна и та позволяет себе смешок. Такой же успех ждет их вечером в молодежном клубе «Вальтер Ульбрихт», а на следующий день, под всевидящим оком Эрны и двух ее парней с каменными лицами, вся труппа, включая Манди, марширует по городскому дому Гете, а потом отправляется восхищаться мемориалом героев Красной армии с кроваво-красным молотом и серпом на воротах.

Никто не выкобенивается, все хороши, словно ангелы. Фотографируются перед памятником Шекспиру. Делятся секретами мастерства с русскими, вьетнамцами, палестинцами и кубинцами. Играют в шахматы, пьют за процветание всего человечества в студенческом баре, расположенном в крепостной башне.

Несколько раз в день Виола, прикрываемая всей труппой, приносит Яну еду и утешение, но Манди следит за тем, чтобы она не задерживалась в автобусе. Наконец наступает последний день пребывания в Веймаре. Вечером они должны играть в Националь-

ном театре, наутро — ехать в Берлин, а оттуда домой. Репетиций больше нет. Этим утром намечено участие труппы в общей дискуссии с артистами, приехавшими из других стран, но Манди намерен провести день, как он давно себе запланировал. Веймар для него святой город, обитель несравненной немецкой музыки. И он желает побаловать себя экскурсией по сокровищницам немецкой культуры, пусть Эрна и настаивает, что его должен сопровождать профессор из Лейпцига, который совершенно случайно, но до чего удачное совпадение, оказался в Веймаре.

Профессор, элегантный седоволосый мужчина лет за шестьдесят, рад продемонстрировать свой на удивление хороший английский. Ведет он себя как хозяин, принимающий в гостях хорошего знакомого, и Манди пытается вспомнить, а вдруг они уже встречались, скажем, в Праге, в Бухаресте или в одном из двух десятков городов, в которых ему пришлось побывать в последние пять недель. Компанию Профессору составляет фигуристая товарищ Инге, которая, по ее словам, представляет институт Гете.

— А вы — Тед, не так ли? — осведомляется Профессор с милой улыбкой на устах.

— Тед. Да.

— А я, разумеется, Вольфганг. Товарищ на самом деле звучит излишне буржуазно, вы со мной согласны?

Почему разумеется? — гадает Манди, а глаза Профессора продолжают посылать сигналы об их загадочном для Манди знакомстве.

С товарищем Инге по одну руку и Профессором по другую Манди вдыхает могильный воздух крошечного летнего домика Гете, прикасается к тому самому столу, за которым писал поэт. Проходит по комнатам, где Лист сочинял музыку, ест сосиску в

подвальном баре отеля «Слон» и чокается с группой пьяных китайских издателей, пытаясь вызвать из прошлого дух Томаса Манна. Но этот чертов поляк постоянно лезет в голову.

Во второй половине дня лимузин везет их в Ильменау, чтобы полюбоваться построенным на вершине холма храмом самого прекрасного и самого короткого стихотворения на немецком языке. Профессор устроился на переднем сиденье рядом с водителем. Товарищ Инге на заднем прижимается к Манди то ногой, то плечом. Дорога вся в колдобинах, которые зачастую заполнены водой. За окном зеленые поля перемежаются полуразрушенными фермерскими домами и уродливыми серыми многоэтажками. Их лимузин обгоняет группу велосипедистов, потом советских солдат в серой форме, совершающих пробежку под надзором сержанта. Воздух липкий от копоти, из заводских труб валят клубы черного дыма, листва растущих вдоль дороги деревьев с болезненной желтизной, гигантские щиты напоминают ему, что он находится в стране мира и прогресса. Дорога идет в гору, и вот они уже на границе Тюрингского леса. Их окружают заросшие высокими деревьями пологие холмы. По серпантину они карабкаются вверх и выкатываются на обзорную площадку. Водитель, худощавый юноша в ковбойских сапогах, выскакивает из-за руля, чтобы открыть дверцы. Оставив его сторожить лимузин, они идут дальше по скалистой тропе, петляющей между сосен, с Профессором в авангарде.

— Ты счастлив, Тед? — нежно спрашивает Инге.

— Тут божественно, спасибо.

— Может, ты скучаешь по жене.

В общем-то, нет, Инге. Меня тревожит другое — как переправить польского актера через Берлинскую

стену. Они достигают вершины. Под ними во все стороны уходят вдаль заросшие лесом холмы. Знаменная сторожка закрыта. Древняя железная табличка с готическим шрифтом — единственное доказательство мыслей старого поэта, размышляющего о вечности. В какой-то момент, это правда, Манди слышит мелодичный голос Мандельбаума, декламирующего священные строки: *«Горные вершины спят... отдохнешь и ты»*.

— Ты тронут, Тед? — спрашивает товарищ Инге, проводя ладошкой по его предплечью.

— Безмерно, — бурчит Манди.

Они спускаются с холма, Профессор вновь впереди. Товарищ Инге желает знать, возможна ли победа социализма в Великобритании без революции. Манди говорит, что он на это надеется. Лимузин ждет. Худошавый водитель прохаживается вокруг него, докуривая сигарету. Когда открывает дверцы, из тени деревьев выскакивает заляпанный грязью «Трабант», набирая скорость, проезжает мимо, держа курс к подножию холма, и скрывается за поворотом. В кабине только водитель, скорее всего, но необязательно, мужчина, отмечает для себя Манди. В низко надвинутой на лоб шерстяной шапочке.

— Насколько я понимаю, это куратор нашего музея, — заметив интерес Манди, поясняет Профессор на хорошем английском. — Бедный герр Штудманн — тревожно-мнительная личность, всегда находит повод поволноваться. Он знает, что у нас сегодня важный гость, вот и приехал, чтобы убедиться, что вы всем довольны.

— Тогда почему он не остановился и не представился?

— Бедный герр Штудманн такой застенчивый.

Предпочитает людям книги. Общение для него — сущее наказание. К тому же его отличает эксцентричность, что вы, англичане, цените.

Манди чувствует себя дураком. Мимо проехал не пойми кто. Совершенно неизвестный ему человек. «Остынь», — приказывает он себе. Так или иначе день проходит, а это главное. На обратном пути Профессор угощает их лекцией об отношениях Гете и Природы.

— Если снова окажетесь в Веймаре, пожалуйста, позвоните мне на работу, — настаивает товарищ Инге, протягивая Манди визитную карточку.

Профессор, улыбаясь, признается, что у него визитки нет. Похоже, намекает, что его и без визиток хорошо знают. Они договариваются дружить до конца жизни.

* * *

За кулисами Веймарского Национального театра, только что прибыв на психоделическом автобусе из молодежного хостела, «Свит доул компани» готовится к последнему спектаклю гастролей, и Манди решает отвлечься, пакуя реквизит и костюмы в помещении под сценой театра: отъезд назначен на раннее утро. Все фибры его души требуют оставить поляка в Веймаре, но сын майора так поступить не может. Как и отец его еще не родившегося ребенка, как и муж Кейт.

Это помещение служит и конференц-залом. Посередине стоит стол цвета меда. По продольным торцам выстроились обитые кожей троны. Паркет из лучшего тика, железные ворота выводят на задний двор. Взяв в руки корону Гамлета, Манди слышит, как прямо над головой гремит голос Лексэма, наше-

го ямайкского Макбета, перекрывающий раскаты грома. Завернув корону в какие-то тряпки, он укладывает ее в ящик. А когда берется за цепь Полония, чтобы поступить с ней аналогичным образом, замечает Банко, который смотрит на него из кирпичной арки по левую руку, только сегодня Банко играет Саша в современной одежде.

Никакого дыма, никакого стробоскопического мерцания. Только очень худой, очень маленький Саша с коротко стриженными волосами, большущими, как никогда, глазами, в черном костюме похоронных дел мастера и коричневом бойскаутским галстуке, с брифкейсом из кожзаменителя, будто у мелкого партийного функционера, в левой руке. Правая рука вытянута и прижата к боку, сам он стоит в арке по стойке «смирно». Очевидно, выполняет наказ режиссера: вот так ты должен стоять, с правой рукой, прижатой к боку, держа в левой брифкейс, когда твой друг Тедди соблаговолит заметить тебя.

Ящик для реквизита на полу, Манди сидит рядом с ним на корточках, с цепью Полония в руках, будто собирается надеть ее кому-то на шею. И вот тут, на какое-то время, он просто отказывается верить своим чувствам. Ты не Банко, и ты не Саша, ты — никто. Как может Саша надеть такой нелепый костюм?

Потом, с неохотой, ему приходится признать, что человек, который определенно не Саша, что-то говорит ему. И никто, включая Манди, не может говорить голосом Саши, за исключением самого Саши.

* * *

— Благослови тебя бог, Тедди. Мы должны действовать быстро и спокойно. У тебя все хорошо?

— Цвету и пахну. У тебя тоже?

Во сне, вместо того чтобы озвучить роящиеся в голове мысли, ты говоришь что-то абсурдное.

— Я слышал, ты женился. И вот-вот обзаведешься потомством, несмотря на все усилия западноберлинской полиции. Я тебя поздравляю.

— Благодарю.

На мгновение мужчины замирают в позе дуэлянтов. Саша не решается выйти из арки. Манди по-прежнему сидит на корточках у ящика для реквизита, с цепью Полония на ладонях. С этого места расстояние до Саши столь же велико, как и длина крикетного поля в Кройцберге, а то и больше.

— Тедди, я прошу внимательно слушать меня и свои комментарии свести к минимуму. Это трудно, но ты попытайся. В Западном Берлине мы были партизанами, в этом буржуазном детском саду мы — преступники.

Манди укладывает цепь в ящик для реквизита и встает. Поворачивается, видит, что Саша уже рядом, смотрит на него снизу вверх. Около каждого темного глаза сеть морщинок, но в остальном базовая модель не претерпела никаких изменений.

— Ты слушаешь меня, Тедди?

Он слушает.

— Первый акт вашей странной постановки закончится через пятнадцать минут. Я должен вернуться на свое место в зале, чтобы успеть поаплодировать артистам. На официальном приеме по окончании спектакля ты и я увидимся впервые, выразим радость и изумление, обнимемся, как давние друзья. Ты не теряешь ход моих мыслей?

Он не теряет.

— Дополнительные краски в наше публичное воссоединение добавит твое смущение. Ты будешь чуть

выбит из колеи, поскольку не ожидал, что тебе напомнят о твоём радикальном прошлом, особенно здесь, в германском демократическом раю. Я тоже буду переполнен радостью, но где-то проявлю сдержанность, постараюсь уходить от прямых ответов. Это считается нормальным в обществе, где у каждого слова несколько значений и много слушателей. Что ты собираешься делать со своим польским актером?

— Переправить в Западный Берлин.

Это говорит он? Саша его слышит? Иногда во сне твой голос слышен всем, кроме тебя самого.

— Как? — спрашивает Саша.

— На крыше автобуса. Завернем его в задник.

— Так и сделай. У пограничников приказ не найти его. Твой товарищ Эрн — бывалый служака. И проследит, чтобы они по ошибке не проявили излишнего рвения. Парнишка — подсадная утка, участник совместной операции нашей и польской разведок, направленной на подрыв бастионов Запада. По прибытии в Берлин незамедлительно иди в представительство Великобритании. Потребуй встречи с мистером Арнольдом, это кодовое имя главы представительства вашей разведки. Если они попытаются убедить тебя, что он в Лондоне или Бонне, ответь, что по имеющейся у тебя информации он в пять часов вечера прибыл в Темпельхоф¹ из Лондона. А потом сдай ему поляка. Ты уже работаешь на «Интеллидженс сервис»²?

Нет.

— Значит, будешь. Также сообщи мистеру Арнольду, что поляк — «засланный казачок», но он не

---

¹ Темпельхоф — аэропорт в Западном Берлине.

² «Интеллидженс сервис» — собирательное название сети разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

должен сразу воспользоваться этой информацией, а не то «засветит» отменного потенциального агента. Ты заметил, какая вонючая эта страна?

— Пожалуй.

— Здесь смердит каждый угол. Дешевыми сигаретами, дешевым потом, дешевым дезодорантом, брикетами прессованного бурого угля, который только травит тебя, но не греет. Мы завязли в клею государственной бюрократии. Общество начинается со звания капитана, каждый официант и таксист — деспот. Ты спал здесь с женщинами?

— Насколько припоминаю, нет.

— До полной акклиматизации не рекомендую. И под любым предлогом избегай пить вино. Венгры отравляют нас гадостью, которую называют «Бычья кровь». Оно считается деликатесом, но я подозреваю, что это месть за подавление их контрреволюционного выступления в 1956-м. Мы втянулись во вторую «холодную войну». На Востоке у нас товарищ Брежнев и Афганистан, на Западе — «першинги» и крылатые ракеты. Будь добр, попроси мистера Арнольда прежде всего нацелить их на Восточную Германию.

Говоря все это, Саша выкладывает на стол содержимое брифкейса. В последние недели Манди надали массу подобного барахла, и вот дарят снова: книгу о балете Большого театра, хромированную статуэтку здоровяка-рабочего, судя по одежде, сталевара, сине-белая банка из имитации мейсенского фарфора, болтающаяся, плохо подогнанная крышка приклеена липкой лентой. И лишь один подарок выбивается из общего ряда: запечатанная коробка с неиспользованными 35-миллиметровыми фотопленками «Кодак», точно такими же пользуется Манди, чтобы

сделать снимки, которые намеревается показать Кейт по прибытии домой.

— Все это подарки для тебя, Тедди, от твоего давнишнего друга. Однако, как только попадешь в Западный Берлин, передай их мистеру Арнольду. В них, среди прочего, содержатся требования и условия моей работы на его организацию. В банке грецкие орехи. Ни в коем случае не пытайся съесть их сердцевину во время поездки, даже если будешь умирать от голода. Положи пленки вместе со своими и фотоаппаратом. Они не для использования, а тоже для передачи мистеру Арнольду. Первого июня в Праге состоится Летний фестиваль танца. Британский совет намерен послать тебя?

— Насколько мне известно, нет, — до первого июня, это он помнит из другой жизни, еще шесть недель.

— Пошлет. Мистер Арнольд должен позаботиться о том, чтобы английских танцоров сопровождал именно ты. Я тоже там буду. Как и ты, я вдруг воспылал любовью к международным культурным связям. Я буду работать только с тобой, Тедди. Я, как мы говорим в шпионском бизнесе, собака одного хозяина и буду гавкать, пока им будешь ты. Я сообщил мистеру Арнольду, что ни к кому другому доверия у меня нет. Сожалею, что приходится ставить такое условие, но в сердце ты — шовинист и только обрадуешься возможности послужить своей нелепой стране.

— Что произойдет, если они найдут все это при обыске? След сразу приведет к тебе.

— Со стороны обыск автобуса вашей труппы и вещей, возможно, покажется очень обстоятельным, но ничего криминального обнаружено не будет. За это мы должны благодарить героического Яна.

К Манди наконец-то возвращается его собственный голос. Или жалкое подобие последнего.

— Саша, что ты творишь? Это же гребаное безумие!

— После трогательной встречи на вечернем банкете наши прежние взаимоотношения станут известны моему начальству. Ты получил удовольствие от общения с профессором Вольфгангом?

— Мне хватало других проблем.

— В Ильменау, через ветровое стекло моего автомобиля, у меня сложилось впечатление, что ты показал себя во всей красе. Произвел на Профессора незабываемое впечатление. Он считает тебя идеальным объектом для дальнейшей разработки. Я предупредил, что тебя голыми руками не возьмешь. Потребуется долго и тщательно обхаживать тебя со всех сторон, и он согласился доверить эту работу мне, как твоему давнему другу и идеологическому наставнику. В Праге, если сочту, что подходящий момент настал, я сделаю первый заход. Ты, конечно, не откликнешься, даже будешь чуть шокирован. Это нормально. Ты — Тедди, мой друг по студенческим временам, в душе, скорее всего, осуждающий капиталистические ценности, но полностью интегрировавшийся в общество потребления. А вот после размышлений, на которые, само собой, требуется время, ты обнаружишь, что в тебе все еще горит мятежный огонь, и вот тогда ты поддашься на наши льстивые речи. С днями у тебя, как обычно, не густо?

— Ну... ты знаешь... пожалуй.

Во сне не станешь объяснять, что жалований учителя государственной школы и мелкого служащего едва хватает на выплату ежемесячных взносов по за-

кладной и текущие расходы. Но Саша и так все понимает.

— Тогда деньги смогут сыграть скромную роль в твоей мотивации. Моих начальников это только порадует. Идеология без жадности их смущает. Ты хочешь переспать с красоткой, которая сегодня ездил с тобой в Ильменау, или намерен хранить верность жене?

Манди, должно быть, выбирает второй вариант. Потому что предложение подложить под него красотку Саша снимает.

— Это не важно. Случайная связь, конечно, поставит тебя в большую зависимость от моего начальства, но мы сможем без этого обойтись. Однако ты должен настаивать, что работать будешь только со мной. Ты тоже собака одного хозяина. Одним из ваших английских писателей сказано, что с двойными агентами никогда не знаешь наверняка, дают ли тебе информацию или гонят дезу. Я буду поставлять мистеру Арнольду информацию. В ответ ты будешь снабжать товарища Сашу дезой.

— Как ты здесь оказался, Саша? Почему они доверяют тебе? Я не понимаю. — Во сне вопросы задаются слишком поздно, без надежды получить ответ.

— Во время пребывания в Веймаре тебе предоставили возможность посетить концентрационный лагерь Бухенвальд?

— Предлагали, но не хватило времени.

— Ехать-то всего восемь километров по шоссе. Какая жалость. На фоне знаменитой березы Гете лагерный крематорий производит незабываемое впечатление. Для того чтобы сгореть в нем, даже не требовалось умереть. Ты знал, что лагерь продолжал ра-

ботать и после того, как русские освободили нас от фашизма?

— Нет, не знал.

— Работал. И являл собой пример социалистического реализма. Мы называем его Бухенвальд Второй. Они привозили своих заключенных и обращались с ними точно так же, как их предшественники. Но попадали в лагерь отнюдь не нацисты. В основном социал-демократы и прочие антипартийные элементы, которые хотели возродить капитализм и вернуть власть буржуазии. Тирания подобна электрической проводке в старом доме. Тиран умирает, новый заступает на его место, и от него требуется лишь повернуть выключатель. Ты согласен?

Манди это признает.

— Как я слышал, Британский совет — гнездо антисоциалистической пропаганды, источник контрреволюционной лжи. Меня потрясло твое сотрудничество с этой организацией.

Во сне протесты бессмысленны, но мы все равно протестуем.

— Какая чушь! Как Шекспир может быть контрреволюционером?

— Не стоит недооценивать нашу паранойю, Тедди. Скоро ты станешь важным инструментом всенародной борьбы с идеологическими диверсиями. Чутьочку воображения со стороны мистера Арнольда, и ты осознаешь, что твой бедный Совет существует лишь для того, чтобы служить крышей преступникам, виновным в антипролетарском саботаже. Я слышу, как бедный Макбет произносит последний в этом действии монолог. Увидимся на приеме. Не забудешь удивиться?

* * *

Почтенного возраста лондонский автобус, который катит по мирной коммунистической сельской местности, выплевывая оскорбляющую слух западную рок-музыку и клубы дизельного дыма, весь в ярких цветах и воздушных шарах, просто просит, чтобы его арестовали, несмотря на присутствие в салоне четырнадцатистоуновой¹ валькирии с волосами, заплетенными в косички. В каждой деревне и городке, которые они проезжают, пожилые люди хмурятся и затыкают уши руками, а детишки прыгают и машут руками, словно к ним приехал цирк. Выхлопная труба, должно быть, прогорела, а может, глушитель, потому что рев мотора усиливается на несколько децибел. Возможно, этим объясняется тот факт, что в последние полчаса за автобусом следует патрульная машина с включенными маячками, а впереди едет полицейский на мотоцикле. В любой момент, думает Манди, нам могут приказать свернуть на обочину, остановят и обвинят в нарушении пятнадцати правил дорожного движения, принятых в этом раю для рабочих, включая перевозку живого польского актера на крыше транспортного средства, завернутым в задник, и коробки с неиспользованными пленками «Кодак», которые по прибытии в Западный Берлин следует сразу же передать главе английской разведки.

Они едут меж унылых желтых полей. Лишь изредка глаз отвлекается на полуразрушенные фермерские дома, развалины церквей, памятники советским воинам, едва ли представляющие собой хоть какую-то художественную ценность. Манди сидит на своем обычном месте, брифкейс с паспортами,

---

¹ Стоун — мера веса, 6,35 кг.

визами, разрешениями и страховыми документами стоит на полу, у него между ног. Эрна — рядом с ним. Из глубин автобуса доносятся взрывы веселого пения, которые умирают безо всякого на то объяснения, пока Салли-Игла не растягивает аккордеон, чтобы возродить их вновь. В зеркале над водителем Манди видит хвост задника, свисающий на заднее стекло, и прицеп, мотающийся из стороны в сторону. А в сотне ярдов за прицепом следует патрульная машина, которая сбрасывает скорость, когда водитель автобуса придавливает педаль тормоза, и набирает на прямых участках дороги. Поднимаясь на второй этаж проверить, все ли в порядке, Манди старается не смотреть на вещи, лежащие на багажных полках, в частности, на пакеты из плотной бумаги, на мускулистую, отливающую серебром руку рабочего, прорвавшую упаковку и торчащую наружу.

— Здесь всех сопровождает полиция? — спрашивает он Эрну, вновь усаживаясь рядом с ней.

— Только наших самых важных гостей, Тед, — отвечает она.

* * *

Манди ищет убежище в собственных мыслях. Срежиссированное воссоединение двух давних друзей на официальном приеме по случаю завершения гастролей прошло, как предсказал Саша. Они замечают друг друга в один и тот же момент, их глаза одновременно раскрываются во всю ширь. К Саше первому возвращается дар речи, которого они лишились от изумления: «Святой боже... Тедди!.. мой дорогой друг... человек, который спас мне жизнь... что ты делаешь в Веймаре?» И Манди, лицо которого выражает полное замешательство, что в сложившихся обстоя-

тельстввах для него совсем не проблема, восклицает: «Саша... мой дорогой сосед... кто бы мог подумать... вот уж сюрприз... объясняй!» После объятий и хлопков по спине расставание, о котором оба, несомненно, сожалеют, проходит так же гладко, с обменом адресами и телефонами и неопределенными пожеланиями встречи в обозримом будущем. Наконец он возвращается в хостел с труппой, укладывается на железную кровать, вслушивается в шепот своих подопечных, доносящийся через картонные стены, и надеется, что больше их никто не слушает, потому что неоднократно говорил актерам, что одно неосторожное слово может им всем дорого обойтись.

Всю ночь он лежит без сна, а в голову вновь и вновь приходят вопросы, на которые нет ответа. Когда пытается заснуть, видит поляка Яна, бросающего ручную гранату в топливный бак автобуса. Когда бодрствует, кошмары еще страшнее. Если Саше можно верить, польский беглец и его посылки благополучно пересекут границу и все волнения останутся позади. Но можно ли ему верить? И если допустить, что верить можно, получится ли все, как он говорит? В шесть утра, когда на улице еще темно, Манди вскакивает с кровати и колотит в стены обоих общежитий, мальчиков и девочек. «Всем подъем! К черту завтрак, готовимся к отъезду» — такой командный голос его подопечные слышат впервые. Но смысл сказанного им понятен: мы пытаемся перевезти этого засранца через границу, как и договаривались, делаем все прямо сейчас и ставим на этом точку. В помощники он уже выбрал Лексэма, Виолу и Салли-Иглу.

— Остальные ведут себя как обычно, болтаются по хостелу, и чтоб никакого волнения и суеты, — сурово наказывает он.

Как скажешь, Папа.

На заре Виола, Манди, Салли и Лексэм выходят во двор, поднимаются на второй этаж автобуса, будят Яна. Раздевают догола и с ног до головы намазывают тавотом. Цель — не позволить собакам унюхать его. Затем заворачивают в проеденную молью занавеску, предварительно закрепив большие клоки ваты над сердцем и в тех местах, где особенно сильно бьется пульс. На границе Польши и Восточной Германии Манди видел пограничников в наушниках и с огромными стетоскопами, предназначенными для прослушивания подозрительных предметов. После того как Ян завернут в кокон-занавеску, Манди прикладывает ухом к его сердцу и ничего не слышит. Возможно, сердца у него и нет, шепчет он Салли. Теперь беглец выглядит как египетская мумия. Они оставили ему дырку для доступа воздуха, но на случай, что она перекроется, Манди сует ему в рот металлическую трубку, после чего его заворачивают в пыльный ковер.

Они все еще на втором этаже автобуса, и Ян более не Ян, а свернутый ковер, стоящий на попа. Они стаскивают ковер вниз, во двор, где синий брезентовый задник уже расстелен на земле. Эрна еще не прибыла. Они ждут ее в половине восьмого, а на часах только семь пятнадцать. Пока Виола стоит на стреме, Манди и Лексэм укладывают ковер у края задника, начинают его сворачивать. И продолжают сворачивать, пока Ян и ковер не исчезают внутри синей тридцатифутовой сосиски, которую под крики «Навались, парни!» и «Хорошо идет!» Манди и мужская часть трупы затаскивают на крышу автобуса и закрепляют по всей длине полки. Задний конец, как и всегда, свешивается с нее.

* * *

Визжат изношенные тормоза и лысые шины, черный дым заполняет левые от Манди окна. Психоделический автобус останавливается в десяти ярдах от красно-белого шлагбаума. Они прибыли к первому контрольно-пропускному пункту. Не к пограничному, оснащеному по последнему слову техники, а к сельскому, без особых изысков: полдюжины вооруженных солдат, собака-ищейка, grüne Minna, полицейский-мотоциклист, который раньше ехал впереди, патрульная машина с включенными «маячками», следовавшая за ними от самого Веймара. Манди выходит из автобуса с брифкейсом в руке. Эрна сидит, словно происходящее ее не касается.

— Господа... полковник... товарищи... доброго всем вам дня! — радостно кричит он. Но близко не подходит, потому что полковник, на самом деле капитан, ростом не выше Саши, и Манди не хочет вызывать у него ощущение неполноценности, горой возвышаясь над ним.

Охранники заходят в автобус, здороваются с Эрной, мрачно тарашатся на девиц в ярких платьях и забавных шляпках, потом приказывают всем выйти. Переворачивают вверх дном содержимое прицепа, открывают чемоданы, роются в аккуратно сложенных вещах, не прибирают за собой, перекладывая эту работу на плечи ненавистных западников. Капитан разглядывает паспорта, ищет хоть какое-то нарушение, одновременно, с сильным силезским акцентом, выстреливает вопрос за вопросом. Сколько времени вы провели в Веймаре, товарищ? Как давно прибыли в ГДР, товарищ? Сколько дней находились в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Польше? Сравнивает ответы Манди с отметками в паспортах, смотрит на

психоделическую раскраску автобуса, более злобно на актрис, очень уж смахивающих на девиц легкого поведения. Бросает подозрительный взгляд на синюю сосиску на крыше, по центру которой образовалось некое утолщение, напоминающее Манди мышь, заглоченную и достаточно продвинувшуюся по телу удава. Наконец следует жест, значение которого Манди уже научился понимать: неохотное и пренебрежительное прикосновение руки к фуражке, гримаса, в которой читаются ненависть, обида и зависть. «*Проезжайте, черт бы вас побрал*». Манди и труппа возвращаются в автобус. Аккордеон Салли выдает бравурный марш, и, черт побери, они проезжают КПП.

Эрна вроде бы и не поняла, чего они останавливались. Ее круглые маленькие глазки нацелены в окно. «Какие-то проблемы?» — спрашивает она Манди.

— Все в порядке. Отличные ребята, — отвечает он.

Ситуация повторяется еще трижды. С каждой проверкой напряжение нарастает, и после третьей никто уже не поет, чего там, даже не разговаривает. Делайте с нами что хотите, мы наелись по самое не могу, сдаемся на милость победителя. Эрна внезапно поднимается, весело машет всем рукой, выходит из автобуса и продолжает махать, пока не скрывается из виду. Кто-нибудь ответил ей тем же? Манди в этом сомневается. Не сразу они понимают, что въехали на территорию Западного Берлина. Через окна им улыбаются американские солдаты, зеваки таращатся на ярко раскрашенный автобус, приехавший из-за Стены, дважды сверкают фотовспышки, им подмигивает неон рекламных огней. Они уже в полной безопасности, но сидящие в автобусе так вымотались, что не могут произнести ни слова. За исключением, наверное, Лексэма, с губ которого вдруг срывается длинное грязное ругательство, слова, конечно, те же,

но не подкрепленные внутренней энергией, одна оболочка. И Виола, которая тихонько плакала в глубине салона, подает голос: «Спасибо вам всем, спасибо, о, господи!»

У кого-то из парней на втором этаже начинается истерика, как потом выяснилось, у Полония.

* * *

Высоченный английский дипломат культуры с тридцатишестичасовой щетиной на лице, который широкими шагами входит в представительство Великобритании, расположенное рядом со старым Олимпийским стадионом нашего дорогого фюрера, вооружен двумя туго набитыми пакетами и брифкейсом и выглядит так, будто только что сошел на берег и под ним все еще качается палуба. Действительно, по ощущениям он попал в жестокий шторм и только чудом остался в живых. В приемной за столом сидит англичанка средних лет, уже начавшая сесть, обходительная, но строгая. Могла бы быть учительницей, как Кейт.

— Мне нужно поговорить с мистером Арнольдом, — выпаливает Манди, кладет на стол паспорт вместе с удостоверением сотрудника Британского совета. — Я приехал на двухэтажном автобусе, он сейчас стоит у ваших ворот, с двадцатью очень уставшими актерами, а ваши часовые предлагают нам провалить.

— А какой мистер Арнольд вам нужен? — осведомляется дама, проглядывая паспорт Манди.

— Тот, что вчера вечером прилетел в Темпельхоф.

— Ага. Этот. Понятно. Сержант проводит вас в комнату отдыха, а мы посмотрим, чем удастся помочь вашим актерам. Эти пакеты предназначены мисте-

ру Арнольду или вы хотите оставить их у меня? — Она нажимает на кнопку, говорит по аппарату внутренней связи. — Посетитель к мистеру Арнольду, Джек. Пожалуйста, пусть подойдет, как только сможет. И у ворот автобус с двадцатью нетерпеливыми актерами, о которых надо позаботиться. По понедельникам по-другому и не бывает, не так ли?

Сержант — гражданская копия сержанта, который охранял Манди в военном госпитале десять лет тому назад. На нем пиджак спортивного покроя, брюки из серой шерсти, начищенные туфли. Комната отдыха — та же госпитальная палата, только без кровати: белые стены, матовые стекла окон, та же фотография нашей обожаемой молодой королевы. И те же хризантемы, знак расположения западноберлинской полиции. Поэтому Манди совершенно не удивляется, когда порог переступает тот же вице-консул, элегантно-потертый Ник Эмори, в тех же замшевых туфлях и твидовом пиджаке, которые он надевает, посещая госпитали, с той же умной, умаляющей собственное достоинство улыбкой. Он постарел на десять лет, но при плохом освещении может, как и Саша, выглядеть на тот возраст, в каком остался в памяти Манди. Загар, правда, стал глубже, а лоб — шире, за счет, понятное дело, сдвинувшейся к затылку линии волос. На русых висках появились признаки седины. Во взгляде прибавилось властности. Проходит несколько мгновений, прежде чем Манди понимает, что Эмори столь же пристально разглядывает его.

— Что ж, должен отметить, вы выглядите гораздо лучше, чем при нашей последней встрече, — нарушает он затянувшуюся паузу. — Так в чем дело?

— На крыше нашего автобуса польский перебежчик.

— И кто положил его туда?

— Мы все.

— Вся ваша актерская труппа?

— Да.

— Когда?

— Этим утром. В Веймаре. Мы там выступали.

Эмори подходит к окну, осторожно отдергивает занавеску.

— Для освобожденного безбилетника он лежит очень уж тихо. Вы уверены, что он жив?

— Я велел ему молчать и лежать тихо, пока мы не скажем, что он может вылезать.

— *Вы* ему сказали.

— Да.

— Похоже, навели железную дисциплину.

— Пришлось.

Какое-то время Эмори улыбается да со двора доносится шум автобусного двигателя.

— Вас все это, похоже, не слишком радует, — вновь первым нарушает молчание Эмори. — Почему мы не танцуем на улицах и не требуем шампанского?

— Юноша говорит, что семья пострадает, если станет известно о его побеге. Мы пообещали, что будем молчать как рыбы.

— Кто посоветовал вам спросить Арнольда?

— Саша.

Улыбка — это не улыбка, вдруг доходит до Манди. Будь это улыбка, она давно бы исчезла. Улыбка — это маска, которую он натягивает на лицо, когда наблюдает за тобой и думает.

— Саша, — повторяет Эмори по прошествии вечности. — Тот парень, с которым вы жили в одной

комнате, когда играли в красных. *Тот* Саша. Тот самый, что пришел сюда и устроил скандал.

— Сейчас он на Востоке. Вроде бы работает в разведке.

— Да. Кажется, нам об этом известно. Знаете, где именно?

— Нет.

— Он сказал вам, что я прилетел в Темпельхоф вчера вечером?

— Да. А что?

— Это кодированный термин, который мы используем, когда одна сторона хочет сообщить другой стороне что-то очень важное. Что в пакетах?

— По его словам, секреты. И он говорит, что поляк — «засланный казачок», но сейчас принимать против него какие-то меры неразумно.

— Чтобы не скомпрометировать товарища Сашу?

— Он сказал, что обыск будет очень поверхностным, чтобы, не дай бог, не обнаружить беглеца. А пакеты вообще не вызовут подозрений.

— Что ж, логичное предположение, не так ли? Это все, что он может нам предложить, или только образцы, за которыми должен последовать серьезный заказ?

— Он говорит, что у него есть кое-что еще.

— Вы тоже в деле?

— Он говорит, что все вам написал. В переданных материалах.

— Он просит денег?

— Он этого не говорил. Во всяком случае, мне. Если и хочет, вы узнаете об этом первым.

— А вы?

— Нет, мне ваши деньги точно не нужны.

— Что предполагаете делать? Теперь? Сию минуту?

— Собираюсь домой. В Англию.

— Сегодня?

— Да.

— С актерами?

— Да.

— Не будете возражать, если я распакую мои подарки? Я собираюсь называть вас Эдуард, если вы не возражаете. Думаю, раньше я вас так и называл. У меня есть дядя Тед, которого я терпеть не могу.

Все еще улыбаясь, Эмори выкладывает содержимое пакетов на журнальный столик из белой пластмассы: мускулистого рабочего-сталевара, книгу о Большом театре, пленки «Кодак» и фарфоровую банку. Долго вертит в руках статуэтку, нюхает книгу, со всех сторон разглядывает коробку с пленками, обращает внимание на крайний срок использования, таможенные марки, подносит бело-синюю банку к уху, осторожно трясет, но не отлепляет липкую ленту, которая удерживает на месте крышку.

— А внутри грецкие орехи?

— Так он говорит.

— Ну и ну. Разумеется, раньше это уже делалось. Как, впрочем, и многое другое, не так ли? — Он ставит банку на столик, приглаживает волосы на макушке, восхищаясь коллекцией. — Вы, должно быть, обделались от страха.

— Не я один.

— Но остальные — только из-за поляка. Вы не говорили вашей труппе об этом? — Его взгляд вновь перемещается к столику. — Они же не знают о наших... сокровищах?

— Нет. Им известно только о поляке. Должно быть, сейчас они страшно злятся.

— Не волнуйтесь. Лаура найдет, как их умаслить.

Как по-вашему, его действительно серьезно искали?
Или только делали вид, как и говорил Саша?

— Не знаю. Я старался не смотреть.

— Собак не было?

— Были, но они его не учуяли. Мы намазали его тавотом, чтобы отбить запах.

— Идея Эдуарда?

— Пожалуй.

— Разве они не дали вам сопровождающего?

— Дали. Но она участвовала в операции.

— Не мешала вам прятать парня?

— Согласно Саше, нет. Называла себя Эрна. Блондинка. Весом за четырнадцать стоунов.

Улыбка Эмори становится шире: он знает, о ком речь.

— Мы по-прежнему играем в красных или детство осталось в прошлом? — Ожидая ответа, которого так и не слышит, Эмори выстраивает все сокровища в ряд. — А где мы живем?

— Хампстед.

— И служим в Британском совете?

— Да.

— Двадцать четвертый автобус до Трафальгарской площади?

— Да.

— Есть кто-нибудь? Жена, подруга, сожительница?

— Жена. Беременная.

— Как зовут?

— Кейт. Сокращенно от Кэтрин.

— Понятно. Девичья фамилия?

— Эндрюс.

— Подданная Великобритании?

— Да. Учительница.

— Где родилась?

— В Донкастере.

— Знаете, как давно?

— За два года до меня. Пятнадцатого апреля.

Почему я отвечаю на его вопросы? Почему не советую Эмори заняться собственными делами?

— Что ж, спасибо. — Эмори все взирает на полученную добычу. — Большое спасибо, на случай, если потом забуду вас поблагодарить. С манерами у меня не очень. Я только положу все это в холодильник, если не возражаете, а потом вы сможете отвести меня к вашим подопечным. Для них я — сотрудник Форин Оффис, вот и относитесь ко мне соответственно, чтобы не огорчать меня.

* * *

Насколько известно Манди, это тот самый полицейский участок, где его избивали, но, поскольку все опасности уже позади, ему это до лампочки. Эмори позвонил заранее, обо всем договорился. Он и его сержант заняли места, на которых сидели Манди с Эрной, позади Стива, шофера, а Манди посадили рядом дальше, и уже Эмори — не Манди отдает приказ труппе выйти из автобуса, после того как тот въехал в большой ангар без единого окна. Опять же Эмори с помощью сержанта собирает труппу в кружок и обращается к ним, в голос в должной мере подпушенные строгость и предупреждение.

Они совершили замечательный поступок, говорит он им. У них есть полное право поздравить себя.

— Но у нас есть секрет. Даже два секрета. Один из них — на крыше автобуса, потому что мы не хотим, чтобы в Польше пострадали его отец и мать, бра-

тья и сестры. Второй — Эдуард, который стоит рядом с вами, потому что, если в Британском совете узнают, какой он поставил спектакль, поднимется дикий шум и Эдуарду дадут пинка под зад. В функции Совета не входит переправа беженцев через границу. Поэтому наша просьба к вам самая трудная из тех, с которой могут обратиться к актеру. Мы просим вас держать язык за зубами. И не только сегодня вечером, но и до конца ваших дней, аминь.

И после того как сержант зачитывает им соответствующую выдержку из закона о государственной тайне и каждый дает подписку о неразглашении, Эмори весело восклицает: «Also los, bitte, meine Herren!»¹ Группа полицейских, которые терпеливо ждали в другом конце ангара, незамедлительно направляются к английскому автобусу, со всех сторон приставляют к нему лестницы, наводняют крышу, лающими голосами отдают друг другу приказы, суэта продолжается достаточно долго, но в конце концов свернутый задник аккуратно, как драгоценную археологическую находку, укладывают на бетонный пол ангара, а потом раскатывают. Звучат громкие аплодисменты, когда из-под ковра и занавески появляется голый, измазанный тавотом мужчина, в клоках ваты, со сверкающими от счастья глазами. Бросается к своим спасителям, обнимает всех, последней и особенно долго Виолу. После этого события развиваются очень быстро и по-деловому. Полиция укутывает поляка в одеяло и уводит. Виола бросается за ним. Ей дозволяют только помахать ему рукой от двери.

---

¹ Also los, bitte, meine Herren — путь свободен, пожалуйста, милостивые господа (нем.).

Стоя на нижней из ступенек, ведущих в автобус, Эмори обращается к ним с последним словом.

— А теперь действительно *плохие* новости: мы должны задержать Эдуарда в Берлине на день-другой. Боюсь, вам придется прямо сейчас попрощаться с ним и оставить ему всю грязную работу.

Объятия, вопли, театральные слезы уступают места слезам настоящим. А потом психоделический двухэтажный автобус выкатывается из ангара, оставляя Папу наедине с грязной работой.

* * *

Вернувшись в дом на Эстель-роуд на четыре дня позже, чем рассчитывал и он сам, и Кейт, Манди без труда исполняет роль возмущенного наемного работника. И не имеет ровно никакого значения, что каждый из этих четырех дней он звонил Кейт и говорил то же самое. В Берлине его разгневали, и он гневается до сих пор.

— Я хочу спросить, почему они не подумали об этом раньше? — гнет он свое, и не в первый раз. *Они*, само собой, его безголовые работодатели. — Никакого желания войти в положение конкретного человека, вот что меня раздражает больше всего. Ну почему все валят на одного? — Тут он достаточно удачно имитирует свою добрую фею из отдела кадров. — «Дорогой Манди в Берлине! Как здорово. Пусть останется на несколько дней в нашем представительстве, чтобы встретить всех мальчиков и девочек, прибывающих туда». Она за три месяца точно знала, в какой день я появлюсь в Берлине. А тут повела себя так, будто для нее это сюрприз!

Кейт приложила немало усилий, чтобы их встреча после пятинедельной разлуки прошла как можно

удачнее. На машине приезжает в лондонский аэропорт, на обратном пути с терпеливой улыбкой выслушивает его возмущенные тирады. Но, как только они входят в дом на Эстель-роуд, прикладывает пальцы ко рту и ведет наверх, к кровати, остановившись только затем, чтобы зажечь ароматизированную свечу, купленную специально для этого случая. Часом позже они решают, что пора и поесть, он первым идет на кухню, сам достает мясо из духовки и продолжает хозяйничать, избавляя Кейт от лишних усилий. Его движения, так же, как разговор, кажутся ей несколько театральными, но разве может она ожидать от него иного после пяти недель, проведенных среди артистов?

За ужином он очень подробно расспрашивает Кейт о ее беременности, семье, трениях в сент-панкрасском отделении Лейбористской партии. Но, пока она щебечет, отвечая на заданные вопросы, его взгляд блуждает по кухне, наслаждаясь каждой мелочью, словно он вернулся домой после долгого пребывания в больничной палате: буфет из сосны, который он отремонтировал с помощью отца Кейт, хотя Дес потом и утверждал, что именно в Теде живет настоящий плотник; сковородки с противопопригарным покрытием, подаренные им на свадьбу братом Кейт Регом и его женой; немецкая стиральная машина с сушкой, которую Кейт купила из своих сбережений, потому что она — старомодная мамаша и не стесняется в этом признаваться: у их ребенка будут настоящие подгузники, а не раздувающиеся бумажные с пластиковым покрытием.

После того как жена целый час рассказывает ему о пяти прошедших неделях, он поднимается, обходит стол, целует и ласкает ее, пока им не остается ничего другого, как вновь подняться наверх и заняться

любовью. И лишь после этого мало-помалу он выдаст подвергнутую жесткой цензуре информацию о своих приключениях с артистами, использует приступы смеха Кейт, чтобы еще раз подумать, что следует сказать, имитирует голоса главных действующих лиц, и в конце концов она клянется, что сможет узнать Лексэма, где бы ни встретила.

— И, слава богу, мне не придется проходить через все это до июня, — заканчивает он со вздохом облегчения.

— До июня? А что будет в июне?

— О, они хотят послать меня в Прагу... — Словно Прага — это шаг вниз в сравнении с Берлином.

— Зачем? — спрашивает она и добавляет: — Прага — прекрасный город.

— Международный фестиваль танца. Там хотят, чтобы Англия приняла в нем участие. Само собой, Британский совет оплачивает все расходы.

— Как долго?

— Десять дней. Двенадцать, с учетом дороги.

Она молчит, обдумывая его слова. Потом дружески похлопывает себя по животу.

— Что ж, пусть так и будет. Если, конечно, он не решит ускорить свое появление на свет.

— Если она решит, я буду здесь раньше ее, — клянется Манди.

Это их семейная игра. Она говорит, что будет мальчик, он говорит — девочка. Иногда, чтобы сохранить интригу, они меняются ролями.

ГЛАВА 7

Психоделический автобус скрывается из виду, последние прощальные крики артистов растворяются в уличном шуме. Манди и Эмори сидят напротив

друг друга в чулане со звуконепроницаемыми стенами, по другую сторону коридора от его кабинета. Между ними на столике вращаются кассеты магнитофона. Они тут разговаривают, объясняет Эмори, а доставленные Манди сокровища уже летят в Лондон. Аналитикам не терпится заполучить их в свои руки. А пока они ждут от нас полный отчет о прошлом: максимально подробный автопортрет Эдуарда, историю любви Саша — Манди с того первого момента, как оба увидели друг друга, доскональное описание человека, называющего себя профессором Вольфгангом, не опуская никаких деталей.

Смертельно уставший и одновременно возбужденный донельзя, Манди целый час блестяще отвечает на все вопросы Эмори, потом еще час, уже сбавляя темп, прежде чем начинает зевать, словно испытывая недостаток кислорода. В приемной, дожидаясь, пока Эмори отдаст пленку, засыпает, едва просыпается во время короткой поездки на автомобиле в то место, куда везет его Эмори, и приходит в себя, обнаружив, что побрит, принял душ и стоит со стаканом виски с содовой у занавешенного тюлевой занавеской окна уютной квартиры с видом на Клейстпарк, где дородные представители берлинской буржуазии, включая молодых мамаш с колясками, прогуливаются приятным теплым солнечным вечером в каких-то пятидесяти футах ниже его. Если для Эмори он — любопытный экземпляр, то для себя просто загадка. Стресс, осознание, что совершил, тревоги, о которых до этого момента отказывался думать, наваливаются сообща, лишая последних сил, оставляя в полном недоумении.

— Так, может, ты позвонишь Кейт, пока я попуд-

рю носик? — предлагает Эмори, они уже перешли на «ты», с улыбкой, которая никогда не покидает его лицо.

На это Манди отвечает, да, конечно, позвонить надо, но вот это его и тревожит: Кейт, и что именно он должен ей сказать.

— Никаких проблем, — весело заверяет его Эмори. — Твой разговор будут записывать как минимум шесть разведывательных ведомств, поэтому ты должен придержи́ваться золотой середины.

— Какой середины?

— Тебя задерживает здесь Британский совет, далее следуют причины. «Придется задержаться, дорогая... проблемы в конторе... мои хозяева и господа умоляют меня остаться, пока все не наладится. Tschuss¹, Эдуард». Она — женщина работающая. Так что поймет тебя.

— А где я буду жить?

— Здесь. Скажи ей, что тут хостел для одиноких офицеров, это ее успокоит. Телефонный номер на аппарате. Поменьше извиняйся, и она тебе поверит.

Именно так и происходит. Пока Эмори «пудрит носик», Кейт верит Манди до такой степени, что тот чуть не сгорает от стыда. Однако десять минут спустя он уже сидит в автомобиле Эмори, перебрасывается шутками с водителем-сержантом, и на этот раз они приезжают в новый рыбный ресторан в Грюневальде, о котором еще мало кто знает, и это хорошо, потому что в наши дни в Берлине чертовски трудно найти спокойное местечко. За обедом, которым они наслаждаются, сидя голова к голове в кабинке, кутающейся в сумрак и предназначенной для влюбленных, под грохот живой музыки, настроение Манди

¹ Tschuss — до свидания (нем.).

магическим образом поднимается, поднимается настолько, что после игривого вопроса Эмори, пожелавшего узнать, не сожалеет ли он, будучи убежденным леваком, об отказе от святости коммунистической Европы ради декаданса Запада, Манди, удивляя не только Эмори, но и себя, раздражается громогласной речью, в которой клеймит как советский коммунизм, так и все, что с ним связано.

Возможно, он выражает свои сокровенные чувства, а может, это последний приступ ужаса, который он испытывает, оглядываясь назад и окончательно понимая, что сотворил и чем все могло закончиться. В любом случае Эмори не упускает возможности использовать момент по максимуму.

— Если хочешь знать мое мнение, Эдуард, ты — прирожденный разведчик, наш человек и внутри, и снаружи, — говорит он. — Так что спасибо тебе, и добро пожаловать на борт корабля. Твое здоровье.

И с этого тоста, Манди потом так и не смог понять почему, но все получилось как-то само собой, разговор перемещается на сугубо академическую тему: чем *в такой ситуации* человек должен делиться с женой, а чем — нет, при этом ни один эту самую ситуацию не конкретизирует. И с точки зрения Эмори, которую он не навязывает, но высказывает достаточно уверенно, основываясь на собственном опыте, грузить дорогих тебе людей информацией, которая им совершенно не нужна, зная которую, они ничего не смогут изменить, так же пагубно и эгоистично, как держать их в полном неведении, и более спорно. Но это личное мнение Эмори, а Эдуард может придерживаться другого.

К примеру, если этот любимый, которому хочет-

ся во всем признаться, беременная женщина, продолжает Эмори.

Или от этого любимого никогда не было никаких тайн, поэтому нет никакой возможности держать такой большой секрет под замком.

Или этот любимый — человек высоких принципов, у которого могут возникнуть проблемы в примирении своих политических взглядов с... ну, некими действиями, направленными против определенного врага или идеологии, которую этот человек воспринимает совсем не так, как мы.

Короче, если эти любимые люди — Кейт, и у них и так достаточно поводов для волнения: работа в школе, домашнее хозяйство, муж, нуждающийся в заботе, первенец, который должен в скором будущем появиться на свет, троцкисты, которых давно пора вышвырнуть из сент-панкрасского отделения Лейбористской партии... должно быть, по ходу бесед с Эмори Манди рассказал ему и о них тоже.

Квартира у Клейстпарк не принадлежит Эмори. Но и не хостел для одиноких офицеров. Это место, которое он придерживает для тех, кто в городе проездом и не хочет афишировать свое присутствие. А теперь Эмори должен вернуться в контору, чтобы узнать, нет ли каких новостей из Лондона.

Но Клифф останется в соседней спальне, на случай, если тебе что-то понадобится.

И Клифф всегда знает, как меня найти.

А если утром ты захочешь прогуляться, ты говорил, что обожаешь ранние прогулки пешком, я с радостью составлю тебе компанию. Пока же постарайся уснуть. Ты отлично поработал.

Я постараюсь.

* * *

Манди лежит. Сна ни в одном глазу, как и в прошлую ночь в Веймаре, считая четверти и половинки сверхсинхронизированных западноберлинских часов.

Поднимайся и беги, говорит он себе. Тебе это совершенно не нужно. У тебя есть Кейт, ребенок, который должен вот-вот родиться, работа, дом. Ты больше не в Таосе, для тебя период скитаний закончился. Ты — Тед Манди, дипломат культуры и будущий отец. Хватай чемодан, тихонько, чтобы не разбудить Клиффа, спускайся вниз и дуй в аэропорт.

Но, давая себе такой совет, он вспоминает, а какой-то кусочек мозга помнил об этом постоянно, что его паспорт у Ника Эмори... простая формальность, Эдуард, верну его тебе завтра утром.

И Манди знает: отдавая паспорт, он прекрасно понимал, что сие означает, к чему ведет, так же, как понимал это и Эмори.

Он присоединился. Прирожденный разведчик определял свою судьбу.

Его не заставляли, ему не выкручивали руки. Он по своей воле говорил: «Я с вами», — точно так же, как за обедом разглагольствовал об ужасности коммунистической жизни. Он предлагал взять его действующим игроком в команду Эмори, потому что видел себя таковым, разгоряченный достигнутыми успехами, и таким игроком уже видел его и Эмори.

Так что, пожалуйста, просто напоминайте мне, с чего все началось, как я попал в эту историю. Завербовал меня совсем не Эмори — Саша. Эмори не сбрасывал мне на колени мешок государственных секретов, не говорил: «Слушай, возьми все это и передай британской разведке».

Это деяние Саши.

Так я делаю все это для матери-Англии или для бичующего себя антилютеранина, бегущего от бога?

Ответ: я вообще ничего не делаю. Я — спасательная шлюпка.

Все так, Саша — мой друг. Не тот друг, который мне всем нравится, но друг, верный, давний, друг, который нуждается в моей защите. И, видит бог, он ее получал. Друг, который, так уж вышло, ярый сторонник хаоса, в одиночку ведущий фанатичную войну со всеми формами установившегося порядка.

И если теперь он нашел другой храм, который должно сокрушить, удачи ему. Но под развалинами он не похоронит меня.

Или Кейт.

Или ребенка.

Или дом. Или работу.

И вот что я собираюсь сказать Эмори через пару часов, когда я его разбужу и отправлюсь с ним на раннюю прогулку, о которой он упомянул. «Ник, — скажу я. — Ты — профессионал своего дела, я уважаю Лондон, да, полностью согласен с тем, что советский коммунизм — враг, с которым действительно надо бороться, и желаю тебе всяческих успехов в этой борьбе. Но, будь так любезен, отдай мне паспорт и, если тебя это не затруднит, распорядись дать машину, чтобы меня отвезли в аэропорт. С Сашей ты уж как-нибудь договаривайся сам, а мы крепко пожмем друг другу руки и распрощаемся».

Но ранней прогулки не получается. Зато в сером свете зари у его кровати возникает Эмори и говорит, что пора одеваться.

— Зачем? Куда мы едем?

— Домой. Кратчайшим путем.

— Почему?

— Аналитики выставили тебе пятерку с двумя плюсами.

— О чем ты?

— Информация потрясающая. Важнейшие государственные секреты. Твой приятель, должно быть, собирал ее не один год. Они спрашивают, что ты предпочитаешь, КВ¹ или титул пэра.

* * *

Тебя везут.

Никаких решений принимать не надо.

Сиди, откинувшись на спинку сиденья, и размышляй о собственной жизни.

Опять аэропорт Темпельхоф, прибытие ранним утром на джипе, правда, другой сержант.

Прощай, Клифф.

Прощай, Тед, и удачи тебе.

Самолет ВВС ждет, пропеллеры вращаются, кроме него и Эмори, пассажиров нет. Держись крепче, уже взлетаем. Пилоты на нас не смотрят. Вымуштрованы. Приземление в аэропорту Нортолт, с трапа — в зеленый минивэн с большущими боковыми зеркалами и тонированными окнами задних дверей.

Она сейчас идет в школу. Оставила позади половину бетонной дорожки между открытым бассейном Хампстеда и кварталом особняков. Ученики старших классов болтают с ней, младших — стараются взять за руку, и она думает, что я решаю в Берлине проблемы Британского совета.

---

¹ КВ — крест Виктории, высший военный орден, которым награждаются военные или гражданские за боевые подвиги. Учрежден королевой Викторией в 1856 г.

* * *

Через заднее стекло минивэна Манди начинает узнавать дорогу в Оксфорд. Он получил пятерку с двумя плюсами, и теперь они хотят выдать ему диплом. Ильзе в своей комнатухе в общежитии говорила ему, что он полнейший младенец в сексе. Они едут по пологим холмам, въезжают в ворота, кирпичные столбы которых увенчаны грифонами из песчаника. Дневной свет включается и выключается по воле растущих вдоль асфальта берез. Минивэн останавливается, но выйти дозволено только водителю. Березы остались позади, их сменили участки, огороженные белыми заборами, павильон для крикета, круглый пруд. Минивэн останавливается снова, задние дверцы открываются, стюард в белой униформе и легких парусиновых туфлях на резиновой подошве берет рюкзак Манди и ведет его мимо припаркованных автомобилей, по дорожке, выложенной каменными плитами, к лестнице черного хода, далее в коридор для слуг.

— Мой гость расположится в свадебном «люксе», — говорил Эмори стюарду.

— Очень хорошо, сэр. Я отведу «невесту» прямо туда.

В свадебном «люксе» узкая, односпальная кровать, раковина и унитаз, очень маленькое окно, выходящее на увитую плющом стену. В последний год обучения в школе, будучи префектом, Манди жил в такой же. Подъезжают все новые автомобили. Манди слышит приглушенные голоса и шаги по гравию. До начала величайших перемен в его жизни остается все меньше времени. И четыре последующих дня за закрытыми дверьми прирожденный разведчик встречается с семьей.

* * *

Они — не семья, какой он ожидал ее увидеть, но в этом для него нет ничего нового.

Нет, суровые мужчины не меряют его с головы до ног настороженными взглядами. Супервыпускники в костюмах-двойках с перламутровыми галстуками не вяжут в узлы каверзными вопросами. Они рады встрече с ним, гордятся им, потрясены его достижениями, хотят пожать руку и пожимают. Достойные, ничем не выделяющиеся в толпе, веселые люди, поначалу никаких имен, никакой профессиональной принадлежности, но приятные лица, удобная обувь, потрепанные, коричневые, отнюдь не чиновничьи брифкейсы, а женщины — от слегка рассеянных («И куда же я задевала свою сумочку?») до по-матерински заботливых матрон с мечтательными, теплыми глазами, которые слушают его часами, прежде чем задать вопрос о чем-то совершенно им забытом, до того самого момента, пока одна из них не направила его мысли в нужном направлении.

Что же касается мужчин, да, внешне они тоже разнятся, но тем не менее принадлежат к одному виду. Можно сказать, академики средних лет. Археологи, радостно работающие вместе на одном раскопе. Врачи, которые с кроткой, но сознательной отстраненностью говорят, что для них главное болезнь — не человек. Сухощавые молодые люди в плохо сшитых костюмах и с отсутствующим взглядом, Манди воспринимает их как прямых потомков классической школы арабского исследователя, пересекающего пустыню на верблюде, ориентируясь по звездам, с бутылкой лимонада и шоколадным батончиком.

Так что же, гадает он, их всех объединяет, помимо греющего душу интереса к Теду Манди? Неожиданно

данный смех, шлепок по плечу, разделенный радостный вскрик, чуть убыстрившийся темп речи, короткий взгляд. Тщательно скрываемаемая воровская искорка. Чувство сопричастности.

Они погружаются в глубины его прошлого, сначала руководствуясь магнитными пленками, которые Эмори переслал из Берлина, потом самостоятельно выбирая направление движения. История всей его жизни выкладывается перед ними, как труп, после чего, в наиболее тактичном английском стиле, производится вскрытие. Манди не возражает. Он — часть этой семьи, новичок английской команды, но уже успевший показать себя с самой лучшей стороны.

Эпизоды его жизни, которые он никогда бы не связал друг с другом, выуживаются из глубин его памяти, а потом предлагаются для инспекции и комментариев: *«Господи, однако, полагаю, это правда»* или *«Если подумать, то да, так оно и было»*. И Эмори всегда рядом с ним, готовый поддержать его, если он падает, и уладить мелкие недоразумения, которые возникают, когда наш Эдуард вдруг взбрыкивает, а такое случается, поскольку далеко не все вопросы приятны. Но они и не обещали, что будут спрашивать только о приятном, скорее наоборот. Таковы все семьи.

— Никто из тех, кто так хорошо послужил родине, как вы, Тед, не сможет пройти через эту мясорубку, не покраснев раз-другой, — по-доброму предупреждает его одна материнского вида матрона.

— Согласен. Абсолютно. Задавайте ваши вопросы, мэм.

Она — психоаналитик? Откуда ему знать? Ему хочется называть ее Флора, или Бетти, или ее настоящим именем, если б она представилась, но прихо-

дится обращаться к ней мэм, как к королеве¹, вызывая дружелюбный смех за столом из красного дерева.

Вот так проходит первый день, и к его завершению, когда в баре остается лишь несколько особо стойких, они уже поздравили того Теда Манди, которого он сам потом нарекает Манди Первым: героя Веймара, единственного сына героического майора, капитана школьной команды по крикету, защитника команды по регби, который в институте слегка порозовел (а с кем такого не происходило?), а вот теперь, по сигналу горна, поспешил в семейную войсковую часть, чтобы встать плечом к плечу с остальными в борьбе с общим врагом.

Но, к сожалению, это только Манди Первый. А у шпионов всегда есть двойник.

* * *

Можно спровоцировать у человека шизофрению? Разумеется, можно, если пациент сложный.

В Веймаре Саша намекнул на то, что его ждет. Здесь, в Оксфорде, спасибо инструкциям на микроплёнке, переданным мистеру Арнольду в специальных защитных устройствах, он получает по полной программе. Если вчерашний Манди Первый представлял собой тот идеал, к которому следовало стремиться Манди, то сегодняшний Манди Второй — та карикатура, в которую он опасался превратиться еще два года тому назад.

Бывший большевистский выпускник средней школы, бывший оксфордский недоучка-левак, превратившийся в анархиста, берлинский бунтарь, ко-

---

¹ Мэм, мадам — почтительное обращение к женщине, особенно к члену королевского семейства, в т. ч. к королеве.

торый, получив на орехи, бежал из города на заре; школьный учитель без диплома, уволенный со службы за аморальное поведение, потом изгнанный из провинциальной газеты, чтобы стать писателем-неудачником в Нью-Мексико, а затем приползти обратно в Англию и затеряться в нижних эшелонах бюрократов от культуры, без всякой надежды на светлое будущее.

Это его отображение в чуть искажающем зеркале поначалу так знакомо, что Манди не может смотреть на него, не корча гримасы, не хватая себя за волосы, не краснея, без стонов и размахивания рук. Какая часть этого портрета нарисована благодаря его признаниям Эмори, а какая — сорокачасовыми раскопками лондонских археологов, ему узнать не дано. Двух мнений тут быть не может: Манди Второй куда ближе к истинному Манди, кто бы его ни рисовал, женщины с мечтательным взглядом или академики средних лет.

* * *

Пасторского вида мужчина в черном хомбурге прибыл на вертолете. Через панорамное окно конференц-зала Манди наблюдает, как он пересекает лужайку, одной рукой прижимая шляпу к голове, а вторую, с брифкейсом, используя как противовес, удерживающий от падения. Когда он входит, все встают, приветствуя его. Он занимает место во главе стола. Уважительное молчание повисает в конференц-зале, пока он достает из брифкейса папку, кладет перед собой, прежде чем одарить мгновенной улыбкой сначала всех в целом, а потом Манди в отдельности.

— Тед, — говорит он. День клонится к вечеру, и Манди вымотан донельзя: локти упираются в поли-

рованный стол, длинные пальцы прячутся в всклокоченных волосах. — У меня к вам вопрос, дорогой мальчик.

— Сколько угодно, — отвечает Манди.

— Кейт когда-нибудь говорила вам, что ваш тесть, Дес, до пятьдесят шестого года работал в аппарате английской коммунистической партии? — Тон такой, будто он интересуется, любит ли Кейт работать в саду.

— Нет, никогда не говорила.

— А Дес?

— Нет.

— Даже по субботам, когда вечером вы играли в баре на бильярде? — Улыбка становится шире. — Я потрясен.

— Ни по субботам, когда мы играли на бильярде, ни когда-либо еще, — и я тоже потрясен, но Манди слишком предан Десу, чтобы произнести это вслух.

— Советское вторжение в Венгрию, разумеется, вправило ему мозги, как и многим из них, — сетует Пастор, вновь проконсультировавшись с папкой. — Однако никто не выходит из Партии окончательно, не так ли? Она вживается в человека навечно, остается, можно сказать, в крови, — весело добавляет он.

— Полагаю, вы правы, — соглашается Манди.

Но в папке хранится еще много любопытного, на что ясно указывает улыбка Пастора. Дес — это только начало.

— И Ильзе. Что вы знаете о ее политических взглядах, если таковые у нее имелись?

— Она была всем понемногу. Анархисткой, троцкисткой, пацифистской... я не уточнял.

— Но они имелись. В 1972 году, под влиянием вашего преемника, она стала сотрудником аппарата

лейтского отделения Шотландской коммунистической партии.

— Он хорошо поработал.

— Вы скромничаете. Сказалось ваше воздействие, я готов в этом поклясться. Вы оставили хороший задел, так что вашему преемнику осталось лишь довершить начатое. У меня нет сомнений, что именно благодаря вашим стараниям ей открылась истина.

Манди лишь качает головой, но Пастор неумолим.

— Касательно вашего доктора Мандельбаума, имя Гуго, вашего собрата-беженца и источника вдохновения в школе-интернате, — продолжает Пастор, складывая руки горкой. — Чему именно он вас учил?

— Немецкому.

— Да, а чему немецкому?

— Языку и литературе.

— Это все?

— А чему еще он мог меня учить?

— Как насчет философии? Гегель, Гердер¹, Маркс, Энгельс?

— Господи, нет!

— Почему господи? — Брови Пастора вопросительно изгибаются.

— Философия — не по моей части, вот почему. Ни в том возрасте, ни теперь. Тем более на немецком... Тогда я бы ничего не понял. И теперь результат будет не лучше. Спросите Сашу. — Тут он прикрывает рот рукой, неуверенно кашляет.

— Тогда, Тед, позвольте мне поставить вопрос иначе. Возможно, сейчас я буду противоречить самому себе, но, пожалуйста, выслушайте меня. Я не погрешу против истины, если скажу, что доктор Ман-

---

¹ Гердер, Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий философ, теоретик «Бури и натиска», друг Гете.

дельбаум мог бы учить вас философии? Если бы захотел. Будь вы не по летам развиты.

— Ну... если ставить вопрос так... он бы мог научить меня чему угодно! Но фактически не учил. Вы меня спросили, я ответил — нет. Теперь вы задаете гипотетический вопрос, и ответ — да, мог.

Пастора такой поворот страшно забавляет.

— То есть мы сходимся на том, что доктор Мандельбаум мог прочищать вам мозги Марксом, Энгельсом, кем угодно, и никто бы, раз уж вы не рассказывали об этом ни вашим одноклассникам, ни начальству, ничего не узнал.

— А я говорю вам, что ничего такого не было. Все, что он сделал, не в лоб, очень ненавязчиво, совершенно законно и профессионально... и ничего больше, будьте уверены... так это разбудил во мне революционный дух и... — Он замолкает, вновь начинает массировать череп.

— Тед. Дорогой мой.

— Что?

— Эта профессия... которая становится вашей... не живет в реальном мире. Только навещает его. Однако в вашем случае реальность на нашей стороне. Все Мандельбаумы были леваками, честь им за это и хвала. Трое сражались в бригаде Тельмана во время Гражданской войны в Испании. Старший брат Гуго был членом Коминтерна. Сталин повесил беднягу за все его заслуги. Ваш любимый Гуго вступил в коммунистическую партию в Лейпциге, в 1934 году, и продолжал платить членские взносы, пока не скончался в центральной больнице Бата сорок лет спустя.

— И что?

— А то, что начальники Саши — не идиоты. С одним вы уже встречались. Я про Профессора. Он, ко-

нечно, далеко не ангел, но точно не дурак. И захочет убедиться, что в его сети заплывла настоящая рыба. Или в Сашины сети. И он найдет, или найдут его бесчисленные подчиненные, широченный красный след, который без единого разрыва растянулся по всему вашему прошлому, начиная с доктора Гуго Мандельбаума, через Ильзе в Оксфорде и Сашу в Берлине, до наших дней. Естественно, вы не вступили в Партию! И с какой стати вам в нее вступать? Вы же не хотели ставить под удар свою карьеру. Но ваш учитель был красным, ваша первая подруга — красная, вы — член сент-панкрасского отделения Лейбористской партии, едва ли не самого левого во всей партии, ваша жена из семьи с левыми взглядами, ее отец работал в партийном аппарате, пока не сдал свой билет в пятьдесят шестом. Вы — чудо, дорогой мальчик! Если б нам пришлось выдумывать вас, мы бы никогда не сумели добиться такой убедительности. Вы для них — дар Небес. И, должен сказать, для нас тоже.

К его смеху через мгновение присоединяются сидящие за столом, все, кроме Манди. Медленно он распрямляет спину, приглаживает волосы, кладет руки на стол. Он улыбается, счастливый юноша. Наконец-то он начал улавливать особенности этой семейной игры. Неудачник-писатель на самом деле совсем не неудачник. Он — творец, как и они все. Он посещает реальность, как и они, и грабит из любви к искусству.

— Вы забыли про Айю, — в голосе слышится упрек.

Все недоуменно переглядываются. Айра? Эйре¹? В досье ничего такого не было.

---

¹ Эйре — Ирландия.

— Женщину, которая заменила мне мать в Индии, — поясняет Манди. И тут же поправляется: — В Пакистане.

Ах, про *ту айю*, на лицах читается облегчение. Да, да, конечно. Служанка.

— А что вы можете сказать о ней, Тед? — с интересом спрашивает Пастор.

— Всю ее семью убили во время погромов, которыми сопровождался Раздел. Мой отец полагал, что Раздел — величайшая ошибка колониальной администрации. Айя закончила свои дни, прося милостыню на улицах Мюрри.

Теперь уже лица Пастора и его команды расцветают улыбками. *Великолепно*, Тед, соглашаются они. Трогательная, вышибающая слезу история, которая им очень нравится! Айя получает статус звезды. И скоро они все разрабатывают Айю, попавшую в категорию «Факторы раннего воздействия», обмениваясь идеями, выстраивая общую линию: крошка Манди; с самого рождения окруженный ложью, рожденный от представительницы рабочего класса и выдаваемый за сына аристократки, по существу усыновленный простой местной женщиной... ты, говоришь, толстой, Тед... что ж, надуем ее, как воздушный шар... которой не было никакого дела до его настоящей матери; итак, эта невероятно толстая местная женщина, Айя, между прочим, такая же *служанка*, как и твоя мать, сама была жертвой колониального угнетения. Но без Теда, уже потом, в баре, все с этим соглашаются, они бы никогда до этого не додумались: а ведь такие мелкие нюансы придают особенную убедительность как правдивой истории, так и придуманной «легенде».

— Мы — кармелиты, — безо всякого смущения

признает Эмори, когда после обеда он и Манди прогуливаются по территории. — Мы не можем говорить о том, чем занимаемся, не получаем повышения по службе, нормальная жизнь нам только снится. Нашим женам приходится притворяться, что они вышли замуж за неудачников, и некоторые в это даже верят. Но, когда карьеристы и болтуны отсеиваются, остаются мальчики и девочки, которые занимаются действительно важным делом. И похоже на то, что ты вот-вот станешь одним из нас.

Но кто же такой Манди Третий, остающийся после того, как Манди Первый и Второй отправляются бай-бай? Кто эта третья личность, отличная от первых двух, которая лежит без сна, когда они спят, и прислушивается к перезвону сельских колоколов, которых не слышит? Эта личность — молчаливый наблюдатель. Она — единственный из зрителей, кто не аплодирует выступлению двух его первых ипостасей. Она сложена из тех неприметных эпизодов его жизни, которые остались у Манди после того, как он отдал все остальное.

* * *

Неужто рабочий день у молодого мужа может столь растягиваться?

Сидит ли Манди в своем кабинете в здании Британского совета на Трафальгарской площади, коргя над отчетом о триумфальных гастролях «Свит доул компани» или готовясь к Танцевальному фестивалю в Праге, до которого остается меньше четырех недель, спешит ли на занятие для будущих пап в родительном доме Саут-Энда, помогает ли в школьной

театральной постановке «Пиратов Пензанса»¹, он клянется, что никогда в жизни так не уставал и (посмеет ли он утверждать такое?) не приносил столько пользы.

А если выдается свободный момент, он уединяется с Десом в сарае, поработать над детской кроваткой, которую Дес и Тед хотят преподнести Кейт в подарок, для которой мать Кейт, Бесс, шьет одеяльце. Дес где-то раздобыл отличный материал, выдержанную древесину яблони. Ничто не сравнится с ней по текстуре и цвету. Кроватка становится мистическим объектом в мироздании Манди, сочетанием талисмана и цели в жизни: будет кроватка — будет все хорошо у Кейт, у ребенка, у него самого. Дес, как всегда, любит поговорить о большой политике.

— Что бы ты сделал... ты, Тед... если б добрался до нее... кроме очевидного... с Маргарет Тэтчер? — спрашивает он по ходу работы.

Но Тед знает, что отвечать не должен: ответы — привилегия Деса.

— Знаешь, что сделал бы я? — спрашивает Дес.

— Скажи мне.

— Я бы высадил ее на необитаемом острове вместе с Артуром Скаргилом и оставил там. — Сама мысль о том, что Маргарет Тэтчер придется довольствоваться только компанией ненавистного ей лидера профсоюза шахтеров, представляется Манди настолько смешной, что работа над кроваткой прерывается на несколько минут.

Дес всегда нравился Манди, а после недавнего визита в Оксфорд в их отношениях добавилось пи-

---

¹ «Пираты Пензанса» — комическая опера Артура Салливана (музыка) и Уильяма Гилберта (стихи). Впервые поставлена в Нью-Йорке 31 декабря 1879 г.

кантности. Как отреагировал бы старый экс-коммунист, гадает Манди, узнав, что его зять шпионит за самым верным вассалом матушки-России? Если Манди хоть чуточку разбирается в людях, Дес торжественно снимет кепку и молча пожмет ему руку.

И появление на свет ребенка — не единственное событие, ожидающее их в недалеком будущем. Несколько дней тому назад Лейбористская партия потерпела сокрушительное поражение на всеобщих выборах, и Кейт винит в этом исключительно возмутителей спокойствия и экстремистов, которые проникли в ее ряды. Чтобы спасти партию, которую любит, она намерена выставить свою кандидатуру, позиционируя себя как умеренного кандидата, на грядущих муниципальных выборах, вступив в борьбу с троцкистами, коммунистами и анархистами, которые заполонили Сент-Панкрас. Ей требуется три дня, чтобы решиться и поставить в известность Теда. Она так боится, что он будет возражать. Но она недооценивает доброту его сердца. И неделей позже Манди сидит на трибуне перед зданием муниципального совета Сент-Панкраса, слушая, как его жена объявляет о своем вступлении в предвыборную борьбу четкими, убедительными фразами, напомнившими ему Сашу.

* * *

Добрая фея Манди из отдела кадров Британского совета просит на минутку заглянуть к ней. Аккурат в конце рабочего дня, когда люди уже потянулись к выходу. Она сидит, положив руки ладонями на стол, как человек, который дал себе слово сдерживаться. Тщательно выговаривает каждое слово. Сразу видно, что отрепетировала свою часть диалога.

— Как пишется?

— Нормально. Вы знаете. Потихоньку.

— По-прежнему работаете над романом?

— Да. Боюсь, что да.

Вступительная часть закончена. Она набирает полную грудь воздуха.

— Когда вышестоящее начальство уведомило меня о том, что вам необходимо задержаться в Берлине для разрешения некоторых вопросов безопасности, связанных с вашими гастролями, я не обеспокоилась, — опять вдох. — Аналогичные ситуации возникали в прошлом. Опыт научил нас не проявлять любопытства и просто ждать, пока все рассосется естественным путем. Однако...

Неготовый к подобной дискуссии, Манди ждет, что последует за *однако*.

— Когда то же начальство сообщило мне, что вы направляетесь в Прагу, я пришла к заключению, как теперь выясняется, ошибочному, что вы используете свои связи. Поэтому отказалась подыгрывать вам... — вдох, — ...в результате чего получила приказ еще более высокого начальства не только выполнить полученное распоряжение, но и без единого вопроса следовать всем указаниям относительно ваших будущих поездок, за исключением тех случаев, когда эти указания кардинально идут вразрез с политикой нашего отдела кадров, а потому могут *привлечь постороннее внимание*. — Долгая пауза. — За исключением подачи заявления об уходе, что представляется мне излишним, учитывая, что ваша работа, судя по всему, приносит обществу пользу, у меня нет альтернативы, и я вынуждена подчиниться тому, что я полагаю... непростительным, недопустимым вмешательством в

дела Совета. — Вот так. Она высказалась. — Могу я задать вам один вопрос?

— Абсолютно, — отвечает Манди без привычной живости. — Выкладывайте.

«Играй под дурачка, — наставлял его Эмори. — Она течет, как сито. Ей не разрешено ничего знать».

— Конечно же, вы не обязаны отвечать. И мне, наверное, не стоит спрашивать. Вы — троянский конь?

— Кто?

— В тот момент, когда вы поступали на работу в нашу организацию, вы уже... даже не знаю, как и сказать... и я уверена, если бы знала, то не имела бы права говорить... ладно, скажем так, по мелочам вы что-то для них уже делали?

— Нет. Не делал. Ни для кого.

— А то, что произошло потом... что бы ни произошло, очевидно, я не могу узнать, что именно, да и не хочу... это произошло случайно или согласно чьей-то задумке, как по-вашему?

— Совершенно случайно, — бормочет Манди, опустив голову, дабы иметь возможность рассматривать свои руки. — Такого нарочно не придумать. Один шанс на миллион. Очень об этом сожалею.

— И вы бы хотели... пожалуйста, не отвечайте, если для вас это слишком болезненно... в душе вы бы хотели, чтобы этого не случилось вовсе?

— Полагаю, скорее да, чем нет.

— Тогда я тоже сожалею, Тед. Я думала, что помогала вам, закрыв глаза на отсутствие у вас диплома. А теперь получается, что я только навлекла на вас неприятности. Однако при всем этом мы все работаем на одну королеву. Хотя в вашем случае она не может этого знать, не так ли?

— Полагаю, что нет.

— Я очень ругаю себя, что предоставила вам крышу над головой. Похоже, что старалась зазря. Вы сможете... и я уверена, вы не имеете права мне это говорить... получать повышение по службе от кого-то еще?

Возвращаясь домой самой дальней дорогой, Манди размышляет о высокой цене двойной жизни в этой стране. Ему нравится добрая фея из отдела кадров, он привык рассчитывать на ее благожелательность. Теперь, похоже, ему придется обходиться без оной. Он начинает понимать смысл слов Эмори о том, что нормальная жизнь может только сниться. Но домой приезжает уже в приподнятом настроении.

Да кому, собственно, нужна нормальная жизнь?

* * *

Служебная записка от начальника отдела кадров на имя Э.А. Манди, с пометкой «Лично и конфиденциально»:

«Нам сообщили, что вы должны принять участие в конгрессе организаторов культурных фестивалей, который пройдет во дворце Маккаллоу в Эдинбурге с 9 по 16 мая, в рамках подготовки к Пражскому фестивалю танца. Мы понимаем, что транспортные расходы, жилье и питание будут оплачены организаторами конгресса. Вопрос о вашем жалованье в этот период будет рассмотрен отдельно».

— Мы называем это заведение «Школа хороших манер», — объясняет Эмори, пока они, жуя сэндвичи с копченой семгой, кружат вокруг Гайд-парка в черном кебе, за рулем которого сидит Клифф, сер-

жант. — Они расскажут, что нужно делать в Праге, если вдруг пойдет дождь, дадут несколько ценных советов, чтобы ты смог самостоятельно перейти улицу.

— Ты там будешь?

— Дорогой. Как я могу бросить тебя в такой момент?

У Кейт известие о поездке в Эдинбург восторга не вызывает.

— Целую неделю говорить о фестивалях? — удивляется она, на пару минут оторвавшись от «Личных обязательств тем, кто меня поддержит». — Твои бюрократы от искусства еще почище тех, кто заседает в ООН.

* * *

Середина недели, прекрасный весенний день, канун отъезда Манди в Шотландию. Этим утром с почтой прислали сообщение об официальной номинации Кейт. Она звонит Манди на работу. Она совершенно спокойна, но говорит, что он должен срочно приехать. Манди срывается с совещания, спешит домой, находит ее, с побледневшим лицом, но держащую себя в руках, на бетонной дорожке, ведущей к дому. Берет за руку, подводит к крыльцу, но дальше она не идет, останавливается как вкопанная, словно лошадь перед препятствием. Кусает фалангу согнутого указательного пальца правой руки.

— Я их спугнула. Они меня не ждали. У меня сегодня целый день уроки. — Голос монотонный, без малейших эмоций. — Одна из моих учениц получила полную стипендию в университете Лидса, вот директор и отпустил выпускные классы с двух последних уроков.

Манди нежно обнимает ее за плечи.

— Я пошла домой, открыла калитку. Увидела тени в окне. В гостиной.

— Через занавески?

— Они оставили дверь на кухне открытой. Двигались взад-вперед на фоне дверного проема.

— Значит, ты видела не одного человека.

— Двоих. Может, троих. Они были очень быстрые.

— Тени?

— Люди. Она увидела меня. Женщина увидела. Девушка. В спортивном костюме. Я заметила, что она повернула голову, а потом, должно быть, упала на пол и поползла на кухню. Дверь в сад была открытой. — Кейт словно давала показания в суде, не упускала никаких мелочей. — Я обежала угол, в надежде их увидеть. Минивэн уже отъезжал. Номер я рассмотреть не успела.

— И какой минивэн?

— Зеленый. С тонированными стеклами на задних дверцах.

— Боковые зеркала?

— Не разглядела. Какое значение имеют боковые зеркала? Я успела лишь мельком глянуть на него. Может, минивэн никак с этим не связан.

— Старый минивэн или новый?

— Тед, перестань меня допрашивать, а? Если бы я заметила, старый он или новый, то сказала бы сама. Не то и не другое.

— Что говорит полиция?

— Они соединили меня с департаментом уголовного розыска, и сержант спросил, что у нас украли. Я ответила, что ничего. Он сказал, что они подъедут, как только смогут.

Они входят в гостиную. Письменный стол у них антикварный, купленный за гроши у какого-то скольз-

кого типа в Камден-Тауне. Дес, когда приходит в гости, всякий раз говорит, что он точно ворованный. Поверхность стола покрыта кожей, в обеих тумбах ящики. Левая тумба Манди, правая — Кейт. Он один за другим выдвигает три своих ящика.

Старые рукописи, некоторые с приколотыми отказными письмами.

Наброски новой пьесы, которую он задумал.

Папка с надписью «ПАПКА», в которой хранятся письма матери майору, материалы заседания военного трибунала, на котором майора признали виновным, большая фотография — Стэнхоупы в День победы.

Все лежит по-другому.

По-другому, но не в беспорядке. Практически не в беспорядке.

Вытащено, потом уложено обратно, почти в той же последовательности, человеком или людьми, которые хотели взглянуть на содержимое ящиков, но так, чтобы хозяева ничего не заметили.

Кейт наблюдает за ним, ждет, что он скажет.

— Не возражаешь? — спрашивает он.

Она качает головой. Он открывает верхний ящик с ее стороны. Она тяжело дышит. Он боится, что она грохнется в обморок. Напрасно: она злится.

— Эти мерзавцы положили все не на свое место, — говорит она.

Тетради учеников всегда лежат в нижнем ящике, потому что он самый большой, объясняет она рублеными фразами. Тетради с домашними заданиями, которые необходимо проверить к среде, лежат на тетрадях, которые нужно проверить к пятнице. Вот почему тетради разных цветов. Желтые — для класса, с

которым я занимаюсь в среду, красные — в пятницу. А эти чертовы воры все положили не так.

— Но с чего бы троцкистам интересоваться тетрадями твоих учеников? — задает Манди резонный вопрос.

— Тетради их не интересовали. Они искали документы Лейбористской партии.

Полиция прибывает в восемь вечера, но помочь ничем не может.

— Знаете, что делает моя жена, сэр, когда собирается рожать? — спрашивает сержант за чашкой чая, приготовленного Манди: Кейт уже наверху, отдыхает.

— Боюсь, что нет.

— Ест туалетное мыло. Мне приходится прятать его от нее, а не то она всю ночь пускает пузыри. Полагаю, мы могли бы арестовать всех владельцев зеленых минивэнов с затемненными стеклами на задних дверцах. С чего-то надо начинать.

Наблюдая за отъезжающей патрульной машиной, Манди размышляет о том, стоит ли позвонить по номеру, оставленному ему Эмори на случай чрезвычайных обстоятельств. И будет ли от этого прок. Сержант, конечно, прав. Зеленых минивэнов тысячи.

Кейт тоже права. Это были троцкисты.

А может, мелкие воришки, которых она спугнула, вот они ничего и не успели взять.

Нормальное происшествие в нормальной жизни, а единственная ненормальность в этой истории — я.

ГЛАВА 8

— Ты устал, Тедди? — спрашивает массивный, русоволосый Лотар, вновь заказывая всем по кружке пива.

— Есть немного, Лотар, но ничего смертельного, — признается Манди. — Сегодня мы много танцевали, — добавляет он под общий хохот.

— Усталый, но счастливый; — предполагает фрау доктор Бар, восседающая во главе стола, и ее молодой сосед, интеллектуал Хорст, тут же ей поддакивает.

Саша ничего не говорит. Сидит, забрав подбородок в ладонь, чему-то хмурится. Берет надвинут на лоб, может, и для смеха. Это их второй совместный вечер, так что Манди уже знаком с расстановкой сил. Лотар приглядывает за Сашей, Хорст, светловолосый интеллектуал, приглядывает за Лотаром. Строгая фрау доктор Бар, работающая в посольстве Восточной Германии в Праге, приглядывает за тремя мужчинами. И все четверо приглядывают за Тедом Манди.

Третий день Пражского фестиваля танца только что завершился. Они сидят в подвальном баре отеля на окраине города. Сам отель построен по советскому проекту, чудовище из стекла и стали, но подвал выдержан в стиле Габсбургов, с мощными каменными колоннами, фресками рыцарей и прекрасных дам. За другими столиками сидят редкие припозднившиеся гости, несколько девушек пьют колу через соломинку, все еще надеясь подцепить иностранца. В углу пара средних лет пьет чай, не торопясь, за полчаса никак не могут осушить свои чашки.

За тобой будут следить, Эдуард, и не нужно этому удивляться. Слежка будет профессиональная, и очень важно, чтобы ты не подавал виду, будто знаешь о ней. Они перетрясут твой номер, так что не наводи идеального порядка, а не то они подумают, что ты играешь с ними в какую-то игру. Если совершенно случайно кто-то из них встретится с тобой взглядом, рассе-

янно улыбнись и скажи себе, что, наверное, видел этого человека на какой-то вечеринке. Самое убедительное твоё оружие — наивность. Улавливаешь ход моих мыслей?

Улавливаю, Ник.

* * *

За последние семьдесят два часа Манди насмотрелся танцев с мечами, народных танцев, племенных танцев, деревенских танцев и моррисданса¹. Он отбил ладони, хлопая казакам, грузинам, палестинцам, танцующим *дабке*, бесчисленным номерам из «Лебединого озера», «Коппелии»² и «Щелкунчика» в набитом до отказа театре, в котором забыли включить вентиляционную систему. Он пил тёплое белое вино в пяти или шести национальных павильонах, а в английском павильоне принимал хороших парней и их милых жен, включая пухлого первого секретаря посольства, в круглых очках, который признаётся ему, что играл в крикет за Харроу³. Он никак не может добиться, чтобы наладили работу системы громкой связи, декорации отвезли в другой театр. Звезды отказываются выступать, потому что в их отеле нет горячей воды. А в редкие промежутки времени, когда не нужно решать какие-то проблемы, он с неохотой позволяет Саше и прочим товарищам охмурять его. Прошлым вечером они пригласили его на какую-то

---

¹ Моррисданс (от morris-dance) — народный театрализованный танец, исполняется во время майских празднеств в костюмах героев легенд о Робин Гуде.

² «Коппелия» — балет Л. Делиба по новелле Э. Т. А. Гофмана, впервые поставленный в 1870 г.

³ Харроу — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ. Находится в пригороде Лондона, Харроу. Основана в 1571 г.

вечеринку в город. А когда Манди отказался, сославшись на то, что не может покинуть своих подопечных, Лотар предложил ночной клуб. Впрочем, Манди не поехал и туда.

«Заставь их попотеть, Эдуард. В Прагу они приехали с единственной целью — залезть тебе в штаны. Но ты этого не знаешь. Ты вообще ничего не знаешь, за исключением одного: Саша — твой давний друг. Настроение у тебя переменчивое, ты несчастен, выпиваешь, но в меру, одиночка. Сейчас вот готов раскрыть им душу, а в следующий миг отгораживаешься стеной. Таким Саша тебя им нарисовал и хочет, чтобы таким они тебя видели».

Это Ник Эмори, преподаватель сценического мастерства в эдинбургской «Школе хороших манер», выполняющий указания Саши, нашего Продюсера.

* * *

Лотар пытается заставить Манди раскрыться, в этом ему помогает фрау доктор Бар. Такую же попытку они предпринимали прошлым вечером, за этим же столиком, в этой же уютной, сближающей атмосфере бара. За выпивкой настроение Манди менялось. Когда оно переходило в фазу подавленности, он замыкался в себе, отвечал односложно, когда поднималось, красочно рассказывал о своем антиколониальном прошлом и, безмерно смеша слушателей и тайно стыдясь своих слов, об огромном заде Айи. Он описывал ужасы английского буржуазного образования и подпустил магическое имя доктора Гуго Мандельбаума, человека, который научил его думать, но никто не стал раскручивать его на сей предмет. Они лишь впитывали полученную информацию. Как и положено шпионам.

— А что вы думаете насчет резкого поворота Англии вправо, Тедди? Воинственный капитализм миссис Тэтчер немного вас тревожит, или вы — ярый приверженец свободного рынка?

Вопрос слишком уж лобовой, по нему слишком уж явно чувствуется желание Лотара вкрасься к нему в доверие, поэтому Манди не видит смысла в обстоятельном ответе.

— Никакой резкости, старина. Поворота и то нет. Они просто сменили вывеску на фронто́не, а больше ничего не произошло.

Фрау доктор Бар старается действовать более тонко.

— Но, если Америка смещается вправо, и Англия тоже, и правые набирают силу в Западной Европе, не тревожит ли вас будущее мирного существования?

Хорст, который считает себя экспертом по всему британскому, не может упустить возможность продемонстрировать свои знания:

— Может закрытие шахт привести к настоящей революции, Тедди? Сначала начнутся голодные марши, как в тридцатых годах, потом ситуация полностью выйдет из-под контроля. Расскажите нам, как реагирует на происходящее обычный англичанин с улицы.

Они ничего не могут добиться и, похоже, это понимают. Манди зевает, Лотар уже собирается подзвать официанта, чтобы опять заказать пиво, когда Саша неожиданно выходит из ступора.

— Тедди.

— Что?

— Все это полное дерьмо, знаешь ли.

— Что?

— Ты привез свой велосипед?

— Естественно, нет.

Внезапно Саша уже на ногах, вскидывает руки, обращается ко всем.

— Он — велосипедист. Помешан на велосипеде. Знаете, что этот безумец вытворял в Западном Берлине? Мы ездили на велосипедах по улицам. Раскрашивали из баллончиков с краской старые нацистские дома, а потом изо всех сил жали на педали, удирая от свиней. И мне приходилось ездить вместе с ним, с моими-то ногами, на гребаном велосипеде, чтобы он не попал в беду. Тедди все это организовывал. Не так ли, Тедди? Ты же не будешь утверждать, что все забыл?

Рука Манди поднимается, чтобы скрыть покаянную улыбку.

— Конечно же, не забыл. Не говори глупостей. Лучшего развлечения у нас просто не было, — добавляет он, решительно соглашаясь с некоторым искажением истории.

«Самое сложное для Саши — отсечь остальных, остаться наедине с тобой, — говорит Эмори. — Он обязательно что-нибудь придумает, но тебе придется ему помочь. Ты грустишь, тебе не сидится на месте, помнишь? Тебя постоянно тянет погулять, побегать в парке, покататься на велосипеде».

— Тедди. Завтра у нас с тобой свидание! — восклицает Саша. — В три часа дня у отеля. В Берлине мы ездили по ночам. Здесь поедем днем.

— Саша. Честное слово. Побойся бога. У меня сто шесть английских артистов, и все невротики. Я не смогу ни в три часа, ни в любой другой час. Ты это знаешь.

— Артисты переживут. Мы — нет. Уедем из города, мы двое. Я украду велосипеда, ты захватишь с

собой виски. Мы поговорим о боге и о мире, как в прежние времена. А все остальное — на хер.

— Саша... послушай меня.

— Что?

В голосе Манди мольба. За столом он единственный, кто не улыбается.

— После полудня у меня конкурс современного балета. Вечером я должен быть на приеме в посольстве Великобритании и привести туда всех этих безумных танцоров. Я просто не могу...

— Ты — такой же говнюк, как прежде. Современный балет — полнейшее дерьмо. Конкурс пропустишь, а на встречу с королевой я доставлю тебя вовремя. Не спорь.

Саша своего добивается. Фрау доктор Бар сияет. Лотар посмеивается. Хорст заявляет, что тоже готов отправиться на велосипедную прогулку, но Лотар покачивает указательным пальцем и говорит, что эти парни имеют право какое-то время побыть вдвоем.

«А особенно велосипеды хороши тем, Эдуард, что за ними трудно уследить из автомобиля».

* * *

«Номера в отеле — не святилища, Эдуард. Они — ящики из стекла. Там за тобой наблюдают, тебя обыскивают, слушают, нюхают».

И семья более не святилище, так же, как Британский совет, за стенами которого пытался укрыться писатель-неудачник, скрывающий свои радикальные воззрения и ненависть к капиталистическому строю. Его телефонные звонки Кейт тому свидетельство. В то утро он первым делом заполнил нелепый бланк на регистрационной стойке отеля: зарубежный номер, на который надо позвонить; человек в

другой стране, с которым должен состояться разговор, цель звонка в другую страну, предполагаемая продолжительность разговора, практически перечень возможных тем разговора. Последний пункт показался ему особенно глупым, поскольку они все равно собирались прослушивать разговор, чтобы оборвать связь в тот самый момент, когда он начнет болтать лишнее. Сидя на кровати рядом с молчащим телефоном, он чувствует, что дрожит. Когда наконец раздается долгожданный звонок, орет как резанный. Уже произнося первое слово, замечает, что голос его октавой выше и говорит он медленнее, чем обычно. Замечает это и Кейт, интересуется, не заболел ли он.

— Нет, все в порядке. Перетанцевал. Миранда — та еще сука, впрочем, как и всегда.

Миранда — его босс, руководитель делегации. Он спрашивает насчет ребенка. Пинается, отвечает она. И сильно: возможно, придет день, когда он будет играть в футбол за Донкастер. Может, она и будет, соглашается он лишенным эмоций голосом, так что шутка, как и сам Манди, Кейт не радуется. Как идут дела в Сент-Панкресе, интересуется он. Все хорошо, спасибо, отвечает она, явно расстроенная его душевным упадком. Встретил Тед симпатичных людей, спрашивает она, сделал что-нибудь забавное?

Нет. Отнюдь.

«Ты НИКОГДА не должен упоминать Сашу, — говорит Эмори. — Саша принадлежит секретному уголку твоего сердца. Может, ты в него влюблен, может, хочешь сохранить для себя. Может, их надежды небеспочвенны, и ты уже думаешь, о чем им хочется: как бы поскорее перепрыгнуть через Стену и начать работать на них».

Манди кладет трубку на рычаг и сидит на столе,

обхватив голову руками. Он играет сцену: «Господи, жизнь ужасна», — но так оно и есть. Он любит Кейт. Он любит свою новую семью.

Я делаю это, чтобы мой нерожденный ребенок и нерожденные дети других людей могли спокойно спать по ночам, говорит он себе.

Ложится в кровать, но не может заснуть. Его это не удивляет.

Пять часов утра. Взбодрись. Надежда рядом, за ближайшим углом. Всего лишь через два часа закончится первый в этот день скандал какая-нибудь балерина, обнаружив, что не работает ее фен.

* * *

Для Манди Саша раздобыл здоровенный черный велосипед английского полицейского, с корзинкой на руле. Для себя — такой же конструкции, но детский. Бок о бок они едут между трамвайными путями к железнодорожной станции на окраине города. Саша в берете. Манди — в куртке с капюшоном поверх его единственного хорошего костюма, брючины заправлены в носки. День прекрасный. Город сверкает во всем своем габсбургском величии под лучами яркого солнца. Машин мало. Люди идут порознь, стараясь не смотреть друг на друга. На станции друзья садятся в электричку. Остаются в тамбуре, чтобы велосипеды не мешали проходить другим пассажирам. Саша в берете. Расстегивает пиджак, чтобы показать лежащий во внутреннем кармане магнитофон. Манди кивает, мол, все понял. Саша говорит о пустяках. Манди отвечает тем же: Берлин, девушки, прежние времена, давнишние друзья. Электричка останавливается у каждого столба. Вокруг уже сель-

ская глубинка. Магнитофон включается на звук голоса. Когда оба молчат, огонек гаснет.

На остановке с непроизносимым названием они выкатывают велосипеды на платформу. Едут по проселочной дороге, обгоняя телеги, среди полей, на которых кое-где высятся красные амбары. Манди едва шевелит ногами, зато Саша крутит педали на полную мощь. Лишь изредка им встречаются мотоциклист или грузовик. Они останавливаются на обочине, Саша сверяется с картой. Узкая желтая тропа уходит от дороги, стиснутая с обеих сторон соснами. Теперь они едут друг за другом, Саша в берете впереди. Тропа приводит к поляне, где их встречают гниющие бревна и развалины кирпичной постройки, покрытые мхом. Спешившись, Саша катит велосипед, пока не находит подходящее бревно. Кладет велосипед на траву, садится на бревно, ждет, пока Манди последует его примеру. Сунув руку за пазуху, достает магнитофон, держит на ладони. В его голосе появляются резкие, нетерпеливые нотки.

— Значит, ты всем доволен, Тедди, — говорит он, наблюдая за мерцающей красной лампочкой. — Должен признать, это хорошая новость. У тебя дом, жена, скоро появится ребенок, а революционную борьбу ты оставляешь нам? А ведь было время, когда мы презирали таких людей. Теперь же ты стал одним из них.

Манди-актер отвечает без малейшей заминки.

— Ты ко мне несправедлив, Саша, и ты это знаешь! — в голосе слышна злость.

— Тогда кто ты? — вопрошает Саша. — Скажи мне, кто ты теперь, только откровенно и без уверток.

— Я остался тем, кем был всегда, — со всей искренностью отвечает Манди, глядя, как в окошечке движется лента. — Не больше и не меньше. Внеш-

ность не всегда соответствует внутреннему содержанию. Это утверждение справедливо и для тебя, и для меня. Даже для твоей гребаной коммунистической партии.

Это радиопьеса. Для Манди его текст звучит как импровизация, но Саша, похоже, доволен. Огонек погас, пленка более не движется, но на всякий случай Саша вынимает кассету, кладет в один карман, магнитофон — в другой. Только после этого снимает берет, широко раскидывает руки, кричит: «Тедди!» — и обнимает давнего друга.

Этика «Школы хороших манер» требует от Манди задать своему агенту несколько рутинных вопросов, и они уже стройным рядком выстроились у него в голове:

Какое прикрытие у нашей встречи?

Что будем делать, если нам помешают?

Есть ли проблемы, которые требуют немедленного разрешения?

Где произойдет наша следующая встреча?

За нами не наблюдают или рядом есть люди, которых ты уже видел раньше, которые следовали за тобой по пути сюда?

Но рекомендации «Школы хороших манер» пригодны не на все случаи жизни. Сашин монолог лишь подчеркивает неуместность и несвоевременность подобных вопросов. Он оглядывает поляну, окружающие ее сосны. Признания и откровения изливаются из него потоком ярости и отчаяния.

* * *

— За месяцы, а то и годы, которые прошли после твоей высылки из Западного Берлина, я погрузился в полную темноту. Какова польза от нескольких подо-

жженных автомобилей и разбитых окон? Наше Движение вдохновлялось не волей угнетаемых классов, а либеральной виной власть имущих. Пребывая в смятении, я рассматривал доступные мне жалкие альтернативы. Согласно нашим писателям-анархистам, мировой конфликт ведет к созданию хаоса. Если этот хаос использовать с толком, из него возникнет новое общество. Но, оглядываясь вокруг, мне приходилось признать, что предварительных условий для создания хаоса не существует, как и тех, кто может с толком его использовать. Хаос предполагает вакуум силы, однако везде буржуазия становилась только сильнее, а параллельно крепла военная мощь Америки, для которой Западная Германия становилась арсеналом и верным союзником в мире, неудержимо катившемся к новой войне. Что же касается людей, способных воспользоваться хаосом для построения нового общества, то они спешили заработать побольше денег и раскатывали на «Мерседесах», пользуясь теми возможностями, которые мы для них создали. В это самое время герр пастор поднимался все выше, росло его влияние среди фашистской элиты земли Шлезвиг-Гольштейн. Политику церкви он сменил на политику псевдолиберальной выборной демократии. Присоединился к тайным правым обществам, его приняли в масонские ложи для избранных. Шли разговоры о том, чтобы выставить его кандидатуру на выборах в боннский парламент. Успех герра пастора только усиливал мою ненависть к фашизму. Его вдохновленное Америкой поклонение богу богатства сводило меня с ума. Мое будущее, если бы я остался в принадлежащей Америке Западной Германии, виделось пустыней компромисса и раздражения.

Если мы собираемся строить мир, который будет

лучше этого, спрашивал я себя, куда мы обращаем взор, чьи акции поддерживаем, кому помогают наши бесконечные марши, борющиеся с агрессией капиталистов-империалистов? Ты знаешь, в душе я лютеранин, и это мое проклятье. Убеждения без действия для меня ничего не значат. Однако что есть убеждения? Как мы их опознаем? Откуда знаем, чем должны руководствоваться? Их можно найти в сердце или в разуме? А если в первом они могут быть, а во втором — нет? Я провел много времени, рассматривая в качестве примера моего доброго друга Тедди. Ты стал моей добродетелью. Представь себе. Как и у тебя, у меня не было сознательной веры, но, если б я начал действовать, вера наверняка бы появилась. И потом я бы уже верил, потому что действовал. Может, именно так и рождается вера, думал я: благодаря действию, а не размышлениям. Идею стоило проверить. Все лучше, чем злиться на себя, сидя на заднице. Ты вот пожертвовал собой ради меня, не думая о награде. Моим соблазнительям, с одним из них ты встретился, хватило ума обратиться ко мне именно с таким предложением. На деньги я бы не купился. Но предложите мне длинную каменистую тропу с единственным огоньком, сверкающим в дальнем конце, дайте возможность отыгаться на лицемерах вроде герра пастора, и тогда я, возможно, вас послушаю...

Саша уже поднялся с бревна и нервно ходит вокруг, прихрамывая, подволакивая ноги, переступая через лежащие на траве велосипеды, размахивая руками, иногда задевая локтями бока. Он описывает встречи на конспиративных квартирах Западного Берлина, тайные переходы границы и пребывание в безопасных домах Востока, проведенные в терзаниях уик-энды на чердаке в Кройцберге, где он пытался

прийти к окончательному решению, верных товарищей, добровольно уходящих на пожизненное заключение в тюрьмах материализма.

— После многих дней и ночей, отданных глубоким раздумьям, с помощью моих неутомимых и далеко не глупых соблазнительей, не говоря уже о выпитой водке, я свел стоящую передо мной дилемму к двум упрощенным вопросам. Вопрос первый: кто главный классовый враг? Ответ, без малейших сомнений, американский военный и корпоративный империализм. Вопрос второй: как мы можем реально противостоять этому врагу? Надеюсь, что враг уничтожит сам себя, но лишь после того, как он уничтожит весь мир? Или, забыв о нашем осуждении некоторых негативных тенденций, свойственных части международного коммунизма, и объединившись в единое великое социалистическое движение, которое, несмотря на все свои недостатки, способно одержать победу? — Долгая пауза, прерывать которую у Манди нет ни малейшего желания. Теория, как и отмечал Саша, не его конек. — Ты знаешь, почему меня называли Сашей?

— Нет.

— Потому что это русское сокращение от Александра. Когда герр пастор привез меня на Запад, он хотел, по понятным причинам, провести повторный обряд крещения, чтобы я стал Александром. Я отказался. Сохранив имя Саша, я смог продемонстрировать себе, что оставил свое сердце на Востоке. И однажды ночью, после многочасовой дискуссии с моими соблазнительями, я согласился отдать Востоку не только сердце, но и тело.

— Профессор?

— Один из них, — подтверждает Саша.

— Профессор чего?

— Продажности! — рывкает Саша.

— А почему они так хотели заполучить тебя? — Это не вопрос Эмори, Манди сам хочет знать, как оба они дошли до жизни такой. — Какую ценность представлял для них Саша? Почему они затратили на тебя столько усилий?

— Ты думаешь, я не спрашивал? — Он помрачнел. — Ты думаешь, я столь тщеславен, чтобы верить, что, переходя одну говняную границу, я приведу с собой целый мир? Поначалу они мне льстили. Если, мол, такой интеллеktуал, как я, соглашается с их правотой, значит, силы прогресса одерживают большую моральную победу. Я сказал им, что все это чушь. Я всего лишь западноберлинский студент-левак, у которого нет ни единого шанса поступить в первоклассный университет. Так что мой переход на их сторону не может считаться победой. Тогда, краснея, они признались в своем маленьком секрете. Мое предательство станет сильным ударом по контрреволюционной деятельности набирающего политический вес герра пастора и его фашиствующих друзей в Шлезвиг-Гольштейне. Миллионы американских долларов по церковным каналам поступили в карманы антикоммунистических агитаторов Северной Германии. Местные газеты, радио и телевидение наводнены поборниками капитализма и шпионами. И добровольное и публичное возвращение сына герра пастора на демократическую родину подорвет позиции империалистических саботажников и самым негативным образом скажется на положении самого герра пастора. Не буду скрывать, этот аргумент оказался для меня самым убедительным. — Он замолкает, умоляюще смотрит на Манди. — Ты понимаешь, что,

кроме тебя, нет на всей этой Земле человека, которому я могу все рассказать? Потому что все остальные — враги, и мужчины, и женщины, лжецы, обманщики, информаторы, живущие двойной жизнью, как я.

— Да. Думаю, что понимаю.

* * *

— Я был не настолько глуп, чтобы ожидать теплого приема в ГДР. Моя семья совершила преступление, бежав на Запад. Мои соблазнительники знали, что по убеждениям я не коммунист, и я ожидал, они меня к этому готовили, что мне грозит перевоспитание. И только потом стало бы ясно, какое меня ждет будущее. В наилучшем варианте я мог принять участие в великой битве с капитализмом. В наихудшем — спокойная жизнь а-ля Руссо, возможно, в коллективном крестьянском хозяйстве. Почему ты смеешься?

Манди не смеялся, он позволил себе лишь мимолетную улыбку, забыв, что Саша терпеть не может роль объекта шутки.

— Не могу представить тебя доящим корову, вот и все. Даже в коллективном хозяйстве.

— Это все ерунда. А главное в том, что я в приступе безумия, о котором буду сожалеть всю жизнь, сел в автобус на Фридрихштрассе и, по совету моих соблазнительников, сдался восточногерманским пограничникам.

Он замолкает. Наступает время молитвы. Его изящные руки нашли друг друга и сцепились пальцами под подбородком. Взгляд устремился в далекое далеко и вверх.

— Проститутки, — бормочет он.

— Пограничники?

— Перебежчики. В первое время нас носят на руках и используют. А выжав все, что только можно, выбрасывают за ненадобностью, как старые башмаки. За несколько недель я привык к уютной квартире в Потсдаме, к вежливым вопросам о моей жизни, о детстве, проведенном в Восточной Германии, о возвращении герра пастора из советских лагерей.

— Задавал их Профессор?

— Или его подчиненные. По их требованию я написал страстное заявление, призванное нанести максимальный вред фашистам и заговорщикам ближайшего окружения герра пастора. Написал с чувством глубокого удовлетворения. Я объявил о бесперспективности анархизма в современных реалиях, поделился безграничной радостью, которую испытал, вернувшись в ГДР. «Анархизм разрушает, тогда как коммунизм строит», — писал я. Надеялся на это, пусть пока и не верил. Но я действовал. А за действием должна была прийти вера. Я также осудил тех членов западногерманского лютеранского движения, которые, выдавая себя за посланцев Христа, принимали иудины сребреники от своих американских хозяев. Мое заявление, я в этом уверен, широко освещалось в западной прессе. Профессор Вольфганг назвал его мировой сенсацией, хотя доказательств этого мне не представили.

Мне обещали, до того как я пересек границу, что по прибытии в Восточный Берлин будет собрана международная пресс-конференция, на которой я смогу озвучить причины принятого решения. По требованию моих хозяев я позировал фотографу, который добивался того, чтобы я выглядел счастливейшим из смертных. Меня сфотографировали на сту-

пенях многоквартирного дома в Лейпциге, где я вырос, чтобы продемонстрировать документальное свидетельство возвращения блудного сына к своим социалистическим корням. Но пресс-конференцию я ждал напрасно, а когда спрашивал об этом Профессора во время его редких визитов в мою квартиру, он уходил от прямого ответа. Говорил, что для пресс-конференции нужен подходящий момент. Возможно, этот момент миновал. Мое заявление, вкуче с фотографиями, сделало свое дело. Я задал новый вопрос: где опубликовали мое заявление? В «Шпигеле»? «Штерне»? «Вельт»? «Тагесшпигеле»? «Берлинер моргенпост»? Он резко ответил, что реакционная дезинформация — не по его части, и посоветовал мне держаться скромнее. Я сказал ему — и не погрешил против истины, — что каждый день слушал радиостанции Западной Германии и Западного Берлина, но никто не обмолвился о том, что я перебежал на Восток. Он ответил, если я хочу стать действующим лицом фашистской пропаганды, маловероятно, что мне удастся воспринять принципы марксизма-ленинизма.

Неделей позже меня перевезли в закрытый лагерь в сельской местности, неподалеку от польской границы. Лагерь этот решал две задачи. Во-первых, служил убежищем для политических мигрантов, во-вторых, выполнял карательные функции: там проводились допросы неблагонадежных. Но прежде всего это было место, куда человека посылали для того, чтобы о нем все забыли. Мы называли его «Белый отель». Я бы не присудил ему много звезд за качество обслуживания. Слышал о восточногерманской тюрьме, которая называлась «Подводная лодка»?

— Боюсь, что нет. — Манди давно уже перестали удивлять перепады в Сашином настроении.

— «Подлодка» — путеводная звезда нашего восточногерманского ГУЛАГа. Трое из моих соседей по «Белому отелю» с восторгом рассказывали о ее возможностях. Официальное название «Подлодки» — тюрьма Гогеншёнхаузен в Восточном Берлине. Построена в 1945 году советской секретной полицией. Чтобы поддерживать заключенных в тонусе, архитектурные решения позволяют им стоять, но не лежать. А чтобы в камерах не накапливалась грязь, они легко заполняются ледяной водой, уровень которой доходит заключенным до груди. При этом их слух радуется бравурная музыка, громкость которой может сильно варьироваться. Слышал о «Красном быке»?

Нет, о «Красном быке» Манди тоже не слышал.

— Исправительное учреждение «Красный бык» расположено в древнем городе Галле. По своим параметрам не уступает «Подлодке». Его предназначение — конструктивная терапия для политических противников генеральной линии партии, их эффективное перевоспитание. В нашем «Белом отеле» в Восточной Пруссии хватало выпускников «Красного быка». Один из них, помнится, был музыкантом. Его столь досконально перевоспитали, что сам он не мог взять рукой ложку и донести ее от тарелки до рта. Ты не ошибешься, сказав, что за несколько месяцев пребывания в «Белом отеле» я избавился от последних иллюзий, которые мог питать относительно германского демократического рая. Я научился презирать его чудовищную бюрократию и замаскированный фашизм, но тайком, не выставляя мое презрение напоказ. А однажды, безо всякого объяснения, полу-

чил приказ собрать вещи и явиться в дежурную часть. Признаюсь, я не всегда был образцовым постояльцем. Внезапная изоляция, беспросветное будущее, жуткие рассказы собратьев по несчастью не улучшили моих манер. Как и утомительные допросы по самым различным проблемам: политика, философия, секс. Когда я спросил достопочтенного управляющего отелем, куда меня повезут, он ответил коротко и ясно: «Туда, где научат держать гребаный рот на замке». Пятичасовая поездка в проволочной клетке, установленной в закрытом кузове грузовика, не подготовила меня к тому, что ждало впереди.

Саша смотрит прямо перед собой, потом, как марионетка, у которой отпустили веревочки, плюхается на траву рядом с Манди.

— Тедди, негодяй ты этакий, — шепчет он. — Сколько можно зажимать виски?

Про виски Манди и думать забыл. Выудив латунную фляжку отца из кармана куртки, протягивает ее Саше, потом подносит ко рту. Саша продолжает рассказ. На его лице написан страх. Он боится, что потеряет уважение друга.

* * *

— У профессора Вольфганга прекрасный сад. — Саша подтянул колени к груди, обхватил их руками. — И Потсдам — прекрасный город. Ты видел старые прусские дома, в которые Гогенцоллерны селили своих чиновников?

Манди, возможно, и видел, но только за окном автобуса по пути из Веймара, когда архитектура девятнадцатого века не вызывала у него никакого интереса.

— Там много роз. Мы сидели в саду. Он угостил

меня чаем с пирогом, налил стакан «Обстлера», отличного белого рейнского вина. Извинился за то, что на время оставил меня, похвалил за достойное поведение в стрессовой ситуации. Как выяснилось, мои ответы на допросах произвели самое благоприятное впечатление. Особенно понравилась моя искренность. А поскольку я частенько посылал тех, кто вел допрос, на три буквы, мне оставалось только гадать, куда приведет этот разговор. Он спросил, не хочу ли я принять ванну после долгой дороги. Я ответил, что со мной обращались, как с собакой, а потому если уж мне и положено выкупаться, то в реке. Он ответил, что чувство юмора я унаследовал от отца. Я указал, что едва ли сие можно рассматривать как комплимент, потому что герр пастор был говнюком и я никогда в жизни не видел его смеющимся.

«О, в этом ты не прав, Саша. Я точно знаю, что твоего отца отличает отменное чувство юмора, — возразил Профессор. — Просто он держит его при себе. Лучшие в жизни шутки — те, над которыми мы можем смеяться в одиночестве. Или ты так не думаешь?»

Я не думал. Не знал, о чем он толкует, и прямо сказал ему об этом. И вот тут он спросил: не возникала ли у меня мысль помириться с отцом, хотя бы ради моей матери? Я ответил, что не возникала никогда. По моему убеждению, герр пастор и сыновья любовь — понятия несовместимые. Наоборот, сказал я, он представляет собой все то, что в обществе считается оппортунистическим, реакционным и политически аморальным. Мне следовало добавить, что к этому моменту я более не воспринимал Профессора великим интеллектуалом. В процессе разговора я пожелал узнать, когда, по его марксистским убежде-

ниям, восточногерманское государство перестанет существовать и сменится государством истинного социализма, он ответил словами Москвы: пока социалистической революции грозят силы реакции, это очень далекая перспектива. — Саша проводит рукой по коротко стриженным черным волосам, словно хочет убедиться, что берет снят. — Впрочем, предмет дискуссии к тому времени меня уже не интересовал. В отличие от манеры его поведения. Сад, вино, непринужденность беседы и многое другое говорило за то — уж не знаю почему, но я это чувствовал, — что я ему не чужой. Нас что-то связывало, известное ему, но не мне. И связь эта чем-то напоминала семейную. Совершенно сбитый с толку, я даже позволил себе предположить, что мой хозяин — гомосексуалист и имеет на меня определенные виды. Именно так я истолковал его загадочную терпимость, когда речь заходила о герре пасторе. Играя на моих сыновних чувствах, рассудил я, он намерен предложить себя в суррогатные отцы, став моим защитником и любовником. Мои подозрения оказались напрасными. Правда о том, что нас связывало, была куда ужаснее.

Он замолкает. У него перехватило дыхание... или закончилось мужество? Манди не решается произнести хоть слово, но его молчание, похоже, помогает, потому что какое-то время спустя к Саше возвращается дар речи.

— Скоро мне становится ясно, что герр пастор — единственная конкретная тема нашего разговора в саду. В «Белом отеле» я практически не прикасался к алкоголю, лишь один раз выпил «Шате муншайн» и чуть не умер. Теперь же Профессор поил меня «Обстлером» и одновременно бомбардировал вопросами о герре пасторе. И в вопросах этих слышались ува-

жительные нотки. Его интересовали бытовые привычки моего отца. Пил ли он? «Откуда мне знать? — отвечал я. — Я не видел его почти двадцать лет». Помню ли я, чтобы отец говорил дома о политике? Здесь, в ГДР, до того как сбежал на Запад? Или потом, в Западной Германии, после того как вернулся, пройдя обучение в Америке? Ссорился ли он с моей бедной матерью? Были у него другие женщины, он спал с женами коллег? Принимал ли наркотики, ходил по борделям, играл на скачках? Почему Профессор задавал мне все эти вопросы об отце, я на тот момент не понимал.

Уже не герр пастор, отмечает для себя Манди. Мой отец. Последняя линия обороны Саши прорвана. Он уже воспринимает отца как личность, тот более не абстракция.

— Сгустились сумерки, и мы прошли в дом. Обстановка никак не тянула на пролетарскую: мебель периода империи, прекрасные картины. Все самое лучшее. «Каждый дурак может жить при отсутствии удобств, — пояснил он. — В «Манифесте Коммунистической партии» нет запрета на роскошь для тех, кто ее заслуживает. Почему только дьявол должен носить лучшие костюмы?» В столовой с лепным потолком вышколенные слуги подавали нам курицу и западные вина. Когда мы пообедали и слуги удалились, Профессор провел меня в гостиную и усадил рядом на диване, разом возродив мои подозрения о его гомосексуальности. Он объяснил, что собирается поделиться со мной очень важным секретом, и, пусть его вилла и постоянно проверяется на предмет подслушивающих устройств, даже слуги не должны ничего слышать. Он также сказал, что слушать я должен молча, не перебивая его, воздерживаясь от ком-

ментариев, пока он не закончит. Я могу слово в слово повторить его речь, так уж она впечаталась в мою память.

Саша на мгновение закрывает глаза, словно перед прыжком в пропасть. И говорит уже с интонациями Профессора.

— «Как ты уже, наверное, сообразил сам, мнения моих коллег, работающих в системе государственной безопасности, относительно того, что с тобой делать, разделились, отсюда и допущенные в отношении тебя перегибы. На достаточно долгий период времени ты стал футбольным мячом в игре двух соперничающих команд, за что я приношу тебе персональные извинения. Но, будь уверен, с этого момента ты в надежных руках. Я собираюсь задать тебе вопрос, и вопрос этот риторический. Каким бы ты предпочел видеть своего отца? Wendehals¹, ложным священником, продажным лицемером, общающимся с контрреволюционными агитаторами, или человеком, верящим в идеалы, столь преданным великой борьбе за победу революции и принципам ленинизма, что ради них он готов терпеть презрение единственного сына? Ответ, Саша столь очевиден, что можешь даже не озвучивать его. А теперь я задам тебе второй вопрос. Если такой человек, со дня своего удивительного прозрения в Советском Союзе выбранный партийными органами для выполнения чрезвычайно опасного задания, когда цена ошибки — собственная жизнь, теперь лежит на смертном одре далеко в тылу врага, хотел бы ты, единственный и горячо любимый сын, утешить его в последние на этой земле часы или оставил бы на милость тех, чьи коварные замыслы он

---

¹ Wendehals — вертишейка (нем.).

разрушал, сколько мог?» Профессор мог бы не запрещать мне говорить, потому что у меня и так отнялся язык. Я сидел. Смотрел на него. Как в транс слушал о том, что он знал и любил моего отца сорок лет, что мой отец больше всего на свете хотел, чтобы я вернулся в ГДР и подхватил меч, когда тот выпадет из его руки.

Саша замолкает. Его глаза широко раскрываются.

— *Сорок лет*, — повторяет он, не веря своим ушам. — Ты понимаешь, что это значит, Тедди? *Они знали друг друга, когда оба были нацистами!* — Его голос вновь набирает силу. — Я не стал говорить Профессору, что перебежал в ГДР лишь для того, чтобы уничтожить моего отца, вот почему предложение низко поклониться ему в ноги стало для меня таким сюрпризом. Возможно, пребывание в «Белом отеле» научило меня скрывать истинные чувства. Не стал ничего говорить и когда Профессор сказал, что мой отец мечтал умереть в Германской Демократической Республике, но порученная ему миссия обрекла его на ссылку до самой смерти. — Саша вновь имитирует голос Профессора: — «Величайшей радостью для твоего любимого отца стало твое заявление, в котором ты отверг анархизм и раскрыл объятья партии социального обновления и справедливости». — Саша на мгновение засыпает, просыпается, опять превращается в Профессора. — «Невозможно описать радость, которую он испытал, глядя на фотографию своего любимого сына, стоящего у дверей дома, в котором прошли первые годы его жизни. Твой отец был глубоко тронут, когда наш доверенный связной показал ему эту фотографию. Твой отец высказывал желание, и в этом я его поддерживал, что необходимо изыскать возможность тайно привезти тебя к его

смертному одру, чтобы ты мог пожать ему руку, но высшее начальство пусть и с неохотой, но отказало нам в этом из соображений секретности. В качестве компромисса было принято решение рассказать тебе правду о его жизни, чтобы ты мог написать ему сердечное письмо. Тон выбери примирительный и благожелательный, попроси прощения и заверь отца в уважении и восхищении твердостью его идеологических принципов. Уверен, получив такое письмо, он уйдет из жизни с улыбкой на лице».

Не помню, как я преодолел короткое расстояние от дивана в гостиной до письменного стола в его кабинете, где он снабдил меня листом бумаги и ручкой. От откровений Профессора голова у меня шла кругом. «Со дня своего удивительного прозрения в Советском Союзе». Знаешь, что означали для меня эти слова? Что с момента прибытия в русский концентрационный лагерь мой отец сразу же стал осведомителем и завоевал доверие политкомиссаров, которые завербовали его в шпионы и подготовили для дальнейшего использования органами государственной безопасности Восточной Германии. И когда он вернулся в ГДР и получил приход в Лейпциге, прихожане, придерживающиеся политических взглядов, отличных от взглядов правящей партии, исповедывались ему, не зная, что имеют дело с профессиональным Иудой. До этого момента я верил, что познал всю глубину низости моего отца. Теперь понял, что тешил себя ложными надеждами. Если и существовал момент, когда я лицом к лицу столкнулся с идиотизмом моего решения перейти в лагерь коммунистов, то наступил он именно тогда. Если в стремлении к возмездию и возникает момент осознания собственного бессилия, то наступил он именно тогда. Я не

помню слов льстивого подобострастия, которые писал, тайком глотая слезы ярости и ненависти. Зато помню успокаивающую руку Профессора на моем плече, когда он сообщал мне, что отныне я — носитель важного государственного секрета. Партия, сказал он, поставлена перед выбором: вернуть меня на необозримый период в «Белый отель» или позволить войти в систему государственной безопасности, чтобы наблюдать за мной двадцать четыре часа в сутки. В настоящий момент признавалось, что я могу принести определенную пользу, являясь экспертом в вопросах, касающихся анархистских и маоистских групп Западного Берлина. В долгосрочной перспективе он надеялся, что я смогу стать опытным чекистом, проявив унаследованные от отца таланты, и пойду по его стопам. Такие честолобивые в отношении меня планы строил Профессор. Такой он выбрал путь и, будучи самым верным другом моего отца, лично поручился за меня перед своими не столь уверенными во мне и колеблющимися товарищами. «Теперь все в твоих руках, Саша, — сказал он мне. — Ты должен доказать мою правоту». Он заверил меня, что моя будущая тропа в Штази будет трудной и длинной, и многое, если не все, будет зависеть от того, насколько я смогу подчинить свой необузданный темперамент воле Партии. Его последние слова добились меня окончательно. «Всегда помни, Саша, что с этого момента ты — любимый сын товарища Профессора».

* * *

История на этом заканчивается? Вроде бы да, потому что Саша, посмотрев на часы, с возгласом «Черт!» вскакивает на ноги.

— Тедди. Мы должны торопиться. Они же не хотят терять времени.

— Торопиться с чем? — Теперь уже Манди не понимает, что происходит.

— Я должен соблазнить тебя. Привлечь под знамена борьбы за мир и прогресс. Не сразу, конечно, но они должны услышать мой решительный натиск и твои не столь уж убедительные попытки отбиться. И сегодня вечером ты будешь мрачен и необщителен, договорились?

Да, договорились, что сегодня вечером я буду мрачен и необщителен.

— И слегка пьян?

И слегка пьян, хотя и не так пьян, как будет казаться со стороны.

Саша достает из кармана магнитофон, потом новую кассету, демонстрирует Манди, предупреждая, что отныне они не вдвоем, вставляет кассету в магнитофон, включает его, убирает во внутренний карман пиджака, надевает берет, а вместе с ним и строгую маску аппаратчика, который полностью подчинил свой необузданный темперамент воле Партии. Его голос твердеет, в нем звучат грозные нотки.

— Тедди, я должен задать тебя прямой вопрос. Ты говоришь мне, что повернулся спиной ко всему тому, за что мы вместе боролись в Берлине? Что оставляешь революцию, чтобы она заботилась о себе сама? Что не протянешь ей руку, даже если она будет гибнуть под ударами врагов? Ты говоришь мне, что стал рабом своего банковского счета и маленького уютного домика, что твоя социальная совесть погрузилась в вечный сон? Согласен, тогда нам не удалось изменить мир. Мы были детьми, играющими в солдат революции. Но как насчет того, чтобы присоеди-

ниться к *настоящей* революции? Твоя страна зачарована фашиствующей поджигательницей войны, а тебе на это *насрать*? Ты — платный лакей антидемократической пропагандистской машины, и тебе на это *насрать*? Именно это ты скажешь своему ребенку, когда он вырастет? *Мне на это насрать*? Ты нам нужен, Тедди. Меня тошнит, когда я смотрю, уже два вечера подряд, как ты флиртуешь с нами, показываешь одну сиську, потом прячешь в рубашку, чтобы вытащить вторую! Самодовольно улыбаешься, прекрасно понимая, чего от тебя хотят! — Он понижает голос. — И хочешь знать кое-что еще, Тедди? Хочешь, я доверю тебе одну большую тайну, раз уж здесь никого нет, кроме тебя, меня и кроликов? Мы не гордые. Мы понимаем человеческую природу. Когда это необходимо, мы даже платим людям, чтобы те прислушались к голосу своей политической совести.

* * *

Все очарованы высоким англичанином, прибывшим к воротам английского посольства на полицейском велосипеде, в темном костюме, при галстукке, с зажимами на брючинах. А Манди, как всегда, если возникает такая необходимость, самозабвенно играет свою роль. Он звенит в серебристый звоночек на руле, аккуратно лавируя между подъезжающими и отъезжающими автомобилями, кричит: «Извините меня, мадам!» — дипломатической паре, которую едва успевает обогнуть, машет рукой, ускоряя процесс торможения, восклицает: «А вот и мы!» — спрыгивая с остановившегося железного «жеребца» и вставая в хвост гостевой очереди, состоящей из чешских чиновников, представителей английской культуры, тан-

цоров и танцовщиц, организаторов и исполнителей. Катит велосипед к будке охранника, весело болтает с теми, кто оказывается рядом, а когда приходит его черед показывать паспорт и пригласительный билет, исполняет небольшой сольный номер по поводу предложения оставить велосипед на улице, а не на территории посольства.

— И не мечтайте об этом, старина! Ваши добропорядочные граждане умыкнут его в пять минут. У вас есть гараж для велосипедов? Велосипедная стоянка? Что угодно, только не заставляйте меня затаскивать его на крышу. Как насчет вот этого уголка?

Ему везет. Протесты услышаны сотрудником посольства, который случайно оказался рядом с будкой охранника, направляясь к дорожке, что ведет к парадной двери.

— Проблемы? — осведомляется он, мельком глянув на паспорт Манди. Толстячок с круглыми очками, который рассказывал Манди о своем школьном увлечении крикетом.

— Да, в общем-то, нет, — игриво отвечает Манди. — Просто мне нужно где-то припарковать мой велосипед.

— Давайте его мне. Я поставлю его у заднего фасада. Как я понимаю, вы намерены поехать на нем домой?

— Абсолютно, если буду трезв. Иначе не получу залога.

— Что ж, крикните мне, когда решите, что вам пора уезжать. Если я буду в самоволке, спросите Джилса. Добрались без происшествий? Никого не задавили?

— Будьте уверены.

* * *

Он идет пешком. Вот, значит, что испытывают проститутки. Кто ты, что ты хочешь и сколько ты мне заплатишь? Он в Праге, прекрасной лунной ночью, широким шагом идет по вымощенным брусчаткой улицам. Он пьян, но пьян по приказу. Он может выпить в два раза больше и не быть пьяным. Голова у него идет кругом, но от Сашиной истории, не от алкоголя. Он чувствует ту самую невесомость, которую испытал рождественской ночью в Берлине, когда Саша впервые рассказал ему о герре пасторе. Чувствует стыд, поднимающийся в нем, когда он сталкивается с болью, которую может только представить себе, но не познать на собственной шкуре. Он идет, как Саша, неуверенно, чуть бочком. Воображение переносит его в разные места. Вот он с Кейт дома, вот с Сашей в «Белом отеле». Улицы освещены железными фонарями, между ними полощется тьма. Красивые дома кажутся заброшенными, двери закрыты на засовы, окна прячутся за ставнями. Красноречивое молчание города обвиняет его, атмосфера подавленного мятежа осязаема. Пока мы, храбрые студенты Берлина, водружали наши красные знамена на крыши, вы, бедняги, сбрасывали их вниз, за что вас и давили потом советские танки.

За мной следят? *Сначала предположи, потом убедись, после чего расслабься.* Я достаточно мрачен, расстроен? Терзаюсь в поисках великого решения, злюсь на Сашу, который озадачил меня? Манди более не знал, какие его части притворяются. Может, притворялся он весь. Может, он всегда вел себя так, будто притворялся. И у него это естественное. С рождения он — притворяющийся человек.

На приеме он тоже держался естественно, ис-

крился остроумием. Британскому совету следует им гордиться, но он знает, что ничего такого нет и в поmine. *«Тогда я тоже сожалею»*, — говорит сотрудница отдела кадров, сказочная фея-крестная, которой у него никогда не было.

Из посольства он триумфально возвращается в отель на полицейском велосипеде, оставляет в переднем дворе, чтобы потом Саша смог его забрать. Велосипед стал легче после того, как Джилс вытащил его начинку? Нет, но я стал. Он вновь позвонил Кейт из номера отеля, на этот раз получилось лучше, даже с учетом того, что окончание разговора напоминало письмо домой из школы-интерната.

«Этот город еще прекраснее, чем ты можешь себе представить, дорогая... Мне так хочется, чтобы ты была со мной, дорогая... Я понятия не имел, что мне так нравятся танцы, дорогая... Вот что я тебе скажу, у меня возникла блестящая идея! — Действительно, раньше он об этом как-то не думал. — Когда я вернусь домой, давай купим сезонные абонементы на «Королевский балет». Совет, возможно, оплатит какую-то часть. В конце концов, по их вине я пристрастился к танцам. О, и должен подтвердить, что чехи — прекрасные люди. Так ведь всегда бывает с теми, не так ли, кому ничего не надо делать?.. И я тебя тоже, дорогая... Искренне, глубоко... И нашу крошку. Спокойной ночи. Tschuss».

За ним следят. Он предполагает, потом подтверждает, но не может расслабиться. На другой стороне улицы он замечает парочку средних лет, которая прошлым вечером пила в баре чай. Позади него следуют двое мужчин в мятых шляпах, они не приближаются ближе чем на тридцать шагов. Пренебрегая рекомендациями эдинбургской «Школы хороших манер»,

Манди останавливается, распрямляет плечи, разворачивается, рупором приставляет руки ко рту и кричит идущим следом:

— Отвалите от меня! Отстаньте, вы все! — раскаты его зычного голоса прокатываются по улице. Открываются окна, отдергиваются занавески. — Пошли на хер, жалкие маленькие людишки! *Немедленно!* — затем он плюхается на оказавшуюся под боком габсбургскую скамью и демонстративно складывает руки на груди. — Я сказал вам, что делать, теперь посмотрим, как вы это сделаете!

Шаги за спиной затихли. Парочка средних лет на другой стороне улицы скрылась в переулке. Через полминуты они появятся вновь, прикинувшись кем-то еще. Отлично. Пусть все прикинутся кем-то еще, а потом, возможно, мы выясним, кто есть кто. Большой автомобиль медленно въезжает на площадь, но Манди он совершенно не интересуется. Прокатывается мимо, останавливается, возвращается задним ходом. Пусть делает что хочет. Руки по-прежнему сложены на груди. Подбородок опущен до предела, глаза смотрят вниз. Он думает о своем будущем ребенке, о своем будущем романе, о завтрашнем танцевальном конкурсе. Он думает обо всем, кроме того, о чем должен думать.

Автомобиль останавливается. Он слышит, как открываются дверцы. И остаются открытыми. Слышит приближающиеся к нему шаги. Площадь расположена на склоне, он сидит в верхней ее части, так что человек преодолевает небольшой подъем, потом ровную площадку и останавливается в ярде от него. Но Манди сыт всем по горло, в голове у него полный сумбур, он просто не может ее поднять.

Красивые немецкие мужские туфли. Бежевые, из

мягкой кожи. Коричневые брюки с манжетами. Рука опускается ему на плечо, мягко трясет. Голос, который он отказывается узнавать, обращается к нему на английском, с чуть заметным немецким акцентом.

— Тед? Это вы? Тед?

После очень долгой паузы Манди соглашается поднять голову и видит припаркованный у тротуара черный лимузин. Лотар сидит за рулем, Саша смотрит на него с заднего сиденья. Он еще выше поднимает голову, и в поле его зрения попадает благородное лицо и серебриющиеся сединой волосы Профессора, который смотрит на него сверху вниз с отеческой заботой.

— Тед. Мой дорогой друг. Вы меня помните. Вольфганг. Слава богу, мы вас нашли. Вы неважно выглядите. Как я понимаю, сегодня у вас с Сашей состоялся интересный разговор. Это не то поведение, которое мы ожидаем от ученика покойного великого доктора Мандельбаума. Почему бы нам не поехать в какое-нибудь спокойное местечко, где можно поговорить о боге и о мире?

Какое-то время Манди смотрит на него в полном недоумении. Наконец разлепляет губы.

— А почему бы вам не передвинуть вашу гребаную тень, — предлагает он, остается сидеть, прячет лицо в руках и не меняет позы, пока Профессор, с помощью Саши, не поднимает его на ноги, чтобы отвести к лимузину.

Предатели — оперные примы, Эдуард. Им свойственны нервные срывы, моральные кризисы, приступы ярости. Вольфганги нашего мира это знают. Если ты не заставишь их попотеть, они никогда не поверят, что тебя стоило покупать.

* * *

«Двойной агент», классическая операция «холодной войны» делает первые осторожные шаги, только набирает ход. Соблазнение идет так медленно только по одной причине: Тед Манди показывает себя мастером увливания.

На международном конгрессе египтологов в Бухаресте он выходит с предложением добыть материалы, которые, по его мнению, могут заинтересовать заказчика: сверхсекретный план срыва грядущей ассамблеи Всемирной федерации профсоюзов в Варшаве... но хватит ли у него совести обмануть коллег? Его искусители умамливают совесть Манди, как могут. На службе истинной демократии, говорят они, ее угрызения просто неуместны.

На книжную ярмарку в Будапешт он привозит соблазнительный, пусть и ретроспективный, обзор, где подробно расписано, как антикоммунистическая дезинформация скармливается прессе третьего мира. Но риск, на который он идет, все еще пугает его. Он вновь должен об этом подумать. Его искусители задают прямой вопрос, помогут ли его мысленному процессу пятьдесят тысяч капиталистических долларов.

В Ленинграде, на фестивале «Песня на службе мира», когда Профессор и его люди окончательно поверили в то, что рыбка заплывла в их сети, Манди устраивает очень убедительный, действительно достойный оперной примы скандал из-за предложенных условий оплаты его услуг. Где доказательство того, что кассир выдаст ему деньги, а не позвонит в полицию, когда пять лет спустя он появится в банке «Юлий Бар» и произнесет магическое слово? Так что все детали удастся утрясти только на пятидневном между-

народном семинаре онкологов в Софии. Прорыв закрепили на неафишируемом, но роскошном обеде в банкетном зале на верхнем этаже отеля на берегу озера Искыр¹.

Сказавшись больным для Кейт и номинальных работодателей в Британском совете, Манди позволяет вывезти себя из Софии в Восточный Берлин. На вилле Профессора в Потсдаме, где Саша впервые узнал, что его отец, герр пастор, шпион Штази, звенят бокалы, поднимаемые за блестящего нового агента в самом сердце британской пропагандистской машины и Сашу, который раскрыл ему глаза и направил на путь истинный. Сидя плечом к плечу во главе освещенного свечами стола, два друга гордо слушают Профессора, зачитывающего поздравительную телеграмму от своих московских хозяев.

Триумф на одной стороне не уступает триумфу на другой. В Лондоне приобретается конспиративный дом на Бедфорд-сквер и собирается целая команда, параллельно решающая две задачи: во-первых, обрабатывает первоклассные разведывательные данные, получаемые от Саши, во-вторых, готовит достоверную, убедительную, а главное, тревожную дезу, которая должна утолить параноидальные аппетиты хозяев Манди на добрую сотню лет, поскольку на обеих сторонах никто не имеет ни малейшего понятия о том, как долго может продлиться «холодная война».

Очень скоро посвященные, и Манди в том числе, называют дом на Бедфорд-сквер не иначе, как Макаронной фабрикой, ибо основной производимый там продукт — лапша, которая вешается на уши Штази.

---

¹ Согласно Географическому энциклопедическому словарю г. София расположен в долине реки Искыр.

* * *

Эффект, который оказывает эта двойная победа на Манди, неоднозначный. В возрасте тридцати двух лет псевдоартист, псевдорадикал, псевдонеудачник и прочие псевдо, которыми он себя полагал, наконец-то находит свое артистическое призвание. С другой стороны, не обходится без трудностей. Хорошо известно, какая напряженность возникает в семьях, где успешно делают карьеру и муж, и жена. Менее изучена ситуация, когда на двоих приходится три успешных карьеры и одна из них — особо секретная миссия, жизненно важная для национальной безопасности, причем ее нужно выполнять на пять с двумя плюсами и нельзя обсуждать со спутником жизни.

ГЛАВА 9

У Кейт все идет прекрасно.

У юного Джейка, которому уже восемь, тоже.

Джейк — шумливый, крепкий парнишка, согласно мнению родственников, совершенно не похожий ни на одного из родителей, зато характером — точная копия дедушки Деса: упрямый, искренний, добросердечный, но очень вспыльчивый, не различающий тонких нюансов. В отличие от Манди или Саши на пути Джейка в этот мир не возникало никаких препятствий. После крикливого детства — первый класс начальной школы он окончил с отличием, к немалому облегчению родителей, начавших опасаться, что ребенку потребуется особое внимание. В настоящее время их тревоги связаны с тем, как он воспримет переезд в Донкастер, родной город Кейт, где она намерена поселиться, чтобы убедить избирате-

лей, которые в последнее время больше благоволят к тори, отдать ей свои голоса.

За эти годы политические аппетиты Кейт значительно выросли. Она считается одним из реформаторов Лейбористской партии. Ее решительная борьба с вредителями в сент-панкрасском отделении («БЕССТРАШНАЯ ШКОЛЬНАЯ МЫМРА ИЗГОНЯЕТ ВНУТРЕННИХ ВРАГОВ» — так звучал заголовок одной из статей в «Хампстед-Хайгейт экспресс») не осталась незамеченной в штаб-квартире Лейбористской партии. Ее номинационная речь, как кандидата в Парламент от родного Донкастерского округа, пронизанная беспощадным реализмом, заслужила громкие аплодисменты новых центристов. И пока она с болью в сердце прощается со своими учениками и коллегами в Хампстед, не говоря уж о том, что с корнем вырывала Джейка из привычной ему обстановки, лучшая средняя школа Южного Йоркшира уже нуждается в ее услугах: с работой предлагается и дом, при этом начальная школа для Джейка находится буквально за углом, так же, как детский спортивный комплекс, где он может сравнить избыточную энергию.

Но именно Тед, с этим соглашается вся семья, проходит через все испытания, как настоящий солдат, каковым Дес его всегда и считал. Без поддержки Теда Кейт никогда не преодолела бы все эти трудности, безапелляционно заявляет Дес, который всегда говорит правду. Он даже идет дальше, положив начало шутке, которую потом поминают на всех семейных сборищах, хотя Манди с удовольствием бы ее похоронил:

«Вот что я сейчас вам скажу, а через минуту собираюсь за это выпить, — предупреждает он, пока Ман-

ди режет воскресный кусок вырезки, а Джейк попытается уговорить всех спеть с ним «Мальбрук в поход собрался». — Когда наша Кейт поселится в Номере Десять¹, а она поселится, я не шучу... *Джейк, заткнись на минутку, а?..* Тед принесет там гораздо больше пользы, чем приносит сегодня Дэнис Тэтчер, точнее, не приносит, не так ли? Тед не будет играть в гольф целыми днями и не будет набираться к четырем часам дня, а то и раньше... *еще минутку, хорошо, Джейк, дорогой?..* Тед в отличие от Дэниса будет находиться там, где положено, рядом с моей дорогой дочерью, всегда готовый оказать ей моральную поддержку... *помолчи, Джейк!..* точно так же, как оказывал ее принц Альберт королеве Виктории... не смейся, Кейт, я говорю совершенно серьезно. И он будет лучшим консортом² всех времен и народов. За тебя Тед, старина, и благослови тебя бог. Хорошо, Джейк, теперь мы споем».

* * *

Переезд в Донкастер создает трудности для всех, но Кейт и Тед, как двое здравомыслящих людей, не собираются отступать перед ними. И теперь, надеясь, что Джейк уже заснул наверху, Кейт рассматривает возможные варианты. Тед уже перевалил за сорок, так что для него уходить с работы, теряя право на высокую пенсию государственного служащего и перспективы на повышение, просто безумие, если, конечно, не подвернется столь же или более выгодное предложение. А вот подвернется ли оно, боль-

---

¹ Дом десять по Даунинг-стрит — резиденция премьер-министра.

² Принц-консорт — супруг царствующей королевы, не являющийся королем.

шой вопрос, продолжает Кейт. Потому что, Тед, откровенно говоря, в твоём возрасте и с твоей должностью... — Она тактично не заканчивает предложение, как не закончила более раннюю речь на тему «Наша семейная жизнь и её недостатки», среди которых названы частые отлучки Манди и отсутствие интереса ко всему прочему до и после них, что любую другую жену может навести на мысль, а нет ли у него женщины, с которой он видится во время этих отлучек, но, раз уж он клянется, что таковой женщины нет, она готова не развивать эту тему.

Возвращаясь к карьерным перспективам Тедди, точнее, к их отсутствию, Кейт высказывается в том смысле, что в Британском совете он достиг своего потолка. Должность разъездного представителя в Восточной Европе, полученная давным-давно, не вывела на тропу к славе, как Тед мог ожидать. Более того, привела на задворки, а то и просто в тупик. И ей особенно непонятно, почему теперь его называют дублирующим разъездным представителем. Она может найти этому только одно объяснение: ты где-то подмочил свою репутацию, но ничего мне об этом не сказал. А может, они наконец-то выяснили, что у тебя нет диплома. И ей очень хочется посмотреть в глаза этим бессовестным людям, сидящим в отделе кадров Британского совета, которые, согласно Теду, в эти дни в упор его не видят.

— Ты же, мой дорогой, как мы все хорошо знаем, не из тех, кто может замолвить за себя хоть словечко. Должно быть, в школе тебя не научили настырности. А в наши дни мы все должны быть настырными, этому нас научил тэтчеризм.

После этого Кейт подвергает всестороннему анализу целесообразность проживания Манди в Дон-

кастере с ежедневными поездками на работу и обратно. К сожалению, этот вариант не проходит. Помимо астрономической стоимости сезонного билета Донкастер — Кингс-Кросс, оба не могут представить себе Теда, проводящего в поезде четыре часа в день, не считая подземки, особенно если Тэтчер сделает с железными дорогами то, что угрожает сделать¹. Опять же, Кейт придется нанимать прислугу, чтобы та заботилась о Джейке во время ее поездок по избирательному округу. Организатор ее предвыборной кампании, сама мать, говорит, что лучше шриланкиек никого нет, но и стоят они недешево.

— В общем, из практических соображений, если подсчитать уик-энды, праздники и полагающийся тебе отпуск, — как выясняется, соответствующие подсчеты Кейт уже произвела, — набегает почти полгода. Так что будем думать об этом в таком вот аспекте, не правда ли? Помня об этом, учтем, что, работая в этой должности, ты проводишь за границей девять недель в году, спасибо научным конференциям и программам обмена студентами, которыми по какой-то экстраординарной причине тебе поручают заниматься, помимо твоих культурных фестивалей.

Не в первый раз за последние годы Манди задается вопросом, какая же Кейт на самом деле. Женщина, которая сейчас перед ним, не имеет ничего общего с женщиной, к которой он стремится, когда находится далеко от нее. Будь она двойником Кейт, он бы нисколько не удивился. С другой стороны, приходит в голову мысль, что Кейт, возможно, точно так же думает и о нем.

— Следующий вопрос очевидный: можем ли мы

---

¹ Речь идет о передаче железных дорог в частные руки.

содержать два дома? Из него вытекает еще один: что нам делать с домом на Эстель-роуд, с учетом того, что рынок недвижимости, после того как банки Сити надували его ради достижения собственной выгоды, в настоящее время находится в крайнем упадке? Можем мы, к примеру, сохранить дом, но сдавать две свободные спальни студентам-медикам или медицинским сестрам из больницы «Ройал Фри»? Ты можешь оставить себе большую спальню, гостиную и кухню, они получают все остальное.

Манди не в восторге от того, что к его и без того многочисленным ролям добавится роль хозяина пансиона, но он ничего об этом не говорит. Они договариваются обсудить ситуацию с Десом. Может, проблему решит перестройка чердака. Но Манди также считает необходимым проконсультироваться с Эмори, которому вместе с Профессором принадлежит контрольный пакет в «Манди инкорпорейтед».

* * *

Эмори очень нравится идея двух домов. Если есть финансовые проблемы, осторожно добавляет он, Лондон может помочь. И Лондону это действительно по силам, мог бы добавить он. Будучи одним из лучших агентов Штази, Манди каждый год получает приличный аванс, премии, стимулирующие вознаграждения. Профессиональные традиции, однако, требуют, чтобы он сдавал все эти деньги своим настоящим хозяевам, которые вознаграждают куда как скромнее, поскольку Лондон в отличие от Штази воспринимает верность как должное. Некие фонды, откуда пока нельзя взять ни пенни, и страховые полисы, лежащие в банковских сейфах, мало что для него значат. Ежемесячный конверт из коричневой

бумаги, по словам Эмори, с «мелочишкой на молочко за вредность», вот и все, что ему положено, иначе необъяснимое увеличение его благосостояния привлечет не только внимание налоговой полиции, ведомства, от которого Служба Эмори предпочитает держаться подальше, но и семейного бухгалтера, Кейт.

— Идеальный вариант, Эдуард. И Джейк к этому быстро привыкнет. Как его успехи в крикете?

— Прогрессирует с каждым днем.

— А в чем проблема?

— Кейт нравится ходить по домам избирателей по уик-эндам, когда они дома.

— Скажи ей, пусть ходит вечерами рабочих дней, когда тебя дома нет, — советует Эмори, и, возможно, у него действительно есть жена, которой он может сказать такое.

* * *

Внезапно планы становятся реальностью. Манди нанимает фургон, Дес и его приятель Уилф загружают в него мебель, на которую Кейт заблаговременно прилепила полоски розовой липкой ленты. Джейк, ярый противник переезда, баррикадируется в своей комнате и выбрасывает все, что только может, в окно, в том числе пуховое одеяло, подушки, игрушечную пожарную машину и наконец кровать, которую Дес и Манди сделали к его рождению.

С Джейком, ругающимся на заднем сиденье, они прибывают в очень новый коттеджный поселок на окраине Донкастера. Его доминанта — церковь из красного кирпича и колокольня с вынесенным за ее сечение колоколом, которая напоминает Манди виселицу с повешенным. Бунгало, которое отныне становится домом кандидата, похоже на ящик под оран-

жевой крышей с нарисованными окнами и двумя прямоугольниками скошенной травы перед и за домом, очень уж напоминающими засаженные травкой свежие могилы. После двух дней суетливой расстановки мебели под вопли детей, доносящиеся с расположенного рядом поля для крикета, и прерываемой крепкими рукопожатиями с соседями и другими представителями электората, Манди возвращается в Лондон на пустом фургоне и начинает новую жизнь.

Рано утром гуляет по Хиту и старается не вспоминать другие утра, когда провожал Кейт на работу, вечера, когда стоял среди мамаш, ожидая окончания последнего урока, песочницу, в которой они с Джейком моделировали битву при Ватерлоо, поляну, где они бросали «фрисби» и разыгрывали крикетный матч Англия — Пакистан, пока Джейк не дал ясно понять, что предпочитает своих друзей всему, что может предложить Манди.

Приступы ярости Джейка обвиняют. Из всей семьи на них способен только он: Кейт, когда злится, просто поджимает губы, у Манди первая линия обороны — глупые шутки и залиvistый смех, в ожидании, пока пройдет туча. Но Джейк ни одну из этих тактик не унаследовал. Когда Джейка осаживают, он ревет. Когда Джейк чем-то раздражен, поставлен в тупик или считает, что к нему невнимательны, он ревет. Для Манди, пребывающего в подавленном настроении, послание Джейка тайны не составляет: *«Ты — обманщик, папа. Я наблюдал за твоей клоунадой, внимательно слушал твои имитации людских голосов или пения птиц. Мне знаком весь твой набор лживых выражений лица, и я тебя раскусил. Ты — революционный турист, который превратился в капи-*

талистического шпиона, и в твоём уродливом, сверхдлинном теле нет ни грана правды. Но, поскольку мой нежный возраст не позволяет мне высказать все это вслух, я реву. Подписано, Джейк».

Но есть же и светлая сторона, убеждает себя Манди, когда правая рука сама по себе пытается достать до неба. Ладно, я — не тот отец, каким надеялся стать. Но я и не пьяница, которого вышибли из бывшей индийской, нет, пакистанской армии, и у Джейка есть настоящая, целеустремленная, поднимающаяся все выше и выше мать, а не умершая аристократка, которая на поверку оказалась служанкой ирландского происхождения. В том, что я — шесть разных людей, моей вины нет.

* * *

Поначалу распорядок дня Манди остается неизменным. Все утро он сидит или меряет шагами свой кабинет в Британском совете, занимаясь, как это называет Эмори, работой прикрытия, изредка кому-то звонит, подписывает какие-то документы или заглядывает в кафетерий, где его воспринимают как эмигранта, живущего на деньги, присылаемые с родины. Таково требование Эмори: он должен являть собой желчного, недовольного нынешними порядками человека и, несмотря на его дружелюбие, роль эта удастся ему без труда: прежний мятежный огонь, может, и не полыхает, но, спасибо миссис Тэтчер, раскаленных углей более чем достаточно.

Перерыв на ленч, всегда приятное время, он проводит по-разному. При удаче его приглашает и угощает дипломат от культуры, работающий в посольстве одной из стран, находящихся за Железным занавесом, у которого, возможно, помимо работы на

ниве культуры, есть и другая, более важная. В этих случаях за ленчем Манди иной раз даже позволяет себе сказать лишнее, логично предполагая, что каждое его слово будет передано Профессору. Иногда его хозяин решается на выгодное предложение, которое Манди вежливо отвергает. Не может же он объяснить, что он уже плодотворно трудится на обеих сторонах идеологической пропасти.

После ленча он не возвращается на работу. Служба Эмори каким-то образом договорилась с отделом кадров о том, что вторую половину дня Манди встречается с деятелями культуры или их представителями. На самом деле это время принадлежит Эмори, но, поскольку накладки — неотъемлемая часть жизни Манди, очень часто выпадает пара-тройка свободных часов. Раньше он заполнял их экскурсиями в Национальную галерею, Галерею Тейт, Британский музей и другие учреждения, способствующие самообразованию. Теперь же, обретя большую свободу, переключается на маленькие стрип-клубы, которые появляются и исчезают, как ярко окрашенные грибы, на плодородных землях Сохо¹.

Смена привычек обусловлена не похотью. Его влечет тамошняя атмосфера, схожая с церковной, молчаливая беззаветная преданность собравшихся «прихожан», бесстрастное добродушие выступающих «жриц». Сидя в прокуренном полумраке, он — владыка и неприкасаемый, как и женщины, которых он видит перед собой. Из стыда, искреннего раскаяния, чувства вины, или что там еще ему должно испытывать, он не ощущает ничего. Я этого заслужи-

---

¹ Сохо — район в центральной части Лондона, средоточие ресторанов, ночных клубов, казино, стриптиз-клубов и прочих увеселительных заведений.

ваю. Манди Второй гордился бы мною. И Донкастер ни о чем спрашивать не надо.

А в четыре часа или около того, само собой, после звонка из телефона-автомата по некоему номеру, он одним из нескольких маршрутов направлялся к Бедфорд-сквер. Тамошные величественные дома с колоннами занимали главным образом издательства и благотворительные организации, но вот дом номер двенадцать принадлежит компании «Зарубежные облигации». И, насколько известно Манди, весь капитал этой компании состоит из бронзовой таблички, привинченной к стене у двери.

Ненавязчиво оглядев площадь в поисках знакомых или подозрительных лиц, благодаря регулярным визитам в «Школу хороших манер» это вошло у него в привычку, Манди открывает дверь собственным ключом и входит в свой второй дом, ну, входит не сразу, должен подождать перед еще одной дверью, пока веселая девица по имени Лаура, с веснушками на лице, широкой улыбкой и перстнем отца на правой руке, пустит его на территорию Макаронной фабрики, так называют это заведение те, кто может в него попасть.

* * *

И только здесь, в доме 12 на Бедфорд-сквер, многочисленные ипостаси Теда Манди: актер, писатель, заботливый друг, майорский сын, неудачник, мечтатель и притворщик — сливаются воедино, превращаясь в героя.

Здесь, на Макаронной фабрике, Манди встречаются с распростертыми объятьями и почтением, которое отсутствует во всех остальных его жизнях. Тут

нет места пренебрежительному унижению стриптиз-клуба. Здесь Манди раскрывается во всей красе.

Здесь понимают его истинные чувства, здесь в полной мере оцениваются его таланты.

Разве кто-нибудь за стенами дома 12 знает, к примеру, что Тед Манди — виртуоз миниатюрной фотокамеры и за восемь лет из практически тысяч снимков неудачными оказались менее девяти процентов? А вот на Макаронной фабрике знают.

Операция «Двойной агент» — чрезвычайно сложная, и Манди — ее основа, ее острие, пилот гоночного автомобиля, жизнь которого — цена отвернувшейся гайки или люфта рулевого колеса.

Сначала в каких-то далеких катакомбах секретного Уайтхолла собравшиеся на совещание высокопоставленные чиновники решают, с какими антикварными государственными секретами можно расстаться, без особых потерь передав в неизменном виде или чуть подкорректировав, чтобы направить противника по ложному пути. К секретам добавляется перечень «желаемых неправд», выдумок, в которые, если их должным образом подать, противник может поверить и предпринять соответствующие действия, зазря потратив силы и средства.

И вот после этого за дело принимается команда Бедфорд-сквер, макаронных дел мастера. Необходимо сфабриковать сверхсекретные документы, оставленные без присмотра повестки дня важных заседаний, служебные записки, циркулирующие между департаментами и отделениями, одного существования которых достаточно для того, чтобы паранойя противника вышла на новый уровень. А ведь есть еще и разговоры, которые можно ненароком подслушать в кафетерии, в мужском туалете, в пабах около Тра-

фальгарской площади, где вечером рабочего дня один чиновник может поделиться своими заботами с другим.

Но кто эти несуществующие злодеи, эти искусные интриганы секретного мира Уайтхолла? Где и когда они собираются, чтобы заниматься своими черными делами, кто их возглавляет? Из какого социального слоя они вышли, какие навыки принесли с собой? К чему они стремятся, с кем борются, какие терпят неудачи? И как Манди Второму, жаждущему мщения, не получающему повышения по службе, который бродит по этим темным коридорам, удастся добраться до столь важных документов?

* * *

Теоретически команда работает под руководством Эмори, на самом деле звезда, движущая сила — Манди, который носится по комнате, запуская руку в волосы, сыплет идеями, отвергает их, примеряя версии, словно одежду. Потому что, когда гаснут огни зрительного зала, все в доме знают, от Лауры, которая открывает Манди дверь, до специалистов по подделке документов и сценаристов, которые составляют для него эти документы, до фотографов в подвале, которые помогают ему их сфотографировать так, будто делалось все это в спешке, до сопровождающих, которые репетируют с ним его роль, пока он не садится в автобус, идущий в лондонский аэропорт, все они знают, что на сцену Тед выходит один, и, если что-то пойдет не так, расплачиваться придется Теду, и именно Тед проведет последующие десять лет в какой-нибудь жуткой коммунистической тюрьме.

Манди тоже об этом знает и, понятное дело, боится. Так что требуются все лучшие качества Манди

Первого, патриотичного префекта частной школы и майорского сына, не говоря уже о паре стаканчиков в баре зоны вылета, чтобы он мог заставить себя подняться на борт самолета. Если он сопровождает делегацию, то страшно благодарен ее членам за их заботу о нем. Если нет, собирает волку в кулак и все-таки входит в самолет.

Но все меняется, как только они отрываются от земли. Страхи уходят, их заменяет разливающееся по телу умиротворение. Скоро Манди Второй полностью замещает Манди Первого. Англия, которую он покидает, становится его врагом, и к тому времени, когда он ступает в темные коридоры того восточно-европейского аэропорта, где приземляется самолет, он уже готов обниматься с каменнолицыми пограничниками, до такой степени убеждает себя, что притворяться больше нет нужды, что он может дышать воздухом свободы, что наконец-то он среди настоящих друзей.

И так оно и есть. В эти дни, в большинстве случаев, Саша лично ждет его в аэропорту, поскольку их крепкая дружба давно и всем известна. А если Манди опасается, что кто-то из соотечественников может изумленно изогнуть бровь по поводу столь близкой дружбы с восточно-европейским чиновником, тогда Саша, или напыщенный Лотар, или интеллектуал Хорст организуют их встречу в более спокойном, закрытом для чужих глаз месте, скажем, в отеле или в арендованной по этому случаю квартире. Но сила дружеских чувств, которые испытывают эти две собаки одного хозяина, нисколько от этого не уменьшается.

Следуя Сашиним инструкциям, позднее подработанным Эмори, Манди со дня вербовки Профес-

сором наотрез отказывается работать с кем-либо, кроме Саши. Не будет, к примеру, контактировать ни с одним из подчиненных Профессора, прикомандированных к посольству ГДР в Лондоне. Ни за какие деньги не будет болтаться с наступлением темноты около «Харродса»¹, ожидая, пока рядом затормозит автомобиль с определенным номером, чтобы он мог бросить запечатанную коробочку в открытое окно. Не будет зарывать кассету с микропленкой в цветочной клумбе около Серпантина² или рисовать меловые знаки на железных перилах, или обмениваться пакетами для продуктов с женщиной в зеленой шляпе, стоя на выходе из универсама «Белая роза». Единственное, на что готов этот вспыхвающийся, как порох, и требовательный агент Штази, так это из рук в руки передавать имеющиеся у него материалы Саше всякий раз, когда они будут встречаться, а произойти это может только в тех случаях, и ни в каких других, когда Британский совет сочтет необходимым направить его в одну из стран Восточной Европы.

А потому Саша и только Саша в первые часы радостного возвращения Манди в коммунистический мир снимает урожай кассет с микропленкой, надежно укрытых в потайном устройстве, полученном от людей Профессора: жестянке с тальком, тубике с зубной пастой, транзисторном радиоприемнике. Опять же Саша допрашивает Манди о том, как ему удалось раздобыть последние материалы. И всякий раз им удается побыть вдвоем, как в прежние времена: погулять в лесу, прокатиться на велосипедах, посидеть в ресторанчике какого-нибудь маленького городка, где за ними никто не наблюдает, где их никто не подслу-

¹ «Харродс» — один из самых дорогих универмагов Лондона.

² Серпантин — узкое искусственное озеро в Гайд-парке.

шивает. И Саша, как и любой хороший разведчик, довольный своим агентом, никогда не забывает выказать свою личную благодарность, естественно, не деньгами, но антикварным экземпляром литературного произведения немецкой классики, чтобы Манди мог поставить его на полку своей растущей библиотеки в Лондоне, статуэткой из дрезденского фарфора, которую он, скорее всего, приобрел на блошином рынке, или банкой русской черной икры.

Очень редко, и с нескрываемой неохотой, Саша соглашается приводить свою несущие золотые яички курочку пред светлые очи Профессора. К примеру, на еще один обед, состоявшийся на вилле Профессора в Потсдаме. Обращаясь к Манди и к сидящему рядом Саше, Профессор делится своим представлением о том, какое влияние оказывает шпионаж на судьбы мира.

— Придет день, Тедди, а вы двое обязательно доживете до этого дня, уверяю вас, когда стены капиталистической цитадели рухнут, взорванные изнутри... — Поскольку Профессор вновь демонстрирует свой английский, Саше нет необходимости скрывать обуревающую его скуку. — Общество потребления потребит самое себя. С упадком промышленности и ростом занятых в сфере обслуживания, мы уже видим надпись на стене. И я говорю не о той Стене, которая находится неподалеку, будьте уверены, — рискованная шутка. — Разве ты не чувствуешь, Тедди, в своей собственной стране, что колеса промышленности вращаются все медленнее и вот-вот остановятся, а при этом бедные голодают, а богатые давятся от жадности?

Что говорит Манди в ответ на такие банальности, не имеет ровно никакого значения. Важно другое:

насколько хорошо он проходит проверку, которая устраивается в тот самый момент, когда он совершенно расслаблен.

— В прошлом месяце ты передал нам чрезвычайно интересный отчет о деятельности вашего тайного Комитета черной пропаганды. Особенно нас потрясло предложение распространить слухи об эпидемии тифа в Румынии аккурат перед открытием в Бухаресте конференции Всемирной федерации профсоюзов.

— Знаете, я тоже очень доволен этим материалом, — признается Манди. — Но учтите, это всего лишь черновик. Если в Форин Оффис об этом узнают, идею зарубят на корню.

— А как ты его добыл?

— Сфотографировал.

«Если они начнут ставить под вопрос достоверность твоих материалов... а такое периодически будет случаться, огрызайся, — давным-давно посоветовал ему Эмори. — Предатели терпеть не могут, когда им не доверяют. Ты — не исключение».

— Полагаю, это нам известно, Тедди. Что не совсем ясно, так это *обстоятельства*, при которых ты сфотографировал этот черновик.

— Он лежал в стопке входящих документов на столе Мэри Аутвейт.

— А Мэри Аутвейт...

— Официально она занимается международным обменом студентами. Неофициально возглавляет Группу специального воздействия, которая является прикрытием Комитета черной пропаганды.

Как мы все, черт побери, прекрасно знаем, едва не добавляет он.

— И у Мэри есть привычка оставлять переданные с курьером под расписку, особой важности, не пред-

назначенные для посторонних глаз документы на самом видном месте, чтобы приبلудные сотрудники других отделов заходили и фотографировали их?

— Нет! — рявкает Манди, задетый тем, что его записали в *приبلудные сотрудники*.

— Тогда благодаря каким же счастливым обстоятельствам мы обязаны нашему триумфу?

— Мэри влюблена.

— И что?

— На ее столе стоит его фотография.

— Благодаря тебе мы это знаем. Левая часть лица запечатлелась на твоём снимке. Из того, что мы видим, можно сделать вывод, что у нее pretty fellow¹. Если ему чего-то не хватает, так только интеллекта.

Pretty fellow? И кто только, черт побери, учил его английскому? Манди представляет себе педагога-гомика, читающего Шекспира сотрудникам Штази.

— Он ей изменяет, — отвечает Манди. — Я зашел в ее кабинет и увидел, что она сидит за столом и плачет навзрыд.

— И под каким предлогом ты вошел в ее кабинет?

— Никакого предлога не требовалось, — фыркает в ответ Манди. — Она хотела узнать мое мнение, подойдет ли специалист по современной истории, которого я сопровождал на симпозиум в Будапешт, для работы в одном из ее консультативных комитетов. Увидев, что она плачет, я попытался, чтобы выйти в коридор, но она подозвала меня к столу. Ей требовалось кому-то выговориться. Она обняла меня и зарыдала еще сильнее. А когда успокоилась, сказала, что ужасно выглядит и должна привести себя в порядок. Должность она занимает высокую, поэтому ей

---

¹ Pretty fellow — милый парень (англ.).

полагается примыкающая к кабинету комната отдыха с туалетом. Я настоял на том, что дождусь ее, на случай, если она вновь расплатится.

— Какой ты у нас галантный.

— Мне просто повезло.

Профессор уже хорошо улыбается.

— И, как говаривал Наполеон, раз тебе везет, значит, ты хороший офицер.

В доказательство своих слов он достает из коробочки медаль, «Герой борьбы за демократию» 2-й степени, которой правительство ГДР оценило заслуги Манди. Так уж вышло, что медаль эта в геройском рейтинге практически эквивалентна другой медали, которую шестью неделями раньше вручил Манди на скромной церемонии, состоявшейся в доме 12 на Бедфорд-сквер, не кто иной, как distinguished начальник Эмори, известный Манди как Пастор, а может, и третьей, врученной поколением раньше храброму английскому майору, спешившему двадцать всадников.

* * *

И это не единственный допрос, устроенный Манди как Профессором и его подчиненными, так и неким Орвиллом Дж. Рурком, настоящие эти имя и фамилия или вымышленные, так и осталось для Манди тайной.

Рурк — американец, и люди называют его совсем не Орвиллом, а Джейм. Он появляется на Бедфорд-сквер в ореоле тайны, вроде бы командированный из штаб-квартиры Центрального разведывательного управления в Лэнгли, штат Вирджиния.

— Так он может напрямик туда и вернуться, — вспыхивает Манди, когда Эмори сообщает ему о

том, что с этого момента Рурк поработает в их команде.

— Хочешь, чтобы я объяснил почему?

Манди ищет причину своего негодования. Он лишь недавно вернулся из утомительной поездки в Киев, так что большая его часть по-прежнему Манди Второй.

— А что мне сказать Саше? — спрашивает он.

— Ничего. Есть вопросы, в которые мы тебя не посвящаем, как для твоего блага, так и для нашего. И нет нужды рассказывать обо всем Саше. Он никогда не требовал, чтобы его материалы не передавались американцам, но совсем не обязательно ставить его перед фактом.

— И какие у Рурка функции?

— Контакты. Исследования. Подсчет эффективности затрат. Откуда мне знать? Каждый занимается своим делом.

И, конечно же, Рурк не оправдывает мрачных ожиданий Манди. Он совершенно не похож на цэрэушного робота с головой-пулей, посаженной на широкие плечи без малейших признаков шеи, каким Манди его нарисовал себе. Рурк — легко сходящийся с людьми, цивилизованный, повидавший мир, симпатичный, черноволосый кельт с треугольным выступом волос на лбу. Он — патриций, вальяжный и неторопливый, и тебе просто хочется рассказать ему все, что знаешь. К этому поощряют и его наводящие вопросы, произносимые с мягким ирландским выговором, свойственным уроженцам Бостона: «Господи, вы и впрямь так думаете?» или «Послушайте, это же здорово. Почему бы вам не растолковать мне, что к чему?» Когда он узнает, что одна из входящих в команду наполовину француженка, он говорит с ней

на хорошем французском. И его немецкий, как выясняется, ничуть не хуже. Лицо у Рурка широкое и добропорядочное, ходит он чуть вразвалочку, словно, оторвав ногу, хочет убедиться в безопасности места, на которое ее предстоит поставить, еще один штрих в его и без того обаятельной манере. Костюмы ему шьют в Дублине, туфли носит гарвардские, с толстыми подошвами. К ужасу Манди, уже будучи агентом ЦРУ, он служил во Вьетнаме и радостно сознается в этом преступлении при первой же их встрече в кабинете Эмори.

— А я протестовал против этой войны и по-прежнему остаюсь при своем мнении! — громогласно заявляет Манди.

— И вы совершенно правы, Тед, — заверяет его Рурк с обезоруживающей улыбкой. — Там было гораздо хуже, чем вы, борцы за мир, могли себе представить. Мы убивали всех, кто попадался под руку или на глаза, а потом все отрицали. Мы выделяли такое, от чего меня просто тошнит. Что можно, а что — нет? Никто нам не говорил. Никаких знаков «Стоп» не было, вот мы и давали себе волю.

От такой откровенности защиты нет: тем более у человека, который всю неделю проводит в одиночестве в Лондоне и только уик-энд — с женой и сыном в Донкастере.

— Рурк хочет, чтобы я с ним пообедал, — сообщает Манди Эмори, рассчитывая услышать возражения. Такое приглашение беспрецедентно. Согласно командным правилам поведения и исходя из интересов безопасности, только Эмори имеет право обедать со своим агентом.

— Так пообедай.

— И что сие означает?

— Он хочет, чтобы ты пришел к нему на обед. Ты хочешь пойти. Он прочитал твое досье. Возможно, он прочитал все наши досье. Он не вытянет из тебя ничего такого, чего еще не знает. Так что открывай ему душу, если у тебя есть такое желание.

Зависть? Безразличие? Манди не знает.

Дом расположен в Итон-Плейс, производящий впечатление трехэтажный особняк. Он еще не успевает позвонить, как дворецкий в черном костюме открывает дверь. В длинной, новенькой, обставленной в стиле короля Георга гостиной, словно перенесшейся из колониальной Америки, Рурк нависает над тележкой с бутылками. Направляясь к нему, Манди чуть не падает, зацепившись за очень уж высокий ворс ковра. В углу стоит кресло-качалка с расшитой подушкой. На стенах картины, отображающие освоение Дикого Запада, и репродукции Эндрю Уайета¹. В стеклянной горке — коллекция безделушек из морских ракушек из Новой Англии.

— Сухой мартини сгодится? — спрашивает Рурк, не поднимая голову.

— Мартини так мартини.

— Хочешь взглянуть вон на ту карту? — На «ты» они успели перейти гораздо раньше. — Похоже, мы соседи.

На пюпитре лежит географический атлас. Раскрыт на Ирландии.

— Тебя наверняка заинтересует юго-запад. Найди маленькую красную стрелку.

— Нашел.

— Это то самое место, где твоя мать, Нелли О'Коннор, впервые открыв свои светлые глазки, увидела

---

¹ Уайет, Эндрю (1917—1998) — один из самых популярных американских художников.

горы Маллагарейрк. А теперь переместись на юг. Через реку Блэкуотер. Шестнадцать миль, как летела бы ворона, если вороны в Ирландии летают по прямой, в чем я готов сомневаться. Белая стрелка. Нашел?

Манди кивает.

— Это место, где родился мой прославленный отец. Орвилл-старший. В тени гор Богжераг в семилетнем возрасте он впервые сыграл в покер. За твое здоровье. — Рурк протягивает Манди стакан с мартини, и Манди изо всех сил пытается скрыть родственные чувства, которые ему предложено выказывать. Но все равно их испытывает. Вот так и рождается дружба.

* * *

У Рурка, как и у Манди, время есть. Если во вторую половину дня Манди свободен, Рурк всегда готов встретиться с ним. И вечером, если Манди согласен предпочесть его компанию походу в кино или сидению в одном из баров Хампстеда, Рурк, по существу холостяк (жена — адвокат в Вашингтоне, дочь — студентка в Йеле), всегда рад пойти ему навстречу. Рурк, как и Манди, любит пешие прогулки. Сидение под крышей в хороший день, заявляет он, оскорбляет душу. Манди с этим полностью согласен. Рурк любит Лондон, пусть у него и есть пара ирландских родственников, которые с радостью взорвали бы этот город. Есть они и у Манди. Он никогда с ними не встречался, но полагает, что намерения у них схожие. Дворецкий, открывающий дверь в особняке на Итон-Плейс, по совместительству и шофер. Его фамилия Милтон. Он отвозит их в указанное место, а далее они прогуливаются по паркам, докам, городским улицам. Посещают могилу Карла Маркса на кладби-

ще Хайгейт и могилы его товарищей, которые завещали перевезти их тела со всех концов света, чтобы лежать в земле рядом с ним. Манди говорит, что Профессор гордился бы этими людьми. Как гордился бы и доктор Мандельбаум, но вот эту мысль он не озвучивает.

Говорят они практически обо всем, но их текущая тема — жизнь и любовные увлечения Манди от Мюрри до Бедфорд-сквер. Давно уже Манди не исповедовался незнакомцу, если такое вообще случилось. Но совет Эмори однозначен, так что второй раз задавать вопрос необходимости нет. И Рурк — отличный слушатель, никогда не судит говорящего. Только слушает. Они идут бок о бок. Без визуального контакта откровенничать легче. Даже семейная жизнь Манди не исключается из общей канвы, пусть за все промахи он винит исключительно себя. Имя Саша не упоминается вовсе. Он — наш уэльский друг. Берлин — это «Кардифф». Восточная Германия — «Восточный Уэльс». Если кто вдруг их и подслушает, сразу потеряет интерес. Они оба — профи.

Когда Рурк занимается физическими упражнениями, его голос становится более резким. Подошвы его гарвардских туфель радостно шлепают по каменным плитам тротуара или дорожки. Манди шагает с ним в ногу. Рурк любит махать руками. Как и Манди. Тот, кто видит эту долговязую парочку, которая, отчаянно жестикулируя, прогуливается на Реджент-парк, может подумать, что эти двое — эксцентричные братья, решающие мировые проблемы.

Их обеды в Итон-Плейс отличает другая, но столь же заразительная форма интимности. Порядок никогда не меняется. Мой дом «чистят» еженедельно, заверяет Рурк Манди, и я говорю не об уборщице.

После пары стаканов мартини они переходят к разбору операции Саша — Манди. Давай, Тедди, мне нужно знать все. Сейчас не время для недомолвок. Рурк выбирает одну из последних встреч, какую-то информацию, переданную Сашей. Содержание значения не имеет, поскольку интерес Рурка чисто технический. Допустим, речь идет об отношениях ГДР и Китая, мелочевка, конечно, но все равно льет воду на разведывательную мельницу.

— Я приземленный человек, Тед. Так что давай последуем по Желтой кирпичной дороге¹, проложенной через систему, если не возражаешь. Послушаем Сашину историю о том, как он добрался до этих материалов.

Он говорит о следующем: давай проследим путь, который проделала кассета с микропленкой от штаб-квартиры Штази до Бедфорд-сквер. Расскажи мне, в каком потайном устройстве Саша прятал кассету и где он ее взял. *Действительно* ли у него есть доступ к оперативным материалам Штази? *Действительно* ли он может просто войти, достать кусок мыла с вмонтированной в него фотокамерой и отщелкать пленку, не опасаясь, что кто-то крикнет ему: «Эй, чем ты тут занимаешься?!» А потом перейдем к тому моменту, когда он передает эту самую пленку своему другу Тедди.

И, наконец, Тед, остановимся на том, как ты вручаешь пленку местному резиденту Эмори. Или, поскольку бывают ситуации, когда похмелье выводит местного резидента из строя, а то и из доверия, Теду

---

¹ Желтая кирпичная дорога — дорога, выложенная желтым кирпичом, по которой Дороти и ее друзья, герои сказки Ф. Баума «Волшебник страны Оз», идут к Изумрудному городу. В переносном смысле — путь, в конце которого человека ждет достижение цели и воплощение мечты.

приходится самолично вывозить товар из Багдада, остановимся на том, что происходит на границе.

И Манди изо всех сил роется в памяти, чтобы поделиться с Рурком мельчайшими подробностями. Возможно, это всего лишь тщеславие, но у него складывается ощущение, что его знания останутся в истории. Это не Профессор, пытающийся на чем-то его подловить. Речь идет о молодых парнях, только вступающих в игру, которые когда-нибудь будут изучать операцию Саша — Манди, сначала в закрытых институтах, потом в открытых, и восхищаться мастерством ее участников. И Рурк — не Профессор. Рурк может улавливать все нюансы, тогда как Профессор, и слава богу, только неувязки.

— Тед.

Они в очередной раз обедают. Добрались до кальвадоса. Это любимый напиток Рурка. И предмет тренировок с бухгалтерами Управления. Как-то раз им решительно не понравилось, что он выложил пятьсот баксов за бутылку кальвадоса восьмидесятилетней выдержки. Но это же ради дела, черт побери! Чем он должен был угощать своего высокопоставленного собеседника? Минеральной водой?

— Ты совершенно прав, — заявляет Манди, вглядываясь в глубины пузатого фужера.

— Тед, во время пребывания в Таосе, где ты пытался отыскать свою душу, тебе довелось встретиться с моим приятелем, художником по фамилии Люгер? Берни Люгер? Большие полотна, хвалебные и ругательные отзывы в прессе, видения апокалипсиса, игра на гитаре?

Люгер? Берни? Конечно же, Манди его помнит! Но собой не гордится, если быть честным, поскольку, случалось, лежал в постели с Нитой, аккуратно когда

Берни, стоя на лесенке, выжигал напалмом Миннесоту. Но он берет себя в руки. Не кричит и не краснеет. Он — шпион, прошедший специальную подготовку в Эдинбурге, он может разложить все по полочкам.

— Берни Люгер, кокаинист, отчисленный из Йеля, — мурлычет он, пригубливая кальвадос. — Покинул буржуазное общество ради полумиллиона в год из семейного фонда. Как я могу забыть?

— Бывал на его вечеринках?

— Будь уверен, бывал. И выжил, чтобы рассказать о них.

— В Таосе Берни высказывался по поводу политики?

— Если вспоминал о ней. Когда не принимал наркотики или не приходил в себя после приема.

— И каких он придерживался взглядов? Анархистских? Коммунистических?

— Ну, только не коммунистических, нет. Скорее, я бы сказал, антикоммунистических. Если ты был за коммунизм, то Берни — против, — тут он прикладывает руку ко рту, у него вдруг возникает чувство, что он подвел Берни.

— Ты встречал его девушку? Кубинку?

— Ниту? Конечно. — Значит, думает он, все дело в Ните.

— Она-то Коммунистка?

— Полагаю, что да. Но только с маленькой буквы, — добавляет он.

— Любит Кастро?

— Скорее всего. Тогда она много кого любила.

— Берни или Нита просили тебя что-нибудь для них сделать? Встретиться с каким-нибудь знакомым,

передать письмо, поговорить с кем-то после твоего возвращения в Англию? Почему ты смеешься?

— Я все гадаю, а когда ты задашь вопрос, сам ли я собирал свой чемодан.

Смеется и Рурк, очень весело, естественно, параллельно вновь наполняя фужеры.

— Значит, не просили. Ты для них ничего не делал. Не выполнял никаких мелких поручений. Я рад.

Выхода нет. Он должен спросить: «А в чем дело? Что они сделали?»

— Они сейчас в тюрьме. Получили по тридцать лет. Шпионаж в пользу Советов. Слава богу, они не дети. Очень жалко сажать детей.

Манди наблюдает, как Рурк улыбается, в свой фужер, который стоит на его ладони. Но перед его мысленным взором Нита, распростертая рядом с ним на гасиенде, и маленький бородатый Берни, который, перегнувшись через нее, хвалится, что едет на поезде революции.

— Но Берни — фантазер, — пытается протестовать он. — Говорит все, что приходит в голову, для красного словца. Откуда у них может быть полезная русским информация? Надо быть дураком, чтобы поверить тому, что говорит Берни.

— О, до русских они не добрались, мы об этом позаботились. Берни позвонил в советское консульство в Майами, представился вымышленной фамилией, сказал, что поддерживает Кубу и готов служить Идее. Советы не откликнулись на его предложение. А вот мы откликнулись. Прошло все как по маслу. Лишь через шесть долгих месяцев он понял, что работает на дядю Сэма, а не на Советы.

— А Нита?

Улыбка Рурка становится шире, нравятся ему эти воспоминания.

— Составила ему компанию. Умнее его на порядок. Обычно с женщинами так и бывает.

Он пристально смотрит на Манди.

— Тед.

— Джей.

— Могу я задать тебе еще один вопрос до того, как ты оторвешь мне все конечности? Действительно *неприятный* вопрос.

— Если ты не можешь без этого обойтись.

— Ты учился в частной школе-интернате?

— Не по собственному выбору.

— Чувствовал себя не в своей тарелке.

— В те дни. Пожалуй.

— Сирота.

— Ну, не совсем.

— К моменту приезда в Берлин.

— Да.

— Итак, мы имеем одного британца, одного немца, оба сироты, пусть даже Саша только хочет им быть. Оба не нашедшие места в этой жизни, оба... ну, я не знаю, подвижные, энергичные, активные. Ты вот упомянул Ишервуда. Мне это понравилось. Я могу продолжать?

— А разве я могу тебя остановить? — Манди как раз этого и хочется.

— И у вас есть общее дело. Вы вместе строите совершенное общество. Разделяете мечты друг друга. Разделяете радикальный образ жизни. Живете в одной комнате. Живете с одной девушкой, ладно, ладно, не кипятись, живете с ней последовательно, не одновременно. Это разница, я понимаю. Но, Тед, руку на Библию, никаких табу, никаких микрофо-

нов, как мужчина мужчине в этих четырех многократно «вычищенных» стенах, ты действительно говоришь мне, что у тебя с Сашей ничего не было?

— Ничего! — рывкает Манди, краснея. — Даже намек на ничего. Никогда. Я ответил на твой вопрос? — Он вновь прикладывает руку ко рту, чтобы скрыть смущение.

* * *

— Вчера хорошо посидели с Джемом? — спрашивает Эмори при их встрече во второй половине следующего дня.

— Отлично. Прекрасно.

— Он довел тебя до крика?

— Только один раз.

— Уже выдоил досуха?

— Пожалуй. На следующей неделе он хочет пригласить меня на «Глайндборн»¹. Я подумал, что сначала должен посоветоваться с тобой.

— Бывал там?

— Нет.

— Что ж, это твой шанс, не так ли.

Но поездка на «Глайндборн» срывается. Несколько дней спустя, после утомительного уик-энда в Донкастере, по ходу которого Манди уговаривает директора школы дать Джейку еще один шанс, тогда как Кейт проводит предвыборную кампанию, он прибывает на Бедфорд-сквер, чтобы обнаружить, что стола Рурка нет, его кабинет пуст, а дверь распахнута, слов-

---

¹ «Глайндборн» — ежегодный оперный фестиваль в имении Глайндборн около г. Льюиса, графство Суссекс. Проводится с 1934 г.

но кабинет решили проветрить. По центру на полу в молочной бутылке горит ароматическая свеча.

Больше месяца Эмори отказывается говорить о внезапном исчезновении Рурка. Сам факт не так уж и важен. Члены команды время от времени исчезали, безо всяких на то объяснений. Но Рурк — особый случай. Рурк, непредубежденный, вежливый, с которым так легко говорить и можно говорить обо всем, стал самым близким Манди человеком, не считая, разумеется, Эмори.

— Он выполнил порученное ему дело и вернулся домой. Это все, что ты должен знать.

— А что ему поручали? — настаивает Манди, полученный ответ его не устраивает. — Почему он даже не попрощался?

— Проверку ты прошел, — резко отвечает Эмори. — Радуйся и заткнись.

— Я что?

— По рекомендации Орвилла Дж. Рурка, ЦРУ в доброту своей постановило, что ты — верный агент английской разведки, а не двойной и даже не тройной агент, и Саша, пусть немец и чокнутый, также служит только Британии. И, ради бога, перестань смотреть на меня так, будто я украл твоего плюшевого медвежонка. Американцы имели право на сомнения. Рурк хорошо поработал. Ты теперь белый и пушистый, словно тебя вымыли «Персиллом».

«А чего тогда зажигали свечу?» — недоумевает Манди.

* * *

Есть место среди всех этих Манди для еще одного? Ответ, к сожалению, следующий: поскольку дверь в его жизнь широко открыта, всех просят заходить и

никому из тех, кто нашел в ней свой дом, не предложили выйти.

Так что входит Тед Манди, герой автобана Хельмштедт — Берлин и Стального гроба. Он очень боится, как встретят его остальные ипостаси, не устроят ли обструкцию.

Логика проста. Иногда количества культурных фестивалей, книжных ярмарок и научных симпозиумов не хватает для того, чтобы забирать все Сашины материалы. Иногда к нему в руки попадает что-то очень важное, в расписании коммунистической культурной программы нет близкого по времени мероприятия, а лондонские заказчики Эмори ждать не могут. Иногда Эмори решает, что поездки Манди в Восточную Европу очень уж участились, отчего подозрительность Профессора может возрасти, так что Манди пора заболеть, устроить скандал по поводу того, что ему надоела жизнь на чемоданах, или на какое-то время перейти в другой, более спокойный департамент, работающий на Комитет черной пропаганды.

Но Саша замен не признает. Ему нужен Манди, и никто, кроме Манди, хотя бы только на те мгновения, что необходимы для передачи из рук в руки спичечного коробка. Саша — собака одного хозяина, но в отличие от Манди так оно и есть на самом деле. Поэтому каждые несколько месяцев, всякий раз особым образом, организуется встреча главных действующих лиц. Инструкции — от Саши — передаются с последней порцией микрофильмов и на самом высоком профессиональном уровне выполняются Эмори и его командой.

Именно благодаря этим инструкциям глубокой ночью Манди, в очках ночного видения, бредет через

топкий участок границы, на несколько часов оставленный без присмотра ради неизвестного агента Штази в Западной Германии, которому потребовалась встреча со своим руководством. Саша же, узнав об этом, использует ситуацию в собственных целях.

Или Манди, целый день солдат на военной базе, наконец-то пошедший по стопам отца, закутанный в длинную шинель, едет в кузове полутоннажного грузовика в составе конвоя британских войск по выделенному коридору от Хельмштедта до Берлина. Конвой замедляет ход, последние автомобили практически останавливаются, диспетчер хлопает Манди по плечу. Под прикрытием еле ползущих впереди и сзади грузовиков Манди срывает с себя шинель и, одетый как восточногерманский рабочий, выпрыгивает из кузова и, в лучших эдинбургских традициях, уже бежит, когда касается земли. Следом летит велосипед, который он хватает, седлает и изо всех сил крутит педали по проселочной дороге, пока из коровника ему дважды не мигают ручным фонариком. Мужчины обнимаются, Саша передает посылку. Оставив велосипед приглядывать за собой, Манди скрытно возвращается к шоссе, чтобы в кювете дожидаться транспортного средства, грузовика или легковушки, с фальшивыми документами и свободным местом, на котором и пересекает границу.

Но наихудший вариант — Стальной гроб, его комната 101, кошмар, обернувшийся явью. Как и майор в свои последние дни, Манди боится замкнутого пространства. Возможно, страх этот обусловлен собственным ростом, который нужно упрятать в это пространство. Забраться в гроб, лежать лицом вниз, прижимаясь ртом к отверстиям для воздуха, пока диспетчеры Эмори заворачивают гайки, закрепляю-

щие крышку, для этого требуются все запасы мужества, которыми он обладает, и даже больше. Уставившись широко раскрытыми глазами в чернильную тьму, когда гроб закрепляют под железнодорожным вагоном, он надеется, что его грешная душа все-таки попадет на Небеса, и напоминает себе о совете доктора Мандельбаума не жить в башне из слоновой кости. И хотя есть специальная кнопка, нажатием которой можно остановить процесс, а весь путь через границу до сортировочной станции, где его ждет Саша с разводным гаечным ключом, занимает считанные минуты, его не оставляет мысль, что летний вечер даже в его безалаберной жизни можно провести куда лучше.

ГЛАВА 10

Праздничное настроение предваряет сорок девятую миссию Манди за Железный занавес, и вся команда на Бедфорд-сквер радуется вместе с ним.

— Еще одна поездка, Тед, и ты возьмешь на грудь полтонны, — говорит Пол, старший диспетчер, в последний раз проверяя карманы, чемодан, бумажник и ежедневник Манди, дабы не осталась незамеченной мелочь, которая может оборвать десятилетние поставки первоклассных разведывательных материалов. — А после этого ты и знать нас не захочешь, не так ли?

В дверях девушки целуют его, а Эмори, как всегда, советует беречь зад.

Прекрасный день, шесть утра. На дворе весна и горбачевская перестройка. Над марионеточными диктатурами Восточной Европы наконец-то нависла серьезная угроза. Несколькими месяцами ранее, в Нью-

Йорке, Горбачев провозгласил массированный вывод войсковых и танковых соединений и отрекся от брежневской доктрины вмешательства в дела стран-сателлитов. Старые олигархи, так он их назвал, теперь в свободном плавании. Хотя на поверхности отношения между Вашингтоном и Империей зла остаются замороженными, как и прежде, шевеление подо льдом достаточно сильное, чтобы убедить мудрых в возможности прихода дня, может, не при нашем поколении, но уже при жизни следующего, когда здравый смысл пробьется наружу. И Манди, направляющийся с вокзала Виктория в аэропорт, чтобы вылететь на Конгресс археологов в Гданьск, один из мудрых. Может, Саша и я отыграли свою роль, думает он. Может, мы помогли оттепели. Эмори говорит, что помогли, но он и не может сказать ничего другого.

Действительно, Манди испытывает обычные предполетные страхи, но когда такого не бывало? Эмори и мудрецы из Эдинбурга не позволяют ему забыть простой истины: чем дольше длится операция, тем она опаснее, тем больше стоит на кону. Но, как только он начинает сравнивать свои заслуги с Сашиными, что он делает всякий раз, отправляясь в поездку, и в этот день тем более, он видит себя избалованным дилетантом, а Сашу — профессионалом до мозга костей.

Кто инструктирует Сашу? Никто. Кто готовит, помогает отправиться в путь? Никто. Кто обеспечивает прикрытие, когда он фотографирует все эти секреты? Никто. Пальцы могут закрыть объектив, камера дрогнуть, да мало ли что может привести к неудачному снимку, если ты в любой момент ждешь звука

шагов в коридоре, от которых рукой подать до пули в затылок.

И посмотрите, какую дистанцию преодолел этот человек, оставив позади мили и мили невероятных достижений! Каким образом ему вообще это удалось? Как хромоногий восточногерманский ребенок-беженец-обернувшийся-западногерманским-анархистом вновь пересек границу между Германиями и за какие-то несколько лет превратился в ни с кем не сравнимого поставщика информации, жизненно важной для национальной безопасности, как их, так и нашей?

Ладно, спасибо герру пастору, Профессор пригрел Сашу, как своего любимого сына, и любовь старика позволила ему начать карьеру в семейном бизнесе. Но эта любовь не гарантировала права свободно рыться в архивах Штази, выуживая именно те «жемчужины», которые могли нанести наибольший вред его работодателям.

* * *

Британская делегация археологов, которую курирует Манди, добирается до Гданьска самостоятельно. Встречать их он будет завтра, после приземления в тамошнем аэропорту. Попивая маленькими глотками «Кровавую Мэри» в баре зоны вылета, сидя в полупустом самолете и глядя через иллюминатор на белый слой облаков, он собирает то немногое, что знает о прогрессе Саши за последние десять лет. Картина получается, мягко говоря, неполная. Саша терпеть не может вопросов о том, как он добывает свою информацию. Может, за этой резкостью скрывается чувство стыда.

В начале была злость. Это Саша признает.

А источником злости стало известие о том, что на другую сторону границы его заманили под ложными предложениями, да и отца он ненавидел не по тем причинам.

После злости пришла ненависть.

Ненависть к мерзкой и бессердечной бюрократии, которая своими размерами и весом выжимала из своих граждан последний вздох, называя все это демократией.

К полицейскому государству, которое мнило себя колыбелью свободы. К его рабской зависимости от Москвы.

Из злости и ненависти родилась хитрость. Саша был пленником буржуазного фашистского государства, которое позиционировало себя как рай для рабочих. Чтобы взять верх над своими тюремщиками, ему пришлось пользоваться их же вероломными методами. Лицемерить, лгать, вкрадываться в доверие. Чтобы нанести удар в самую сердцевину их незаконной власти, он крал то, чем они дорожили больше всего: их секреты.

Поначалу его планы не отличались размахом.

Он будет всего лишь свидетелем.

Будет красть их секреты и создавать архив для будущих историков.

Работая в полном одиночестве, позаботится о том, чтобы ложь, обман, лицемерие этих нацистов в красных рубашках не исчезли бы бесследно, чтобы последующие поколения узнали всю правду.

На большее он не рассчитывал. Вся выгода от его подвигов предназначалась немецким историкам. Этим его честолюбивые замыслы и ограничивались.

Единственный вопрос состоял в том, как осуще-

ствить намеченные планы. Чтобы повысить свой образовательный уровень, он воспользовался библиотекой Штази и консультировался у ведущих специалистов по партизанской борьбе. *«Плыть на гребне вражеского потока... затеряться в ордах врага... использовать массу противника для того, чтобы свалить его».*

После длительного пребывания в «Белом отеле» Саша провел многие недели на вилле Профессора в Потсдаме, прогуливал профессорских восточноевропейских овчарок, поливал профессорские клумбы, возил его жену в магазины за покупками. Да, Профессор не имел гомосексуальных наклонностей, у него была жена, настоящий дракон в юбке, которая, по мнению Саши, обладала только одним достоинством: презирала своего мужа.

Но даже она ничего не могла поделать с намерением Профессора стать названным отцом Саши, его покровителем и защитником. Если Саша обещал вести себя как примерный товарищ (слова Профессора), не давать волю языку, выказывать должное уважение другим высокопоставленным защитникам государства, Профессор брался указать ему путь к истине. Ибо Профессор, он не уставал это повторять, любил Сашиного отца, как брата, а своего сына у него не было.

И Саша, скрипя зубами, обещает. Ведет себя как полагается. Возит по магазинам не только жену Профессора, но и других жен. Разносит покупки по их квартирам, иногда даже в спальню. Саша никогда не хвалится своими победами. Держит рот на замке. Как невеста, отданная замуж не по любви, зажимает зубами носовой платок и не кричит от отвращения. В народном рае молчание дорогого стоит.

— Тебя это забавляло или ты воспринимал это исключительно как бизнес? — спрашивает Манди, когда они вдвоем прогуливаются по одному из парков Ленинграда.

Саша в ярости поворачивается к нему.

— Пойди в один из доков Смольного, Тедди, — шипит он, выбрасывая руку в сторону кораблей и портовых кранов. — Сними десятирублевую проститутку и спроси у нее, забава это для нее или исключительно бизнес.

По протекции Профессора Саша, любимый сын, получил однокомнатную квартиру и был допущен на нижнюю ступеньку служебной лестницы Штази. К моменту своей инициации он уже овладел, насколько позволяло его крабообразное тело, официальной партийной походкой. А заодно и официальным партийным выражением лица: никаких эмоций, подбородок поднят, пятнадцать ярдов впереди — «мертвая зона». С таким вот лицом он катил тележку с кофе по застланным линолеумом, пахнущим дезинфицирующим раствором коридорам империи Профессора, ставил фарфоровые чашки на столы защитников государства, слишком занятых своими мыслями, чтобы замечать его существование.

И лишь иногда, когда Саша открывал дверь лимузина такого защитника или приносил посылку на роскошную виллу одного из товарищей, рука могла по-дружески лечь на его плечо, а голос прошептать: «Добро пожаловать домой, Саша. Твой отец был великим человеком».

Такие слова проливали бальзам на его уши. Говорили о том, что его считают своим, и еще сильнее разжигали тщательно скрываемую злость.

* * *

Продвинулся Саша по служебной лестнице Штази? Манди оставалось только гадать. Если и продвинулся, то до какой должности, какого звания и когда?

Это вопрос, который даже после стольких лет Саша раздраженно отмечает. И когда лондонские аналитики время от времени внимательно просматривают имеющиеся в их распоряжении списки сотрудников Штази, его фамилия не значится ни среди руководства, ни даже среди мелких клерков. «Продвижение по службе, Тедди, — указывает он, — обратно пропорционально знаниям. Дворецкий знает куда больше хозяина особняка. Хозяин особняка знает куда больше королевы. Я знаю больше их всех».

Саша вперед и вверх не движется, зарывается все глубже, а для шпиона это наилучший вариант. Поскольку его цель не власть, а знание, он щедро тратит свое время на знакомство с обязанностями сотрудников, ключами, комбинациями цифр, открывающих сейфовые замки, и женами защитников государства. Собранные воедино, они образуют королевство предателя. То есть в реальном мире Саша делает то самое, что Манди Второй воображает, будто делает, в виртуальном.

Нужно подготовить отдельную комнату для документов, которые уже не используются в оперативной работе, но их еще рано списывать в архив? *Разумеется, товарищ советник, только дайте команду, товарищ советник, все будет тут же исполнено, товарищ советник.*

Обеспечить немедленное уничтожение неких материалов, которые следовало давным-давно уничтожить? *Нет проблем, товарищ советник! Саша пожертвует своим уик-эндом, чтобы защитники государст-*

ва, обремененные куда большей ответственностью, чем он, могли насладиться заслуженным отдыхом.

Фрау полковник ждет важного гостя из Москвы, и никто не может выкосить лужайку перед ее домом? Трава фрау полковника не должна ждать ни минуты. Саша уже стоит на пороге вместе с косилкой и готов незамедлительно приступить к выполнению этого особенно важного задания.

И, однако, как такое могло быть, из года в год спрашивает себя Манди, в столь огромной, всемогущей и бдительной системе государственной безопасности, как Штази? Разве Штази не является моделью легендарной прусской эффективности, той самой, которая позволяет учитывать каждый подшипник, огрызок карандаша или золотой зуб?

По требованию Лондона, да и из собственного любопытства, Манди, варьируя слова, десятки раз задавал Саше этот вопрос, но всегда получал один и тот же ответ: гигантская бюрократия помешана на собственной секретности, а потому ее слабые места гораздо лучше видны не тем, кто смотрит вниз с самого верха, а стоящим внизу.

* * *

Сашино «закапывание» быстро приносит неожиданные находки. Одна из них — старый сейф, запертый на ключ и давно уже неиспользуемый, который стоит в прихожей личного секретаря Профессора, женщины необъятных размеров, одной из многих, кто не может устоять перед чарами Саши. Функция сейфа — служить подставкой для вазы с искусственными цветами, которыми она скрасила унылый интерьер. Она однажды упомянула, что сейф давно уже пуст, и, когда Саша как бы случайно врезался в него

тележкой с кофейными принадлежностями, глухой звук подтвердил ее правоту. Как-то ночью, позволив себе ознакомиться с содержимым ее большущей сумочки, он находит одинокий ключ с прицепленной к нему биркой. Вот так сейф становится его сокровищницей, куда он складывает добытые крупинки золота.

В отсутствие коллеги, такой же мелкой сошки, как и он сам, по случаю какого-то большого праздника, Саша получил в свое полное распоряжение хранилище устаревшего шпионского оборудования, ожидавшего отправки в одну из стран третьего мира, союзника в борьбе с империалистическим врагом. К моменту возвращения коллеги Саша стал владельцем сверхминиатюрной фотокамеры, руководства по ее использованию и двух больших коробок с кассетами для нее. И теперь, вместо того чтобы выносить украденные документы из здания, Саша мог их фотографировать, а потом уничтожать или возвращать на прежнее место. Выносить крохотные кассеты было куда как проще. Их могли найти только при тщательном обыске, с раздеванием догола в специальном помещении. Но, по молчаливому согласию, любимого сына Профессора никогда не подвергали столь унижительной процедуре.

— Я, конечно, не знал, как положено хранить отснятые, но непроявленные микроплёнки, но руководство сняло все вопросы, — вспоминает Саша. — Прежде всего кассеты следовало положить в презерватив, презерватив — в брикет или стаканчик мороженого, мороженое — в морозильник. Товарищи, работающие в тех местах, где не было холодильников, мороженого и презервативов, наверное, пользовались другим руководством.

Тем же манером он фиксировал и подслушанные разговоры.

— Я излагал мои мысли на бумаге в уединении своей квартиры. Бумагу фотографировал обычным фотоаппаратом с 35-миллиметровой пленкой. Потом бумагу сжигал, а пленку добавлял к уже имеющейся коллекции.

* * *

А потом наступил вечер золотой пятницы, когда Саша заносил в реестр поданные за неделю заявления граждан несоциалистических стран, желающих получить визы на въезд в Германскую Демократическую Республику по служебным делам. И с одного из заявлений на него глянула легко узнаваемая физиономия Манди, Эдуарда Артура, рожденного в Лахоре, Пакистан, мужа Кейт, урожденной Эндрюс, разъездного представителя Британского совета. А к заявлению прикололи листок из Центрального архива Штази:

«1968—1969: член Социалистического клуба Оксфордского университета и Общества культурных связей с СССР, активист движения борьбы за мир, участник различных маршей... во время учебы в Свободном университете Берлина (Западного) участвовал в антикапиталистических, антивоенных демонстрациях... жестоко избит западноберлинской полицией... депортирован из Западного Берлина за бунтарские и анархические тенденции» (отчет западноберлинской полиции, источник — ЦЕЗАРЬ).

Сашин рассказ о том, что произошло потом, навеки запечатлелся в памяти Манди. Они тогда сидели в одном из баров Дрездена, где проходила международная агротехническая конференция.

— Едва я увидел твое не такое уж красивое лицо, меня тут же осенило, совсем как Архимеда. Мои непроявленные пленки избежали тысячелетнего пребывания в толще мороженого. В понедельник утром, когда я принес твое заявление Профессору, моя рука дрожала. Профессор это заметил. А разве мог не заметить? Она дрожала весь уик-энд.

— Саша, — спросил он меня, — почему у тебя дрожит рука?

— Товарищ Профессор, — ответил я. — В пятницу вечером Провидение подарило мне шанс, о котором я и не мечтал. Думаю, что теперь, под вашим мудрым руководством, я наконец-то смогу оправдать ваше доверие и внести более активную лепту в борьбу с теми, кто изо всех сил пытается притормозить наступление социализма. Я умоляю вас, товарищ Профессор, как мой наставник, как верный друг и соратник моего героического отца, предоставьте мне возможность доказать, что я его достоин. Этот англичанин Манди — неизлечимый буржуа, но ему небезразлична судьба человечества, пусть он и не всегда выбирает правильные средства для того, чтобы улучшить ее, что следует из его досье. Если вы позволите мне, под вашим неусыпным руководством, направить его агрессивность и радикализм в нужное нам русло, клянусь, разочарованы вы не будете.

— И ты не возражал? — робко спрашивает Манди.

— Против чего? — воинственно осведомляется Саша.

— Ну... что я передам твою информацию ненавистным капиталистам Запада?

— Ты мелешь чушь, Тедди. Мы должны бороться со злом во всех его проявлениях. Одно зло не может оправдать другое или превратить его в добро. Как я

тебе уже говорил, если б я мог также шпионить и для Америки, я бы с радостью на это пошел.

Стюардесса просит Манди застегнуть ремень безопасности. Самолет идет на посадку в аэропорту Гданьска, где его ждет сорок девятая встреча со своим тайным агентом и ближайшим другом.

* * *

Тед Манди этих дней — матерый «волк» международных тусовок. Заведи его с завязанными глазами в набитый людьми шатер или конференц-холл, дай несколько мгновений, чтобы принюхаться к табачному дыму и запаху дезодорантов и духов, прислушаться к разговорам, и он точно скажет, какой это час и какого дня обычного пятидневного марафона, кто из деятелей и чиновников культуры и от каких стран присутствует, будет ли опубликовано в газетах совместное заявление, или на прощальном банкете опять придется выслушивать особые мнения и ехидные речи недовольного меньшинства.

Важный фактор — уровень враждебности, свойственной «холодной войне». Если политическая атмосфера напряженная, делегаты будут изо всех сил нащупывать точки соприкосновения. Если напряжение спадает, верх возьмут узкопрофессиональные интересы, все перелаются, как собаки, а закончится все просто: многие из тех, кто на людях едва не разорвали друг друга в клочья, разойдутся парами по номерам, чтобы забыть о своих разногласиях в яростном совокуплении.

Но сегодня, на третьем сборище археологов в Гданьске, атмосфера не похожа ни на какую другую: воздух пронизан радостью, мятежным духом, ощущением, что близится к завершению что-то очень

важное для судеб мира. Отель, в котором проходит конгресс, здание в стиле эпохи короля Эдуарда, построен среди песчаных дюн на берегу Балтийского моря. На лестнице, ведущей к парадному входу, на глазах бессильных полицейских, студенты суют листовки в руки прибывающих делегатов. Бар — стеклянная галерея с окнами, выходящими на море. Если Манди смотрит меж говорящих голов, то видит черный морской горизонт и огни далеких кораблей. Археологи, к его удивлению, народ заводной. Их польские хозяева млеют от нового для них ощущения свободы, счастливы тем, что у всех на языке Лех Валенса и «Солидарность». Черно-белый телевизор и несколько радиоприемников приносят самые свежие новости. Периодически то здесь, то там начинают скандировать: *«Горби! Горби! Горби!»*

— Если у Горбачева слова не разойдутся с делом, — на английском кричит молодой профессор из Лодзи своему коллеге из Софии, — объясните, пожалуйста, чем тогда закончатся реформы? Кто загонит дьяволов обратно в ящик Пандоры? Где, скажите, окажется однопартийное государство, если право выбора будет реализовываться на практике?

И если возбужденные разговоры делегатов показывают одну сторону медали, то встревоженные лица присматривающих за ними свидетельствуют о другой стороне. Когда вокруг такие еретические настроения, следует ли солидаризироваться с еретиками, а перед начальством все отрицать? Разумеется, они так и поступают.

Пока Манди практически не виделся с Сашей. Они только раз успели обняться, помахали друг другу рукой, договорились как-нибудь пропустить по стаканчику в баре. После шумных воссоединений

прошлых лет здравый смысл подсказывает, что теперь эмоции лучше попридержать. Нет на конгрессе ни интеллектуального Хорста, ни занудного Лотара. Шесть месяцев тому назад их заменил похожий на привидение и не улыбочивый Манфред. Завтра, в последний полный рабочий день, должна подскочить симпатичная Уэнди из нашего посольства в Варшаве, чтобы пообщаться с английской делегацией и, естественно, с Тедом Манди, извечным представителем Британского совета. Но только пообщаться, ничего больше. Манди положил глаз на Уэнди, да и Уэнди положила глаз на Манди. Но между ними стеной стоит железное правило эдинбургской «Школы хороших манер»: никакого секса на рабочем месте. Ник Эмори, которому Манди, возможно напрасно, сознался в интересе к Уэнди, облек это правило в более деликатные слова.

— В нашей профессии есть много способов совершить харакири, Эдуард, и утолить страсть в Багдаде, несомненно, самый лучший. Уэнди работает на полставки, — добавляет он, продолжая предостерегать Манди от неверного шага. — Замужем за дипломатом, двое детей, шпионит она лишь для того, чтобы оплачивать ежемесячные взносы по закладной.

Археологи сбились в тесную кучку и поют «Марсельезу». Дирижирует фигуристая шведка с глубоким декольте. Пьяный поляк изумительно играет на пианино. Саша, свеженький, как огурчик, после ночных вечеринок, со сверкающими под беретом глазами, появляется у дальнего конца стойки, хлопает по спине, пожимает руки, обнимается. По пятам следует похожий на привидение Манфред.

* * *

Саше нужно прогуляться по песочку, чтобы про-
чистить голову. Теплый весенний ветер гонит рябь
по воде. Огни кораблей протянулись вдоль всего го-
ризонта. Мирные рыбацкие шхуны или советский
Шестой флот? Теперь это уже не имеет ровно ника-
кого значения. Полная луна окрашивает дюны в чер-
ное и белое. По глубокому песку идти можно, но иног-
да, на склоне дюны, он просто уходит из-под ног. Не
раз и не два Саше приходится хвататься за руку Манди,
чтобы не упасть, и не всегда ему это удается. Од-
нажды, поднимая Сашу на ноги, Манди чувствует,
как что-то мягкое опускается в карман его пиджака.

— Я думаю, у тебя болит горло, — слышит он стро-
гий голос Саши. — Может, от этих прекрасных ком-
мунистических таблеток ты запоешь гораздо лучше.

В ответ Манди передает Саше хромированную
фляжку, изготовленную в Англии и доработанную
умельцами Профессора. В ней упрятаны микроплен-
ки: фотографии сделаны Манди Вторым с докумен-
тов, подготовленных на Бедфорд-сквер. В сотне
ярдов позади, у самой кромки воды, глядя в море,
сунув руки в карманы, стоит молчаливый часовой,
Манфред.

— Профессор в ужасе, — восторженно шепчет
Саша, его слова тут же глушит ветер. — Страх, страх!
Глаза круглые, не находит себе места!

— Почему? Что, по его мнению, может про-
изойти?

— Ничего. Поэтому он и в ужасе. Поскольку все —
иллюзия и пропаганда, что может произойти? Ми-
нистр Профессора только вчера вернулся из Мос-
квы, где его твердо заверили, что ничего не изменит-

ся. Теперь ты можешь представить себе, как он напуган?

— Ну, я только надеюсь, что он прав, — в голосе Манди слышится сомнение, его тревожит, что надежды Саши вновь могут рухнуть. — Просто помни Венгрию пятьдесят шестого и Чехословакию шестьдесят восьмого, да и еще пару раз, когда они отводили часы назад, — на ум приходят слова Эмори, который цитирует свое начальство: *«Не позволяй ему хвататься за соломинку, Эдуард. Горбачев, возможно, меняет витрину, но не продает магазин».*

Саша тоже на это надеется.

— *Должны быть две Германии, Тедди.* Две как минимум. Я так люблю Германию, что совсем не против десяти. Скажи это своему мистеру Арнольду.

— Думаю, я ему это уже говорил, и не раз.

— Нельзя допустить поглощения ГДР Федеративной Республикой. В качестве первого шага конструктивного сосуществования обе Германии должны изгнать иноземных оккупантов, русских и американцев.

— Саша, послушай меня, а? «Правительство Ее королевского величества уверено, что объединение Германии возможно лишь в рамках общеевропейских договоренностей». Это официальная позиция, которая остается неизменной последние сорок лет. Неофициальная куда как жестче: кому нужна объединенная Германия? Тэтчер не нужна, Миттерану не нужна, и многим немцам не нужна, что на Западе, что на Востоке. А Америке без разницы.

Но Саша, возможно, его не слышал.

— Как только оккупанты уйдут, каждая Германия должна провести свободные и справедливые выборы, — продолжает он. — Ключевым вопросом выборов должно стать создание нейтрального блока в

сердце Европы. Федерация двух отдельных Германий возможна лишь в случае полного разоружения обеих сторон. По выполнении этого пункта мы должны предложить союз на тех же условиях Франции и Польше. После стольких войн и разделов Центральная Европа станет наконец островом мира. — Он спотыкается, но удерживает равновесие. — Никаких аншлюзов для Федеративной Республики, Тедди. Никаких Великих Германий под крылышком одной из супердержав. Вот тогда мы наконец-то выпьем за Мир.

Манди все еще ищет успокаивающий ответ, когда Саша хватает его обеими руками, умоляюще смотрит в глаза. Слова вырываются бурным потоком. Тепло дрожит.

— Никакого Четвертого рейха, Тедди. Во всяком случае, до взаимного разоружения. До этого — обе половинки остаются отдельными и суверенными. Да? Скажи, да!

Печально, со вздохом, Манди качает головой.

— Мы говорим о том, чего не может произойти, — мягко, но решительно отвечает он. — Ледник двинулся, но он не тает.

— Ты снова цитируешь своего нелепого мистера Арнольда?

— Боюсь, что да.

— Передай ему мои наилучшие пожелания и скажи, что он — говнюк. А теперь отведи меня в отель, чтобы я мог выпить.

* * *

Манди и Кейт соглашаются в том, что должны обсудить ситуацию, как взрослые. После одиннадцати лет совместной жизни уж в этом они должны

пойти навстречу друг другу, говорит Кейт. Манди возьмет отгул на работе и приедет в Донкастер, поезд Кейт ему уже подобрала. Она встретит его на машине, и на ленч они поедут в «Траутстрим»¹, это загородный ресторан, где им никто не помешает, и, если только вкусы Манди в последнее время не изменились, они оба любят форель. Что им совершенно не нужно, говорит она, так это наткнуться на кого-нибудь из местных репортеров, а еще меньше — партийных функционеров. Почему она так боится оказаться застигнутой в компании мужа, для Манди загадка, но он полагается на ее слово.

А когда они закончат разговор и придут к согласию, говорит она, будет неплохо, если Тед подъедет домой, в саду покатает с Джейком мяч, а потом, может, заглянет и Филип, как он часто делает, поговорить о политике партии. Если Филип увидит, что они играют, то, скорее всего, присоединится к ним, говорит Кейт. И тогда Джейк сам увидит, что никаких трений нет и в помине. Что-то в их отношениях, возможно, и изменилось, но они по-прежнему добрые друзья, а Джейк — их первейшая забота. У него будет не один счастливый дом, а два, и со временем он с этим смирится. Потому что в одном у нас точно нет разногласий, говорит Кейт, мы не станем устраивать войну за симпатии Джейка.

В общем, они о стольком договорились заранее, что, садясь в поезд на Кингс-Кросс, Манди задается вопросом, учитывая, что Восточная Европа — кипящий котел, а Саше нужно встречаться с Манди в два раза чаще, чем тот может себе позволить, так ли необходима эта поездка? Но, к его изумлению, необхо-

¹ От «Troutstream», дословно «Форельная река» (англ.).

дима. Размышляя в поезде о своей семейной жизни, он понимает, что согласен на все ее условия.

Принимает их твердо и окончательно.

Любовь Джейка к матери важнее для него любой другой любви в этом мире. Он сделает все, чтобы ее сохранить.

И говорит об этом Кейт, едва пристроившись на переднем сиденье автомобиля. Как всегда не умеющий отстаивать собственные интересы, он уговаривает ее, умоляет позволить ему взять на себя всю вину за столь печальный финал их семейных отношений. Если в первые месяцы их раздельного существования он должен оставаться в Лондоне, пусть так и будет. Если перекидывание мячом с апостолом Нового направления Лейбористской партии поможет убедить Джейка, что его мать сделала правильный политический выбор, Манди будет перекидываться, пока не упадет. И это не альтруизм. Это выживание. Как его собственное, так и Джейка. Неудивительно, что еще до того, как оба садятся за столик, Манди испытывает полнейшее расслабление, словно после коитуса, а не выяснения отношений, подводящего черту под семейной жизнью.

— По-моему, у нас это получается очень даже хорошо, — говорит Кейт за салатом из авокадо с крабами. — Жаль только, что на свете мало таких же цивилизованных людей.

— Мне тоже, — заверяет ее Манди.

Они обсуждают дальнейшее образование Джейка. В данном конкретном случае (это о Джейке) она готова поступиться принципами и рассмотреть возможность обучения в частной школе. Лишь потому, что сложный характер Джейка требует индивидуального подхода. Она обсуждала этот вопрос с Филипом

и со своими избирателями, и все согласились, что мальчику пойдет на пользу строгая дисциплина частной школы, а поскольку никакой альтернативы местные школы предложить не смогут, избиратели не будут ставить ей в укор такое решение. Манди терпеть не может частных школ, но, если пребывание в одной из них пойдет Джейку на пользу, готов оплачивать обучение сына.

— Мне очень жаль, что с Советом вышло так неудачно, — говорит она за форелью под миндальным соусом и зеленым салатом. — Я всегда расстраиваюсь, когда думаю о том, как мало они тебя ценят.

— О, не надо винить бедный Совет! — восклицает благородный Манди. — По-своему они делали для меня что могли. Это не их вина.

— Если бы ты только мог постоять за себя.

— О, я знаю, знаю, — устало отвечает Манди, в память о том времени, когда они жили душа в душу.

Они переключаются на другие темы.

— Весной у Филипа выходит книга, — говорит она за третьим яблоком со сладким кремом.

— Отлично. Великолепно.

— Публицистика, естественно.

— Естественно.

Они говорят о причинах развода. Поскольку она — потенциальный кандидат в члены парламента, очевидно, не может быть и речи о супружеской неверности. Если Тед с этим согласен, она склонна предложить душевную черствость и жизнь врозь. Как насчет того, чтобы остановиться на непоправимом разрыве?

Непоправимый разрыв звучит отлично, соглашается Манди.

— У тебя кто-то есть, не так ли, Тед? — излишне

резко спрашивает Кейт. — Я хочу сказать, не мог же ты все эти годы сидеть в Лондоне в одиночестве?

Собственно, именно это Манди и делал, но он слишком хорошо воспитан для такого признания. Они соглашаются, что о деньгах лучше не говорить. Кейт найдет себе адвоката. Манди следует поступить так же.

Адвокат всегда говнюк.

— И я думаю, мы подождем, пока Филип не получит новую работу, если ты не возражаешь, — говорит Кейт за кофе.

— Чтобы пожениться? — спрашивает Манди.

— Чтобы развестись.

Манди просит принести счет и платит из коричневого конверта Эмори. Учитывая морозящий дождь и все остальное, они решают, что это не лучший вечер для футбола с Филипом. С другой стороны, Манди хочет видеть Джейка как никогда в жизни, вот и говорит, что заедет домой, сыграет с ним в шашки или во что-нибудь еще, а потом вызовет такси, которое и отвезет его на станцию.

Они приезжают домой, и пока Кейт ставит чайник, он сидит в гостиной, чувствуя себя страховым агентом, отмечая места, где он бы поставил вазы с цветами, если б по-прежнему здесь жил, прикидывая, как поудобнее переставить мебель. На это ушло бы не больше пяти минут, согласись Джейк ему помочь. Отмечает, что у него очень уж много домашних привычек, без которых Кейт прекрасно обходится, но, с другой стороны, Кейт выросла в семье, тогда как Манди всегда старался ее выдумать. Мысли его еще движутся в этом направлении, когда распахивается дверь и в комнату входит Джейк в сопровождении своей подружки Лорны. Даже не поздоровав-

шись с отцом, он напрямик устремляется к телевизору, включает его и плюхается на диван вместе с Лорной.

— Чего это вы так рано вернулись из школы? — подозрительно спрашивает Манди.

— Нас выпроводили, — вызывающе отвечает Джейк, не отрывая глаз от экрана.

— Почему? Что вы сделали?

— Учитель говорит, что мы должны смотреть, как творится история, — самодовольно объясняет Лорна.

— Вот мы и посмотрим, в этом же нет ничего плохого? Как насчет чая, мам?

Учитель прав. История и в самом деле творится. Дети смотрят, Манди смотрит. Даже Кейт, которая не считает, что на внешней политике можно выиграть выборы, смотрит из дверей кухни. Рушится Берлинская стена. Хиппи с обеих сторон прыгают на том, что от нее осталось. У хиппи с Запада волосы длинные, тупо отмечает Манди. У только что освобожденных хиппи с Востока — короткие, еще не успели отрасти.

* * *

В полночь поезд доставляет Манди на вокзал Кингс-Кросс. Из телефона-автомата он набирает номер, по которому положено звонить только при чрезвычайных обстоятельствах. Голос Эмори просит оставить сообщение. Манди говорит, что сообщить ему нечего, просто он хочет знать, не должен ли он что-нибудь сделать. Сие означает, что он очень боится за Сашу, но слишком хорошо вышколен, чтобы сказать об этом вслух. Ответ получает, когда приезжает домой, на Эстель-роуд, только оставлен он на его автоответчике шестью часами раньше. «Завтра

никакого сквоша, Эдуард. Корты подновляются. Сиди тихо и пей воду. Tschuss». Он включает телевизор.

Мой Берлин.

Моя Стена.

Мои толпы разрушают ее.

Мои толпы штурмуют штаб-квартиру Штази.

Мой друг заперт внутри, ждет, когда его примут за врага.

Тысячи документов Штази выбрасывают на улицы.

Подождите, пока прочтете обо мне: Тед Манди, секретный агент Штази, английский предатель.

В шесть утра он идет к телефону-автомату на Кон-стантин-роуд, вновь набирает чрезвычайный номер. Где звонит телефон? На Макаронной фабрике? Да кому теперь нужно обманывать Штази? У Эмори дома... и где он живет? Манди оставляет еще одно бессмысленное сообщение.

Вернувшись на Эстель-роуд, лежит в ванне и слушает северогерманское радио. Бреется с особым тщанием, готовит завтрак победы, но есть ему не хочется, и он оставляет бекон на крыльце для соседского кота. Не зная, чем себя занять, направляется в Хит, но приходит на Бедфорд-сквер. Его ключ открывает первую дверь, но, сколько он ни жмет на кнопку звонка, миловидная английская девушка с перстнем отца на правой руке не приглашает его войти. В приступе раздражения он изо всех сил дергает за ручку, потом дубасит кулаком по двери, отчего включается охранная сигнализация. Синяя лампа мигает над крыльцом, когда он спускается по ступенькам, едва не оглохнув от трезвона.

Из телефона-автомата на станции подземки «Тотт-нем-Корт-роуд» он в третий раз звонит по чрезвычай-

чайному номеру, и наконец-то трубку берет сам Эмори. С другого конца провода доносятся немецкие голоса, и Манди предполагает, что его соединили с Берлином.

— Какого хрена тебя понесло на Фабрику? — спрашивает Эмори.

— Где он? — отвечает вопросом на вопрос Манди.

— Исчез с наших экранов. Нет ни в офисе, ни дома.

— Откуда вы знаете?

— Проверили, вот откуда. Чем, по-твоему, мы занимались? Заглянули к нему в квартиру, перепугали соседей. По общему мнению, он почувствовал, куда дует ветер, и смотался до того, как его забили бы на улице дубинками.

— Позволь мне его поискать.

— Прекрасно. Бери гитару, иди и пой около тюрем, пока он не услышит твой золотой голосок. Твой паспорт у нас, на случай, если ты это забыл. Тед?

— Что?

— Он нам тоже дорог, понимаешь? Так что прекрати изображать из себя мученика.

* * *

Проходит пять месяцев, прежде чем он получает первое письмо от Саши. Как Манди их пережил, он не может объяснить и сам. Футбольные уик-энды с Джейком, футбольные уик-энды с Джейком и Филипом. Мерзкие обеды втроем, с Филипом и Кейт, на которых Джейк присутствовать отказывается. Гнетущие уик-энды с Джейком в Лондоне. Фильмы, которые Джейку нужно посмотреть и от которых Манди тошнит. Весенние прогулки по Хиту с Джейком, плетущимся сзади. Бесцельное времяпрепровождение в

Британском совете в ожидании благословенного дня досрочного ухода на пенсию по взаимной договоренности...

Прежний знакомый почерк. Синяя бумага конверта авиапочты. Почтовый штемпель Хусума, Северная Германия, адресовано на Эстель-роуд, NW3. Как он узнал мой адрес? Ну конечно, я же указывал его в заявлении на получение визы тысячу лет тому назад. Манди задается вопросом, а откуда ему знаком город Хусум. Ну конечно, там же жил Теодор Шторм, немецкий писатель девятнадцатого века, автор «Всадника на белом коне». Доктор Мандельбаум читал мне этот роман.

«Дорогой Тедди!

Я забронировал два роскошных «люкса» на твое имя в отеле «Дрезден» в Бад-Годесберге на ночь 18-го. Привези с собой все, что у тебя только есть, но приезжай один. Я не хочу прощаться с мистером Арнольдом, который может катиться на хер. Я приехал в Хусум, чтобы убедиться, что герр пастор похоронен должным образом. Я сожалею о том, что он не дожил до нынешних светлых дней и не увидел, как наш дорогой фюрер аннексировал Восточную Германию с помощью божественных дойчмарок.

*Твой брат во Христе,
Саша».*

Саша похудел, хотя никогда не отличался лишним весом. Западный супершпион забился, как заморенный голодом ребенок, в угол кресла, достаточно большого, чтобы вместить троих таких задохликов.

— Это же природное явление, — настаивает Манди, надеясь, что голос не переполнен извиняющимися нотками. — Все накапливалось, как вода за дамбой. И едва Стена рухнула, процесс стал необратимым. Винить тут никого нельзя.

— Я виню их, спасибо тебе, Тедди. Коля, Рейгана, Тэтчер и твоего скользкого мистера Арнольда, который давал мне ложные обещания.

— Ничего такого он тебе не давал. Говорил правду, какой ее тогда видел.

— Учитывая его профессию, он должен был знать, что правда, какой он ее видел, на поверку всегда ложь.

Они вновь замолкают, в отличие от Рейна, который не замолкает никогда. Хотя на дворе ночь, мимо окон по реке нескончаемой чередой тянутся баржи, их тени гуляют по стенам, и кажется, что они проплывают по комнате. Натриевые лампы на фонарях, выстроившихся вдоль берега, освещают овальный потолок. Иной раз стены освещаются сверкающими, как рождественская елка, прогулочными корабликами. По прибытии Манди Саша подвел его к окну и прочитал небольшую лекцию: на том берегу реки, Тедди, ты видишь отель на вершине горы, в котором проживал ваш Невилл Чемберлен, когда отдавал Гитлеру половину Чехословакии. А в отеле, где мы сейчас находимся, посмею предположить, что в этих самых «люксах», наш дорогой фюрер согласился принять щедрый дар Чемберлена. Как бы фюреру хотелось находиться в этот вечер с нами, Тедди. Восточная Германия аннексирована, Великая Германия восстановлена, Красная угроза устранена. И завтра можно снова приступить к завоеванию мира.

— Мистер Арнольд просил тебе кое-что передать, — говорит Манди. — Ты готов слушать?

— Пожалуйста, выкладывай.

— В разумных пределах, все, что ты пожелаешь. Финансовая помощь, новые документы. Как я понимаю, ты в самом начале сказал им, что деньги тебе не нужны. Они не собираются ловить тебя на слове.

— Их щедрость не знает границ.

— Они бы хотели встретиться с тобой и подробно обговорить твое будущее. У меня в кармане паспорт для тебя и два билета на завтрашний утренний рейс в Лондон. Если ты не хочешь идти к ним, они придут в любое место, где ты согласишься с ними встретиться.

— Я потрясен. Но почему их так заботит мое благополучие, если я — отработанный материал?

— Может, для них это вопрос чести. Может, они не хотят видеть, как ты бродишь неприкаянный, словно зомби, после всего того, что ты для них сделал. А может, не хотят читать твои мемуары.

Вновь долгое молчание. Вновь новое направление разговора. Саша ставит стакан с виски, берется за шоколад. Кончиками пальцев, чтобы не запачкаться, снимает серебряную фольгу.

— Я, между прочим, побывал в Париже, — начинает он, будничным тоном человека, собравшегося рассказать о каком-то несчастном случае. — Во всяком случае, на моем чемодане есть парижская наклейка. — Он внимательно рассматривает оба угла шоколадки, откусывает от одного. — А в Риме я работал ночным портье. Самая подходящая профессия для вышедших в отставку шпионов. Наблюдать за миром, когда он спит. И во сне катится к дьяволу.

— Я думаю, мы сможем подобрать тебе что-нибудь получше, чем место ночного портье.

— Из Рима мне пришлось ехать поездом до Па-

рижа, из Парижа — в Гамбург, из Гамбурга — в Хусум, где, несмотря на nepотpeбный вид, мне удалось уговорить таксиста отвезти меня к дому ушедшего от нас герра пастора. Дверь открыла моя мать. В холодильнике меня ждала вареная курица, наверху — теплая постель. Здесь можно предположить, что я позвонил ей заранее и сообщил о своем намерении заглянуть к ней.

— Вполне логичное предположение.

— Я где-то читал, что есть первобытные племена, которые верят, будто кто-то должен умереть, чтобы родился кто-то еще. Поведение моей матери подтверждает эту теорию. Она четыре недели выхаживала меня. Можно сказать, потрясла до глубины души. — Противно скрипит якорная цепь, капитан одного из проходящих судов почему-то решает подать гудок. — А что стало с тобой, Тедди? Мистер Арнольд проявляет к своим соотечественникам не меньшую заботу? Тебе предложили место лакея в королевском дворце?

— Они говорят о том, чтобы купить мне партнерство в школе изучения языка. Мы это обсуждаем.

— Здесь, в Германии?

— Скорее всего.

— Учить немцев немецкому? Это правильно. Сейчас одна половина говорит на языке западногерманской разведки, вторая — на языке Штази. Пожалуйста, начни свою новую работу как можно быстрее.

— Вообще-то речь идет об английском.

— Да, конечно. Языке наших хозяев. Очень мудро. Твоя семейная жизнь завершилась?

— С чего ты это взял?

— Иначе ты бы вернулся в лоно семьи.

Если Саша надеялся разозлить Манди, ему это удалось.

— Да, мы дрейфуем! — рывкает он. — Именно так. Нас вырвало с корнем. «Холодная война» закончилась, и теперь мы — двое бродяг. Мы с тобой бродяги, Саша, не так ли? Так давай поплачем над нашей горькой судьбой. Опустим руки, пожалеем себя и согласимся с тем, что ни для кого нет никаких надежд. Для этого мы здесь собрались?

— Моя мать хочет, чтобы я отвез ее в Нойбранденбург, где она родилась. Там есть дом престарелых, с которым она какое-то время переписывается. Пусть мистер Арнольд оплатит ее тамошнее пребывание до самой смерти, которая не за горами. — Он достает визитную карточку, кладет на стол. «Орден урсулинок. Монастырь Святой Юлии», — читает Манди. — Деньги мистера Арнольда, возможно, грязные, но герра пастора — неприкасаемые и будут розданы беднякам этого мира. Я бы хотел, чтобы ты поехал со мной, Тедди.

На реке стоит такой шум, что Манди не сразу улавливает последние слова Саши. А потом видит, что тот уже вскочил на ноги и стоит перед ним.

— О чем ты, Саша?

— Твой чемодан не распакован. Мой тоже. Нам нужно только оплатить счет, и мы можем уйти. Сначала отвезем мою мать в Нойбранденбург. Она — милая женщина. С хорошими манерами. Ты захочешь разделить со мной ее компанию. Я ревновать не буду. Потом мы уедем.

— Куда?

— Подальше от Четвертого рейха. Туда, где еще есть надежда.

— И где же она еще есть?

— Там, где, кроме нее, у людей ничего другого нет. Ты думаешь, война закончилась, потому что банда старых нацистов в Восточной Германии продала Ленина за кока-колу? Ты действительно веришь, что американский капитализм превратит мир в спокойное, безопасное место? Он просто выжмет из мира все, что только возможно.

— И что ты предлагаешь?

— Сопrotивляться американскому капитализму, Тедди. Что еще остается делать?

Манди не отвечает. Саша уже держит в руке свой чемодан. В темноте он кажется очень большим, но Манди не пытается ни помочь Саше, ни остановить его. Сидит, перебирая в голове всякие мелочи, которые вдруг становятся для него очень важными. Джейк хочет в мае покататься на лыжах в Альпах. Кейт хочет вернуть себе дом на Эстель-роуд. Она собирается жить в Лондоне и ездить на поезде к своим избирателям, чтобы Филип оказался поближе к средоточию власти. Может, мне стоит поискать курсы ускоренного обучения, получить хоть какой, но диплом. За доносящимся с реки шумом он не слышит, как закрывается дверь.

* * *

И все равно Манди остается на месте, сидит в кресле, наклонившись вперед, то и дело подносит ко рту стакан с практически неразбавленным виски, слушает шум мира, частью которого более не является, обдумывает пустоту своего существования, гадает, что от него осталось теперь, когда прошлое ушло, помахав ему ручкой, и какая часть оставшегося еще может быть полезна, и есть ли вообще такая часть, а

может, лучше вычеркнуть и ее, начав жизнь с чистого листа?

Думает о том, кем он был, когда делал все то, чего больше никогда делать не будет. Обманщиком и притворщиком... и во имя чего? Стальной гроб, армейская шинель на автобане... для кого?

Думает о том, стоило ли ради того, что он делал, пожертвовать благополучием семьи, карьерой, сыном, которому он теперь не решается смотреть в глаза.

Сделаешь ли ты все это завтра, папа, если протрубит рог? Некорректный вопрос. Завтра не будет. Во всяком случае, такого, как вчера.

Он вновь наполняет стакан и выпивает за себя. Лучше быть саламандрой и жить в огне. Очень забавно. Вот, значит, что происходит, когда огонь гаснет?

Саша вернется. Он всегда возвращается. Саша — бумеранг, который нельзя куда-либо забросить. Еще пара минут, и он постучится в дверь, скажет мне, что я — говнюк и давно пора налить ему виски. А заодно я налью и себе, все равно бутылка в руке.

И Манди наливает, опять обходится без воды.

А пропустив по паре стаканчиков, мы займемся настоящим делом, отпразднуем наконец наши достижения: «холодная война» закончена, коммунизм мертв, а мы — те самые парни, которые этому способствовали. Шпионов больше не будет, и все испуганные люди отныне смогут спокойно спать по ночам в своих постелях, потому что благодаря Саше и Тедди мир наконец-то стал безопасным местом, поэтому, за твое здоровье, старина, мы хорошо поработали, а теперь за мистера Саламандру, и миссис Саламандру, и за всех маленьких саламандр, которые у них появились или появятся!

А утром мы проснемся с жутким похмельем и по-

думаем: чего это столько шума на берегу реки, почему там кричат, хлопают в ладоши, гудят? Мы откроем двойные двери, выйдем на балкон, и, увидев нас, капитаны прогулочных кораблей и буксиров, украшенных флагами, на всю мощь включат сирены, а толпы людей, собравшихся на берегу перед отелем, с новой силой захлопают в ладоши и закричат: «Спасибо тебе, Саша! Спасибо тебе, Тедди! Мы впервые отлично выпались с того самого дня, как наш дорогой фюрер отправился завоевывать мир, и обязаны этим вам двоим. Спасибо вам, Тедди и Саша. Гип-гип ура!»

И вам спасибо.

Манди встает, слишком быстро, учитывая количество выпитого, но ему удается добраться до двери, и он распахивает ее. Коридор пуст. Он доходит до лестничной площадки и кричит: «Саша, говнюк ты такой, возвращайся!» Но вместо Саши появляется пожилой ночной портье и с должным уважением отводит Тедди в его «люкс». Дверь, конечно же, закрылась, но у портье есть свой ключ. Еще один вышедший в отставку шпион, думает Манди и протягивает ему пятьдесят марок. Наблюдает за миром, когда он спит. И во сне катится к дьяволу.

ГЛАВА 11

Под ними, на берегу баварского озера, по-прежнему вращается карусель с ярко раскрашенными фигурками. Время от времени ракета «земля — воздух» взрывается среди звезд, не поразив цели, и окрестные горы заливают красным и золотым. Но ответного огня нет, не дымится и вражеский самолет, падающий на землю. Те, в кого стреляют, летят слишком

высоко и недостижимы для местных ракет. «Для Карен террорист — это тот, у кого есть бомба, но нет самолета», — шепчет в ухо Манди голос Юдит. Много лет прошло с тех пор, как он позволил Юдит войти в его жизнь, но со стаканом виски в руке, с чердачным потолком над головой и согнутой спиной Саши в десяти футах от него, трудно держать воспоминания под замком.

Это вечер перед Рождеством в Берлине, решает он, только по радио не звучат рождественские гимны, а на кучах украденных книг не горят свечи. И Саша опять готовит, но не кусок твердого, как пуля, мяса, а столь любимый Манди *Wienerschnitzel*, достав его из саквояжа, который так осторожно нес по спиральной лестнице. В квартире на чердаке голые кирпичные стены, стропила и световые люки, но на том сходство с берлинским чердаком заканчивается. Один угол занимает современная кухня, выложенная керамической плиткой, со стальной мойкой и электрической плитой. Из арочного окна открывается прекрасный вид на горы.

— Квартира принадлежит тебе, Саша?

Но разве Саше когда-нибудь что-нибудь принадлежало? Однако, пусть воссоединившиеся друзья не виделись больше десяти лет, разговор идет исключительно о пустяках.

— Нет, Тедди. Ее сняли для нас мои друзья.

Для нас, отмечает Манди.

— Какие они заботливые.

— Да, этого у них не отнимешь.

— И богатые.

— Ты, между прочим, прав. Они — капиталисты, но на стороне угнетенных.

— Это те самые люди, которым принадлежит и «Ауди»?

— Они дали мне эту машину.

— За них нужно держаться обеими руками. Не люди — ангелы.

— Спасибо, Тедди. Это входит в мои планы.

— Они же сказали тебе, где меня найти?

— Возможно.

Манди слушает слова Саши, но вслушивается и в его голос. Как всегда зычный, наполненный энергией. А еще он не может скрыть нетерпения, и Манди слышит его в каждом слове. Этому голосу очень хочется поскорее озвучить то, что его обладатель слышал от некоего гения, с которым говорил последним, объявить, что они готовы вот-вот открыть людям глаза на социальное происхождение человеческого знания. Это голос Банко, когда он выступил из теней веймарского подвала и велел мне слушать его внимательно, а комментарии свести к минимуму.

— Значит, ты — удовлетворенный человек, Тедди. — Он рубит слова, не отрываясь от плиты. — У тебя семья, автомобиль, ты продаешь людям словесную чушь. Ты, как обычно, женился на выбранной тобой даме?

— Я над этим работаю.

— Не испытываешь тоски по Гейдельбергу?

— С какой стати?

— Насколько я понимаю, еще шесть месяцев тому назад ты руководил там школой изучения английского языка.

— Последней из череды школ. — Откуда он все это знает?

— И что пошло не так?

— Что всегда идет не так. Грандиозное открытие. Письма во все крупные фирмы. Рекламные объявления во всю страницу. Посылайте к нам ваших притомившихся чиновников. Проблема оказалась одна: с ростом числа студентов росли и убытки. Ты в курсе?

— Насколько я понял, тебе попался нечестный партнер. Эгон.

— Совершенно верно. Эгон. Тебя просветили по полной программе. Давай послушаем о тебе, Саша. Где живешь? На кого работаешь? И почему ты и твои друзья шпионили за мной? Я думал, мы уже завязали с этой игрой.

Брови чуть поднимаются вверх, губы сжимаются: Саша готовится ответить на первую половину вопросов и делает вид, что второй не слышал.

— Спасибо тебе, Тедди. Могу сказать, что полная занятость мне обеспечена. Похоже, удача решила-таки повернуться ко мне лицом.

— Пора бы. Странствующему по краям света радикальному лектору обычно не до жиру. Кто же тебя пригрел?

И этот вопрос остается без ответа.

Стол накрыт на двоих. Красивые бумажные салфетки. Бутылка бургундского на деревянной подставке. Саша зажигает свечи. Его рука дрожит, точно так же, как, судя по его рассказу, дрожала более двадцати лет тому назад, когда он нес Профессору заявление Манди на получение визы. Один только вид этой дрожащей руки вызывает у Манди стремление защищать и оберегать Сашу, пусть он и поклялся не ощущать его. Поклялся мысленно Заре, Мустафе и себе, и лучшей жизни, на пути к которой они сейчас находятся. Через минуту он намерен сказать Саше следующее: *«Если это еще одно из твоих великих пред-*

видений, которое мы вдвоем должны претворить в жизнь, то ответ — нет, нет и нет, в таком вот порядке». Вот что он скажет. После это они смогут поболтать о славном прошлом, пожмут друг другу руки и разбегутся.

— Я предлагаю не налегать на выпивку, Тедди, если ты не возражаешь. Возможно, впереди у нас долгая ночь, — говорит Саша.

* * *

Wienerschnitzel, по-другому и быть не могло, недожарен. В своем нетерпении Саша не стал ждать, пока растопится жир.

— Но ты получил мои письма, Тедди? Пусть даже не отвечал на них.

— Действительно, получил.

— Все до единого?

— Похоже на то.

— Ты их прочитал?

— Естественно.

— Мои газетные статьи тоже?

— Зажигательные тексты. Восхищался ими.

— Но все равно они не подвигли на ответ?

— Получается, что нет.

— Причина в том, что мы не были друзьями, когда расставались в Бад-Годесберге?

— О, мы были друзьями. Только, возможно, немного устали. Шпионаж требует много сил, я не устаю это повторять, — отвечает Манди и добавляет смешок, потому что Саша не всегда узнает шутку, особенно если она не так уж хороша.

— Я пью за тебя, Тедди. Пью в твою честь в это прекрасное и ужасное время.

— И за тебя, старина.

— Все эти годы, по всему миру, учил ли я кого, вышвыривали меня из очередной страны или сажали в тюрьму, ты оставался моим тайным духовником. Без тебя, а мне иной раз крепко доставалось, я бы поверил, что борьба бесполезна.

— Так ты и писал. За что тебе, конечно, спасибо. Но мог бы и не писать, — угрюмо отвечает Манди.

— И ты, я надеюсь, получил удовольствие от недавней маленькой войны?

— Наслаждался каждой минутой. Жаль, что она так быстро завершилась.

— Самая необходимая за всю историю, самая нравственная и христианская... и самая неравная?

— Меня от нее тошнило, — признает Манди.

— И, я слышал, тошнит до сих пор.

— Да. До сих пор.

* * *

Вот, значит, где собака зарыта, думает Манди. Он знает, что я возмущен этой войной, и хочет подписать на какую-то кампанию. Что ж, если он гадает, что на меня нашло, добро пожаловать в наши ширящиеся ряды. Я спал. Лежал на полке. Вчерашний шпион, развлекающий англоговорящих, вернее, англослушающих, в Лидендорфе. Мои белые дуврские утесы затерялись в тумане, а потом вдруг...

Внезапно он зол, как шершень, обклеивает стены квартиры Зары газетными вырезками, звонит едва знакомым людям, возмущается у телевизора, забрасывает наши любимые английские газеты письмами, которые, понятное дело, никто не читает, не говоря уж о том, что не публикует.

А что, собственно, произошло для него такого, чего не происходило раньше?

Он пережил Тэтчер и Фолклендские острова. Он наблюдал, как английские школьники демонстрировали живучесть духа Черчилля, скандируя: «Правь, Британия!» — когда торопливо зафрахтованные круизные лайнеры и древние миноносцы отправлялись на освобождение Фолклендов. Наша лидерша приказала ему возрадоваться потоплению «Бельграно»¹. Его чуть не вытошнило. К счастью, желудок оказался крепким.

Юным школьником, в девятилетнем возрасте, он разделял радость майора по поводу успеха наших доблестных британских вооруженных сил, спасших попавший в беду Суэцкий канал... чтобы увидеть, что он остался в руках прежних владельцев, и узнать, что правительство тогда, как и теперь, бессовестно лгало об истинных причинах, заставивших нас втянуться в войну.

В лживости и лицемерии политиков он не видел ничего нового для себя. Они такие по определению. Тогда с чего такое возмущение? Зачем вскакивать на импровизированную трибуну и бессмысленно протестовать против всего того, что продолжается на протяжении всей истории человечества, начиная с момента, когда первый политик на земле впервые в жизни солгал, завернувшись во флаг, призвав на помощь господ, а потом лицемерно заявил, что ничего такого и не говорил?

Это старческая нетерпимость, проявившаяся

---

¹ «Бельграно» — крейсер аргентинских ВМФ, потопленный англичанами во время Фолклендской войны.

слишком уж рано. Это злость из-за того, что одно и то же шоу повторяют слишком уж много раз.

Это осознание, что «творцы» истории очень уж часто используют нас всех, отсюда и желание не допустить этого вновь.

Это открытие, на шестом десятке, через пятьдесят лет после крушения Империи, что плохо управляемая страна, ради благополучия которой он хоть что-то да сделал, брошена, на основании откровенной лжи, на подавление туземцев, с тем чтобы ублажить отступившуюся от веры супердержаву, которая думает, что может относиться к остальному миру как к своему придатку.

И какие нации оказываются самыми громогласными союзниками Тедди Манди, когда он делится своим мнением с теми, кто достаточно цивилизован, чтобы выслушать его?

Гадкие немцы.

Вероломные французы.

Неотесанные русские.

Три нации, у которых достало мужества и здравого смысла сказать *нет*, и хотелось бы, чтобы они продолжали в том же духе.

Кипя от праведного гнева, Манди пишет Кейт, своей бывшей жене, которая за все свои грехи вознаграждена высокой должностью в новом правительстве. Письмо, возможно, не столь дипломатичное, как следовало бы, но, видит бог, мы были женаты не один год, у нас общий ребенок. Ответ — четыре строчки, с подписью-факсимиле, извещающий о том, что она учтет его позицию.

Манди взывает к своему сыну Джейку, который после нескольких неудачных попыток все-таки поступил в Бристольский университет, требуя, чтобы

он и другие студенты вышли на улицы, строили баррикады, бойкотировали занятия, заняли кабинет вице-канцлера¹. Но Джейк в эти дни больше прислушивается к Филипу, и у него нет времени для заморских отцов в климактерическом возрасте, которые еще не обзавелись электронной почтой. А рукописный ответ выше его сил.

Поэтому Манди марширует, как в отдаленном прошлом маршировал с Ильзе или с Сашей в Берлине, но с убежденностью, какой не было прежде, потому что теперь он выражает собственное мнение, а не позаимствованное у других. Это, разумеется, удивительно, что гадкие немцы выходят на демонстрации против войны, которую осуждает их государство, но, благослови их бог, выходят. Возможно, потому, что лучше многих знают, как это легко — соблазнить доверчивый электорат.

Вот Манди и марширует с ними, а также Зара, Мустафа и их друзья, и еще призраки Рани, Ахмеда, Омара и Али плюс игроков Кройцбергского крикетного клуба. Марширует вся школа Мустафы, и Манди марширует вместе со школой.

Маршируют прихожане мечети, вместе с ними маршируют полицейские, и Манди удивительно видеть полицейских, которым война нужна не больше, чем марширующим. После марша вместе с Зарой и Мустафой он идет в мечеть, а после мечети грустно сидят над чашечками с кофе в углу кебабной Зары с прогрессивным молодым имамом, который проповедует важность знаний, поскольку только они могут противостоять опасной идеологии.

---

¹ Вице-канцлер — фактический глава университета, избирается или назначается главным руководящим органом университета на срок от двух до четырех лет.

Дело в том, что Манди становится настоящим после стольких лет притворства. Дело в том, что он противостоит человеческому самообману, начиная с самого себя.

* * *

— Я слышал, твой маленький премьер-министр — не пудель американского президента, а его *слепая собака*, — говорит Саша, словно заглядывая в мысли Манди. — Поддерживаемый английской *корпоративной прессой*, он демонстрирует безграничную преданность *американскому империализму*. Некоторые даже утверждают, что это вы, англичане, вырвались вперед.

— Меня бы это не удивило, — отвечает Манди, выпрямляется, вспоминая, что уже читал об этом, возможно, в «Зюддойче».

— Поскольку так называемая коалиция, начав неспровоцированное нападение на Ирак, *нарушила как минимум половину международных правовых норм и продолжающейся оккупацией намерена нарушить вторую половину*, не следует ли нам настаивать на том, чтобы основные зачинщики этой кампании предстали перед Международным трибуналом в Гааге?

— Неплохая идея, — сухо кивает Манди. Знает, это не Сашина идея, он где-то ее подхватил и использует для красного словца.

— Пусть Америка *официально объявила, что на нее не распространяется юрисдикция таких вот судов*.

— Пусть объявляет, чего хочет. — Он высказывал аналогичную мысль в битком набитом зале «Полтергейста» лишь две недели тому назад, после того, как услышал что-то такое в выпуске новостей «Всемирной службы Би-би-си».

И внезапно Манди вскипает. Он сыт по горло, и не только этим вечером. Надоели ему все эти игры. Он не знает, что именно замыслил Саша, но нет у него никаких сомнений, что Сашины планы ему не понравятся, как не нравится самодовольная ухмылка на его физиономии. И он уже собирается что-то высказать, а может, и все подряд, но Саша опережает его. Их лица совсем рядом, их освещают рождественские свечи с берлинского чердака. Саша хватается за предплечье. Темные глаза, несмотря на стоящие в них боль и отчаяние, сверкают энтузиазмом.

— Тедди?

— Что еще?

— Хочу задать тебе только один вопрос. Я уже знаю ответ, но хочу услышать его от тебя лично. Я обещал. Ты готов?

— Сомневаюсь.

— Ты веришь собственной риторике? Или все эти возмущенные крики — способ самозащиты? Ты — англичанин в Германии. Может, поэтому ты считаешь, что твой голос должен быть услышан? Тут все понятно. Я тебя не осуждаю, только спрашиваю.

— Ради бога, Саша! Ты надел берет. Затащил меня сюда. Лыбишься, как Мата Хари. Бросаешь мне в лицо мои собственные слова. А теперь, будь любезен, снеси наконец яичко и объясни: что все это значит?

— Тедди, пожалуйста, ответь мне. Я принес невероятную надежду. Для нас обоих. Возможность, о которой мы не могли даже мечтать. Для тебя мгновенное избавление от материальных забот. Ты сможешь вновь стать учителем, твоя мечта о мультикультурном обществе станет явью. У меня появится ауди-

тория, какую я не мог себе и представить. Похоже, ты собрался уснуть.

— Нет, Саша. Просто слушаю, не глядя на тебя. Иногда так лучше.

— *Это война лжи. Ты согласен? Наши политики лгут прессе, они видят свою ложь напечатанной и называют ее общественным мнением.*

— Это твои слова или я их тоже где-то украл?

— Это слова великого человека. Ты с ними согласен? Да или нет?

— Хорошо: да.

— *Множественно повторенная, ложь становится непреложным фактом, на котором строится новая ложь. Потом мы получаем войну. Эту войну. Тоже его слова. Ты согласен с ними? Пожалуйста, Тедди! Да или нет?*

— Опять да. И что?

— *Это нарастающий процесс. По мере увеличения количества лжи, все больше слез требуется, чтобы ее оправдать. Ты по-прежнему соглашаешься?*

Манди ждет следующей цитаты, и что нарастает, так это его злость.

— *Для любого лидера самый легкий и дешевый способ втянуть свою страну в войну — выдвинуть ложные обвинения. И каждого, кто идет на такое, следует гнать с должности. Это слишком резкое для тебя заявление, Тедди, или ты согласен и с ним?*

Манди наконец-то взрывается.

— *Да, да, да. Тебя это устраивает? Я согласен с моей риторикой, твоей риторикой и риторикой твоего последнего гуру. К сожалению, как мы выяснили на собственном опыте, риторика не останавливает войну. Так что спокойной ночи и спасибо тебе; и позволь мне уехать домой.*

— Тедди. В двадцати милях отсюда сидит человек, который посвятил жизнь и состояние гонке вооружений за правду. Это его выражение. Послушать его — все равно что подняться на новый уровень мышления. Ничего из того, что ты услышишь, не встревожит тебя, не подвергнет опасности, не принесет вреда. Возможно, он сделает тебе некое предложение. Удивительное, уникальное, потрясающее предложение. Если ты примешь его, а он примет тебя, далее ты пойдешь по жизни неизмеримо более богатым, как духовно, так и материально. У тебя начнется эпоха Возрождения. Если вы не достигнете договоренности, я дал ему слово, что о его секретах от тебя никто не узнает. — Пальцы на предплечье Манди сжимаются сильнее. — Ты хочешь, чтобы я льстил тебе, Тедди? Ты этого ждешь? Хочешь, чтобы я умасливал тебя, как это проделывал наш дорогой Профессор? Завлекал дорогими обедами? Эти времена уже в прошлом.

Манди чувствует себя глубоким стариком. Пожалуйста, думает он. Мы это уже проходили. Знаем все от «а» до «я». В нашем возрасте нам не до новых игр.

— Как его зовут? — устало спрашивает он.

— У него много имен.

— Мне хватит и одного.

— Он — философ, филантроп, отшельник и гений.

— И шпион, — предполагает Манди. — Он приходит и слушает меня в «Полтергейсте», а потом пересказывает тебе услышанное.

Но Сашин энтузиазм этим не унять.

— Тедди, у него огромные богатство и власть. Информацию приносят ему, как дань. Я упомянул ему твое имя, он ничего не сказал. А неделей позже

вызвал меня. «Твой Тедди в Лидендорфе, несет всякую чушь английским туристам. У него жена-мусульманка и доброе сердце. Сначала мы должны установить, действительно ли он сочувствует нашим идеям. Если да, ты объяснишь ему принцип. Потом приведешь ко мне».

Принцип, повторяет про себя Манди. Войны не будет, но следование принципу иной раз не оставляет камня на камне.

— С каких это пор ты водишь знакомство с богатыми и влиятельными людьми? — спрашивает он.

— С того момента, как встретил его.

— Как? Что произошло? Он выпрыгнул из торта?

Скептицизм Манди выводит Сашу из терпения, и он опускает руку.

— В одном из университетов Ближнего Востока. В каком именно, мне непонятно, а он не говорит. Возможно, в Адене. Я год преподавал в Адене. Может, в Дубае, Йемене или Дамаске. Или еще дальше на восток, в Пенанге, власти которого пообещали переломать мне ноги, если к утру я не уеду. Он только говорит, что попал на одну мою лекцию akurat перед тем, как закрылись двери аудитории, сидел в задних рядах, и его глубоко тронули мои слова. Он ушел до того, как начались вопросы, но приказал своим людям добыть текст моей лекции.

— И о чем была лекция? — Манди хочет предположить, что речь шла о социальном происхождении человеческого знания, но врожденная доброта оставливает его.

— О порабощении глобального пролетариата корпоративно-военным союзом, — с гордостью объявляет Саша. — О неразрывности промышленной и колониальной экспансии.

— За такую лекцию я бы переломал тебе ноги. И как Тот, У Кого Много Имен, зарабатывает свои деньги?

— Нечестным путем. Он обожает цитировать Бальзака. «За каждым большим состоянием стоит одно большое преступление». Он заверяет меня, что Бальзак не знал, о чем говорил. Большое состояние требует множества преступлений. Дмитрий совершил их все.

— Вот, значит, какое у него имя. Одно из них. Дмитрий.

— На этот вечер, для нас, это его имя.

— Дмитрий...

— Мистер Дмитрий.

— Он из России? Греции? Где еще распространено имя Дмитрий? В Албании?

— Тедди, это не важно. Этот человек — гражданин всего мира.

— Так же, как мы. Так из какого он кусочка этого мира?

— На тебя произведет впечатление, если я скажу, что паспортов у него не меньше, чем у мистера Арнольда?

— Ответ на мой вопрос, Саша. Как он заработал свои чертовы деньги? Торговля оружием? Наркотики? Поставки белых проституток? Или что-то действительно ужасное?

— Мы ломимся в открытую дверь, Тедди. Я ничего не исключаю. Так же, как и Дмитрий.

— Значит, это покаяние. Грязные деньги. Он выжал все, что мог, из нашего шарика, а теперь собирается отстроить его заново. Можешь мне не говорить, он — американец.

— Это не покаяние, Тедди, не чувство вины, и,

насколько мне известно, он — не американец. Это реформа. Мы не должны быть лютеранами, чтобы верить в возможность реформирования человека. В то время, когда он случайно услышал мою лекцию, он странствовал по свету в поисках веры, как когда-то ты и я. Все подвергал сомнению и ничему не верил. Он — интеллектуальный зверь, умный, озлобленный и необразованный. Прочитал множество книг с тем, чтобы обрести знания, но еще не определился со своей ролью в этом мире.

— А потом набрел на тебя. И ты указал ему путь, — говорит Манди, опирается подбородком на руку, закрывает глаза, чтобы успокоиться, и чувствует, что дрожит всем телом, от пяток до макушки.

Но Саша не дает ему успокоиться. В своем энтузиазме он не знает жалости.

— Почему ты столь циничен, Тедди? Разве тебе не приходилось стоять в очереди на автобус и подслушать с десятков слов, выразивших что-то такое, что давно было в твоём сердце, но ты этого не знал? Мне повезло в том, что я произнес этот десяток слов. Он мог услышать их где угодно. Уже в то время, когда их произносил я, они слышались на улицах Сиэтла, Вашингтона, Генуи. Когда идет атака на осьминога корпоративного империализма, звучат одни и те же слова.

Манди вспоминает, как однажды написал Юдит о том, что под ногами у него нет твердой опоры. Нет ее и теперь. Он снова в Веймаре. Я — абстракция, беседующая с другой абстракцией о третьей.

— Итак, мистер Дмитрий тебя услышал, — говорит он тоном человека, восстанавливающего картину преступления. — Он стоял в твоей очереди на автобус. И его потрясло твое красноречие. Как и нас

всех. А теперь позволь повторить вопрос. Как ты с ним встретился? Когда он стал для тебя плотью и кровью? Или тебе не дозволено говорить?

— Он послал ко мне эмиссара. Точно так же, как послал меня поговорить с тобой.

— Где? Когда? Кого он послал?

— Тедди, мы не в «Белом отеле».

— И мы никого больше не обманываем. С этим покончено. Мы можем говорить, как двое нормальных людей.

— Я был в Вене.

— Зачем?

— Конференция.

— О чем?

— Интернационалисты и либералы.

— И?

— Ко мне подошла женщина.

— Мы ее знаем?

— Я видел ее впервые. Сказала, что знакома с моей работой, и спросила, не соглашусь ли я повидаться с ее другом, известным человеком, который хочет со мной познакомиться.

— Значит, у нее тоже не было имени.

— Кольбах. Мария Кольбах.

— Возраст?

— Не важно. О постели речи идти не могло. Лет сорок пять.

— Откуда?

— Она не сказала, я не спрашивал. Говорила с венским акцентом.

— Работала на кого?

— Может, на Дмитрия. Не знаю.

— Она участвовала в конференции?

— Она этого не говорила, а ее фамилии не было в списках как организаторов, так и участников.

— Что ж, во всяком случае, ты посмотрел. Фрейлейн или фрау?

— Она не сказала.

— Дала тебе визитку?

— Нет. И я не просил.

— Показала тебе водительское удостоверение?

— Тедди, я думаю, ты несешь чушь.

— Ты знаешь, где она живет, если у нее есть дом?

Ты нашел ее номер в венском телефонном справочнике? Почему мы связываемся с гребаными призраками? — Краем глаза он ловит обиду на лице Саши и сдерживается. — Ладно. Она подходит к тебе. Задает вопрос. И ты говоришь, да, фрау или фрейлейн Кольбах, я хотел бы встретиться с вашим другом, известным человеком. И что произошло *потом*?

— Меня приняли на большой вилле в одном из лучших районов Вены, назвать который я не вправе. Не могу рассказать и о содержании нашей дискуссии.

— Как я понимаю, она отвезла тебя туда.

— Машина ждала у конференц-холла. Нас отвез шофер. Конференция закончилась. Никаких других встреч у меня не было. Когда мы прибыли на виллу, она позвонила в звонок, представила меня секретарю и отбыла. Какое-то время спустя меня провели в зал, где я впервые и увидел Дмитрия. «Саша, — сказал он, — у меня огромное, нажитое незаконным путем состояние, я изучаю жизнь, которая невидима обычным людям, высоко ценю твои убеждения и хочу предложить тебе очень важную миссию, но, если ты не готов взяться за ее выполнение в одиночку, пожалуйста, скажи мне об этом сразу и уйди». Я спросил, легитимна ли миссия. Он ответил, больше чем

легитимна, жизненно важна для благополучия человечества. Вот тогда я и поклялся никому ничего не говорить. А потом, в течение нескольких часов, он рассказывал о своих замыслах.

— И что же это за...

Саша, великий двойной агент, исчез. На его месте сидит неисправимый мечтатель с берлинского чердака.

— Это миссия, для выполнения которой у меня и моего спасителя и друга Тедди Манди есть все необходимое. Эта миссия одновременно позволит нам реализовать все наши желания.

— И ты, разумеется, сказал да.

— Без малейшего колебания. После того, когда он мне все рассказал, мне просто не терпелось взяться за дело.

Манди уже поднялся из-за стола и стоит у окна, спиной к Саше. Далеко внизу догорают остатки праздника. Озеро черное и спокойное. Горы за ним — тени на затянутом облаками небе.

— Где ты виделся с ним в последний раз?

— В Париже.

— На другой вилле?

— В квартире. Такой большой, что до туалета я бы с удовольствием добирался на велосипеде.

— А до того?

— Только в Вене.

— Так как же вы общаетесь? Оставляете друг другу записки под камнями? — Саша предпочитает не отвечать на этот остроумный вопрос, поэтому Манди задает другой: — Он знает, что мы работали вместе?

— Он знает, что в Берлине ты был радикалом, которого избили фашисты, как в свое время фашисты

избили его. Он знает, что ты пожертвовал собой ради друга.

— Как насчет тебя?

— Пожалуйста?

— Он знает, что ты выполнял кое-какие поручения мистера Арнольда?

— Ему известно, что всю мою жизнь я боролся с тиранией тем оружием, до которого мог дотянуться. Тедди!

Теперь уже раздражение слышится в голосе Саши. Он вскакивает, подходит к стоящему у окна Манди, протягивает к нему руки.

— Хватит, Тедди! Или ты не понимаешь, какие добрые слова я произнес о тебе? Когда Дмитрий спросил, встречался ли я в прошлом с хорошими людьми, умными, свободно мыслящими, мужественными, твердо стоящими на ногах, и о ком я сразу подумал, как не о Тедди? Когда он разъяснил мне, ясно и понятно, как мы сможем изменить мир, рядом с собой я увидел именно тебя, и только тебя! — Он отступает на шаг, руки падают, он ждет ответа Манди, но тот по-прежнему смотрит на черное озеро и тени гор на дальнем берегу. — Мы неразделимы, Тедди. Я в этом убежден. Мы столько выдержали вместе. Теперь мы вместе можем победить. Дмитрий предлагает все, что тебе нужно: деньги, цель, полнокровную жизнь. Что ты потеряешь, выслушав его?

«О, совсем ничего, — думает Манди. — Зару, Мустафу, мое счастье, мои долги».

— Возвращайся в Мюнхен, — презрительно предлагает Саша. — Лучше бояться неизвестного и ничего не предпринимать. Тогда ты будешь чувствовать себя в безопасности.

— Что произойдет, если я выслушаю его и скажу «нет»?

— Я заверил его, что ты, как и я, человек чести, умеющий хранить секреты. Он предложит тебе королевство. Ты можешь отказаться от него, но не должен об этом говорить.

Различаемся мы в одном, отмечает про себя Манди. Саша мыслит по-крупному, я — по-мелкому. Потому мы и дополняем друг друга. Так что давай думать о том, как вставить Заре зубы и купить Мустафе компьютер, о котором мальчишка мечтает. Возможно, он даже научит меня отправлять электронные письма Джейку.

— Змеиное масло, — вдруг говорит он по-английски и смеется. Саша его не поддерживает, наоборот, хмуро смотрит, сведя брови к переносице. — То, что мошенники продавали доверчивым людям. Собственно, именно то, что я продал Профессору.

— И что?

— Может, пришло время, когда и мне пора прикупить этого продукта. Кто сядет за руль?

Не решаясь ответить, Саша делает глубокий вдох, крепко закрывает глаза, открывает, торопливо пересекает комнату. У телефонного аппарата, по памяти набрав номер, расправляет плечи, в партийном стиле, как принято перед тем, как обратиться к начальству.

— В сторожке через час, — докладывает он и кладет трубку.

— Примут меня в таком виде? — спрашивает Манди, указывая на рабочую одежду.

Саша, который чаще не понимает иронии, оглядывает Манди с головы до ног. Его взгляд задерживает на «Юнион Джеке», который нашит на нагруд-

ный карман почтенного возраста пиджака спортивного покроя. Манди сдирает нашивку и убирает в карман.

* * *

Внимание Саши полностью поглощено дорогой. Он — усердный ученик, смотрит прямо перед собой, поверх рулевого колеса, иногда гудит или мигает фарами тем, кто едет не так, как ему хочется.

Он знает дорогу, и это хорошо, потому что через несколько минут после отъезда Манди — топографический кретин, как обычно, уже не понимает, в каком направлении они едут. Поначалу полагает, что на юг, но скоро они попадают на серпантин у подножия высоких гор. Луна, ранее покинувшая их, появляется вновь, во всей красе, освещая луга и превращая дороги в белые реки. Они въезжают в лес, спускаются по аллее, обсаженной хвойными деревьями. Лось смотрит на них в свете фар, потом растворяется в лесной темноте. Чуть впереди, почти над капотом, пролетает сова, блеснув белым брюшком.

Они поворачивают направо, начинают подниматься и через десять минут добираются до вырубки, на которой лежат складированные стволы деревьев. Манди вспоминается другая вырубка, около Праги, где Саша рассказал, что его отец — шпион Штази. Они вкатываются по бетонному пандусу в ангар, достаточно большой, чтобы приютить цеппелин. Полдюжата дорогих автомобилей, немецких и австрийских, стоят рядком, словно на продажу. Отдельно от них припаркован черный джип. Саша подъезжает к нему.

Джип новый, американский, с множеством хромированных деталей и фонарей. За рулем неподвиж-

но сидит тощая женщина средних лет, с повязанным на голове платком. Манди приходит мысль, что это та самая женщина, которая рылась в сумочке, когда он поднимался по винтовой лестнице три часа тому назад, но Сашу он об этом не спрашивает. Никто друг с другом не здороваются. Саша вылезает из «Ауди», предлагает Манди сделать то же самое. Женщина по-прежнему смотрит прямо перед собой, сквозь ветровое стекло джипа. Манди говорит: «Добрый вечер», — но она его игнорирует.

— Куда мы едем? — спрашивает он.

— Нам предстоит еще одна короткая поездка, Тедди. Наш друг предпочитает гостеприимство Австрии. Ему так удобнее.

— У меня нет паспорта.

— Паспорт тебе не потребуется. Граница здесь номинальная.

Я изучаю жизнь, которая невидима обычным людям.

Саша забирается в джип. Манди — следом. Не включая фар, женщина выруливает из ангара, вниз по пандусу. Она в кожаных перчатках. Как и женщина на лестнице. Выключает двигатель, к чему-то прислушивается, вероятно, ничего тревожного не слышит. А потом, включив фары, бросает джип в черноту горы и с огромной скоростью начинает подъем.

Заросший лесом склон — стена смерти, и женщина безумна в попытке штурмовать его. Манди хватается за ручку двери. Деревья растут вплотную. Женщине не удастся втиснуть джип между ними. Тропа такая крутая, а скорость так *высока!* Никто не сможет удержать машину на такой скорости, но женщине это удастся. Она справляется с этим блестяще. Эдинбургские академики гордились бы ею. Затянутая в

перчатку рука так ловко орудует ручкой переключения скоростей, что джип даже не дергается.

Стену они преодолели. В лунном свете Манди видит лежащие внизу четыре долины, напоминающие спицы белого колеса. Она ведет джип между скал и валунов по заросшему травой плато. Наконец они вновь на асфальте, спускаются по пологому склону к большому реконструированному фермерскому дому, окруженному сараями и коттеджами. Из трубы дома поднимается дымок. На окнах ящики с геранью. Женщина ставит джип на ручник, открывает дверцу и уходит. К джипу направляются двое накачанных молодых людей в куртках с капюшонами, чтобы проводить их в дом.

«На Эстель-роуд, — думает Манди, — я как-то открыл дверь таким вот молодым людям, и оказалось, что они мормонские миссионеры из Миссури, которые хотели спасти мою душу. Что ж, я не поверил им тогда, не верю и теперь».

* * *

Комната, в которой они ждут, длинная, обшитая деревом, пахнувшая изюмом и медом. Диваны обиты цветастым ситцем, на кофейном столике новенькие глянцевые искусствоведческие журналы. Манди сидит и пытается заинтересовать себя статьей о пост-модернистах в архитектуре, тогда как Саша меряет комнату шагами. «Прямо-таки Мустафа, которого я приводил к доброму турецкому доктору, — думает Манди. — Через минуту он скажет, что у него ничего не болит и он хотел бы пойти домой».

— Уже бывал здесь, Саша? — спрашивает Манди, чтобы разогнать тишину.

Саша лодочками прикладывает руки к ушам.

— Нет, — шипит он.

— Значит, только в Вене и Париже?

— Тедди, пожалуйста. Это неудобно.

Манди вспоминает об истине, которую он познал на собственном опыте: люди, которые находятся в состоянии постоянной войны с властью, любят это состояние.

На пороге возникает чистенько вымытая блондинка в деловом костюме.

— Мистер Манди?

— Он самый! — радостно вскрикивает Тед и вскакивает, потому что находится в присутствии дамы.

— Ричард хотел бы поговорить с вами, если вас это не затруднит. Пройдите, пожалуйста, со мной.

— Ричард? Кто такой Ричард?

— Ричард занимается бумагами, мистер Манди.

— И что это за бумаги? — Он хочет слышать ее голос. По голосу можно многое сказать о человеке.

— Ничего особенного, сэр. Ричард вам все объяснит, я в этом уверена.

Вассар¹ с немецким акцентом, решает он. Вежливость стюардессы. Еще один вопрос, сэр, и я сверну вашу гребаную шею. Он смотрит на Сашу, чтобы понять, относится ли приглашение и к нему, но Саша стоит к ним спиной, рассматривает репродукцию с крестьянами в национальной тирольской одежде. Блондинка из Вассара ведет Манди по коридору, украшенному оленьими рогами, и вверх по узкой лестнице. На стенах мушкеты и оловянные тарелки. Старинная сосновая дверь приоткрыта. Она стучит, толкает дверь и отступает в сторону, чтобы Манди мог

---

¹ Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в Покипси, штат Нью-Йорк. Основан в 1861 г.

протиснуться мимо нее. «Я в кино, — думает он, когда их бедра едва соприкасаются. — Джеймс Бонд прибывает с визитом в замок великана-людоеда. Через минуту она введет мне в вену сыворотку правды».

— Как вас зовут? — спрашивает он.

— Джанет, сэр.

— А я — Тед.

Ричард тоже светловолосый и такой же чистенький. Волосы коротко стриженные. У него плечи качка, на нем синий блейзер и синий галстук стюарда авиакомпании. Он сидит в квадратной, обшитой деревом комнате, размером чуть больше сауны, за маленьким красным столом. Рукопожатие крепкое, ясно и то, что он спортсмен. Возможно, девушка тоже дружит со спортом. На столе нет ни телефона, ни компьютера, никаких технических средств, облегчающих жизнь клеркам. Только одна папка — и та закрыта. Никто не удосужился написать на ней «ПАПКА». Ричард упирается подушечками пальцев в стол по обе стороны папки, словно собирается левитировать.

— Надеюсь, вы не станете возражать, если я буду называть вас Тед? Некоторые англичане такие чопорные!

— Только не этот англичанин, Ричард, заверяю вас! — Он уже разобрался с акцентом Ричарда: скандинав, каждое предложение — что жалоба.

— Тед, мистер Дмитрий считает необходимым выплачивать разовое вознаграждение всем своим потенциальным работникам, вне зависимости от того, как закончится собеседование. Вознаграждение — тысяча долларов наличными, выплачиваемое после подписания контракта о найме на работу на один день. Вас это устраивает, Тед?

Предложение денег всегда приводит Манди в замешательство. Так что с его губ срывается смешок, он прикладывает руку ко рту, говорит: «Полагаю, я могу заставить себя пойти на такое», — и вновь следует смешок.

— Контракт очень короткий, Тед. Ключевое слово — *конфиденциальность*. — Видно, что Ричард овладел своей ролью в совершенстве. — По его условиям вам запрещается раскрывать кому-либо содержание ваших дискуссий с мистером Дмитрием и его сотрудниками. А также упоминать о самом факте этих дискуссий. Вам все понятно? Вы согласны с этим условием? Тогда взгляните на контракт, пожалуйста. Не подписывайте, пока не прочитаете его. Мы говорим, что это жизненная аксиома.

Мы, значит? Ну и ну. *Жизненная аксиома*, никак не меньше. Простой лист бумаги высокого качества. Ни логотипа фирмы, ни адреса, ни даты. Три абзаца текста, распечатанные на лазерном принтере. Некая организация, именуемая Фонд «Новая планета», готова на один день воспользоваться услугами Теда Манди. В ответ мистер Манди берет на себя обязательство не говорить, не писать, не описывать каким-либо способом, не рассказывать, не передавать, не раскрывать, не обнародовать... и прочие глаголы, которыми адвокаты, *все они говнюки*, превращают простую мысль во что-то неудобоваримое... того, что происходило или не происходило с ним в замке великана-людоеда.

Манди подписывает, они вновь обмениваются рукопожатием. Рука Ричарда сухая и жесткая. После того как он достаточно долго тряс руку Манди, Ричард лезет во внутренний карман блейзера и достает запечатанный желтый конверт. Не из ящика стола,

попрошу заметить, не из сейфа, не из денежного ящика, а из внутреннего кармана, расположенного у сердца. И расписка ему совершенно не нужна.

Ричард открывает дверь, опять рукопожатие, для кино- и фотокамер, да только, насколько известно Манди, их нет и в помине. В коридоре ждут еще двое в куртках с капюшонами. Белые лица, черные аноракки, мертвые лица. Мормоны признали бы их своими.

— Сэр, мистер Дмитрий сейчас вас примет.

* * *

Два блейзера охраняют резные двери, но эти, в отличие от блейзера Ричарда, зеленые. «Кто-то *тщательно* продумал гардероб сотрудников», — думает Манди. Один хлопывает его, второй укладывает в неглубокую корзину жалкие вещи пленника: мятую оловянную фляжку, нашивку с «Юнион Джеком», сотовый телефон устаревшей модели, измятый экземпляр «Зюддойче», чаевые в разных валютах, собранные у выходной двери Линдерхофа, связку ключей от квартиры, тысячедолларовый конверт.

Резные двери распахиваются, Манди переступает порог и ждет первой встречи с миллиардером, философом, филантропом, отшельником и гением, который принял решение посвятить свою жизнь и состояние Саше и гонке вооружений за правду. Но видит лишь пухлого мужичонку в мешковатых тренировочных брюках и футболке, прогуливающегося по комнате, и двух мужчин в костюмах, которые сверлят его взглядами, стоя у противоположных стен.

— Мистер Манди, сэр, мне сказали, что ваши взгляды на последние события в мире полностью совпадают с Сашиными и моими. — Если Манди и собирается отвечать, то напрасно: Дмитрий не дает ему

времени. Ухватывает за левый бицепс и кружит по комнате уже вместе с ним. — Это Свен, это Анджело. — Он не представляет их, скорее выключает из разговора. — Для меня они подхватят говно, вылетающее из сраки. Детали нынче меня не интересуют, мистер Манди. Как и Саша, я предпочитаю мыслить по-крупному. Эта война в Ираке незаконна, мистер Манди. Это преступный и аморальный заговор. Никто союзников не провоцировал, никакой связи с «Аль-Каидой», никакого оружия Армагеддона. Байки о совместной деятельности Саддама и Усамы — полнейшая чушь. Это старая колониальная война за нефть, изображаемая крестовым походом за спасение западного образа жизни и демократии, и развязала ее клика агрессивных иудео-христианских геополитических выдумщиков, которая захватила средства массовой информации и воспользовалась психопатией Америки, развившейся после 11 сентября.

Манди вновь задается вопросом, а должен ли он что-нибудь добавить, но и на этот раз Дмитрий не предоставляет ему выбора. Голос его такой же резкий, как и движения, лающий, отрывистый голос. По разумению Манди, родом этот голос из Ливана, набирал силу на Балканах, а оттачивался в Бронксе, так он прикидывает про себя, благо время для этого есть: что-то от грека, что-то от араба, наконец, что-то от американского еврея, и все слито в английский коктейль, который так и не перемешался. Дмитрий говорит на языке матери? Манди в этом сомневается. Дмитрий такой же сирота, как и он сам, Манди это чувствует: сын доков, человек-нож, изобретатель собственных жизненных правил.

— Для того чтобы начать такую войну, говорил мне Саша, требуется совсем немного: нужно, чтобы

несколько хороших людей ничего не сделали, остались молчаливыми свидетелями. Что ж, они ничего и не сделали. Хорошие ли они люди, это другой вопрос. Демократическая оппозиция все просрала. Сидеть дома, петь патриотические песни и не высываться, пока на улице не станет спокойно, вот их позиция. Господи Иисусе, да разве это оппозиция? Где их нравственное мужество? Может, я слишком спешу, мистер Манди? Люди упрекают меня, что я не даю им времени подумать. Вам нужно время подумать?

— О, я успеваю, спасибо вам.

— Я уверен, что успеваете. У вас интеллигентное лицо, добрые глаза, вы мне нравитесь. Иран — следующий на очереди, Сирия, Корея, на выбор. Простите меня, хозяин я никудышный. Забываю о важной роли, которую сыграл ваш английский премьер-министр, без его участия война бы, возможно, и не началась. — Резкий поворот на месте. — Мистер Манди выпьет чаю, Анджело. Он женат на турчанке, вроде бы должен пить яблочный чай или кофе, но он выпьет крепкого индийского чая с коровьим молоком и коричневым тростниковым сахаром. Турки повели себя благородно в этой войне, мистер Манди. Вы можете гордиться своей дамой и, думаю, гордитесь.

— Спасибо вам.

Опять поворот.

— Пустяки. Турецкое исламистское правительство отказалось содействовать американскому агрессору, а их военные наконец-то сдержали привычное желание от души врезать по курдам. — Шажок к дивану, чему Манди только рад, потому что голова у него уже кружится, ему кажется, что он одновремен-

но участвует в трех разговорах, хотя сам произнес лишь несколько слов. — Человек должен знать, что происходит вокруг, мистер Манди. И я знаю, как вы еще заметите. Мир по колено утонул во лжи. Пора барашкам съесть льва. Присядьте, пожалуйста, сэр. Вот здесь, справа от меня. Левое ухо у меня не слышит. В свое время один говнюк полез в него крюком, на котором вешают мясные туши, и теперь в нем стоит шум моря. А я не люблю это гребаное море. Я плавал семь лет, потом купил этот корабль и сошел на берег, купил много других кораблей и больше в море не выходил.

Бросая на своего хозяина короткие взгляды, Манди удается нарисовать его образ. Ему никак не меньше семидесяти. Тело заплыло жирком, на лысине почечные бляшки, лицо в глубоких морщинах. Глаза по-детски синие, очень живые, находятся в непрерывном движении, которое только убыстряется, когда он говорит. У Мустафы есть заводная игрушка, которая тоже шевелит глазами, вот почему Манди трудно воспринимать Дмитрия всерьез. У него ощущение, что он сидит слишком близко к сцене и видит неровности макияжа, заколки в парике, проволочки, с помощью которых расправляются крылья.

* * *

Анджело принес Манди чай, а Дмитрию — стакан соевого молока. Манди и Дмитрий сидят на длинном диване, повернувшись друг к другу, как ведущий телевизионной программы и его гость. Свен устроился на стуле с высокой спинкой, вне поля их зрения. На его коленях лежит блокнот для записей. Новенький блокнот. Ручка золотисто-черная, одной

из лучших фирм. Такие в почете у руководства корпораций. Как и Анджело, который любит держаться в тени, Свен худощав и подтянут. Дмитрию нравится окружать себя тощими мужчинами.

— Так кто же вы, мистер Манди? — спрашивает Дмитрий. Он сидит, откинувшись на спинку, пухлые ручки сложены на округлом животике. Ноги в кроссовках не вытянуты вперед, наоборот, подобраны под себя, чтобы не оскорбить собеседника. Возможно, хорошим манерам он учился на Востоке, как Манди. — Вы — английский джентльмен, родившийся в Пакистане, игравший роль студента-анархиста в Берлине, — перечисляет он. — Вы — ценитель немецкой души, который продал Шекспира за королеву, и вы живете с турчанкой-мусульманкой. Так кто же вы? Бакунин, Ганди, король Ричард или Саладин?

— Тед Манди, гид, — отвечает Манди и смеется. Дмитрий смеется вместе с ним, хлопает по плечу, потом потирает его, без этого Манди мог бы и обойтись, но особо не возражает, они такие хорошие друзья.

— Каждая война хуже предыдущей, мистер Манди. Но эта — самая худшая из всех, если мы говорим о лжи, а я говорю именно о ней. Может, потому, что я сам слишком много лгал в этой жизни, эта ложь выводит меня из себя. И неважно, что «холодная война» закончилась. Неважно, что мы глобализированы, транснациональны и так далее. Бьют барабаны, лгут политики, а все верноподданные граждане радостно смотрят, спасибо круглосуточному телевидению, как натягиваются луки, летят стрелы и водружается флаг над захваченной цитаделью. Трижды

ура каждому большому взрыву, и кому какое дело до потерь, если гибнут только враги?

Каким-то образом ему удастся не делать паузы между предложениями, чтобы вдохнуть воздух.

— И не нужно рассказывать мне о старой Европе, — предупреждает он, хотя Манди и не пытается раскрыть рот. — Мы видим перед собой старейшую Америку. Пуритане-фанатики режут дикарей во имя господ... что может быть старше этого? Тогдашний геноцид остается геноцидом и теперь, но тот, кто владеет правдой, хозяин игры.

У Манди возникает мысль замолвить пару слов о самых мощных антивоенных демонстрациях, какие только видел мир, но, с другой стороны, ему ясно, что он на этом собеседовании не для того, чтобы прерывать Дмитрия. А в голосе Дмитрия, пусть и намерения у него мирные, звучит сила. Он не поднимается и не сходит на нет. Дмитрий может вещать о Втором пришествии или о немедленном уничтожении человечества, однако ставить под вопрос его слова себе дороже.

— Маршируя, натираешь мозоли на ногах. Протестуя, срываешь голос и можешь получить башмаком полицейского по зубам. Любой, кто указывает на ложь, радикал и бунтарь. Или исламистский антисемит. Или и первое, и второе. А если ты тревожишься за будущее, пожалуйста, не надо, потому что следующая война уже за углом, но тебе-то волноваться не о чем, просто включи телевизор и наслаждайся еще одной виртуальной бойней, которую показывают на экранах благодаря твоей любимой, несущей всем добро хунте и ее корпоративным паразитам. — Пауза, одна рука отрывается от живота и предлагает вопрос. — Так что же нам делать, мистер Манди?

Что мы должны предпринять, чтобы отнять у вашей страны, у Америки, у любой чертовой страны возможность втягивать мир в войну благодаря хорошо подготовленной лжи, которая при холодном свете дня выглядит так же правдоподобно, как поганки в вашем гребаном саду? Как нам защитить ваших детей и моих внуков, не допустить, чтобы их засосало в эту войну? Я говорю, мистер Манди, о корпоративном государстве и его монополии на информацию. Я говорю о зажиме объективной правды. И я задаюсь вопросом, а как же нам обратить вспять эту волну лжи? Вы бы этого хотели? Разумеется, хотели бы... — отвечает он раньше Манди, — и я тоже хочу. Как и каждый здравомыслящий гражданин этого мира. Я спрашиваю вас снова: что же нам делать, чтобы вернуть благоразумие и здравомыслие на политическую арену, если они там когда-либо были?

Манди мысленно переносится в Республиканский клуб, там еще каждый вечер шли жаркие дискуссии на те же темы и в ход шли те же слова. И теперь, как и тогда, он не находит легких ответов. Но не потому, что у него нет слов. Скорее он чувствует, что появился на сцене в середине пьесы и все, за исключением его, знают сценарий.

— Нам нужен новый электорат? Хрен с два. Вины людей в том, что они не видят правды, нет. Никто не дает им такого шанса. «Смотри сюда, не смотри туда. Если посмотришь туда, ты не гражданин, не патриот, мерзавец». Нам нужны новые политики? Несомненно, нужны, но найти их должен электорат. Вы и я, мы этого сделать не сможем. Но как электорат сможет это сделать, если политики отказываются вступать в дискуссию? Электорат насилуют до того, как он идет к избирательным урнам. Если идет.

На мгновение Дмитрий разрешает Манди подумать, что у него тоже нет готового решения. Но тут же становится ясно, что он лишь выдерживал театральную паузу перед тем, как поднять уровень дискуссии. В театре для усиления последующей сцены иной раз используется музыка. Дмитрий же нацелил пухлый палец в лицо Манди, после чего смотрит ему прямо в глаза.

— Я говорю, мистер Манди, я говорю о том, что для развития западного общества даже важнее избирательной урны. Я говорю о сознательном развращении молодых умов на самой активной стадии их формирования. О лжи, которая вдальбливается им с колыбели корпоративным или государственным манипулированием, если между этой сладкой парочкой еще есть разница, в чем лично я начинаю сомневаться. Я говорю о проникновении корпоративной мощи в каждый университетский кампус в первом, втором и третьем мирах. Я говорю о колонизации образования с помощью корпоративных инвестиций на факультетском уровне, условием которых является насаждение все той же лжи, выгодной для корпоративных инвесторов и губительной для бедолаг-студентов.

«Это у вас здорово получается, — хочет сказать ему Манди. — Роль ваша. А теперь уберите палец в кобуру».

— Я говорю о сознательном подавлении свободной мысли в нашем обществе, мистер Манди, и о том, что нам с этим делать. Я — сирота, мистер Манди. Родился один, рос один. Мое образование никем не направлялось. Ученые смеялись бы надо мной. Тем не менее я приобрел массу книг по этому предмету. — Да, Саша об этом говорил, мысленно соглашается Манди. — Я говорю о таких мыслителях, как

канадка Наоми Клейн, индус Арундати Рои, который предлагает иной способ видения, о ваших англичанах Джордже Манбиоте и Марке Кертисе, австралийце Джоне Рилгере, американце Иоаме Чомски, американском нобелевском лауреате Джозефе Стиглице и франко-американке Сюзан Джордж из Мирового социального форума в Порто-Алегре. Вы читали произведения этих прекрасных писателей, мистер Манди?

— Практически все, — а также практически всего Адорно, практически всего Хоркхаймера, практически всего Маркузе, думает Манди, вспоминая аналогичный допрос в Берлине в одной из прошлых жизней. Я люблю их всех, но не могу вспомнить ни одного написанного ими слова.

— Излагая свою точку зрения, каждый из этих выдающихся писателей говорит мне одно и то же: корпоративный осьминог замедляет естественное развитие человечества. Распространяет тиранию, бедность и экономическую зависимость. Отрицает важнейшие законы экологии. Война — одно из средств распространения корпоративной власти. Корпорации прирастают войной, и последняя война — прямое тому доказательство. Мои слова находят у вас отклик, мистер Манди, или я веду диалог с самим собой?

— Они задевают многие струны моей души, — вежливо заверяет его Манди.

Дмитрий, похоже, подходит к главному тезису своей речи, как, несомненно, уже подходил многократно. Лицо его темнеет, голос крепчает, он наклоняется к своей аудитории.

— Как же всем этим корпорациям удастся завоевать столь крепкие позиции в нашем обществе? Если

они не стреляют, то покупают. Покупают хорошие умы и привязывают их к своим фургонам. Покупают студентов, у которых еще молоко на губах не обсохло, и кастрируют их мыслительные процессы. Создают ложных ортодоксов и вводят цензуру под ширмой политкорректности. Строят здания новых факультетов, диктуют программу обучения, продвигают профессоров, которые целуют им зад, и расправляются с еретиками. *Их единственная цель — увековечить безумную идею безграничной экспансии в конечных пределах одной планеты, с постоянным конфликтом в качестве желаемого результата.* И их продукт — робот с нулевым образованием, известный также как корпоративный руководитель.

Пик достигнут, начинается плавный спуск.

— Мистер Манди, через двадцать лет на Западе не останется ни одного учебного заведения, которое не продаст душу корпоративному фанатизму. Везде будет господствовать одно разрешенное мнение по каждому предмету, от райского сада до розовых прослоек в зубной пасте. Не будет ни одного голоса против, на который обратят внимание, если только не найдутся люди, которые развернут реку вспять и заставят течь в противоположном направлении. Так вот, я — один из этих людей, так же, как и Саша, и я приглашаю вас встать рядом с нами.

Упоминание Саши вырывает Манди из транс. Где он сейчас? Все еще смотрит на тирольских крестьян или перешел к постмодернистской архитектуре? Дмитрий тем временем продолжает, но уже не с дивана, поднявшись. Другие власть имущие, излагая свой план переустройства человеческой цивилизации, могут размахивать руками, но Дмитрий — ко-

роль экономных жестов. Несколько шагов слева направо, столько же в обратном направлении. Руки сцеплены за пухлой спиной. Лишь иногда одна рука отцепляется от другой ради короткого, энергичного взмаха.

Цель его великого плана — *создание академических зон, свободных от корпоративного влияния.*

План предполагает проведение семинаров, на которых будут излагаться *неподкупленные мнения*, мистер Манди, которые будут открыты для всех студентов, независимо от возраста, национальности и поведения, заинтересованных в возрождении побудительных мотивов каждого отдельного человека в двадцать первом столетии.

План предполагает организацию ни больше ни меньше как ярмарки открытых идей, где будут все-сторонне разбираться истинные причины войны и средства ее предотвращения.

И наконец, у его плана есть имя, не несколько имен, как у автора плана, но одно имя, которое останется в веках: Контр-университет, вот так-то, глобальное предприятие, мистер Манди, транснациональное и ускользящее, как корпорации, которым он будет противостоять, независимое от светской или религиозной власти, от правительств или корпораций, финансируемое исключительно за счет огромных ресурсов Дмитрия.

— В Контр-университете не будет догм, — заявляет он, предварительно отойдя на пять шагов от дивана и развернувшись на каблуках. — Мы не собираемся выдвигать доктрины, которые могут стать мишенью для наших корпоративных оппонентов. Как и они, мы, воспользуемся офшорами и ни перед кем не будем нести ответственности. Мы используем

технологию «стелс»¹. Мы станем интеллектуальными партизанами. Мы будем действовать на вражеской территории, подтачивать врага изнутри. Подумайте о вашем прекрасном Оксфордском университете. Представьте себе студента одного из научных факультетов. Он выходит из биологической лаборатории. Удаляется от нее на пару сотен ярдов. День у него выдался трудным. Он видит нашу вывеску, «Контр-университет». Он с утра проводил какой-то корпоративный эксперимент. Он входит, садится, слушает. «Они воспринимают меня как индивидуума, они утверждают, что я должен помнить о долге каждого ответственного гражданина, живущего на земном шаре, которому грозит опасность. Куда меня занесло? — говорит он себе в замешательстве. — У этих парней съехала крыша. Мои корпоративные спонсоры хотят от меня совсем другого. Мне платят не за то, чтобы иметь совесть, мне платят за разработку новых способов насилия над планетой. — Но он продолжает слушать и наконец начинает понимать, о чем, собственно, идет речь. — Эй, а я ведь что-то да значу. Может, для того, чтобы доказать, что я — крутой парень, насиловать планету совсем и не обязательно. Может, мне стоит пересмотреть отношение к ней, может, ее лучше любить». И знаете, что он после этого сделает? Возьмет нашу визитную карточку и буклет. Пойдет домой. А там заглянет на веб-сайт, который мы ему порекомендуем. Веб-сайт еще больше раскроет ему глаза. Скоро он станет видеть себя пионером нового мышления. В его распоряже-

---

¹ Технология «стелс» — использование специальных материалов и методов их обработки, позволяющих техническому устройству, самолету, кораблю, танку, оставаться невидимым на экране радара.

нии будет дюжина таких веб-сайтов, и каждый станет шагом к духовной свободе. Веб-сайты для нашего Контр-университета. Веб-сайты для наших Контр-библиотек. Веб-сайты для грубых, но информативных дебатов среди растущей армии корпоративных ренегатов.

Он останавливается, поворачивается лицом к Манди, чуть наклоняется, чтобы встретиться с ним взглядом. *«Я все понял, — думает Манди. — Вы — Эрих фон Штрохайм в «Бульваре Заходящего солнца».*

— Не верится, не так ли, мистер Манди? Старый псих с деньгами, лезущими из задницы, как дерьмо, думает, что может перестроить мир.

— Я этого не говорил.

— Так скажите хоть что-нибудь. Вы меня нервируете.

Манди наконец-то удается выдать из себя: «А где мое место в этом раскладе?»

* * *

— Насколько мне известно, мистер Манди, совсем недавно вы были совладельцем школы английского языка в Гейдельберге?

Это говорит Свен. Свен, который подхватывает говно, вылетающее из сраки. За Свенем сидит Анджело, со сложенными в тени руками. Утомленный выступлением, Дмитрий плюхается на диван.

— Виновен, — соглашается Манди.

— И задачи школы — учить современному английскому профессионалов бизнеса.

— Верно, — кивает Манди, думая о том, что Свен говорит точно так же, как и один из лучших его учеников.

— И эта школа в настоящий момент закрыта, сэр? До завершения юридических разбирательств?

— Она не работает. В настоящий момент это экс-школа, — беспечно отвечает Манди, но его остроумие, если он и пытался пошутить, не находит отклика в немигающих глазах Свена.

— Но вы по-прежнему совладелец, вместе с вашим партнером Эгоном?

— Технически — возможно. А на практике после дефолта я — единственный владелец школы. Наряду с банком, шестью компаниями-залогодержателями и прочими кредиторами.

— Сэр, что вы можете сказать о статусе школьного здания? Каков он на текущий момент? — Свен открывает папку, которой, судя по всему, о делах Манди известно куда больше, чем самому Манди. «Насчет *текущего момента* я как-то не уверен, — думает Манди-педант. — Почему не *данный момент*, а то и проще — *теперь?*»

— Двери заколочены и закрыты на все замки, — отвечает он. — Здание нельзя использовать, нельзя арендовать, нельзя продать.

— В последнее время вы видели вашу школу, сэр?

— Я предпочитаю не высовываться. Слишком много подано судебных исков. Месяц тому назад проезжал мимо. Сад зарос сорняками.

— Каковы возможности школы?

— Численность студентов? Учителей? О чем вы?

— Сколько человек может одновременно разместиться в самом большом помещении?

— Наверное, шестьдесят. В старой библиотеке. Может, шестьдесят пять. Мы так не работали. Ну, иногда собирали всех на общую лекцию. Обычно студенты занимались небольшими группами в малень-

ких классах. Трое учителей, я, Эгон и еще один мужчина, в группе максимум шесть человек.

— А доход? Деньги? Сколько приносила школа, если вас это не затруднит, сэр?

Манди корчит гримасу. В деньгах он как раз и не силен.

— Этим занимался Эгон. Я могу назвать только очень приблизительные цифры. Значит, так, с каждого студента в час мы брали двадцать пять евро, трое учителей, занятия иной раз начинались в шесть утра, некоторые занимались до работы...

— Конечно. — Свен возвращает его с небес на землю.

— Скажем, три — три с половиной тысячи в день, если нам везло.

Дмитрий вновь подает признаки жизни.

— Ваши студенты, откуда вы их брали, мистер Манди?

— Откуда могли. Мы ориентировались на прослойку молодых менеджеров. Частично из университета, но в основном из местных компаний. В Германии Гейдельберг — столица высоких технологий. Биохимия, коммуникации, программное обеспечение, средства массовой информации, полиграфия, что ни назови. Целый город-спутник, где все жители ускоряют технический прогресс. И университет под боком.

— Я слышал, у вас занимались представители всех национальностей.

— Правильно слышали. Французы, немцы, итальянцы, китайцы, испанцы, турки, тайцы, ливанцы, саудовцы, черная Африка, кто угодно, мужчины и женщины. И множество греков.

Но, если Манди хочет определиться с национальностью Дмитрия, он лишь теряет время.

— Значит, деньги поступали со всего света, — предполагает Свен, когда Дмитрий вновь погружается в молчание.

— К сожалению, в недостаточном количестве.

— То есть они и уходили, сэр?

— Слишком много.

— Тоже по всему свету?

— Только с Эгоном. Поэтому нам едва хватало на жалованье и на оплату счетов.

— Школа работала по уик-эндам, сэр?

— По субботам с утра до вечера, в воскресенье — вечером.

— То есть студенты приезжали и уезжали каждый день, в любое время? В том числе и иностранцы? Приезжали и уезжали?

— В период расцвета.

— И сколько длился этот период?

— Пару лет. Пока Эгона не обуяла жадность.

— Свет горел в окнах всю ночь? Никто не удивлялся?

— Только до полуночи.

— И кто отдал такое распоряжение?

— Полиция.

— Да что полиция понимает в образовательном процессе? — резко встревает Дмитрий.

— Они ответственны за тишину и порядок. Школа расположена в жилом районе.

— У вас были, ну, школьные семестры? — продолжает Свен. — Сейчас, мол, каникулы, а вот это — учебный период.

«Школьные семестры — это любопытно», — думает Манди.

— Теоретически школа работала круглый год. На практике мы следовали заведенному порядку. В августе работать смысла нет, потому что ученики рвутся в отпуск. То же самое можно сказать о Рождестве и Пасхе.

Дмитрий отлепляется от спинки дивана, выпрямляет спину, похоже, уже услышал все, что хотел. Хлопает ладонями по бедрам.

— Хорошо, мистер Манди, а теперь слушайте меня, и слушайте внимательно, потому что вопрос важный, и прежде всего для вас.

* * *

Манди слушает внимательно. Слушает, наблюдает и удивляется. Концентрация максимальная, на большую он просто не способен.

— Мне нужна ваша школа, мистер Манди. Я хочу, чтобы она вновь функционировала, работала как часы, оснащенная всем необходимым: стульями, столами, компьютерами, книгами и так далее. Если мебель продана, закупите новую. Я хочу, чтобы школа выглядела и учила так же, как прежде, до банкротства, а то и лучше. Вы знаете, что такое *противолодочное судно-ловушка*?

— Нет.

— Я видел этот фильм. Старый ржавый корабль на горизонте. Подсадная утка для немецкой субмарины. А потом внезапно на корме поднимается английский флаг, борт отпадает и появляются жерла новеньких пушек. Они разносят субмарину в клочья, все нацисты идут ко дну. Именно эту задачу и будет решать ваша маленькая школа английского языка, когда Контр-университет поднимет свой флаг и объ-

явит корпорациям, что они больше не будут вести мир по своему пути. Назовите дату, мистер Манди. Если завтра святой Николай придет к вам с мешком золота, как скоро вы сможете открыть школу?

— Это должен быть большой мешок.

— Я слышал, с тремястами тысячами долларов.

— Общая сумма долгов зависит от процента, который они насчитают. Дело-то давнее.

— Вы — мусульманин. Вам не следует говорить о процентах. Они противоречат вашей религии.

— Я не мусульманин. Только учусь. — Зачем я все это говорю?

— Триста пятьдесят?

— Последние три месяца я не мог платить обслуживающему персоналу. Чтобы вновь появиться в Гейдельберге, я должен прежде всего расплатиться с ними.

— Умеете вы торговаться. Значит, полмиллиона. Когда вы откроетесь?

— Вас интересует, когда начнется учебный процесс?

— Я спросил: когда?

— Технически — как только сделаем уборку и расставим новую мебель. При удаче, ученики могут найти нас сами, могут и не найти. Но чтобы начать полноценную работу... Сентябрь. Середина.

— Значит, мы можем открыться по-тихому и начать с нескольких студентов, почему нет? Если мы откроемся шумно, нас просто вышвырнут из кампуса. Откроемся по-тихому, только в двух городах, и они решат, что нет смысла связываться с такой мелочевой. Мы откроемся в Гейдельберге и Сорбонне, а уж потом продолжим экспансию. На дверях указано название?

— Да, на медных табличках. Если они сохранились.

— Если сохранились, почистите их. Если таблички сняли, закажите новые. Бизнес у вас тот же — обучение английскому языку. В сентябре, пригласив известных лекторов, мы откинем борт и начнем стрелять. Свен где-нибудь поместит объявление: «Мистер Эдуард Манди возвращается на прежний пост директора школы и готов рассмотреть все претензии». — Синие детские глаза смотрят на Манди, во взгляде читается затаенная боль, даже жалость. — Мистер Манди, выглядите вы не так, как должно. Почему не бросаете котелок в воздух? Вы в депрессии или что? Все-таки человек, которого вы знать не знаете, собирается оплатить полмиллиона ваших долгов.

Изменить выражение лица по заказу не так-то просто, но Манди старается изо всех сил. Ощущение отрыва от реальности, испытанное совсем недавно, возвращается. Мысли у него те же, что и у Дмитрия: почему я не радуюсь?

— А что будет делать Саша? — Это единственный вопрос, который приходит в голову.

— У Контр-университета будет блестящий лекторский состав. Мои люди в Париже сейчас составляют список неподкупных ученых, мужчин и женщин, которые полагают ортодоксальность проклятием свободной мысли. Я надеюсь, что Саша примет участие в отборе лекторов и сам станет одним из них. У него потрясающий интеллект, он — прекрасный человек, я слышал его и верю в него. Он получит должность директора учебных программ. В Гейдельберге займется созданием библиотеки, будет курировать

учебный процесс и поможет с подбором научных кадров.

Дмитрий вскакивает с такой скоростью и решительностью, что Свен и Анджело тут же оказываются на ногах. Поднимается с дивана и Манди. «Прямотаки мое первое посещение мечети, — думает он. — Все встают, и я встаю. Все падают на колени и прикладываются лбом к полоске циновки, и я прикладываюсь и надеюсь, что кто-то слышит мои молитвы».

— Мистер Манди, полагаю, мы обо всем договорились. Свен обсудит с вами административные проблемы. Анджело позаботится о вашем вознаграждении. Ричард уже подготовил короткий контракт, который вы должны подписать. Вы не получите вашу копию контракта, вы не получите никакого письменного подтверждения наших сегодняшних договоренностей.

Пожимая железную руку, Манди вновь ощутил, что влажные, немигающие глаза Дмитрия посылают ему какой-то тайный сигнал. *«Ты пришел сюда сам, ты этого хотел и теперь получил, —* вроде бы читается в этих глазах. *— Так что винить, кроме себя, тебе некого».* Открывается боковая дверь, Дмитрий уходит. Манди не слышит ни удаляющихся шагов, ни шквала аплодисментов под опускающийся занавес. Один из блейзеров уже стоит рядом с Манди, готовый вернуть его игрушки.

* * *

Блондинка в деловом костюме вновь показывает дорогу. Те же анораки наблюдают из теней. Ричард в комнатке наверху сидит за тем же столом. Он сделан из воска? Нет, улыбается. Он ждал здесь весь вечер, в новеньких блейзере и галстукe, положив руки по обе

стороны кожаной папки, которая раскрывается посередине, как двойное окно?

Блондинка удаляется. Они снова вдвоем, между ними стол. Вот так происходит обмен секретами, только Манди держит свои секреты при себе:

Я этому не верю, но сие не означает, что это ложь.

Я в сумасшедшем доме, но половиной мира правят безумцы, и никто не жалуется.

Если безумные короли, безумные президенты и безумные премьер-министры могут носить маску здравомыслия и продолжать выполнять свои обязанности, почему отказывать в праве на это безумному миллиардеру?

По ходу битвы между надеждой и скептицизмом, которая не утихает во мне, становится все яснее и яснее, что я могу получить все и ничего не потерять.

Если Контр-университет окажется мечтой психически больного человека, я останусь таким же, как вошел в этот дом: бедным, но счастливым.

Если, вопреки теории вероятностей, эта мечта обернется явью, я смогу посмотреть моим кредиторам в глаза, открыть школу, перевезти все семейство в Гейдельберг, отправить Зару учиться в колледж медсестер, определить Мустафу в хорошую школу и каждое утро распевать в ванной «Микадо».

«Часто ли человеку предоставляется такая возможность? — спрашиваем мы себя. — Предоставлялась раньше? — Нет. — Представится еще? — Нет».

И если мне нужна еще одна причина для того, чтобы сказать «да», а она не нужна, есть Саша, теоретик хаоса.

Почему я должен чувствовать ответственность за него — вопрос, ответ на который будет получен в другой жизни. Но я чувствую. Счастливый Саша мне в радость, печальный Саша — камень на моей совести.

* * *

Контракт занимает шесть страниц, и к тому времени, когда Манди добирается до последней, первая уже забыта. Однако за некоторые спорные моменты он зацепился, а если бы и пропустил, то по другую сторону стола сидит Ричард, чтобы перечислить их, загибая крепкие пальцы:

— Здание юридически станет вашим, Тед, начиная с того дня, как закончится первый год работы школы. Ваши текущие расходы, Тед, тепло, электричество, местные налоги, техническое обслуживание здания, будут оплачиваться одним из многочисленных фондов мистера Дмитрия. Для этих целей мы создадим расчетный счет, на который будет сразу перечислена некая сумма. Пополнять ее мы будем раз в квартал, в зависимости от расходов. Вот выписки с ваших банковских счетов. Проверьте и подтвердите, что они соответствуют действительности. Отпуска мы оставляем на ваше усмотрение, но мистер Дмитрий считает необходимым, чтобы все его сотрудники имели полноценный высокооплачиваемый отпуск. Есть у вас вопросы? Это ваш последний шанс, Тед. Потом будет поздно.

Манди вздыхает. Ручка той же модели, что и у Свена. Он расписывается в правом нижнем углу каждой страницы. Ричард складывает подписанный контракт и убирает во внутренний карман, тот самый, из которого доставал конверт с тысячью долларов. Манди встает. Ричард встает. Снова рукопожатие.

— На перевод денег уйдет пять рабочих дней, Тед, — предупреждает Ричард.

— Всей суммы?

— Почему нет, Тед? — Ричард загадочно улыбается. — Это всего лишь деньги. А что есть деньги в сравнении с великими идеалами?

ГЛАВА 12

Не впервые в жизни, отнюдь, Тед Манди не понимает: кто же он все-таки такой? Доверчивый дурак, опять угодивший в водоворот Сашиных фантазий? Или счастливейший из живущих на земле?

Готовя завтрак, занимаясь любовью с Зарой, провозжая Мустафу в школу, отправляясь в Линдерхоф, изображая верного слугу покинувшего этот мир короля Людвига, спеша домой в свободный от работы вечер Зары, обожая ее, защищая ее безмерную ранимость, принося ей книги из библиотеки по сестринскому делу, перекидываясь мячом с Мустафой и его приятелями, он постоянно думает о визите на вершину горы, никому ничего не говорит и ждет.

Если вновь и вновь пытается убедить себя, что все это приключение — плод его слишком богатого воображения, задается вопросом: а откуда тогда взялась тысяча долларов, которые перед обратной поездкой в Мюнхен он спрятал под водительским ковриком «жука», а на следующий день переправил в подсобку садовника, где купюры теперь составляют компанию письмам Саши?

Нереальность той долгой ночи началась с неожиданного появления Саши и закончилась его исчезновением. После обсуждения со Свеном, Анджело и Ричардом технических аспектов возвращения Манди на учительскую стезю, Манди отводят к Саше, который приветствует его с такой искренней радостью, что Манди стыдно за свою подозрительность. Он уже знает, что Манди согласился вступить в борьбу за Идею. Стоит Манди переступить порог, как Саша хватается его руку своими двумя и, заставляя Манди краснеть от смущения, прижимается к ней потным лбом, засвидетельствовав тем самым свое почтение.

Не произнося ни слова, оба садятся в джип, за рулем все та же тощая женщина, и на этот раз без всякой спешки спускаются по лесному проселку.

В ангаре она ждет, пока они не переберутся в «Ауди», за руль опять усаживается Саша. Но, отъехав ярдов на двести, «Ауди» останавливается, Саша вылезает на заросшую травой обочину, прижимая руки к вискам. Манди какое-то время сидит, потом идет за Сашей. Тот блюет, наклонившись над кюветом. Манди касается его плеча, но Саша лишь мотает головой. Наконец приступ рвоты сходит на нет. Они возвращаются к автомобилю.

— Хочешь, чтобы я сел за руль? — спрашивает Манди.

Они меняются местами.

— Ты в порядке?

— Конечно. Обычное несварение желудка.

— Какие ближайшие планы?

— Я немедленно вылетаю в Париж.

— Зачем?

— Разве Дмитрий не сказал тебе, что я лично отвечаю за комплектование библиотек наших учебных заведений? — Голос его меняется, теперь это партийный голос. — В Париже комиссия знаменитых немецких и французских ученых под моим руководством должна составить список книг, которые должны быть во всех библиотеках, создаваемых в рамках этого проекта. Как только базовые тома займут место на полках, каждая библиотека получит право самостоятельно увеличивать свой фонд. Разумеется, следуя нашим рекомендациям.

— Дмитрий входит в состав комиссии?

— Он выразил некоторые пожелания, которые уже рассмотрены. Он не просит одобрять все подряд.

— Кто выбирал ученых?

— Дмитрий назвал несколько имен. Я получил право пригласить своих кандидатов.

— Все они либералы?

— Их нельзя определить в какую-то категорию. Контр-университет прославится своим прагматизмом. Мне говорили, что в американских неоконсервативных кругах прекрасное слово *либерал* уже считается ругательством.

Но, когда они добираются до площадки, где припаркован «жук» Манди, партийный голос вновь уступает место эмоциональному взрыву. В предрассветном свете лицо Саши блестит от пота.

— Тедди. Друг мой. Мы — партнеры в историческом предприятии. Мы никому не причиним вреда, ничего не уничтожим. Все, о чем мы мечтали в Берлине, передано нам волей Провидения. Мы остановим распространение невежества и послужим просвещению человечества. На балконе, после того как ты подписал контракт, Дмитрий предложил мне назвать звезды на небесном своде. «Вот там Большая Медведица, — указал я. — Над нами — Млечный путь. А это — Орион». Дмитрий рассмеялся. «Сегодня, Саша, ты прав. Но завтра мы нарисуем новые созвездия».

Манди забирается в свою развалюху, Саша садится за руль «Ауди». Какое-то время они вместе едут по пустынной дороге, потом Саша начинает отрываться от него. У Манди возникает ощущение, что впереди мчится пустой автомобиль. Но Саша всегда возвращается.

* * *

Вновь брошенный в рутину повседневной жизни, Манди пытается вообразить себя владельцем лотерейного билета, который может, или не может, вы-

играть главный приз. Если такое происходит, его мечты сбываются, если нет — никому, кроме него, не нужно разочаровываться. При этом события той долгой ночи вращаются в его памяти, как фильм, который невозможно выключить, независимо от того, описывает ли он красоты итальянского водопада на склоне Энненкопфа или доносит до Мустафы, в лучших традициях доктора Мандельбаума, простую истину: овладеть другим языком — все равно что овладеть другой душой.

Эта женщина с повязанным на голове платком, которая вела джип, напоминает он себе. Она мчалась, как пилот «Формулы-1», когда я не знал, куда мы едем, и ползла, как водитель катафалка, на обратном пути. Почему?

Или возьмем перчатки, спрашивает он себя. Женщина на спиральной лестнице, которая копалась в сумочке в поисках ключа: она была в перчатках. Крепких, новых, желтоватых, плотно облегающих кисть, из свиной кожи, с большими стежками. Такие носила миссис Маккечни, и я их ненавидел.

Но на руках женщины, которая вела джип, тоже были новые перчатки миссис Маккечни. И она избегала визуального контакта точно так же, как женщина на спиральной лестнице. Женщина на спиральной лестнице наклоняла голову вниз, когда рылась в сумочке. Женщина в джипе завязала голову платком, потому что нельзя наклонять голову, когда ведешь автомобиль.

Значит, одна и та же женщина? Одна голова, с платком или без него? Или только одна пара перчаток?

Или взять ковер Ричарда, думает он. Все в гнездышке Ричарда наверху новенькое, включая Ричарда: новая стрижка, новый синий блейзер, новый галс-

тук стюарда авиакомпании. Но новее всего ковер на полу с длинным ворсом. Такой новый, что я, поднявшись, чтобы пожать Ричарду руку, и посмотрев вниз, увидел ворсинки там, где стояли наши ноги. А все знают, что новые ковры не пылесосят, только чистят щеткой.

Значит, ковер купили в честь Дмитрия. Или в нашу честь? А как насчет блейзера?

Этот ковер, теперь, раз уж Манди над этим задумался, сам по себе загадка, независимо от того, новый он или старый. Или он загадка только для Теда Манди, который дома привык все делать своими руками? Ковер от стены до стены в старом шале с прекрасными деревянными полами? Натуральный вандализм, спросите Деса.

Ладно, это вопрос вкуса. Но ведь остается ощущение, что все в этой комнате, включая Ричарда, привезли в тот же день из какого-то выставочного зала.

Или, другими словами: ощущение, что это премьеры, когда не обходится без накладок и с костюмами, и с произносимым актерами текстом.

А если все эти придирки — сушья ерунда в сравнении с величием Плана Дмитрия, может, я цепляюсь за них лишь потому, что стараюсь принизить значение задуманного им. То есть, если я не верю в ковер, почему я должен верить в Дмитрия?

Но я *верю* в Дмитрия! Когда Безумный король Дмитрий строит свой воздушный замок, я верю каждому его золотому слову. Становлюсь его верным слугой и считаю себя обязанным ему по гроб жизни. А сомнения появляются, лишь когда Дмитрий перестает говорить.

Вперед-назад, снова и снова, днем и ночью, пока Тед Манди ждет сообщения, выиграл его лотерейный билет или нет.

* * *

И, пребывая в ожидании, наблюдает.

С момента позорного отступления, чего уж там, бегства из Гейдельберга, он возвел множество преград на пути почты. Когда оставленный адрес оказался слишком опасным, он его сменил. Мюнхенская квартира остается в секретном списке. В Линдерхофе он более уязвим, но принял необходимые меры предосторожности. В административной зоне расставлены необходимые ловушки. Ячейка с буквой М находится так низко, что не попадает на глаза проходящему мимо. Так что гид, спешащий к ожидающим его экскурсантам, может не обратить внимания на то, что его дожидается почта. И проходит неделя, а то и больше, прежде чем фрау Кламп покидает свой боевой пост и вручает ему зловещего вида конверт.

А вот после той ночи все меняется. Отсидевшись в обороне, Манди переходит в наступление.

Ранее он воспринимал приезд и отъезд почтового фургона из Линдерхофа как маневры вражеских боевых машин. Теперь — нет. Едва почтовый фургон выезжает за ворота дворца, как Манди уже интересуется у фрау Кламп, нет ли для него письма.

И письмо таки приходит, через восемь дней после спуска с вершины горы, в десятиминутном промежутке между третьей и четвертой группами туристов. Из письма затаивший дыхание Тед Манди узнает, что *его просят* позвонить банковскому менеджеру в Гейдельберг в *любое удобное ему время*, чтобы договориться о встрече, на которой они могли бы определиться с распределением денежных переводов, поступивших на его счет, общей суммой в пятьсот тысяч американских долларов.

* * *

Банк представляют, это же надо, уже три сотрудника, что кажется Манди расточительством, учитывая, сколь часто ему приходилось выслушивать лекцию невероятно занудного герра Фринка, смысл которой сводился к простой истине: негоже платить людям за то, что они сидели и наблюдали, как работают другие.

Герр Фринк сидит по центру, между Брандтом и Айснером. Герр доктор Айснер из нашего отдела просроченных кредитов. Герр Брандт наш гость, старший менеджер центрального офиса. Иногда центральный офис любит совать нос в дела филиалов, говорит Фринк, конечно, другими словами: *принимать более активное участие в работе с клиентами*. Манди не возражает против его присутствия? Манди не только не возражает, он страшно рад, что герр Брандт нашел время попридти на этом совещании. Он чувствует себя мальчиком на картине, с нетерпением ожидающим вопроса о том, когда он в последний раз видел своего отца. По столь торжественному случаю он надел костюм. К своему удивлению, выяснил, что костюм не только очень тяжелый, но еще и заметно сел: руки чуть ли не по локоть торчат из рукавов. В костюме он чувствует себя неуютно, вспотел, нервничает, впрочем, ему всегда неуютно, когда речь идет о деньгах. Герр Фринк с широкой улыбкой осведомляется о здоровье Frau Mundy¹. Согласно банковскому протоколу, сегодня язык общения — английский. Когда три немецких банкира сидят лицом к лицу с одним бедным английским клиентом, совершенно очевидно, что их английский лучше его немецкого.

---

¹ Frau Mundy — фрау Манди (нем.).

— В полном здравии, спасибо вам, — весело отвечает Манди на вопрос. — Но в ее возрасте по-другому и быть не может, — заливистый смех.

Напоминание о том, что клиент банка содержит молодую и, несомненно, экстравагантную гражданскую жену, не радует ни герра Фринка, ни герра доктора Айснера. А вот герр Брандт из центрального офиса, похоже, думает, что сей факт говорит в пользу клиента. Герр Фринк осуждает войну. Печальное событие, говорит он, поправляя очки толстым пальцем. Последствия совершенно непредсказуемые, пуф, пуф. Это хорошо, что Берлин занял высоконравственную позицию, но Америка ясно дала понять, что за это придется заплатить, и теперь мы ждем, какую объявят цену. Манди отвечает, что заплатить стоит, какой бы ни была цена. Практически предлагает оплатить счет, который выставит Америка. Его щедрость отмечена, но герр Фринк по-прежнему мрачен.

Он подготовил список многочисленных кредиторов Манди. Герр доктор Айснер тоже просмотрел его. Герр Фринк хочет сделать заявление в присутствии холеного герра Брандта из центрального офиса. Поведение мистера Манди в этой истории не знает аналогов. Мистер Манди имел все возможности, более того, ему советовали официально объявить себя банкротом. К его чести, он устоял перед искушением. А теперь все, включая и банк, могут получить причитающиеся им деньги. Это радует, говорит мистер Фринк. Это восхитительно. Есть чем оплатить и проценты, что в аналогичных обстоятельствах крайне редкий исход.

Герр доктор Айснер объявляет мистера Манди истинным английским джентльменом. Герр Фринк его поддерживает. Мистер Манди говорит, что в та-

ком случае он — последний из оставшихся в живых. Шутку то ли не оценивают, то ли не понимают, за исключением разве что мистера Брандта, который осведомляется, безо всякого нажима, как бы между прочим, а откуда, собственно, мистер Манди получил все эти деньги.

— Они поступили тремя переводами, — объявляет герр Брандт. Платежные поручения он привез с собой, они лежат среди прочих бумаг, каждая в отдельной прозрачной пластиковой папке, и теперь герр Брандт передает платежки мистеру Манди для ознакомления. — Из «Юнайтед кемикэл» на острове Гернси, на двести тысяч долларов, по указанию клиента. *Voila!* Из «Кредит Лионе» на острове Антигуа, на двести тысяч долларов, по указанию клиента. *Voila!* Из «Морган гаранти траст» на острове Мэн, на сто тысяч долларов, также по указанию клиента. Большие банки в маленьких местечках. Но кто клиенты, мистер Манди?

Благодарный Свену, Ричарду и Анджело, которые подготовили его к подобным вопросам, Манди натягивает на лицо чуть грустную, но, как он надеется, убедительную улыбку.

— Не думаю, что я смогу достаточно полно ответить на этот вопрос, мистер Брандт. Переговоры сейчас на очень деликатной стадии, если уж говорить откровенно.

— Ага, — в голосе герра Брандта слышится разочарование, он чуть склоняет свою красивую голову. — Но хоть что-то вы сказать сможете? Не для протокола, — предлагает он. И улыбается.

---

¹ *Voila* — вот (*фр.*).

— Эти деньги — аванс. Подъемные, — объясняет Манди, воспользовавшись термином Свена.

— И на что вам выдан этот аванс, мистер Манди?

— На повторное открытие школы. С тем чтобы в дальнейшем обеспечить ее прибыльность. Я провел конфиденциальные переговоры с одним международным фондом. И не собираюсь ставить в известность банк до подписания всех необходимых документов.

— Прекрасно. Вы хорошо поработали. Но какова направленность деятельности этого фонда? Вот что особенно интересно, позвольте заметить. — Герр Брандт оглядывает коллег-банкиров, давая понять, что центральный офис хочет знать ситуацию на местах.

— Ну, во-первых, они способствуют распространению английского языка, — отвечает Манди, который хорошо выучил домашнее задание. — Английский, как эсперанто, это базовый момент. Дать миру один язык в качестве основы для международного общения. Под это дают деньги многие международные институты.

— Великолепно. Я потрясен, — и по солнечной улыбке герра Брандта Манди может сказать, что так оно и есть. — И они выбрали вашу школу для реализации своей идеи? Как практическую составляющую их замысла?

— В числе других школ, да.

— И как далеко зашли ваши переговоры? Надеюсь, вы не сочтете мой вопрос нескромным?

Манди понимает, что сведения, почерпнутые у Свена, Ричарда и Анджело, иссякают. Однако не зря же он десять лет противостоял попыткам герра Профессора узнать больше, чем тому следовало знать, да

и месяцы упорных занятий в эдинбургской «Школе хороших манер» чему-то его да научили.

— Ну, — храбро начинает он, — я бы сказал, что в принципе, хотя, конечно, сейчас ни в чем нельзя быть уверенным, мы только-только вышли на чистую воду. Вы, разумеется, понимаете, речь идет не о переговорах двух компаний, каждая из которых хочет побольше получить и поменьше отдать, но даже у фонда, который не ставит задачей получение прибыли, есть определенные критерии.

— Естественно. И какие критерии мы здесь рассматриваем? Надеюсь, вы не сочтете меня излишне любопытным?

Никогда не колебаться.

— Ну, для начала, достаточно высокий процент небелых студентов, которых мы обучаем. Это глобальный фонд, так что, естественно, они выступают за представительство всех континентов.

— Естественно. Еще, пожалуйста?

— Вы про критерии?

— Да.

— Программа, понятное дело. Культурная составляющая. Уровень знаний, которого мы надеемся достичь после оговоренного периода обучения. Эффективность нашей работы.

— Религия?

— Что?

— Ваша школа — не христианская организация.

— Никто не говорил со мной о религии. Мы учим представителей разных национальностей, соответственно, они могут исповедовать разные религии.

Герр Брандт раскрывает папку, в некотором смущении, но продолжая улыбаться, смотрит на лежащие в ней бумаги.

— Послушайте, я расскажу вам, что мы сделали, хорошо? — Тут он поднимает голову и одаривает Манди лучезарной улыбкой. — Вы открыли нам свой секрет, мы откроем вам наш, хорошо? Мы провели маленькое расследование. Иногда мы это делаем. Мы проследили весь путь одного из этих переводов, только одного, это далеко не простое дело, понимаете? Весь путь, из банка в банк. Поначалу пришлось поломать голову, но мы с этим справились. Из Гернси попали в Париж. Из Парижа — в Афины. Из Афин — в Бейрут, а из Бейрута — в Эр-Рияд. Конечной станцией, вернее, начальной, оказался Эр-Рияд. Может быть, теперь вам ясно, почему я спросил вас о религии?

«Если они попытаются загнать тебя в угол, отбивайся. Правда — это то, что доказуемо».

— Я и не сомневался, что эти люди получают деньги со всего мира, — небрежно отвечает Манди. — Насколько мне известно, среди спонсоров Фонда есть и арабы. Почему нет?

— Арабские спонсоры, которые поддерживают распространение *английского*?

— Если они заинтересованы в углублении международного диалога, почему нет?

— И используют для перемещения денег столь сложные маршруты?

— Вероятно, они не хотят светиться. В наши дни едва ли их за это можно винить, не так ли? Сейчас каждый мусульманин — террорист по определению.

Герр Фринк откашливается, герр доктор Айснер демонстративно шуршит бумагами, на случай, если герр Брандт из центрального офиса забыл очень важный нюанс: гражданская жена мистера Манди. —

турчанка. Но обаятельная улыбка герра Брандта компенсирует его забывчивость, если она и имела место.

— Очевидно, у вас есть контракт, мистер Манди, — продолжает он гнуть свою линию.

— Я вам уже сказал. Мы утрясаем последние детали, — отвечает Манди, теперь уже с ноткой негодования в голосе.

— Конечно же, утрясаете. Но краткосрочный контракт у вас, несомненно, есть. Даже самый щедрый фонд не будет переводить такие деньги без какого-нибудь контракта.

— Нет.

— Тогда какие-то письма.

— Ничего конкретного, что я мог бы показать вам на этом этапе.

— Фонд платит вам жалованье?

— Они выделили на жалованье персоналу пятьдесят тысяч долларов. Из них десять — мои. Авансовый платеж за первые два месяца.

— И вам будет оплачиваться жилье?

— Очевидно. Как только я подберу квартиру.

— Плюс расходы?

— Весьма вероятно.

— И автомобиль?

— Конечно. Если в нем возникнет необходимость.

— Неплохое жалованье для учителя с вашей финансовой историей. Я вас поздравляю. Вы очень жесткий переговорщик, герр Манди.

Внезапно все уже стоят. Теперь их ждут конкретные дела: подписание чеков, снятие запретов с активов, возвращение залогов. Отдел герра доктора Айснера подготовил все необходимые документы. Пожимая руку Манди и с почтением заглядывая ему в

глаза, герр Брандт спешит выразить восхищение умением Манди налаживать контакты с людьми. Это стандартная практика центрального офиса, ничего личного; такое уж время, банк одной ногой постоянно в суде. Герр Фринк это подтверждает. Так же, как герр доктор Айснер. Говоря с позиции адвоката, признается Айснер Манди, когда ведет его наверх, он не знает другого такого времени, когда банкам приходилось бы лавировать среди столь многих юридических ловушек.

* * *

Школьное здание стоит на прежнем месте. Не исчезло, как дом номер два, в котором когда-то жил майор. И никакая строительная фирма не предлагает потенциальным покупателям семейные дома, которые должны появиться на этом месте. Та же самая преданная старая тетушка по-доброму хмурится на него из увитых плющом окон эркера, с башенок на крытой шифером крыше, с колокольни без колокола. Его ждет та же самая арочная входная дверь с болтами с полусферической головкой, напоминающими пуговицы кардигана. Но сначала Манди должен открыть висячий замок на воротах, с надписью «Добро пожаловать» на козырьке над ними. Он это проделывает, потом медленным шагом идет по выложенной кирпичом дорожке к шести ступенькам, ведущим на крыльцо, где останавливается. Поворачивается и убеждается, что его сомнения напрасны, и тот самый чудесный вид, который открывался с крыльца, никуда не делся: река, на другом берегу старый город с его шпилями, а за ним, дальше и выше, красные руины замка, вытянувшиеся вдоль Кайзерштухл.

Только идиоты могли остановить свой выбор на

таком доме. Теперь он это знает. Какая-то его часть знала всегда. Платная школа на склоне холма со стоянкой на три автомобиля, в другой части города, неудобная для всех. Однако с просторными помещениями. И продавалось здание буквально за гроши, как сказал бы Дес, при условии, что новый хозяин, закатав рукава, занялся бы ремонтом. Манди и занялся, тогда как Эгон предпочитал пролистывать книги в оранжерее. В саду перед домом росли четыре хорошие яблони... ладно, дом не покупают из-за яблонь. Но за домом находился маленький виноградник, и, как только школа взяла бы новый старт, он собирался приступить к производству собственного вина «Шато Манди». И первые несколько бутылок послал бы Джейку.

Над виноградником тянется Тропа философов, он видит ее сквозь ветви яблонь. А над тропой — Хейлигенберг и едва ли не лучшие в Германии леса для прогулок. Если у тебя есть привычка ходить пешком, свойственная далеко не всем желающим выучить английский язык.

А какие тут литературные ассоциации... разве они ничего не значат? Или Карл Цукмайер¹ и Макс Вебер не жили в нескольких сотнях ярдов от этого места? Да и саму улицу назвали в честь Хёлдерлина²! Что еще, скажите на милость, может требовать от языковой школы молодой, мобильный, поднимающийся по карьерной лестнице руководящий сотрудник корпорации?

Ответ: к сожалению, многого.

---

¹ Цукмайер, Карл — современный немецкий писатель и драматург.

² Хёлдерлин (Гёльдерлин), Фридрих (1770—1843) — известный немецкий поэт и эссеист.

* * *

Ключ поворачивается, дверь, когда он нажимает на нее плечом, подается. Он переступает порог, и ноги по щиколотку погружаются в кучу скопившейся на полу рекламной корреспонденции. Он закрывает дверь, стоит в глубоком сумраке: плющ на окнах практически отсекает дневной свет, и впервые за многие месяцы позволяет себе вспомнить, как любил этот дом, как вложил в него всю душу, какую испытывал горечь, увидев, что остается и без денег, и без друга. А ведь казалось, что все уже наладилось.

Удивляясь собственной глупости, он бредет по дому, где прошло его столь недавнее прошлое. В центральном холле, где он сейчас стоит, собирались ученики, отсюда, разбитые на группы, расходились по аудиториям. Великолепная лестница залита светом, падающим через цветные стекла фонаря на крыше, и, если светило солнце, человек поднимался по ступеням, пересекая полосы красного, зеленого и золотого. Класс, где он вел занятия, встречает его пустотой: столы, стулья, вешалки для пальто вывезли и продали. Но на доске белеет оставленная им надпись, и он буквально слышит собственный голос, который читает написанное:

Как важный клиент «Бритиш рейл», мы хотели бы принести извинения за наличие неправильного вида снега на железнодорожном полотне.

Вопрос: Кто клиент?

Вопрос: Кто является подлежащим в этом предложении?

Вопрос: Почему это неправильный вид предложения?

Как магнитом, его тянет к любимому месту у окна. Оно на нужной высоте для такой жерди, как он, и вечернее солнце смотрит в окно аккурат в тот момент, когда ты ждешь прихода последней группы учеников.

Довольно грез. Ты пришел сюда не за прошлым...

* * *

Дмитрий говорил, что его деньги дурно пахнут. Теперь выясняется, что так оно и есть. Так лжец ли он?

Хорошо, у аппаратчика центрального офиса не укладывается в голове, как можно отвалить полмиллиона баксов нищему учителю английского языка. Действительно, обычно в бизнесе такого не бывает. Но вполне возможно, что для человека, который продает и покупает корабли, это обычное дело. И не такие уж большие деньги.

Можно допустить, что герр Брандт действительно работает в центральном офисе банка. Но его цепкий взгляд и не сходящая с лица улыбка скорее говорили за то, что жалованье ему платит совсем другое ведомство. И не раз во время нашего диалога у меня возникала мысль о том, а не беседую ли я с продолжателем дела Профессора.

Минут двадцать, а то и больше Манди не останавливает свободный поток мыслей. Многие удивляют его, но такое случается часто. К примеру, почтение, с которым его приняли в банке, почему-то не очень-то радует. И если бы по мановению волшебной палочки он мог перенестись в другое место, то с удовольствием оказался бы в постели с За-

рой или в мастерской с Мустафой, помогая ему достроить ко дню рождения матери модель Купола скалы¹.

* * *

Манди вскакивает и поворачивается. Что-то загремело у его правого уха.

Придя в себя, он широко улыбается, увидев по другую сторону стекла, в шести футах от него, морщинистое лицо старого Стефана, бывшего садовника и работника котельной. Окно подъемное. Манди открывает замок, наклоняется, берется за бронзовые рукоятки, распрямляется, отчего нижняя половина окна скользит по направляющим вверх. Он протягивает руку, старик Стефан хватается за нее и с проворством куда более молодого мужчины залезает в окно.

Начинается разговор, конечно, с пустяков. Да, да, Стефан в полном порядке, его жена Элли тоже, и у сына, которому уже за пятьдесят, *все прекрасно*, но где был герр Тед, как Джейк, все еще учится в Бристоле? И почему герр Тед так долго не приезжал, все по нему так скучали, и никто в Гейдельберге не держит на него зла, этот маленький инцидент с герром Эгоном *давно забыт!*

И пока они обмениваются семейными новостями, Манди вдруг понимает, что старик Стефан оказался в саду не случайно.

— Мы ждали вас, герр Тед. Две недели уже знаем, что вы скоро приедете.

— Быть такого не может, Стефан. Я узнал об этом лишь десять дней тому назад.

---

¹ Купол скалы — одна из наиболее почитаемых исламских святынь, мечеть на горе Мориа в Иерусалиме.

Но старик Стефан похлопывает по носу согнутым пальцем, дабы показать, какой он пронизательный старый гном.

— Две недели тому назад! Две недели. Я сказал Элли. «Элли, — сказал я. — Герр Тед возвращается в Гейдельберг. Он выплатит все долги, как и обещал, вернет себе здание и снова откроет школу. И я буду у него работать. Все уже решено».

Манди пытается не выдать волнения.

— И кто вам об этом сказал, Стефан?

— Ваши оценщики, естественно.

— А какие оценщики? У меня их много.

Старик Стефан качает головой и щурится. Знает, что Манди посмеивается над ним, но соглашается сыграть в эту игру.

— Из компании, которой вы заложили здание, герр Тед. Которая выдала вам ссуду. Сегодня в секрете ничего не утаишь, все всё знают.

— Так они здесь уже побывали? — в голосе Манди слышится раздражение. По тону можно понять, что он ждал оценщиков и недоволен тем, что разминулся с ними.

— Да, все осмотрели. Я проходил мимо, увидел тени в окне, луч фонарика и подумал: «Ага! Герр Тед вернулся. А может, не вернулся и доме орудуют воры!» Я слишком стар, чтобы бояться смерти, поэтому поднялся на крыльцо и забарабанил в дверь. Мне открыл молодой человек. Приятной наружности, с доброй улыбкой, в комбинезоне. С фонарем в руке. За его спиной я видел других людей, вроде бы среди них была и женщина. Женщины нынче лезут всюду. «Мы оценщики, — говорит он мне. — Не волнуйтесь. Мы — хорошие люди». — «Для герра Теда? — спрашиваю я. — Вы оцениваете дом для герра Теда?» —

«Нет, нет, мы работаем в компании, которая выдает ссуды под залог. Если компания примет решение одолжить ему деньги, ваш герр Тед вернется».

— И в какое время дня это произошло? — спрашивает Манди, но слушает он не старика Стефана, а Кейт, которая вернулась из школы раньше положенного и увидела тени в окне дома на Эстель-роуд: *«Они оставили дверь на кухне открытой. Двигались взад-вперед на фоне дверного проема».*

— Утром. В восемь часов. Лил дождь. Я ехал на велосипеде к фрау Либкнехт. Во второй половине дня, в пять часов, когда я вернулся, они все еще были в доме. Я такой любопытный, просто сил нет. Спросите Элли. Ничего не могу с собой поделать. «Почему вы еще здесь?» — спрашиваю я. «Это большой дом, — отвечают они. — Под него дают большие деньги. А большие деньги требуют времени».

* * *

В Эдинбурге его отправляли на такие прогулки. Начинались они с инструктажа:

«Хорошо, Тед, через минуту ты выйдешь за дверь этого дома. Сегодня пункт назначения — главный городской вокзал. Можешь пользоваться любым общественным транспортом, за исключением такси, потому что мы никогда не ездим на такси, так? Не садимся ни в первое, которое подъедет к нам, ни во второе, ни в третье, ни в тринадцатое. И к тому времени, когда мы доберемся до вокзала, я хочу знать, следили ли за тобой и кто следил, и я не хочу узнать, что они узнали, что ты узнал об этом. Мы всё поняли? И я хочу, чтобы на вокзале ты был через полчаса, потому что нам нельзя опаздывать на поезд. Поэтому

не пытайся добраться до вокзала через эдинбургский зоопарк».

Манди шагает и позволяет Гейдельбергу защищать его. Вернувшись на улицу, окидывает беззаботным взглядом автомобили и окна. О, как же мне нравится эта маленькая площадь, с тенистыми виллами и секретными двориками! Еще взгляд, на другую сторону улицы, которая ближе к реке, и уж не та ли парочка сидит на скамейке, что сидела, когда я пришел сюда? Далее Старый мост, который взорвали в 1945 году в тщетной надежде остановить наступление американской армии, но все об этом забыли, а многие и не знали, в первую очередь школьники и туристические группы, которые пересекали мост в обе стороны, любуясь баржами и статуями. Любуется баржами и Манди, наклоняется над парапетом, чтобы посмотреть, кто остановится сзади, чтобы закурить, пролистать путеводитель или сделать фотографию. День жаркий, Хаупштрассе, пешеходная улица, запружена фланирующими туристами, поэтому Манди прибавляет шагу, словно спешит на поезд, а ему действительно нужно спешить, хотя время еще есть, и поглядывает на витрины, чтобы увидеть человека, который вдруг вспомнил о неотложной встрече и тоже заспешил. Он не снижает скорости, его обгоняют велосипедисты, и, возможно, их вызвали его провожатые, потому что поспевать за шестифутовым мужчиной, который набрал ход, задача не из легких, если ты на голову ниже и можешь рассчитывать только на свои ноги. Старый город остается позади, он входит в промышленное гетто с серыми домами и кафе быстрого обслуживания с известными на весь мир вывесками. К тому времени, когда он поднимается на платформу, он может доложить эдинбургским ин-

структорам следующее: если за ним и следили, то по высшему разряду, используя все достижения научного прогресса, от камер наружного наблюдения и искусственных спутников Земли до спрея, которым брызгают на плечо и который целый день светится на их экранах.

На станции он идет к телефону-автомату и звонит домой, сунув голову под большущий стеклянный шлем. Зара ушла на работу. В кебабной будет только через час. Говорит он с Мустафой, который визжит. Как... насчет... Купола... скалы... Тед? Ты... очень... плохой!

— Завтра вечером уделим Куполу в два раза больше времени, — пытается он ублажить Мустафу. Да, да, я занят со своей новой подружкой.

Кузина Зары, Дина, подходит к телефону. Дина, мне придется провести ночь в Гейдельберге, завтра у меня еще одна встреча в банке. Сможешь ты сообщить об этом Заре? И, пожалуйста, постарайся уложить Мустафу спать до полуночи, хорошо? Не позволяй использовать Купол как отговорку. Дина, ты прелесть.

Он звонит в Линдерхоф, слышит автоответчик, наговаривает сообщение: завтра на работу не выйду, грипп.

* * *

Поезд в Мюнхен отходит через сорок минут. Манди покупает газету, садится на скамью и наблюдает за окружающим миром, пытаюсь ответить на вопрос, наблюдает ли окружающий мир за ним.

Чего они торчали в здании школы целый день? Снимали размеры комнат, чтобы заказать ковры с длинным ворсом?

Приятная наружность. Молодой. Добрая улыбка. Комбинезон. Фонарь в руке. Нет, мы — оценщики.

Поезд со всеми остановками, так что еле ползет. Напоминает ему другой ползущий поезд, из Праги, в котором он сидел с Сашей и велосипедами. На крохотной станции в чистом поле он поднимается и меняет купе. Еще через две станции возвращается на прежнее место. К тому времени, когда поезд добирается до Мюнхена, в нем остается лишь шесть человек, и Манди уходит с перрона последним, отстав на добрые пятьдесят ярдов.

Многоэтажная автостоянка снабжена лифтом, но он предпочитает лестницу, пусть там и воняет мочой. Мужчины в коже населяют площадки. Черная проститутка называет цену: двадцать евро. Он помнит, как Зара подсела за его столик в уличном кафе в день, когда у него началась новая жизнь. *Пожалуйста, сэр, не хотите ли лечь со мной в постель за деньги?*

Его «Фольксваген»-«жук» на четвертом этаже, там, где он и оставил его этим утром. Манди обходит автомобиль кругом, проверяет двери, нет ли грязных отметин от пальцев, ищет и чистые места, с которых могли стереть отметины, царапины у замков. *Хороший ты парень, Тед. Мы всегда говорили, что ты — прирожденный шпион, и так оно и есть.*

Чтобы посмотреть, не подтекает ли масло, он заглядывает под днище спереди и сзади, ощупывает его в поисках то ли магнитной мины, то ли радиомаяка, чего угодно, но, главное, лишнего. *Всегда старайся сфокусировать свой страх, Тед. Если ты не знаешь, чего боишься, ты будешь бояться всего.*

Ладно, сфокусирую. Я боюсь банкиров, которые не банкиры, отмывателей денег, филантропов-мил-

лиардеров с преступно нажитыми состояниями, которые посылают мне полмиллиона долларов, богатых арабов, заинтересованных в распространении английского языка, псевдооценщиков и собственной тени. Я боюсь за Зару, Мустафу и Мо, собаку. И за мою и без того слабую веру в человеческую любовь.

Он отпирает машину, а после того как «жук» не взрывается, тянется длинной рукой к заднему сиденью и достает жилетку цвета хаки с ватной подкладкой и накладными карманами. Снимает пиджак, надевает жилетку, перекладывает все необходимое из одних карманов в другие. «Жук» заводится с первой попытки.

Чтобы спуститься на землю, нужно въехать на площадку железного лифта, который напоминает ему Стальной гроб. За половину официальной цены, но наличными, старик-служитель отпирает ворота огромным, как в тюрьме, ключом и выпускает во внешний мир. Выехав на свежий воздух, Манди поворачивает направо, и снова направо, чтобы не проезжать мимо кебабной Зары. Он знает, если увидит ее, то остановится, дождется конца смены и отвезет домой, посеяв ненужную сумятицу во всех головах, включая и его собственную.

Добравшись до кольцевой дороги, поворачивает на юг. Постоянно поглядывает в зеркала заднего вида, но не находит ничего такого, на чем мог бы сфокусировать страх. Но если они так хороши, то я ничего и не найду, не так ли? Уже полночь. Светит розовая луна. Дорога впереди совершенно пуста, как и дорога позади, небо усыпано звездами. *Завтра мы нарисуем новые созвездия.* Дмитрий, возможно, огра-

бил весь земной шар, чтобы спасти его, но выкроил время, чтобы подучиться китчу.

Этой уходящей на юг дорогой он ездит каждый день и знает, что через сорок минут доберется до первого из двух перекрестков и повернет налево. Поворачивает. Не видит синей «Ауди» с Сашей, согнувшимся над рулем, но она ему и не нужна. Знает, куда ехать, бросая демонстративный вызов утверждению, будто он, как Троцкий, топографический кретин и может заблудиться в трех соснах. На обратном пути с Сашей он запомнил последовательность левых и правых поворотов и теперь повторяет их в обратном порядке.

Проезжает то место, где оставил своего «жука», чтобы вслед за Сашей подняться по спиральной лестнице. Бак на три четверти пуст, но он не останавливается. Скоро едет сквозь лес, по той же аллее между деревьями, только темнота под ними еще чернее, потому что луна ярче. Подъезжает к вырубке, похожей на вырубку в окрестностях Праги, но, вместо того чтобы пересечь ее, оглядывает деревья в поисках разрыва между ними, ищет начало проселка, находит его чуть ниже, выключает фары и подфарники, потом двигатель, тихонько скатывается к нему, кляня трещащие под шинами веточки и поднявших гвалт птиц.

Закатывает автомобиль под деревья, пока не чувствует вес ветвей на крыше, паркуется и уже на своих двоих направляется к бетонному пандусу.

Дистанции теперь реальны. Он вошел в Багдад, и у него сосет под ложечкой. Перед ним высится сарай, ангар, как ни назови. Его не освещают фары «Ауди», и он заметно прибавил в размерах: определенно может вместить в своем чреве два цеппелина.

Ворота закрыты и заперты на замок. Манди идет вдоль одной из стен. В отличие от оценщика в Гейпельберге у него нет ни фонаря, ни помощников.

Он идет вдоль деревянной стены, используя отмокшую как дорожку, ищет окно или щель. Не находит. Зато нащупывает плохо закрепленную доску. Ему нужен мешок с инструментами. Он у Мустафы. Ему нужен Дес. Но с Кейт он развелся.

Он хватается за край доски, изо всей силы тянет на себя. Гвоздь со скрипом вылезает из стойки. Доска отрывается. Он заглядывает в щель. Столбы лунного света показывают ему все, что он хочет увидеть. Никакого сверкающего джипа. Никаких дорогих автомобилей, выставленных, словно на продажу. На их месте три трактора, циркулярная пила и пирамида тюков из сена.

Я ошибся адресом? Нет, не ошибся, но сменились квартиранты.

Он возвращается к воротам ангара и по тропе шагает к стене смерти. На джипе подъем, по его расчетам, занял десять или двенадцать минут. Пешком ему придется подниматься как минимум час. Скоро он хочет, чтобы на это занятие у него ушло гораздо больше времени. Лучше бы вся жизнь, он поднимался бы и поднимался с Зарой и Мустафой, и с Джейком, если у того найдется время, потому что для Манди нет ничего лучше пешей прогулки по основному лесу при свете луны, когда долины заполняет туман, на востоке появляются первые проблески зари, журчание весенних ручейков оглушает, запах смолы вышибает слезу, а олень играет с тобой в прятки.

* * *

Это не тот сельский дом.

Я побывал в огромном, гостеприимном доме, с веселым светом в окнах, ящиками с геранью под ними, поднимающимся из трубы дымком а-ля Ганс и Гретель.

Этот сельский дом приземистый, серый, мрачный, с закрытыми ставнями на окнах. Он окружен высоким проволочным забором, который в прошлый раз остался незамеченным, стоит под здоровенной скалой и всем своим видом, но особенно большущими щитами с соответствующими надписями, указывает: частная собственность, злые собаки, вход запрещен, еще шаг, и тебя накажут, так что проваливай. Если кто-то и спит в комнатах наверху, то с закрытыми окнами и раздвинутыми занавесками, а ставни на первом этаже не просто закрыты, но и заперты на всякие замки.

Через сетку не пропущено электричество, забор далеко не новый, отчего поначалу он чувствует себя круглым дураком. Но потом говорит себе, что даже отличник эдинбургской школы не может все заметить с первого раза. Во всяком случае, если его на огромной скорости глубокой ночью везет амазонка в перчатках из свиной кожи, а в шею дышит сидящий рядом Саша.

Поверху натянута проволока с острой кромкой, под ней — колючая. Железные ворота на замке, но за забором две косули, которым очень хочется составить ему компанию.

Значит, каким-то образом они попали внутрь огороженного периметра. Может, прыгнули. Нет, едва ли, забор слишком высокий, даже для них.

Что они сделали (Манди разгадывает их маневр,

когда идет вдоль забора, поглядывая на сараи и прочие постройки в поисках жизни), так это прошли по поваленной секции забора, шириной в пять футов. Трактор или какая-то другая сельскохозяйственная машина, игнорируя предупреждающие надписи, повалила забор, то ли подъезжая к дому, то ли отъезжая от него, а теперь косули просто не могут найти эту прореху.

Но Манди может и, более того, находит пологий участок крытой шифером крыши, по которому есть возможность без труда подобраться к одному из окон верхнего этажа. И ему хватает ума заpastись камнем, перед тем как лезть на крышу. Это кусок сланца весит с тонну, но ничто не может сравниться с ним, если нужно разбить стекло.

* * *

Чего я сюда приперся?

Убедиться, что утром они такие же прекрасные, как и глубокой ночью?

Второй раз увидеть тайный сигнал в по-детски синих глазах Дмитрия, тот, что говорил: *«Ты сам на это напросился»*.

Спросить, очень вежливо, о чем они, собственно, думали, когда в этот крайне щекотливый момент в нашей истории присылали деньги из Эр-Риада.

И что заставило их целый день обследовать мое арестованное за долги школьное здание, до того как пришло время задать мне вопрос, а какие там площади?

Короче, мы здесь для того, чтобы пролить свет на это чрезвычайно запутанное дело, мой дорогой Ватсон.

Да только, как сразу выясняется, приехал он

слишком поздно. Труппа запаковала декорации и костюмы и отбыла.

Следующий спектакль в Вене. Или Эр-Риаде.

* * *

Это давнишний постулат, и не только в шпионском бизнесе: можно многое сказать о людях по оставленным ими вещам.

В длинной, залитой лунным светом спальне шесть коек. На них поспали и бросили за ненадобностью. Никаких подушек, простыней и одеял. Принесите с собой спальный мешок.

Вокруг коек мусор, который богатые оставляют горничной: используй сама, дорогая, или отдай кому хочешь.

Баллончик модного мужского дезодоранта, опустошенный лишь наполовину. Одного из мормонов? Человека в анорাকে? Костюме? Блейзере?

Лак для волос, унисекс, используемый как женщинами, так и мужчинами. Ричарда?

Пара итальянских теннисных туфель, на поверку не таких уж удобных. Колготки, чуть растянутые. Шелковая блузка с воротником-стойкой, оставленная на плечиках в гардеробе. Чистенькой блондинки? Ее девственный наряд?

Три четверти литра хорошего виски. Для Дмитрия, чтобы было что смешивать с соевым молоком?

Упаковка на шесть бутылок пива «Бек», две так и остались в гнездах. Блок сигарет «Мальборо лайт» с несколькими пачками. Пепельница, полная окурков. Анджело? Свен? Ричард? А ведь можно было подумать, что все трое поклялись на коленях матери никогда не прикасаться ни к никотину, ни к спиртному.

Или Тед Манди, суперсыщик, как обычно, попадает пальцем в небо? Новая компания въехала сюда, сменив старую, и оставленное принадлежит совсем другим людям?

* * *

Манди идет по коридору, держась за стену, спускается на пару ступенек, ноги его утопают в мягком ковре. Окон нет. Он водит рукой по стене, нащупывает выключатель. Миллиардеры-филантропы, уезжая, не удосужились обесточить дом. Он стоит напротив двери в кабинет Ричарда. Входит, ожидая, что Ричард, только что из парикмахерской, поднимется из-за новенького стола, в новеньком блейзере и галстуке стюарда авиакомпании, но стол — единственное, что осталось от Ричарда.

Он выдвигает ящики. Пусто. Опускается на колени и поднимает край ковра. Его не закрепили, не прибили гвоздями, кромку не обшили, просто бросили на пол, чтобы прикрыть змеящиеся под ним провода.

Какие провода? На столе Ричарда не было ни телефонного аппарата, ни компьютера. Ричард сидел за пустым столом. Он прослеживает путь проводов под ковром. Они ныряют под комод у окна. Он вытаскивает ящики комода. Провода поднимаются по стене, проходят через подоконник и исчезают в недавно просверленной дыре в раме.

Для Манди-строителя эта дыра — варварство. Оконная рама сработана из цельного деревянного бруса. Эти мерзавцы могли с тем же успехом прострелить раму. Он открывает окно и выглядывает наружу. Провода спускаются на шесть футов и возвращаются в дом. *Вот так.* Естественно, никаких скоб,

крепящих провода к стене. Пусть болтаются, пока сильный порыв ветра не вырвет их и не унесет в лес.

Он возвращается на лестницу, спускается на этаж и попадает в гостиную, где филантроп и его прислужники приобщали к своей вере новичка. Свет ранней зари заполняет окна со стороны долины. Манди останавливается в том самом месте, где и стоял, слушая одетого в тренировочный костюм Дмитрия. А вот и дверь, через которую он вышел.

Манди пересекает гостиную, берется за ручку двери, открывает ее и попадает не в Зеленую комнату и не на сверкающую никелем кухню, а на застекленный балкон, несомненно, тот самый, на котором Дмитрий просил Сашу назвать ему нынешние созвездия.

Провода сверху тянутся сюда. На этот раз, вместо того чтобы прострелить дыру в раме, варвары просто разбили одну из стеклянных панелей. Концы проводов замотаны изолентой.

Так вот, значит, где прятался Дмитрий после своего монолога. Вот где он затаил дыхание и ждал, пока я покину зрительный зал. А может, забавлялся с каким-то достаточно сложным устройством, которое позволяло ему видеть и слышать происходящее в комнате Ричарда? Но для чего, скажите на милость? Зачем использовать провода в наш век высоких технологий? *«Потому что низкотехнологичные провода, с точки зрения секретности, куда как предпочтительнее высокотехнологичных сигналов, Тед»*, — ответили ему эдинбургские мудрецы.

С ощущением, что он злоупотребил гостеприимством хозяев, Манди поднимается этажом выше, спускается по шиферной крыше на твердую землю. Он помнит про злых собак и задается вопросом: по-

чему они до сих пор не искусали его, почему не тронули косуль? Возможно, они снялись с лагеря вместе с остальными филантропами. У поваленного забора он пытается убедить косуль следовать за ним, но они наклоняют головы и с укором смотрят на него. «Может, обретут свободу после моего ухода», — думает он.

* * *

В небе пламенеют оранжевые облака. Манди спускается вниз по уходящему из-под ног проселку, твердя себе, что от физических нагрузок одна только польза. С каждым шагом голоса в его голове становятся все настойчивее: дай задний ход, отошли деньги, скажи нет... но кому? Ему нужно поговорить с Сашей, но он не знает, как его найти: *«Я немедленно вылетаю в Париж... Я лично отвечаю за комплектование библиотек наших учебных заведений...»* Да, черт побери, но какой твой телефонный номер? Я не спросил.

— Блокпост, — говорит он вслух и чувствует, как вдруг скручивает живот.

Цепочка пограничников или полицейских, точно он сказать не может, перегораживает проселок в двадцати ярдах ниже. Он насчитывает девять человек. Все в серо-синих брюках и черных куртках с красным кантом, и Манди догадывается, что это австрийцы, не немцы, поскольку в Германии он такой формы прежде не видел. Они целятся в него из винтовок. За ними толкуются штатские.

Некоторые из пограничников-полицейских взяли на мушку его голову, остальные — грудь. Руки ни у кого не дрожат. Кто-то, прибегнув к помощи громкоговорителя, приказывает ему на немецком положить руки на голову, *немедленно*. Поднимая руки,

Манди видит других мужчин, справа и слева от себя, не меньше десятка с каждой стороны. И отмечает, какие правильные они заняли позиции, расположились именно так, чтобы не попасть друг в друга, стреляя в него. Голос, усиленный громкоговорителем, накатывает на него из группы, что стоит ниже его, в утренней тишине разносится по всей долине. Голос с сильным баварским акцентом, а может, австрийским.

— Снимите руки с головы и вытяните вперед и вверх.

Он проделывает все, что ему говорят.

— Потрясите руками.

Трясет.

— Снимите часы. Положите на землю. Закатайте рукава рубашки. Выше. До самых плеч.

Закатывает рукава, насколько возможно.

— Поднимите руки и поворачивайтесь. Продолжайте поворачиваться. Остановитесь. Что у вас в жилетке?

— Паспорт и деньги.

— Больше ничего?

— Нет.

— И под жилеткой ничего?

— Ничего.

— Оружия нет?

— Нет.

— Бомбы нет?

— Нет.

— Уверены?

— Абсолютно.

Манди его вычислил. Он стоит по центру девятки. Шапочка с козырьком, горные ботинки. Без винтовки, зато с биноклем. Всякий раз, когда он гово-

рит, ему приходится опускать бинокль и подносить ко рту микрофон.

— Прежде чем вы снимите жилетку, я собираюсь вам кое-что сказать. Вы готовы?

— Да.

— Если вы прикоснетесь к карманам жилетки или сунете руку под нее, мы вас уьем. Понятно?

— Понятно.

— *Только одной рукой* вы снимаете жилетку. Медленно, медленно. Ни одного резкого движения, а не то мы вас застрелим. Это не проблема. Мы убиваем людей. Это наша работа. Возможно, вы тоже убиваете людей, а?

Держа правую руку над головой, левой Манди находит застежку «молнии» у шеи, медленно тянет ее вниз.

— Хорошо. *Снимайте.*

Он выскальзывает из жилетки, позволяет ей упасть на землю.

— Положите руки на затылок. Хороший мальчик. А теперь сделайте пять больших шагов влево. Остановитесь.

Манди делает пять шагов и краем правого глаза видит, как храбрый молодой жандарм приближается к его жилетке, тычет в нее стволом винтовки, потом переворачивает.

— Все чисто, капитан! — докладывает он.

Демонстрируя чудеса храбрости, жандарм закидывает винтовку на плечо, поднимает жилетку, спускается с ней по склону к своему боссу, бросает у его ног, словно убитого зверька.

— Снимите рубашку.

Манди снимает. Майку он не носит. Зара говорит, что он слишком худой. Мустафа — слишком толстый.

— Снимите левый ботинок. *Медленно!*

Он снимает левый ботинок. Медленно.

— Правый ботинок.

Он наклоняется и снимает правый ботинок. Также медленно.

— Теперь носки. Хороший мальчик. Теперь пять шагов вправо.

Он возвращается на то место, где стоял раньше, босиком стоит на иголках.

— Расстегните пряжку ремня. *Медленно.* Разденьтесь догола. Да, трусы тоже снимайте. А теперь снова положите руки на затылок. Как вас зовут?

— Манди. Эдуард Артур. Английский подданный.

— Дата рождения?

Капитан держит паспорт Манди в руке, свободной от бинокля, и проверяет его ответы. Должно быть, выудил паспорт из кармана жилетки.

— Пятнадцатое августа 1947 года.

— Место рождения?

— Лахор, Пакистан.

— Почему у вас английский паспорт, если вы из Пакистана?

Вопрос слишком большой, чтобы на него мог ответить голый невооруженный человек. Когда у моей матери начались схватки, солнце еще было индийским. К тому моменту, когда она умерла, уже стало пакистанским, но вам этого не понять.

— Мой отец был англичанином, — отвечает он. Мог бы добавить, что мать — ирландкой, но не видит в этом необходимости.

Вверх по склону к нему направляется пожилой солдат с бровями Рождественского деда, натягивая на руки резиновые перчатки. Его сопровождает молодой жандарм, который несет тюремные робу и штаны.

— Наклонись, пожалуйста, сынок, — просит старик. — Не создавай мне трудностей, а не то они пристрелят нас всех, так что будь паинькой.

В последний раз такое проделывали со мной, когда меня только-только завербовали в секретное ведомство. Кейт решила, что у меня рак простаты, потому что я слишком часто мочился, но причина была в нервах. Старик так далеко засовывает пальцы в зад Манди, что тому хочется кашлянуть, но не находит, чего искал, а потому кричит своему капитану: «Nix!» На алой робе пуговиц нет, поэтому Манди приходится надевать ее через голову. Штаны слишком велики для него, поэтому спадают даже после того, как он максимально завязывает тесемки.

Двое мужчин заворачивают ему руки за спину. Лодыжки схватывают кандалами. В рот вставляют кляп. Глаза закрывают большими черными очками. Ему хочется кричать, но он может лишь хрипеть. Он с удовольствием бы упал, но дюжина рук помогает ему спуститься с холма. Его рот наполняется выхлопными газами, когда его усаживают на вибрирующий металлический пол между мысками ботинок. Он вновь в Стальном гробу, едет на сортировочный узел, да только там его не будет ждать Саша с разводным ключом. Пол дергается вперед, ногами он ударяется в задние двери. Он и так ничего не видит, но за столь очевидное нарушение дисциплины его ослепляет удар ногой в левый глаз. Нет, это не Стальной гроб, он — Саша, которого в собачьей клетке везут на виллу к Профессору. А потом он вновь становится Тедом Манди, в grüne Minna, и едет в полицейский участок, чтобы сделать еще одно добровольное признание.

Автомобиль резко останавливается. Он поднима-

ется по железной лесенке под вращающимися лопастями вертолета. Его снова укладывают на пол, на этот раз приковывают. Вертолет поднимается в воздух. Манди мутит. Вертолет летит и летит, и он не знает, сколь долго. Наконец садится, его спускают по лестнице, ведут по асфальту, потом через несколько гулко захлопывающихся дверей. Наконец он прикован к стулу в комнате с серыми кирпичными стенами без окон и с единственной стальной дверью. Проходит какое-то время, прежде чем он понимает, что снова может видеть.

После этого, по его разумению, проходит два-три часа и несколько жизней, прежде чем он вновь свободный человек, сидящий в своей одежде в удобном кресле уютно обставленного кабинета, где мебель из дерева красных тропических пород, на стенах — фотографии героических пилотов, радостно машущих рукой из кабины, а в камине весело горит газовый рожок, стилизованный под полено. Одной рукой он прижимает к левому глазу теплый компресс. В другой держит большой стакан с сухим мартини. А напротив сидит его давний друг и исповедник, Орвилл Дж. Рурк, зовите меня Джей, из Центрального разведывательного управления в Лэнгли, штат Вирджиния, и, черт побери, Тед, ты не постарел ни на день с тех пор, как многие годы тому назад мы с тобой бродили по улочкам Лондона.

* * *

Манди возвращается к жизни и теперь может вспомнить самое недалекое прошлое, разделенное на три сегмента.

Сначала он был Манди-террористом, прикованным к стулу, которому задавали множество агрессив-

ных вопросов два молодых американца и одна американская матрона. Матрона что-то спрашивала на арабском, в надежде подловить его.

Потом он стал Манди-объектом-тревоги, главным образом для молодого мужчины-врача, тоже американца и, судя по его поведению, военного. Врача сопровождал санитар, который принес одежду Манди, повешенную на плечики. Доктор хотел прежде всего взглянуть на *этот ваш глаз, если вы позволите, сэр.*

И санитар обращался к Манди исключительно «сэр». «Сэр, с другой стороны коридора ванная и туалет», — сообщил он, передавая Манди одежду на пороге камеры с распахнутой дверью.

Врач заверил Манди, что насчет глаза можно не волноваться. Все заживет. Если возникнут неприятные ощущения, закрыть повязкой. Манди, всегда джентльмен, говорит, что премного благодарен, но с повязкой он уже недавно ходил.

А после этого он становится Манди Великолепным, принимающим визитеров в той самой комнате, где сидит и сейчас. К его услугам кофе, пирожные, сигареты «Кэмел», от которых он отказывается, перед ним извиняются люди, которых он в глаза не видел, а он заверяет их, что не сердится, все прощено и забыто. И эти смущенные молодые люди, и женщины с простыми именами, вроде Хэнк, Джефф, Нэн и Арт, спешат сообщить Манди, что начальник оперативного отдела уже летит из Берлина, а пока мы... ну... знаете, сэр, все, что мы можем сказать: мы очень сожалеем о случившемся, мы же понятия не имели, кто вы, и... это говорит Арт... *я горжусь тем, что лично познакомился с вами, мистер Манди, сэр, на подготовительных курсах нам рассказывали о ваших под-*

вигах. Как предполагает Манди, речь идет о его шпионской деятельности в годы «холодной войны», а не заслугах на учительском поприще или удачном исполнении роли верного слуги короля Людвига. Но как Арт смог связать Манди с одним из исторических примеров, который приводился на лекциях или семинарах в школе подготовки ЦРУ, для Манди загадка. Разве что Джей Рурк в ярости рассказал им об этом, чтобы они поняли, как здорово облажались. Потому что мистер Рурк действительно рассердился на нас, сэр, и он хочет, чтобы мистер Манди узнал об этом до его приезда.

— Я думаю, есть только один-единственный аргумент, который мы можем привести в защиту молодежи: они выполняли приказ, — часом позже, печально покачивая головой, суммирует Рурк.

Манди отвечает, что он знает, знает. Рурк тоже совершенно не изменился, думает он. О чем можно только пожалеть в случае, когда знаешь человека как облупленного. Вот Манди и видит то же самое фиглярничающее, худощавое, симпатичное, лениво cedящее слова бостонское дерьмецо, каким Рурк был всегда, в дублинском костюме, гарвардских туфлях на рубчатой подошве и с ирландским обаянием.

— Очень жаль, что мы не смогли попрощаться, как положено, — вспоминает Рурк, словно у него есть потребность снять камень с души. — Должно быть, разразился какой-то кризис, и меня выдернули с такой скоростью, что я даже не успел захватить зубную щетку. И, черт побери, можешь мне поверить, Тед, даже под угрозой расстрела я не вспомню, что именно тогда произошло. И все же я думаю, что поздороваться всегда лучше, чем попрощаться. Даже при *таких* обстоятельствах.

Манди придерживается того же мнения и пригубливает martini.

— Мы сообщили австрийцам, что нас интересует определенный дом. Подозревали связь с террористами и хотели прежде всего узнать, кто и зачем там бывает. Полагаю, мы сами на это напросились, а теперь нам придется с этим жить. В результате сверхугодность наших друзей и союзников и полное неуважение к человеческим правам невинных людей.

«А ты по-прежнему демонстрируешь насквозь фальшивый мятежный дух», — думает Манди.

— Наслаждаешься войной? — спрашивает Рурк.

— Ненавижу ее, — со злостью, насколько позволяет его состояние, отвечает Манди.

— Я тоже. Управление никогда и ничем не поощряло этих гребаных вашингтонских евангелистов, даю тебе слово.

Манди говорит, что может в это поверить.

— Тед, можем мы перестать злиться?

— Если это то, чем мы сейчас занимаемся, почему нет?

— Тогда почему бы тебе не объяснить, что ты там делал, Тед, зачем в четыре часа утра забрался в пустой дом, который вызывает у нас определенный интерес. Скажу тебе откровенно, только между нами, что, садясь в самолет и по дороге сюда, я не мог не задаться вопросом, а может, мы поступили правильно, арестовав тебя?

ГЛАВА 13

Манди много думал о том, как ему отвечать на вопросы Рурка, и с неохотой пришел к выводу, что должен сказать ему правду. Он исследовал проблему

с Сашиной точки зрения и со своей. Тщательно обдумал убедительную просьбу Саши о конфиденциальности и тысячедолларовый контракт Ричарда, но решил, что в данной ситуации ни первое, ни второе его не связывает. Если он и считает необходимым что-то опустить в своем рассказе, так это подробности великого замысла Дмитрия и его объявления войны растлевающей мощи корпоративной Америки. А в остальном он готов признаваться, совсем как в прежние времена.

В конце концов, какие могут быть тайны у двух закадычных друзей?

И Рурк, точно так же, как в те дни, когда они сидели в доме на Итон-Плейс, слушает его, преисполненный терпимости и неуважения к власти, отчего откровенные разговоры с ним столь приятны. И когда Манди заканчивает рассказ, Рурк довольно долго сидит, зажав подбородок в кулаке, глядя прямо перед собой, иногда позволяя себе легкий кивок и поджав губы, прежде чем поднимается и, словно директор школы, начинает мерить кабинет шагами, глубоко засунув руки в карманы габардиновых брюк.

— Тед, у тебя есть хоть малейшее представление о том, чем занимался Саша в последние десять лет? — спрашивает он, делая такой упор на слове «*представление*», что Манди может ожидать самого худшего. — С какими общался людьми, в каких бывал местах?

— Не так чтобы очень.

— Саша не говорил тебе, где побывал? С кем *сидился* в одну лодку?

— Мы об этом не говорили. Он время от времени писал мне, пока находился в диких местах. Но без подробностей.

— В диких местах? Так он это называл?

— Нет, это мой термин.

— И вот на этой конспиративной квартире у озера... он сказал тебе, что Дмитрий — великий и хороший человек?

— Дмитрий его просто потряс.

— И ты не заметил в Саше никаких перемен после стольких лет разлуки... кардинальных перемен. Тебе не показалось, что он стал другим человеком, отошел от тебя, между вами возникла стена?

— Остался таким же маленьким говнюком, каким был всегда, — отвечает Манди, которому определенно не нравится направление, в котором смещается разговор.

— К примеру, Саша выразил свое отношение к случившемуся одиннадцатого сентября?

— Полагал, что это отвратительно.

— Не высказался в том смысле, что «они сами напросились»?

— Даже не намекнул, что удивительно.

— Удивительно?

— Ну, учитывая, что он всегда вешал на Америку всех собак, а также увиденное им в последние годы в странах третьего мира, я бы совершенно не удивился, если б он написал: «Мерзавцы получили по заслугам».

— Но он этого не написал?

— Совсем наоборот.

— Это было в письме?

— Да.

— Отдельном письме, посвященном этой теме?

— Тем в письме хватало.

— Когда он написал письмо?

— Через пару дней после события. Может, через день. Не обратил внимания.

— Откуда?

— Кажется, из Шри-Ланки. Он читал лекции в Канди.

— И ты нашел письмо убедительным? Не почувствовал, что оно...

— Оно что?

Рурк выразительно пожимает плечами.

— Что оно написано для чужих глаз. На случай, если его друг Тед передаст письмо одному из своих добрых знакомых в английской разведке.

— Нет, не почувствовал, — говорит Манди в спину Рурка, ждет, когда тот повернется к нему лицом, но тот не поворачивается.

— Тед, когда ты был с Сашей в Берлине в те стародавние времена, он высказывал свое мнение насчет *прямых действий*?

— Выступал категорически против. Ни под каким видом.

— Он называл причину?

— Конечно. Насилие играет на руку реакционерам. Прибегать к насилию — обрекать себя на поражение. Он повторял это снова и снова. Десятки раз.

— Значит, исходил из практических соображений. Насилие не работает, следовательно, давайте найдем другие средства, которые сработают. А если бы насилие приносило плоды, он бы не стал от него отказываться.

— Ты можешь называть его соображения практическими. А можешь и нравственными. Для него это вопрос веры. Если бы он верил в бомбы, то стал бы бросать бомбы. Такой уж он человек. Он не верил в бомбы, поэтому бомбометатели подмяли под себя протестное движение, а он совершил ошибку всей

жизни, перебравшись через Стену не в том направлении.

Манди слишком уж горячо негодует и знает это, но от инсинуаций Рурка зазвенели тревожные колокольчики, которые надобно заглушить.

— Поэтому, если я скажу тебе, что он перепрыгнул *еще через одну* стену, тебя это не сильно удивит? — вкрадчиво спрашивает Рурк.

— В зависимости от того, о какой стене пойдет речь.

— Нет, не удивит. И ты это чертовски хорошо знаешь, Тед Манди, — вкрадчивости прибавляется. — Мы говорим о черной дороге. Мы говорим о калекке с навязчивой идеей, который или должен сыграть за Суперкубок¹, или останется никем. — Рурк простирает руки, словно взывает к вечному газовому рожку, стилизованному под полено. — *«Я — Саша, фундаменталист. Внимайте мне. Я обращаю реки вспять и сдвигаю горы. Я сижу у ног великих философов и обращаю их слова в дела»*. Знаешь, кто такой Дмитрий, когда он не надевает личину Дмитрия?

Пальцы Манди искажают то выражение, что появляется на его лице.

— Нет, не знаю. Кто?

Рурк подходит ближе. Так близко, что, наклонившись, может упереться руками в подлокотники кресла Манди и смотрит ему в глаза с благоговейным трепетом перед секретом, который собирается открыть.

— Тед, мало того, что о нашем сегодняшнем разговоре никто не знает, так и самолет, на котором я

---

¹ Суперкубок — главный матч сезона в американском футболе, встреча команд-победительниц Национальной и Американской конференций. Проводится с 1967 г.

прибыл, летел пустым. Я не выходил из-за моего гребаного стола в Берлине, и у меня есть шесть свидетелей, которые подтвердят это под присягой. Дмитрий говорил тебе, что он — исследователь жизни, которая невидима обычным людям?

— Да.

— Я бы предпочел выслеживать Люцифера. Он не пользуется телефоном, не прикасается к мобильнику. Компьютеры, электронные письма, электронные пишущие машинки, телеграммы — об этом можно забыть. — Манди вспоминает низкотехнологичные провода в сельском доме. — Он лучше проедет пять тысяч миль, чтобы шепнуть словечко человеку, который находится посреди Сахары. Если он посылает тебе почтовую открытку, смотри на картинку, потому что сообщение в ней, а не в тексте. Он живет в роскоши и нищете, ему без разницы. Никогда не проводит две ночи в одной постели. Снимает дом на чье-то имя в Вене, Париже, Тоскане или высоко в горах, въезжает, всем своим видом показывая, что обоснуется здесь на всю жизнь, а следующую ночь проводит в пещере в гребаной Турции.

— Во имя чего?

— Бомбы на рыночной площади. Он бросал бомбы за испанских анархистов, воюющих с Франко, за басков, воюющих с испанцами, за «Красные бригады», воюющие с коммунистами. Он якшался с тупамарос и пятьюдесятью семью палестинскими террористическими организациями, играл по обе стороны сетки в Ирландии. Хочешь, я процитирую тебе его послание своей пастве в Старой Европе? Тебе понравится.

Ожидая развязки, Манди отмечает удовольствие, получаемое Рурком от элегантности, с которой ему

удаётся описывать мерзости жизни. Чем отвратительнее подробность, тем более утонченными становятся его манеры. Вот и теперь он возвращается в собственное кресло, вытягивает ноги, пригубливает martini.

— «Друзья, — говорит он, — для нас, рассерженных Европы, пришло время забыть о нашей всегдашней чертовой разборчивости. Как насчет того, чтобы проявить толику солидарности с исполнителями самого сенсационного акта противодействия капитализму со времен изобретения пороха? Как насчет того, чтобы протянуть руку дружбы нашим братьям и сестрам по оружию на других континентах, не бормоча о мелких претензиях, которые они предъявляют демократии? Разве нас не объединяет ненависть к общему врагу? Эти парни из «Аль-Каиды» обратили в реальность практически все мечты Михаила Бакунина. Если антифашисты не могут терпеть различные мнения в своих рядах, скажите мне, кто может?»

Он ставит стакан, ловит взгляд Манди, улыбается.

— Вот кто такой Дмитрий, Тед. Когда он в собственном обличье, а не в маске Дмитрия. И это последний гуру Саши. Так что давай перейдем к следующему вопросу, Тед: кто такой Тед Манди и каково его место в этом уравнении?

— Ты чертовски хорошо знаешь, кто я такой! — взрывается Манди. — Ты провел не один месяц, роясь в моем грязном белье, черт побери!

— Да *перестань*, Тед! Это было *тогда*. Сейчас другое время, время людей-бомб. Ты с нами или против нас?

* * *

Теперь приходит очередь Манди пройтись по комнате и взять свои эмоции под контроль.

— Я все-таки не понимаю, чего хочет Дмитрий, — наконец говорит он.

— Ты мне и скажи, Тед. Мы знаем все и не знаем ничего. Он в контакте с людьми, которые связаны с анархистскими группами по всей Европе. Что с того? Он заигрывает с ведущими европейскими профессорами, занимающимися антиамериканскими исследованиями. Он говорит о том, чтобы пригвоздить Большую Ложь. У него есть свита. Он требует, чтобы они одевались, как враг. Это его давняя поговорка: фашисты дважды подумают, прежде чем прострелят дыру в хорошем костюме. Он рассказал тебе эту историю?

— Нет.

Откинувшись на спинку кресла, Рурк позволяет себе отклониться от главной темы.

— Это очень забавно. Однажды он попал в перестрелку с греческой полицией, и на нем был костюм стоимостью в семьсот долларов. У него закончились патроны, он стоит на открытой площади в центре Афин с пистолетом в руке и смотрит на снайпера, который целится в него с крыши. Надевает шляпу на голову и уходит с площади до того, как снайпер решается пробить пулей его семисотдолларовый костюм. Так он тебе этого не рассказывал?

— Откуда он получает все эти деньги? — хочет знать Манди, выглядывающий в окно.

— Отовсюду. Небольшими суммами, но со всех концов света. Это нас очень тревожит: слишком много у него денег. На этот раз их источник — Ближний Восток. Перед этим он черпал деньги в Латинской

Америке. Кто их ему дает? Зачем? Как он намерен их использовать? Чтобы все в этом мире вдруг стали говорить правду и только правду? Скорее медведи в лесу начнут сосать леденцы. Он стареет. Он просит, чтобы ему вернули долги, которых накопилось предостаточно. Ему обязаны многие. Почему? Какой станет его последняя игра? Мы думаем, он собирается устроить взрыв.

— Какой взрыв?

— А какие бывают взрывы? Гейдельберг — место, где Германия встречается с Америкой. Красивый город, который мы не бомбили в сорок пятом, чтобы Америке было где разместить штаб оккупационной армии после окончания войны. Марк Твен пел дифирамбы этому городу. Здесь Америка начала пост-гитлеровский, антисоветский период. Этот город стал американской марктвенской деревней и американской патрикгенриской¹ деревней, населенной тысячами и тысячами американцев. Здесь располагается штаб американской армии в Европе и много разных других штабов. В семьдесят втором году группа Баадер-Майнхоф убила здесь нескольких американских солдат и взорвала из гранатомета штабной автомобиль американского натовского генерала, едва не отправив на тот свет его самого. Если хочется поссорить Америку и Германию, Гейдельберг не самое плохое место для того, чтобы заявить об этом. Тебе нравится этот город?

— Я его обожаю.

— Тогда, может, у тебя есть желание помочь нам в его спасении.

Манди уже решил, каково его отношение к Рурку.

---

¹ Генри, Патрик (1736—1799) — юрист, политический деятель, один из видных борцов за независимость колоний.

Есть в нем что-то совершенно нетронутое, что-то оскорбительно девственное. Слова, которые ранее Манди трактовал как жизненный опыт, на самом деле слова чрезмерно избалованного ребенка, которого никогда не избивала полиция другой страны, который тайно не пересекал границу, которого не запирали в «Белом отеле», не связывали, не приковывали к полу в вертолете. В этом контексте он воплощает в себе наименее привлекательное качество как обоих наших западных лидеров, так и их пресс-секретарей: завышенная самоуверенность, которая легко переступает через реалии человеческого страдания.

Он просыпается, чтобы обнаружить, что Рурк вербует его. Не отчаянно, как Саша, не тонко, как Эмори, не в лоб, как Профессор, не с мессианским флером, как Дмитрий. Но достаточно красноречиво.

— Ты будешь делать то, что делал раньше, Тед. Ты становишься нашим человеком. Ты притворяешься их человеком. Остаешься на борту. Мы ждем. Ты наблюдаешь и слушаешь. Ладишь с Сашей, Дмитрием, всеми, кто появляется в твоей жизни. И выясняешь, что они, на хрен, замыслили.

— Может, Саша не знает.

— Он знает, Тед. Саша — предатель, помни.

— По отношению к кому?

— Разве он не шпионил за своими? Может, у тебя есть более мягкий термин. Разве его отец дважды не менял хозяев? За последние несколько лет Саша стал для нас заметной фигурой. Мы не теряем таких из виду. Даже когда они бродят в диких местах в поисках нового бога, который вновь зажжет их глаза. — Рурк замолкает, давая Манди возможность оспорить его тезис, но Манди молчит. — А когда ты заканчиваешь с ожиданием, ты начинаешь ждать снова. По-

тому что таковы правила этой игры: ждешь и ждешь, выясняешь все нюансы до того магического момента, когда специальный агент Тед Манди вскакивает на стол, показывает свой жетон и говорит: «Итак, мальчики, мы все хорошо провели время, но концерт окончен. Так что бросайте оружие и поднимайте руки, вы окружены». Тед, ты хочешь задать вопрос.

— Какие у меня будут гарантии?

Рурк одаривает его своей самой гостеприимной улыбкой.

— Если все будет развиваться в соответствии с нашими предположениями, полный пакет программы защиты свидетелей для тебя и твоих близких, переселение в другое место, сумма с шестью нулями на банковском счету, недвижимость. Обучение новой профессии, но ты для этого староват. Хочешь обговорить конкретные цифры?

— Я тебе верю.

— Ты спасешь человеческие жизни. Возможно, множество жизней. Тебе нужно время, чтобы подумать? Я готов сосчитать до десяти.

— Какова альтернатива?

— Я ее не вижу, Тед. Копаюсь в голове, ищу в сердце. Ты можешь обратиться к немецкой полиции. Они могут помочь. Раньше-то помогали. Ты — английский эмигрант, бывший берлинский анархист, живущий с отошедшей от дел турецкой проституткой. Я не сомневаюсь, что они озаботятся твоими проблемами.

Манди что-то говорит? Скорее нет, чем да.

— Я предполагаю, что они передадут тебя немецкой разведке, которая отправит тебя к нам. Не думаю, что теперь тебя оставят в покое. В нашем бизнесе такого не бывает. Ты слишком лакомый кусо-

чек. — Он наклоняет голову, делая вид, что прислушивается. — Я слышу «да»? Я вижу кивок?

Вероятно, Рурк и слышит, и видит. Но Манди если говорит «да» и кивает, то рассеянно. Потому что мыслями он далеко, в Париже, с Сашей и учеными из его литературного комитета. *«Мы неразделимы, Тедди. Я в этом убежден. Мы столько выдержали вместе... Давным-давно ты спас мне жизнь. Позволь мне стать для тебя дорогой к спасению души».*

* * *

Манди ждет.

И, наждавшись, ждет снова.

Не двух событий, которые произойдут одновременно. Когда он ждет, все происходит по очереди. Он ждет в Линдерхофе и дома конверта со знакомым Сашиним почерком, глуховатый Сашин голос в телефонной трубке.

На один день уезжает в Гейдельберг, три часа на поезде в один конец, и говорит с уборщиками, строителями и дизайнерами, но послание от Саши не дожидается его и в этом городе, а когда он возвращается около полуночи, выясняется, что Зара отпросилась с работы и приехала домой раньше обычного.

Она чувствует: он что-то знает и не говорит ей. Ее подозрения зародились, когда он остался в Гейдельберге в ту ночь. Она не верит, что у него была вторая встреча с банкирами на следующее утро. А еще этот фингал.

Он терпеливо, не в первый раз, говорит ей, что вина целиком на нем. На узкой улочке возвели строительные леса, что-то ремонтировали, а он, вместо того чтобы обойти это место, пошел напрямую: С лесов упала доска и угодила ему в глаз. Это цена, кото-

рую приходится платить за высокий рост. В следующий раз буду смотреть внимательнее, где хожу.

Что они от тебя хотят, эти банкиры, в которых я не верю, спрашивает она. Держись от них подальше. Они хуже полиции.

Он пытается рассказать ей о малой части того, что им от него нужно. Банкиры нормальные, заверяет он ее. Они вкладывают деньги, и, если я смогу поставить школу на ноги, они, возможно, даже разрешат мне ею руководить. В любом случае попытаться стоит.

На немецком она говорит кое-как, турецкого он не знает совсем. Где-то они понимают друг друга, иногда приходится прибегать к помощи Мустафы, который с гордостью выполняет функции переводчика. Но чтобы понять чувства, они должны спрашивать у лиц, глаз, тел. На этом языке Зара получает правильный ответ: увертки. На этом языке ответ, который получает Манди: страх.

Наутро, приехав в Лидерхоф, он посещает подсобку садовника и достает тысячу долларов Ричарда. Тем же вечером оставляет деньги в стоматологической клинике. Сломанные зубы наконец-то заменятся вставными. Но, когда он показывает Заре квитанцию, она лишь поначалу радуется, а потом вновь мрачнеет. Через Мустафу обвиняет Манди в краже денег. Ему с огромным трудом удается убедить ее, что деньги заработанные. Мне заплатили премию, Зара. За те часы, которые я отработывал за других, в их отсутствие. Для опытного лжеца с этой задачей он справляется на троечку, а когда тянется к ней в постели, она отодвигается на самый край. *Ты больше меня не любишь*, говорит она. Днем позже Мустафа слишком уж часто дразнит его несуществующей подружкой. Манди резко осаживает его, а потом не находит себе места от стыда. В искупление вины весь

вечер корпит с Мустафой над Куполом скалы и заказывает компьютер, который давно хочет заполучить Мустафа.

Рурк звонит своему новому агенту ежедневно по сотовому телефону старенькой модели, ровно в половине первого, во время перерыва на ленч. Рурк лез из кожи вон, пытаясь уговорить Манди взять разработанный специалистами Управления суперсовременный, суперзащищенный, работающий и в холод, и в жару мобильник, но Манди остался непоколебим. Я — последний луддит в шпионском бизнесе. Так что очень сожалею. Он где-то прочитал, но не стал делиться этим с Рурком, что есть мобильники, которые при необходимости могут отрывать людям головы. Как обычно, Рурк обходится без «Привет, Тед» или «Это Джей».

— Майкл и его друзья закончили подготовку домашнего задания, — сообщает он. Майкл — это Саша. — Через пару дней он может подъехать.

Значит, ждем Майкла.

Два дня растягиваются в четыре. Рурк говорит, расслабься, Майкл встретился с давними друзьями.

На пятый, проходя по административному крылу, Манди замечает в своей ячейке конверт. Адрес напечатан на принтере, судя по почтовому штемпелю, отправлен конверт из Вены. Само письмо — лист простой бумаги, текст на английском, тоже напечатан на принтере, дата проставлена, подписи нет.

«Дорогой мистер Манди!

Ценный груз с книгами прибудет в вашу школу в среду, 11 июня, от семнадцати до девятнадцати часов. Постарайтесь присутствовать при доставке. Наш представитель обязательно подъедет».

Ответ не требуется, да и что можно ответить? Рурк говорит, расслабься, Майкл будет «нашим представителем».

* * *

Стоя у окна на первом этаже школьного здания в Гейдельберге и глядя на выложенную кирпичом дорожку, идущую к железным воротам, Манди испытывает глубокое облегчение от того, что его мысли и действия наконец-то сливаются воедино. Он в том месте, где находился мыслями последние две недели. *«Майкл уже в пути, — подтверждает Рурк по сотовому телефону. — Поезд Майкла чуть задержался по техническим причинам, он будет с тобой примерно через полчаса»*. Телефонные сводки Рурка высокомерные и ложные. Манди их ненавидит. На нем старый кожаный пиджак и вельветовые брюки: ничего из того, что он носил или снимал во время пленения. Он понимает, что от слезки ему деться некуда, но не хочет быть ходячим микрофоном. На часах пять двадцать. Последний рабочий ушел десятью минутами раньше. Это ребята из Контр-университета учитывают все.

В дни ожидания Манди пытался со всех сторон рассмотреть затруднительное положение, в котором оказался, но так и не пришел к какому-либо выводу. Как сказал бы доктор Мандельбаум, он собирал информацию, но где знание? Подстегнутый близостью Сашиного прибытия, он вновь перебирает все варианты, начиная с самого привлекательного.

Рурк и его Управление обманывают и себя, и меня. В лучших традициях своей профессии они обращают фантазию в самореализующееся пророчество. У Дмитрия темное прошлое, он сам это признает, но он испра-

вился, и намерения у него самые благородные, как он и говорит.

Аргумент в поддержку вышесказанного: Рурк — тот самый идиот, который потерял четыре месяца, пытаясь доказать, что Манди и Саша работают на Кремль.

Аргумент против: ночная жизнь бродячего цирка Дмитрия, его грязные деньги, невероятность его Великой Идеи, его роль в налаживании связей между евроанархистами и исламскими фундаменталистами.

Рурк и его Управление все просчитали правильно, Дмитрий не просто плохой, а очень плохой, но Саша — невинный простофиля, клюнувший на его речи.

Аргумент в поддержку вышесказанного: Сашина доверчивость засвидетельствована многократно. Он умен и проницателен, но, как только кто-то взывает к его идеалам, напрочь лишается критичности в оценках и становится идиотом.

Аргумент против: к сожалению, отсутствует.

Дмитрий плохой, как и говорит Рурк, и, цитируя мудрецов из Эдинбурга, Саша — его соучастник, все знающий и полностью отдающий себе отчет в том, что делает. Дмитрий и Саша вместе берут меня в компанию, потому что им нужна моя школа для реализации их гнусных замыслов.

Аргумент в поддержку вышесказанного: за тринадцать лет, проведенных в диких местах, Саша собственными глазами увидел, как Западная индустриализация насилует землю и уничтожает местную культуру. Его лично всячески унижали, он хочет отплатить Западу той же монетой. Теоретически, это веские причины, по которым Саша мог бы ступить на, как сказал Рурк, черную дорогу.

Аргумент против: Саша ни разу в жизни мне не солгал.

Каждый проведенный вне сна час последних дней Манди носит эти неразрешенные аргументы в своей голове, когда гуляет с Мо, когда помогает Мустафе с постройкой модели Купола, когда пытается успокоить подозрения Зары, когда водит своих англоговорящих по замку Безумного Людвига. Они в его голове и теперь, когда он наблюдает, как белый, безо всяких надписей на бортах фургон останавливается у ворот.

Никто из него не выходит. Как и Манди, мужчины ждут. Один уткнулся в книгу. Второй разговаривает по мобильнику. С Дмитрием, Ричардом? А может, с Рурком? У фургона венские номерные знаки. Манди их запоминает. *«У вас фантастические способности, Тед, — говорит ему льстивый эдинбургский инструктор. — Я просто не понимаю, как вам это удается, честное слово, не понимаю».* Все просто, старина, ничего другого в голове у меня нет. Мимо проезжает сверкающий лимузин, «Мерседес», за рулем черная женщина, пассажир — белый мужчина, на крыле городской флаг, впереди полицейский на мотоцикле. Какой-то городской начальник отправился в свою резиденцию, благо на этой дороге их хватает. За лимузином следует городское такси, собственность некоего Вернера Кнау, который любит писать свою фамилию готическими буквами. Задняя дверца открывается, появляется левая кроссовка Саши, потом его нога. Пальцы пианиста ухватываются за дверцу. И вот уже пассажир полностью покинул салон, вместе с партийным брифкейсом. Он стоит, но в отличие от Манди ему нет необходимости хлопать по карманам, чтобы понять, в котором из

них деньги. У него кошелек, и он методично отсчитывает монеты, перекладывая их с одной ладони на другую, как отсчитывал в Берлине, Веймаре, Праге, Гданьске, в любом городе, где Восток встречался с Западом во имя мира, дружбы и сотрудничества. Он расплачивается с таксистом, перекидывается парой слов с сидящими в кабине фургона, указывая на выложенную кирпичом дорожку.

Оставив свой пост у окна, Манди спускается вниз, чтобы встретить его. Это снова наш первый день, думает он. Я должен его обнять, на манер Иуды? Или пожать руку, на немецкий манер? Или показать себя англичанином и ничего не делать?

Он открывает входную дверь. Саша, прихрамывая, радостно спешит по дорожке. Вечернее солнце освещает одну сторону его лица. Манди стоит на крыльце. Саша уже у первой ступеньки, в трех футах ниже. Он роняет портфель. Широко раскидывает руки, чтобы обнять не только Манди — весь мир.

— Тедди, господи! — кричит он. — Этот дом, это место... мы в сказке! Теперь Гейдельберг будет трижды знаменит: Мартин Лютер, Макс Вебер и Тедди Манди! Ты сможешь остаться в Гейдельберге на этот вечер? Мы поговорим... выпьем... поиграем? У тебя есть время?

— А у тебя?

— Завтра я еду в Гамбург, у меня встречи с несколькими известными учеными, с каждым отдельная. А сегодня я — беззаботный гейдельбергский студент. Буду пить, я вызову тебя на дуэль, спою «*Wer soll das bezahlen*»¹, закончу вечер в камере для студентов. — Он тянется рукой к плечу Манди, собравшись

---

¹ «*Wer soll das bezahlen*» — «Пусть остался я без гроша» (нем.).

использовать его как трость, потом нагибается, чтобы достать что-то из брифкейса. — Вот. Это тебе. Подарок из декадентского Парижа. В эти дни не только ты получаешь хорошее жалованье. У нас есть холодильник? Электричество? У нас есть все, я в этом уверен.

Он сует в руки Манди бутылку марочного шампанского, самого лучшего. И Сашу не интересует благодарность Манди. Он протискивается мимо него в холл, чтобы впервые взглянуть на свои новые владения, тогда как Манди ненавидит себя за темные подозрения, которые Рурк посеял у него в голове.

* * *

Поначалу они стоят в холле, и Саша наслаждается лепниной потолка, великолепной парадной лестницей, ротондой красного дерева с дверьми, ведущими в отдельные классы. И Манди должен наблюдать, как разноцветный свет, падающий сквозь стекла фонаря на крыше, превращает Сашу в попугая, но счастливого попугая.

Они идут дальше, Сашу ведет только чутье, Манди дорогу не показывает, но, возможно, его просветили оценщики, в старую библиотеку, ранее разделенную на клетушки, а теперь восстановленную в прежнем великолепии, с уже закрепленными на стенах новыми рейками под регулируемые по высоте полки. Над расправленными плечами шиллеровская голова восторженно поворачивается из стороны в сторону, Саша медленно, но верно, приближается к противоположной стене, открывает дверь во внутренний дворик.

— Святой боже, Тедди! Я думал, уж в этом-то ты дока! Мы ведь можем добавить всю эту площадь к

нашей библиотеке. Стеклянная крыша. Пара стальных колонн, и тут хватит места еще для тысячи томов. Расшириться сейчас — не проблема. Потом это будет суший кошмар.

— Причина номер один: книги не любят стекла. Причина номер два: ты стоишь на новой кухне.

С каждым этажом удовлетворенность Саши нарастает. Верхний нравится ему больше всего.

— Ты собираешься здесь жить, Тедди? С семьей, я слышал?

«От кого?» — хочется спросить Манди.

— Возможно. Есть такой вариант. Мы об этом думаем.

— А тебе обязательно жить здесь?

— Может, и нет. Нужно посмотреть, как пойдет дело.

Саша заговаривает партийным голосом:

— Думаю, ты потакаешь своим желаниям, Тедди. Если мы уберем эти перегородки, то получится общежитие как минимум на двадцать бедных студентов. Мы это делали в Берлине, почему не повторить здесь? Очень важно не создавать даже случайного впечатления, будто ты — лендлорд. Дмитрий очень озабочен тем, чтобы мы не создавали даже подобия административной структуры. Мы должны кардинально отличаться от университета. Не имитировать его.

Что ж, будем надеяться, что стены это слышат, думает Манди. От необходимости отвечать его избавляет шум внизу. Груз уже доставлен к дверям, и мужчины, которые сидели в фургоне, желают знать, куда ставить.

— Конечно же, в библиотеку! — радостно кричит Саша с лестницы. — Где еще, скажите на милость,

должны находиться книги? У этих парней что-то с головой.

Но Манди и бригадир грузчиков уже договорились, что лучшее место для книг — холл: сложить все по центру и прикрыть пленкой до завершения ремонта библиотеки. Грузчики такие величественные и одеты в белое. Манди они более всего напоминают судей по крикету. Саша тем временем описывает свои сокровища.

— Ты увидишь, Тедди, что к крышке каждого ящика снаружи прикреплен пластиковый конверт с перечнем книг, находящихся внутри, и фамилией упаковщика. Тома подобраны по авторам в алфавитном порядке. Ты увидишь, что все ящики пронумерованы и, соответственно, вскрывать их надо, начиная с первого. Ты меня слушаешь, Тедди? Иногда мне кажется, что ты очень уж глубоко уходишь в себя.

— Идею я улавливаю.

— Мы говорим о ядре библиотеки, включающем четыре тысячи наименований. Книги, которые, по нашему разумению, будут пользоваться особым спросом, доставлены в нескольких экземплярах. Конечно же, ящики можно вскрывать лишь после полного завершения строительных работ. Книги, если их расставить по полкам раньше, только запылятся, их придется снова снимать с полок, чтобы стирать пыль, а это потеря времени и денег.

Манди обещает, что все указания Саши будут в точности выполнены. Пока грузчики заносят ящики в холл, он уводит Сашу в сад, где тот не будет путаться под ногами, и усаживает на качающуюся скамейку.

— Чего ты так задержался в Париже? — как бы

между прочим спрашивает он, думая, не оскорбит ли Сашу его любопытство.

Но вопрос Саше, наоборот, нравится.

— Мне улыбнулась удача, Тедди. Одна дама, знакомством с которой я наслаждался в Бейруте, оказалась в городе проездом, и мы смогли, как говорят дипломаты, обменяться мнениями по всем интересующим стороны вопросам.

— В постели?

— Тедди, я думаю, тебе не хватает деликатности... — произносится с самодовольной ухмылкой.

— А как зарабатывает на жизнь эта дама?

— Раньше работала в международных организациях распределения гуманитарной помощи, теперь журналистка.

— С радикальными взглядами?

— С правдивыми взглядами.

— Ливанка?

— Если уж точно, француженка.

— Она работает на Дмитрия?

Саша выпячивает подбородок, показывая недовольство вопросом.

«Значит, да, она работает на Дмитрия», — думает Манди.

В этот самый момент слышит шум двигателя фургона. Вскрикивает, но он уже опоздал. Грузчики уехали, не попросив нигде расписаться, не оставив квитанцию, не взяв чаевые.

* * *

Великая идея Тедди Саше нравится. После напряженных дней, проведенных в Париже, пикник ему просто необходим. Необходим он и Манди, но по другим причинам. Он хочет перенестись в леса

под Прагой, в тот день, когда Саша признался, что его отец — шпион Штази. Ему нужна буколическая идиллия для совместного признания. Велосипеды он уже занял у Стефана. Маленький, самого Стефана, для Саши, большой, на котором ездит его сын-здоровяк, для себя. Уже купил колбасу, сваренные вкрутую яйца, помидоры, сыр, копченую курицу и хлеб из грубой ржаной муки, которого терпеть не может, но Саша его любит. Купил виски и бутылку бургундского, чтобы развязать язык Саши и, несомненно, свой. Они договорились, что Манди сбережет Сашино шампанское до Дня открытия.

— А ты хоть знаешь, куда мы поедем? — спрашивает Саша, изображая тревогу, когда они трогаются с места.

— Разумеется, знаю, идиот. Чем, по-твоему, я занимался весь день?

Мне надо с ним поссориться? Накричать на него? Манди никогда раньше никого не допрашивал, а начинать с друзей — не самый лучший вариант. Помни об Эдинбурге, говорит он себе. *«Наилучшие результаты дают допросы, когда подозреваемый не знает, что его допрашивают»*. Он нашел уединенное местечко в нескольких милях от города. В отличие от Праги, это не лесная вырубка, а берег реки, там тихо, спокойно и густая растительность не позволяет подсматривать. Есть скамья, и ивы нависают над струящейся водой.

* * *

Манди берет на себя роль хозяина, разливает вино, раскладывает еду. Саша оккупировал скамью, улегся на спину, положил больную ногу на здоровую. Рубашку он расстегнул, подставил солнцу голую

грудь. На реке гребцы изо всех сил гонят лодку против течения.

— Так что еще ты подделывал в Париже, когда не отбирал книги и не спал с журналистками? — любопытствует Манди, посчитав этот вопрос подходящим для вступления.

— Можно сказать, инспектировал войска, Тедди, — небрежно отвечает Саша. — Тебя опять побила Зара? — Синяк под глазом Манди окончательно не прошел.

— Новые войска, старые войска? Людей, которых ты знал по прошлым жизням? Какие войска?

— наших лекторов, разумеется. Лекторов и интеллектуалов, которые будут вести занятия в нашем университете. А о каких войсках, по-твоему, я говорю? Лучшие некупленные умы во всех основных дисциплинах.

— И где ты их откапываешь?

— В принципе во всем мире. На практике, в Старой Европе. Дмитрий отдает ей предпочтение.

— В России?

— Мы пытаемся. Любая страна, не вошедшая в Коалицию¹, занимает почетное место в списке Дмитрия. К сожалению, в России исключительно трудно найти не скомпрометировавших себя левых.

— Значит, лекторов отбирает Дмитрий, а не ты?

— Они отбираются в результате консенсуса. Предлагаются определенные кандидаты, многих, уж не сочти меня нескромным, называю я, формируется список и передается Дмитрию.

— В списке есть арабы?

— Будут. Не сразу, на втором или третьем этапе.

---

¹ Ко а л и ц и я — страны, поддержавшие войну 2003 г. в Ираке и направившие свои войска в эту страну.

Дмитрий — прирожденный генерал. Мы намечаем малое, достигаем поставленной цели, перегруппировываемся, продвигаемся к следующей.

— Ты виделся с ним в Париже?

— Тедди, я думаю, ты проявляешь излишнее любопытство.

— Почему?

— Пожалуйста.

Манди колеблется с продолжением. Мимо проплывает большая баржа, поблескивая свежей краской под вечерним солнцем. На палубе, ближе к носу, стоит зеленый спортивный автомобиль.

— Слушай, у тебя нет ощущения, что вся эта глупая секретность — перебор? Я хочу сказать, мы не готовим путч, так? Просто создаем форум.

— Я думаю, Тедди, что ты, как обычно, далек от реальной жизни. Западные учебные учреждения, которые отказываются признавать сегодняшние табу, по определению ведут подрывную деятельность. Скажи новым вашингтонским фанатикам, что создание Израиля — чудовищное преступление против человечества, и тебя тут же назовут антисемитом. Скажи, что никакого Райского сада не было, и тебя назовут опасным циником. Скажи, что человек придумал бога для того, чтобы компенсировать свое научное невежество, и тебя назовут коммунистом. Тебе известны слова американского мыслителя Дресдена Джеймса¹?

— Конечно же, нет.

— «Когда хорошо скомпонованный пакет лжи навязывался массам из поколения в поколение, правда начинает казаться совершеннейшей нелепостью,

---

¹ Джеймс, Дресден — современный американский философ, придерживающийся левых взглядов.

а изрекающий ее — абсолютным безумцем». Дмитрий намерен выбить эту цитату на входе в каждый из наших колледжей. Он даже собирался назвать весь проект Университетом абсолютных безумцев. Только благоразумие остановило его.

Манди передает Саше куриную ножку, но Саша лежит на скамье с закрытыми глазами, так что Манди водит ножкой у его носа. Наконец он улыбается и открывает глаза. Ни в Берлине, ни в Веймаре, ни в любом другом городе их встреч Манди никогда не видел на лице друга столь глубокой удовлетворенности.

— Ты собираешься повидаться с ней вновь? — спрашивает он, вновь переходя на пустяки.

— Это большой вопрос, Тедди. Она в критическом возрасте и нацеливается на замужество.

В этом для Саши ничего не изменилось, не без горечи отмечает для себя Манди, на мгновение вспоминая Юдит. Предпринимает еще одну попытку.

— Саша, во время твоего великого сафари... в эти упущенные годы, когда ты мне писал...

— Они не упущенные, Тедди. Это были мои *Lehrjahres*. Годы обучения. Подготовки к этому проекту.

— В этот период случилось ли тебе... контактировать с людьми, которые зашли очень далеко... теми, кто провозглашал необходимость вооруженного сопротивления... более того, если угодно, террора?

— Часто.

— И под их влиянием... они переубедили тебя?

— Ты это о чем?

— В свое время мы об этом говорили. Ты и я. Юдит. Карен. На эту тему шли бурные дискуссии в Республиканском клубе. Как далеко допустимо зайти? Учитывая драматичность ситуации, и так далее.

Какова справедливая цена, при каких обстоятельствах? Когда можно считать себя вправе начинать стрельбу? Ты утверждал, что Ульрика и ей подобные приносят дурную славу анархизму как движению. Вот я и задался вопросом, а не изменилось ли твое мнение.

— Ты спрашиваешь о том, что я думаю об этом... здесь... сейчас... когда мы пьем это прекрасное бургундское? Я полагаю, с твоей стороны это жестоко, Тедди.

— Не могу с тобой согласиться.

— Будь я палестинцем, живущим на Западном берегу или в секторе Газа, я бы стрелял в каждого оккупанта, израильского солдата, который попадался бы мне на глаза. Однако я плохой стрелок и у меня нет оружия, так что мои шансы добиться успеха равнялись бы нулю. Спланированный акт насилия против невооруженных людей не допустим ни в каком случае. Тот факт, что вы и ваши американские хозяева сбрасываете запрещенные шариковые бомбы и другие, не менее отвратительные, бомбы и ракеты на беззащитное население Ирака, шестьдесят процентов которого — дети, не изменяет моей позиции. Ты спрашиваешь меня об этом?

— Да.

— Почему?

Похоже, допрос развернуло на сто восемьдесят градусов. Это Саша — не Манди — сдерживает злость, и Саша, который сидит на траве, расправив плечи, пристально смотрит на него, ожидая ответа.

— Мне пришло в голову, что мы можем преследовать разные цели, вот и все.

— В каком смысле разные? О чем ты говоришь, Тедди?

— Возможно, ты и Дмитрий хотите сделать что-то большее, чем бросить вызов существующей тенденции в университетском образовании... или бросить вызов другими средствами.

— Например?

— Устроить какую-то заварушку. Послать сигнал тем, кто готов бороться с американизмом. — Слова Рурка крутятся в голове, и теперь он вынужден их озвучить. — Протянуть руку дружбы исполнителям самого сенсационного акта противодействия капитализму со времен изобретения пороха.

Какое-то время Саша, похоже, сомневается, что уши его не подвели. Вопросительно наклоняет голову, хмурится. Молчит, а руки начинают двигаться, словно он консультируется с находящимися перед ним предметами: практически пустой бутылкой бургундского, сваренными вкрутую яйцами, сыром, хлебом из грубой ржаной муки. Только потом он поднимает темно-карие глаза, и Манди, к своему ужасу, видит, что в них стоят слезы.

— Что ты такое говоришь, Тедди?

— Я прав, Саша?

— Ты настолько не прав, что мне дурно. Иди и будь англичанином. Участвуй в своих собственных гребаных войнах.

Саша с трудом поднимается на ноги, застегивает пуговицы рубашки. Дыхание становится порывистым. Может, у него язва, может, какая еще внутренняя болезнь. «Мы снова в отеле «Дрезден», — думает Манди, когда Саша оглядывается в поисках пиджака. — Мимо течет все та же гребаная река, а между нами все та же бездонная пропасть. Через минуту он уедет в солнечный закат и оставит меня, бесчувственного идиота, каким я всегда и был».

— Это мой чертов банк, Саша, — молит он. — Ради бога, сядь и перестань изображать примадонну. Мне нужна твоя помощь.

Именно так он планировал продолжить игру, если бы ему не удалось добиться признания сквозь слезы, на которое он рассчитывал.

* * *

Саша снова сидит, но теперь подобрал колени к груди и охватил их руками, а костяшки пальцев побелели от напряжения. Челюсть выпячена, как бывало, когда он говорил о герре пасторе, и он ни на секунду не отрывает глаз от лица Манди. Еда и вино более его не интересуют. Все внимание Саши сосредоточено на словах Манди и на выражении лица Манди, с которым он их произносит. И Манди едва ли удалось бы выдержать эту проверку, не пройди он суровую школу, когда год за годом лгал Профессору и его помощникам.

— Моему банку не дает покоя вопрос, откуда взялись деньги, — жалуется Манди, вытирая со лба пот. — В наши дни действуют жесткие инструкции на случай неожиданного поступления крупных сумм. Все, что больше пяти тысяч долларов, вызывает подозрения.

Он выстилает фактами дорогу к выдумке.

— Они отследили путь денег, и им не понравилось то, что удалось выяснить. Они намерены обратиться в компетентные органы.

— Какие органы?

— Я полагаю, те самые. Откуда мне знать. — Он еще сильнее сгибает правду. Еще мгновение, и она сломается. — Они прислали сюда человека. Он представился сотрудником центрального офиса. Задавал

вопросы насчет того, кто стоит за этими платежами. Как будто они имели криминальное происхождение. В своих ответах я следовал рекомендациям людей Дмитрия, но они его не удовлетворили. Претензии сводились к тому, что мне нечего им показать, ни контракта, ни каких-либо писем. Я даже не мог назвать ему имя моего благодетеля. Взял и получил полмиллиона долларов неизвестно от кого, из мест с подмоченной репутацией, отмытых через большие банки.

— Тедди, это чисто фашистская провокация. Эти мерзавцы очень уж долго держали тебя на крючке, вот и разозлились, когда ты с него соскочил. Я думаю, ты оказался очень уж наивным.

— Потом он спросил, имел ли я в прошлом что-то общее с анархистами. Или с их сторонниками. Он говорил про евроанархистов. Таких, как Фракция Красной армии и Красные бригады. — Манди делает паузу, дабы эта дезинформация дала какой-то эффект, но эффекта нет. Саша все так же смотрит на него, в глазах — шок, появившийся в тот самый момент, когда Манди ступил на эту дорогу.

— И ты? — спрашивает Саша. — Что ты ответил?

— Я спросил, при чем тут анархисты.

— А он?

— Спросил, почему меня выслали из Берлина.

— И ты?

Манди хочется рывкнуть на Сашу, чтобы тот прекратил допрашивать его и просто слушал. «Я пытаюсь посеять в тебе тревогу, вытащить тебя из этой передраги, заставить признаться, а ты смотришь на меня так, словно злодей — это я, а ты белый и пушистый».

— Я сказал, что в молодости был бунтарем, как и любой другой, и не думаю, что сей факт каким-то

боком связан с моими нынешними отношениями с банком или получением денег от уважаемого Фонда. — Он продолжает фантазировать. — С тех пор они не оставляют меня в покое. Дали заполнить кучу каких-то бланков, а вчера мне позвонил какой-то человек, представившийся сотрудником отдела специальных расследований, и спросил, могу ли я назвать лиц, которые подтвердили бы мою добропорядочность в последние десять лет. Саша, пожалуйста, послушай меня...

Теперь он становится Сашей: глаза круглые, руки призывно протянуты вперед, точно так же вел себя Саша, когда умолял взойти с ним на вершину горы.

— Ты действительно больше ничего не можешь сказать мне о Дмитрие? Очень помогло бы его настоящее имя... какие-то сведения о прошлом... естественно, добропорядочные сведения... какая-то информация о том, как он нажил свое состояние... какие у него политические взгляды? — И еще веский довод: — Я сейчас словно уж на горячей сковородке, Саша. Этот тип от меня просто так не отстанет.

Манди стоит, Саша, не изменивший позы, смотрит на него снизу вверх. Но вместо страха и чувства вины в его глазах жалость к другу.

— Тедди. Я думаю, ты прав. Тебе следует выйти из этого проекта до того, как будет поздно.

— Почему?

— Я спрашивал тебя раньше, когда мы поехали на встречу с Дмитрием. Я спрашиваю тебя вновь. Ты действительно веришь своей риторике? Ты действительно готов к возвращению на интеллектуальные баррикады? Или ты один из тех ура-патриотов, которые храбро маршируют на войну, но при звуке первого выстрела начинают рваться домой?

— Я готов вернуться, если баррикады интеллектуальные и никакие другие. Что мне сказать банку?

— Ничего. Порви их бланки. Не отвечай на звонки. Пусть носятся со своими фантазиями. Ты получаешь деньги от арабского благотворительного фонда, а когда у тебя еще не росла борода, ты был псевдобунтарем в Берлине. Для их бедных больных рассудков этого более чем достаточно. Для них ты — евро-террорист с происламистскими симпатиями. Они упоминали, что твой друг — известный возмутитель спокойствия Саша?

— Нет.

— Я разочарован. Я думал, что являюсь главным козырем в затеянной ими игре. Пошли, Тедди. — Он начинает собирать остатки еды, раскладывает ее по пластмассовым контейнерам. — Хватит этих глупых разговоров. Мы вернемся в твою прекрасную школу, напьемся и ляжем спать на чердаке, как в давние времена. А утром, перед тем как я уеду в Гамбург, ты скажешь мне, должен ли я искать на твое место нового человека. Это не проблема, будь уверен. А может, к тому времени мужество вернется к тебе, а?

И с этим Саша обнимает Манди за плечо. Чтобы подбодрить его.

* * *

На велосипедах они едут бок о бок, как привыкли. Манди лениво нажимает на педали, подстраиваясь под Сашину скорость. Уже выпала вечерняя роса. Река течет рядом, красный замок наблюдает за ними в сгущающихся сумерках.

— Знаешь, что самое плохое... я бы даже сказал, отвратительное, в этих банкирах? — спрашивает Саша, руль выворачивается, он чуть не врезается в Ман-

ди, но в последний момент успевает выровнять велосипед.

— Жадность, — предполагает Манди.

— Хуже. Гораздо хуже.

— Власть.

— Даже хуже, чем власть. Они стараются стричь нас всех под одну гребенку. Либералов, социалистов, троцкистов, коммунистов, анархистов, антиглобалистов, борцов за мир. Всех красят розовым цветом. Мы все ненавидим евреев и Америку, мы все тайком восхищаемся Усамой. Знаешь, о чем они мечтают, твои банкиры?

— О сексе.

— О том дне, когда полицейский войдет в офис движения антиглобалистов в Берлине, или в Париже, или в Лондоне, или в Мадриде, или в Милане и найдет большой ящик с пластиковой взрывчаткой и наклейкой: «От всех ваших добрых друзей в «Аль-Каиде». Левые либералы тут же превратятся в тайных пособников фашизма, каковыми их всегда и полагала широкая буржуазная общественность, после чего перепуганная буржуазная Европа поползет на коленях к Большому американскому брату, умоляя прийти ей на помощь. И акции на Франкфуртской фондовой бирже поднимутся еще на пятьсот пунктов. Я хочу пить.

Остановившись, они допивают красное бургундское, и Саша ждет, пока сердце немного успокоится.

* * *

С чердака школьного здания, если встать в высоком мансардном окне, можно наблюдать, как заря летнего дня медленно захватывает красные стены

замка, реку, мосты и наконец весь Гейдельберг, без единого ответного выстрела.

Но, если Манди в это время уже на ногах, как и всегда, Саша, который не в силах подняться рано, крепко спит в куче диванных подушек, одеял и покрывал, которую Манди соорудил для него после того, как оба залили свои разногласия второй бутылкой бургундского. Партийный брифкейс Саши лежит рядом с его джинсами и кроссовками, одну тоненькую руку он засунул под диванную подушку и голову, а дышит так тихо, что Манди не может понять, умер Саша или просто спит. На полу рядом с ним стоит будильник Манди, поставленный, как и просил Саша, на десять утра, около часов лежит записка Манди: *«Пока, уехал в Мюнхен, поцелуй от меня Гамбург, увидимся в церкви»*. С постскриптумом: *«Извини, что был таким говнюком»*.

С туфлями в руках он спускается по парадной лестнице, пересекает холл, у двери надевает их и быстрым шагом направляется в старый город. На часах половина девятого. Туристские ловушки на Хауптштрассе еще спят и будут пребывать в таком состоянии еще час. Но магазины Хауптштрассе ему не нужны. На стеклянно-бетонной стороне улицы, не так далеко от железнодорожного вокзала, находится турецкое туристическое бюро, которое он заметил во время прежних прогулок. У него сложилось впечатление, что оно открыто всегда, и впечатление правильное: бюро работает. На наличные, полученные от банкомата по новенькой кредитной карточке, он покупает два авиабилета из Мюнхена до Анкары для Зары и Мустафы, а после короткого колебания — третий, для себя.

С билетами в кармане идет дальше, пока не оста-

ется единственным пешеходом. Городская застройка плавно перетекает в сельскую. Асфальтированная дорожка через пшеничное поле приводит его к торговому центру, где он находит то, что нужно: ряд телефонов-автоматов, каждый под своим колпаком. В кармане у него тридцать евро мелочью. Он набирает сначала код Великобритании, потом центрального Лондона, потом еще бог знает чего, никогда в жизни ему не приходилось иметь дело с таким странным набором цифр, да еще в таком их количестве.

«А вот это паническая кнопка Эдуарда на черный день, — ровным голосом говорит ему Ник Эмори во время прощального ленча в его клубе, протягивая бумажный прямоугольник с номером, который нужно запомнить. — Свистни, и я прибегу, только причина должна быть веской».

Держа перьевую ручку наготове, он слушает длинные гудки. Их прерывает металлический женский голос: «Оставьте ваше сообщение». Перьевой ручкой он начинает постукивать по микрофону. Вот это — кто я, вот это — с кем хочу говорить, потому что незачем озвучивать свою фамилию, да еще собственным голосом, подслушивающему миру.

Женщине нужны бинарные ответы.

— *У вас срочная проблема?*

Тук.

— *Ее решение может подождать двадцать четыре часа?*

Тук.

— *Сорок восемь часов?*

Тук.

— *Семьдесят два часа?*

Тук-тук.

— *А теперь выберите один из следующих вариан-*

тов. Если встреча, на которой вы настаиваете, может пройти в вашей нынешней резиденции, нажмите на цифру пять.

Когда она заканчивает с вопросами, Манди так вымотан, что ему приходится сесть на скамью и подождать, пока высохнет пот. Священник римско-католической церкви ест его взглядом, гадая, не предложить ли ему свои услуги.

ГЛАВА 14

Сидя в поезде, идущем в Мюнхен, Манди молится на младшую сестру Зары, чья свадьба должна состояться в ее родной деревне через неделю. Он также помнит, что завтра у Зары выходной, а Мустафа, потому что сегодня четверг, вернется домой к ленчу.

Чартерный рейс вылетает через два дня на заре. По прибытии на железнодорожный вокзал Мюнхена Манди заходит в магазин кожаной галантереи и покупает новый чемодан, зеленый, это любимый цвет Зары. А в соседнем универмаге — длинное серое платье и шарф на голову того же цвета, на которые, согласно ее кузине Дине, матери Камаля, Зара давно уже положила глаз. Начав жить с Манди, Зара вновь стала закутываться с головы до ног, отдавая дань традиции и показывая, что принадлежит только Манди. Для Мустафы, тоже по совету Дины, он покупает синий блейзер и белые брюки, как у Камаля: мальчики одного роста и телосложения. Дина, он уже об этом договорился, позаботится о Мо, пока их не будет в городе.

Потом он заглядывает в кебабную Зары. В одиннадцать утра там тишь да гладь. Управляющий, толстячок в феске, поначалу встревожился, увидев Манди

с зеленым чемоданом. «Зара чем-то недовольна?» — озабоченно спрашивает он, на всякий случай укрывшись за стойкой. Нет, отвечает Манди, никаких претензий у нее нет. Теперь, когда ты не тянешься к ней своими ручонками, на работе она счастлива, мог бы добавить он, но не добавляет. Управляющий убеждает Манди выпить кофе за счет заведения, съесть кусок шоколадного торта. На кофе Манди соглашается, от торта отказывается и предлагает сделку: Зара с этого дня получает неоплачиваемый отпуск на месяц, а управляющий за пятьсот евро, полученных от Манди, находит замену. Управляющий соглашается дать Заре отпуск, но только за семьсот евро.

По телефону-автомату Манди звонит турецкому врачу Зары. Я немного беспокоюсь из-за Мустафы, говорит он. Нагрузки переходного возраста, похоже, слишком велики для него. Нет, в школе он успевает нормально, но стал более замкнутым, спит по десять часов в сутки и выглядит таким серым. «Это издержки пубертатного периода», — со знанием дела объясняет доктор. Манди с ним соглашается. И предлагает лекарство: дать деньги, на которые Мустафа и его мать смогут поехать в Турцию на семейный праздник. Сможет ли в этом случае доктор написать справку, которая объяснит школьной администрации его отсутствие на занятиях?

Добрый доктор отвечает, что совесть позволит ему выдать такую справку.

Манди звонит в Лидерхоф и находит новый повод для невыхода на работу, только на этот раз понимания не находит. На душе у него скребут кошки, но он не знает, как их задобрить. Вернувшись домой, он не мешает Заре спать до самого ленча, а когда Мустафа возвращается из школы, за руку ведет ее в гости-

ную, где уже расставил все декорации. Мягкость ее ладоней, как и всегда, поражает Манди. Фотографию младшей сестры он поставил на комод, зеленый чемодан — на пол у комода, серое платье и шарф небрежно набросил на угол чемодана. Мустафа уже щеголяет в новом блейзере. Передние зубы Заре вставили, но, от предчувствия дурного, она облизывает их языком, чтобы убедиться, что они на месте.

Билеты он рядком выложил на стол, вместе с письменным, на турецком, разрешением на месячный отпуск от управляющего кебабной. Она сидит на стуле, как школьница, выпрямив спину, руки по бокам. Смотрит на билеты, потом на Манди. Читает письмо от своего турецкого работодателя, с бесстрастным лицом возвращает на стол. Берет ближайший билет, ее собственный. Внимательно изучает и радостно улыбается, лишь обнаружив, что может вернуться через три недели. Хватает Манди за талию, прижимается лбом к его бедру.

У Манди в рукаве еще один козырь. Третий билет на самолет, его собственный. Он прилетит в Турцию через две недели после Зары и Мустафы, а обратно вернется вместе с ними, на одном самолете. Счастью Зары нет предела. Во второй половине дня они сливаются в экстазе, и Зара плачет от стыда, потому что засомневалась в нем. Манди тоже стыдно, по другой причине, но со стыдом помогает сжиться осознание того, что скоро Зара и Мустафа будут в полной безопасности.

Отвозя Зару и Мустафу в Мюнхенский аэропорт в предрассветной тьме, он боится, что из-за тумана рейсы задержат, но к моменту их прибытия туман рассеивается, и регистрацию на рейс в Турцию объявляют вовремя. Продвигаясь в очереди к регистра-

ционной стойке, Зара смотрит в пол и с такой силой прижимается к Манди, что тому кажется, будто она — его дочь и он отправляет ее в школу-интернат, хотя она хочет остаться дома. Мустафа держит Зару за другую руку и все время пытается шутками поднять ей настроение.

У стойки возникает заминка из-за множества подарков, которые Зара накупила сестрам, братьям, кузинам и кузенам. Им приносят специальный контейнер. Некоторые из посылок приходится перепаковать. Возникшая суета идет на пользу, отвлекает. В последний раз он видит Зару в галерее для вылетающих пассажиров, аккуратно перед тем, как двери закрываются, отсекая ее. Зара согнулась пополам, совсем как Рани на обочине дороги, рыдает, закрыв лицо руками, а Мустафа пытается ее успокоить.

* * *

Наедине со своими мыслями на автобане, направляясь на север и отрезанный от остального мира проливным дождем, Манди возвращается в реальность от звонка сотового телефона. Этот чертов Рурк, думает он, подносит мобильник к уху, готовясь быстренько завершить разговор и, к своему изумлению, слышит Эмори, который начинает беззаботно с ним болтать, словно ни у одного из них нет никаких проблем.

— Эдуард, дорогой мальчик. Уж не разбудил ли я тебя?

Но он знает, что не разбудил.

— Получил твое сообщение и страшно обрадовался, — продолжает он в манере давнего друга, оказавшегося в городе проездом. — Как насчет того, чтобы встретиться сегодня?

Манди уже собирается спросить у Эмори, где тот находится, но тут же понимает, что смысла в этом вопросе нет, потому что Эмори не скажет.

- Как насчет часа дня?
- Отлично. Где?
- У тебя, если не возражаешь.
- В Гейдельберге?
- В школе. Почему нет?

Потому что она набита подслушивающими устройствами, вот почему. Потому что за ней днем и ночью наблюдают приветливые молодые люди. Потому что Рурк верит, будто в ней готовятся свить гнездо террористы-евроанархисты, которые хотели бы оторвать Германию от Америки.

— Наш друг в Гамбурге, не так ли? — продолжает Эмори, когда Манди не отвечает на его вопрос.

— Да. Там. — Если он все еще наш друг, добавляет про себя.

- Вернется сегодня поздно, так?
- Обещал.
- И сегодня — суббота, не так ли?
- Вроде бы да.
- Поэтому никаких рабочих, разбирающих школу по кирпичику?
- Никаких.
- Семья улетела нормально?
- С ветерком.
- Тогда до скорой встречи. Не терпится тебя повидать. О многом нужно поговорить. Tschuss.

Потоки падающего с неба дождя трясут автомобильчик. Летние молнии рассекают небо. «Жуку» требуется передышка, как и Манди. Сидя в придорожном ресторане, Манди выуживает тайные сигналы из слов Эмори или, как сказал бы Дмитрий, от-

лавливает говно, вылетающее из сраки. В диалоге с электронной женщиной Эмори Манди предложил встретиться на бензоколонке в десяти милях от Гейдельберга. Вместо этого они перенесли радостную встречу на место преступления, где Рурк мог слышать каждое их слово.

Так он говорил под запись, по открытой линии, ничего не пряча в рукаве? И для чьих ушей предназначался этот разговор?

Он говорил, что в курсе моих перемещений, и Сашиных, и моей семьи. Но кто ввел его в курс?

И ему нужно много чего мне рассказать, но только в пределах слышимости тех, от кого он получил всю вышеуказанную информацию. Эмори, как и Дмитрий, исследователь жизни, которая невидима обычным людям. Но на этот раз он говорит мне, что за ним следят.

Манди возвращается мыслями туда, где их прервал звонок Эмори. Где она сейчас? Летит над Румынией, направляясь к Черному морю. Господи, спасибо тебе за Мустафу. Ему очень хочется наладить отношения с Джейком, но он не может достучаться до сына. Никогда не мог.

* * *

Манди на своем обычном месте у окна на первом этаже школьного здания, смотрит на выложенную кирпичом дорожку, как смотрел недавно, дожидаясь Сашу и груза с книгами, ядром библиотеки. Он припарковал «жука» у ворот, часы показывают половину первого той же субботы, и да, Саша в Гамбурге, более того, и это удивительно, позвонил Манди, чтобы узнать, крепок ли тот сердцем или ему нужно искать замену, потому что: «Послушай, Тедди, мы же совер-

шенно взрослые люди, ты понимаешь». И Манди со своей стороны заверил Сашу, что на сто процентов предан великому проекту, верит в него. И, возможно, где-то действительно верит, поскольку у него нет выбора. Выйти из проекта — значит оставить Сашу Дмитрию и Рурку, что бы это ни значило.

Ожидая Эмори, Манди занимался тем же самым, чем занимаются заключенные, условно досрочно освобожденные, в ожидании прибытия надзирающего за ними полицейского: побрился, принял душ, затолкал грязную одежду за занавеску, приготовил место для беседы в одной из аудиторий, повесил полотенце и положил кусок мыла около раковины, налил в термос кофе, на случай, что Эмори более не пьет шотландского, которому раньше отдавал предпочтение. Едва сдержался, чтобы не пойти в сад и не нарвать букетик цветов, которые мог бы поставить в банку из-под джема.

Перебирая в голове, все ли он успел сделать к приезду гостя, представляя себе прибытие Зары и Мустафы в аэропорт Анкары и огромную радостную толпу встречающих их родственников, он вдруг видит, что в затылок «жуку» встал светло-коричневый «БМВ» и Ник Эмори, который выглядит значительно моложе своих лет, выбирается из-за руля, запирает дверцу, открывает ворота и по выложенной кирпичом тропинке направляется к входной двери.

Манди бросает на него лишь один короткий взгляд, прежде чем срывается с места и спешит вниз, но успевает заметить, что в свои почти шестьдесят Ник очень даже ничего, в нем безошибочно ощущается начальственная властность, а привычная улыбка появляется на лице лишь в тот момент, как начала открываться входная дверь, но никак не раньше.

Что еще заметил Манди и продолжает замечать, когда они крепко пожимают друг другу руки, — кепку Эмори, плоскую, из зеленого твида, спортивную, куда лучше сшитую, чем у майора, когда тот что-то кричал с трибун поля для регби, или у Деса, которую тот надевал на пикниках, или у Саши, когда тот носил свою Tarnkappe.

Но все равно кепку.

А поскольку Манди никогда не видел Эмори ни в кепке, ни в любом другом головном уборе, не говоря уж о безошибочно указывающем на принадлежность к английским сельским классам, которые, по словам Эмори, он терпеть не мог (скорее всего, подозревает Манди, потому что принадлежит к ним), он не может не обратить на кепку пристального внимания, пусть даже слишком вежлив или слишком хорошо обучен в Эдинбурге, чтобы прокомментировать сей факт.

Что еще более странно, для любого, кто знаком с английскими манерами, Эмори не снимает кепку, когда заходит в дом. Похлопывает Манди по плечу. «Как ты, *cobber*¹? — спрашивает в австралийском стиле, коротким вопросом убеждается, что в доме никого нет и гостей не ждут, добавляет, для отмазки: — Так что, если нас побеспокоят, в сентябре я стану твоим первым учеником». А потом, как Саша, проплывает мимо Манди и занимает командную позицию под световым фонарем в крыше, в ярде от островка прикрытых пленкой ящиков, который, как памятник, ожидающий открытия, занимает середину холла.

Но кепка остается на голове, даже когда Манди

---

¹ Cobber — приятель, дружище (англ. австрал.).

устраивает Эмори экскурсию по своим владениям. И не потому, что Эмори забыл ее снять. Наоборот, он время от времени поправляет кепку рукой, заодно убеждаясь, что она на месте. Примерно так же Саша раньше поправлял свой берет. То сдвигает на затылок, словно ему не нравится, как кепка сидит на голове, то натягивает на лоб, чтобы защититься козырьком от солнца. Да только солнца-то и нет: дождь перестал, но небо обложено облаками.

Экскурсия короткая. Возможно, Эмори в школе не по себе, так же, как Манди. И, что характерно для Эмори, пусть Манди это и подзабыл, он ничего не говорит просто так.

— Наш друг не рассказывал тебе, чем конкретно он занимался на Ближнем Востоке? — спрашивает Эмори, вглядываясь в груду диванных подушек и одеял, временную кровать Саши.

— Читал лекции. Преподавал там, где возникала вакансия. Насколько я понял, ни от чего не отказывался.

— Полнокровной жизнью такое не назовешь, не так ли?

— Работал и в гуманитарных организациях. Но из-за больных ног его там особо не жаловали. В основном был странствующим профессором, так я, во всяком случае, понял из его рассказов.

— Странствующим радикальным профессором, — поправляет его Эмори. — И дружбу он водил скорее с радикалами, чем с учеными.

И Манди, вместо того чтобы попытаться сгладить его вывод, говорит, что согласен с этим, поскольку теперь совершенно ясно, что Эмори, по только ему ведомым причинам, играет для галерки, и работа Манди — подыгрывать ему и не пытаться тянуть

одеяло на себя. «Это та же роль, которую я привык играть при Саше, когда мы выступали перед Лотаром или Профессором», — думает Манди. Не каждая реплика должна быть шедевром, говорил он себе тогда. Просто играй искренне, и зрители к тебе потянутся. То же самое он говорит себе и теперь.

— А здесь будет библиотека, — комментирует Эмори, оглядывая длинную комнату со стремянками и ящиками с инструментами, оставленными строителями.

— Да.

— Святилище объективной истины.

— Да.

— Ты действительно веришь в эту чушь?

Этот вопрос Манди задавал себе не одну сотню раз, но ни на йоту не приблизился к удобоваримому ответу.

— Когда слушал Дмитрия, верил. Когда выходил из комнаты, вера сразу начинала слабеть, — отвечает он.

— А когда слушаешь Сашу?

— Пытаюсь верить.

— А когда слушаешь себя?

— Это проблема.

— Это проблема для нас всех.

Они снова в холле, смотрят на укрытую пленкой статую из библиотечных книг.

— Заглядывал внутрь? — спрашивает Эмори, вновь приложившись к кепке.

— Прочитал пару инвентаризационных описей.

— Есть одна под рукой?

Манди поднимает пленку, берет с одного из ящиков пластиковый конверт, передает Эмори.

— Стандартный набор, — отмечает тот, пробегая

глазами список. — Есть в любой левацкой библиотеке.

— Сила библиотеки — в ее концентрированном послании, — говорит Манди, цитируя Сашу, но слова кажутся ему пустыми. Хочет добавить что-то еще из репертуара Саши, но Эмори отдает ему опись и говорит, что увидел все, что хотел.

— Все это дурно пахнет, — объявляет он, обращаясь ко всем слушателям. — Нереально и чертовски подозрительно. Меня в этой истории тревожит только одно: почему ты работаешь на этого бездельника Джея Рурка, а не на достойного офицера разведки, вроде меня?

Тут он подмигивает Манди и хлопает по плечу, после чего предлагает выметаться отсюда к чертовой матери и посидеть за ленчем в каком-нибудь приличном заведении.

— И мы поедем на моей машине, если ты не возражаешь, — шепчет он, когда они идут по выложенной кирпичом дорожке. — Она чище, чем твоя.

В салоне «БМВ» кепка остается на голове Эмори, но легкомыслие, которое он демонстрировал в школе, разом покидает его. Да и желание посидеть где-то за ленчем уходит на второй план.

— Ты хорошо знаешь этот город, Эдуард?

— Я прожил здесь три года.

— Я обожаю средневековые замки. Особенно те, где толстые стены и, по возможности, играет оркестр. Вроде бы я заметил такое место, когда ехал сюда. А по пути купим колбасы.

Они паркуются на Университетской площади. Загадочный, как всегда, Эмори запасся разрешением.

* * *

Половину своей жизни Манди изучал мимику Эмори. Видел, что его лицо оставалось бесстрастным в самой напряженной ситуации, не выражало никаких эмоций при значительном успехе. Наблюдал, как его закрывала маска при попытке проникнуть в личную жизнь Эмори: до сего дня он не знал, женат ли Эмори или одинок, есть ли у него дети. Раз или два, вроде бы в момент откровенности, Эмори упоминал о зануде-жене и двух детях-студентах, но у Манди не было уверенности, что и жену, и детей Эмори не перенес в свою жизнь со страниц одного из романов Джона Бьюкена¹. С другой стороны, он оставался тем же самым Эмори, который появился у кровати Манди в военном госпитале в Берлине: профессионалом до мозга костей, который никогда не переступает белую линию и ждет от тебя того же.

Поэтому более волнуют Манди, когда они вместе с толпой поднимаются по крутой, вымощенной булыжником улице к руинам замка, признаки неуверенности в своем давнем наставнике. Он никак не мог ожидать такого в единственном оставшемся в его окружении взрослом человеке. И только по прибытии в аптеку-музей, расположенную в замке, когда они стоят на полу, выложенном красным кирпичом, и, склонившись над одним из забранных стеклом стендов, пристально разглядывают выставленные экспонаты, Эмори наконец-то снимает кепку, глубоко вдыхает через нос, плотно сжав губы, и выкладывает малую толику того, что скопилось у него на душе.

---

¹ Бьюкен, Джон (1875—1940) — шотландский писатель и политический деятель, автор в том числе и шпионских романов.

— У меня четкие инструкции. Ты взял шиллинг Рурка. Ты остаешься до конца операции и после того. Ты работаешь на Рурка точно так же, как работал на нас. Понял? — Он подходит к деревянной фигурке святого Роха и собаки, которая принесла ему хлеб, пока ангел лечил его от чумы.

Манди послушно сутулится рядом.

— Нет, — отвечает он с твердостью, которая удивляет его самого. — Я ничего не понял. Совершенно ничего.

— И я тоже. Насколько я сумел разобраться в том, что мне не сказали, во всей разведке никто ничего не понимает.

Не *контора*. Не *офис*, даже не *служба*. Эмори, возможно, говорит тихо, но открытым текстом.

— Так кто же теперь отдает тебе приказы, если не разведка? — недоуменно спрашивает Манди, когда они выходят в запруженный толпой двор.

— Наши хозяева, кто же еще? — фыркает Эмори. — Приказы отдает советник советника Высшего властителя земли. Тот, кто вечером разводит ему «Оувалтин»¹. «Делай, что тебе говорят, заткнись и учти, что этого разговора не было». Вот я и делаю, что мне говорят.

«Но ты не затыкаешься», — думает Манди, когда они следом за группой толстух-француженок спускаются по каменной лестнице.

— Ты случайно не знаешь настоящего имени великого Дмитрия? — шепчет Эмори, наклонившись к самому уху Манди.

Они добрались до подвальной темноты Большой Бочки и окружены французскими, японскими и не-

---

¹ «Оувалтин» — порошок для приготовления питательного шоколадно-молочного напитка.

мецкими туристическими группами, но не англоговорящими. Эмори говорит под прикрытием разноязычной болтовни гидов.

— Я думал, ты можешь знать, — отвечает Манди.

— Все, что я знаю о Дмитриии, да и вообще о всей операции, уместится на спине очень маленькой водомерки.

— Но Рурк-то должен знать его имя, черт побери!

— Такое можно себе представить, не так ли? — соглашается Эмори, с восхищением оглядывая чудовищное чрево Большой Бочки. — Логично предположить, при нормальном раскладе, что тот, кто преследует величайшего сегодняшнего злодея днем и ночью, должен знать имя этого типа.

— Так ты его спросил?

— Мне не разрешили. Не разговаривал со старинной Джейем с тех самых пор, как закончился его государственный визит на Бедфорд-сквер. Нынче он слишком уж засекречен. Любой диалог с нашим давним приятелем должен идти через официальные каналы.

— Какие чертовы каналы? — желает знать Манди, удивляясь пренебрежением Эмори к профессиональным традициям, да и своему собственному.

— Какого-то чудика из американского посольства в Лондоне, который называет себя советником по особым оборонным связям и настолько велик, что может позволить себе не разговаривать с послом, — отвечает Эмори, когда они вновь поднимаются по ступеням и выходят на дневной свет.

Манди не приходило в голову (да и как могло прийти?), что замешательство Эмори поболее его собственного. Как и то, что скопившаяся в Эмори злость может прорваться наружу.

— Это новый Великий Замысел, на случай, если ты этого еще не заметил, Эдуард, — объявляет он, достаточно громко для того, чтобы желающие могли его услышать. — Он называется *беспредельная наивность* и основывается на предположении, что все население этого мира хотело бы жить в Дейтоне, штат Огайо, и молиться одному богу. Те, кто догадается, что это за бог, призов не получат.

— Где Дмитрий берет свои деньги? — спрашивает Манди, в отчаянной попытке нащупать ногами твердую землю, когда они начинают спускаться к городу.

— О, мой дорогой друг, у тех самых плохих арабов, у кого же еще? Он делает для них грязную работу в Европе, поднимая на борьбу евроанархистов, поэтому отработывает каждый пенс, — сердито отвечает Эмори. — Рыжие белки. — Он останавливается, всматриваясь в ветви дуба. — Какие милые. Я думал, серые давно уже их съели.

— Я не верю, что Саша хоть что-то об этом знает, — уверяет Манди, в волнении забыв о привычном «нашем друге». — Я не верю, что он — тот человек, каким считает его Рурк. В любом случае, он смягчился. Повзрослел. Рурк говорит о буре.

— Да, Джей действительно говорит о буре. И она бушует в коридорах Уайтхолла и Капитолийского холма. — Эмори замолкает, дожидаясь, пока мимо пройдут два долговязых парня в коже. — Нет, я не думаю, что наш друг... твой друг, хоть что-то об этом знает, бедняга, — продолжает он. — Он из тех, кто и в лучшие времена не может предположить, что ждет за углом, не так ли? И теперь крепко сидит на крючке Дмитрия. А кроме того, он слишком занят общением с учеными левых взглядов и составлением ядра

библиотек контркультуры. Между прочим, Эдуард, там много интересных книг. Тебе стоит почитать их на досуге.

Ухо Манди отмечает резкий контраст: ранее Эмори пренебрежительно отмахнулся от этих книг. Они входят на Зерновой рынок. По его центру бронзовая Богоматерь гордо показывает своего ребенка, тогда как ее нога топчет поверженное чудовище-протестантизм.

— Между прочим, Рурк больше не работает в Управлении, — сообщает Эмори. — Он тебе этого не говорил? Четыре года назад перешел на службу политической группы, озабоченной построением корпоративной империи. В основном там нефтяные магнаты. Хватает и представителей оборонной промышленности. И все они очень близки к богу. Раньше жались по задворкам, теперь выступают на главных сценах. Хорошие люди, будь уверен. Точь-в-точь как британские империалисты в не столь уж далеком прошлом, хотя я надеюсь, что больше мы такими не станем. — Они приближаются к центру города, Эмори, похоже, знает дорогу. — К сожалению, раньше я никогда не интересовался политикой. Теперь уже поздно, — на лице мелькает знакомая улыбка. — Только, пожалуйста, не впадай в уныние от моих слов. Тот факт, что какой-то невероятный слух достиг или не достиг моих ушей, не должен мешать каждому из нас служить нашей стране так, как нам приказывают... — его голос уже сочится сарказмом, — ...вышестоящие инстанции и отцы-командиры, независимо от того, сидят они в Вашингтоне или на Даунинг-стрит. А с их точки зрения, это — прекрасная операция, которая сыграет важную роль в процессе еще большего сближения Европы и Соединенных Штатов в нашем

униполярном мире. Они рассматривают твою миссию как абсолютно...

Он никак не может найти подходящее слово.

— Насущную? — предлагает Манди.

— Пожалуй. И если ты сыграешь свою роль до конца, а я в этом не сомневаюсь, их благодарности не будет границ. Счастливого победителя ждут громадные денежные призы. Медали, титулы, должности. Тебе надо будет только попросить. Как человек, давно знакомый с твоей меркантильностью, я считаю необходимым довести сие до твоего сведения.

— Рурк мне тоже много чего предлагал.

— Разумеется, предлагал! Не мог не предложить! Что еще ты можешь попросить? Все, что предложено, в двойном размере? Проси! А раз уж мы заговорили о двойном размере... — Эмори понижает голос. Они стоят плечом к плечу перед отелем «Риттер», изучая его великолепный барочный фасад, — подумай о такой возможности, Эдуард, раз уж мы этого коснулись. Предположим, братец Джей и Дмитрий Немеющий-Другого-Имени, вместо того чтобы рвать друг друга в клочья, что обусловлено их идеологическими разногласиями... — Он замолкает, дожидаясь пока мимо пройдут монашки. — Ты меня слушаешь?

— Стараюсь.

— Допустим, Дмитрий и Джей — не заклятые враги, а две лошадки из одной конюшни. Видишь ты в этом какой-то смысл?

— Нет.

— Что ж, подумай об этом, Эдуард. Напряги свои незадействованные серые клетки. Твоя догадка будет ничуть не хуже моей, может, и лучше. Лгать за свою страну — благородная профессия, пока ты знаешь, в чем правда, но, увы, я больше не знаю. Поэтому давай

слушаться наших хозяев и согласимся в том, что этого разговора не было вовсе. Будем слепо служить нашей королеве и стране, несмотря на то, что обе давно уже стали прислужницами одной великой Су-пердержавы. Согласен.

Манди предпочитает промолчать. Они приближаются к Universitätsplatz, где Эмори оставил свой «БМВ».

— Однако, — продолжает Эмори, — на случай, если ты решишь уехать куда подальше в максимально короткое время, я привез пару фальшивых паспортов. Один для тебя, второй — для нашего друга, в знак признания заслуг, которые оказал нам этот маленький говнюк. Я сожалею, что не смог позаботиться и о Заре, но, к счастью, она уже отбыла. Ты найдешь их в кармане на двери со стороны пассажирского сиденья, завернутыми в экземпляр «Зюддойче». Вместе с деньгами, но сумма невелика. Мне пришлось украть их из «черной кассы». — Эмори вдруг стареет лицом на добрый десяток лет и уже выглядит на свой возраст. — Мне очень, очень жаль, — просто говорит он. — И себя, и тебя. Разделенная верность — это не мое. Ты не скажешь нашему другу, откуда ты взял паспорта, не так ли? Никто не знает, на чей крючок он попадет в следующий раз.

Когда они подходят к «БМВ», дождь прекращается, и Эмори надевает свою кепку.

* * *

Он погулял и выпил, не так и много, чтобы успокоить нервы. Попытался связать себя с человеком, каким был раньше, заглянул в пару прежних убежищ, но лица изменились, а с ними и убежища. Со скамьи

в парке в Старом городе позвонил Заре в Анкару, ответа не получил. Но ведь и не ожидал получить, не так ли? Им устроили торжественный прием в доме одного из родственников. Поташили ее танцевать, хотя уговоров и не требовалось. Просто удивительно, что девушка, умеющая хорошо танцевать, связывает свою жизнь с таким жирафом, как я.

Тем не менее с той же парковой скамьи он позвонил в справочную службу авиакомпании и убедился, что самолет благополучно приземлился в аэропорту Анкары тремя часами раньше.

Странно, конечно, что ее сотовый телефон не работает. Но разве я где-то не прочитал, что американцы ограничились пропускную способность спутниковой связи, как-то связав это и с возможным использованием Саддамом оружия массового поражения, которое, правда, до сих пор так и не удалось обнаружить.

Он опять идет пешком. Куда угодно, только не через мост и не по склону холма к школе. С детским изумлением разглядывает шпиль церкви Святого Духа, вырезанный на фоне вечернего неба. Что же это такое, абсолютная вера? Как у Зары. Как у Мустафы. Как у приятелей Дджея Рурка. Каково это, *знать*, абсолютно достоверно *знать*, что существует некое Божество, вне времени и пространства, которое может прочитать твои мысли лучше тебя и даже до того, как эти мысли у тебя появились? Верить, что *Бог* посылает тебя на войну, *Бог* отклоняет траекторию пуль, решает, кто из его детей должен умереть, кто — остаться без ноги, кто — заработать несколько сотен миллионов на Уолл-стрит, в зависимости от Великого замысла на конкретный день?

* * *

К конце концов он поднимается на холм. По одной причине: идти больше некуда. Если б он знал, каким способом Саша вернется из Гамбурга, подниматься бы не стал. Попытался бы перехватить его в аэропорту, на железнодорожной станции, на автовокзале и сказать: «Саша, дружище, мы должны сваливать». Но Саше это не нужно. Саша будет делать то, что ему велено.

«Сваливать, Тедди? Я думаю, ты ведешь себя нелепо. Мы выполняем великую миссию. Неужели тебя опять покинуло мужество? Может, мне следует найти тебе замену».

Он продолжает подниматься. Возможно, господь все-таки позаботится о нем. Или Рурк. Или Дмитрий, раз уж теперь мы подозреваем, что они из одной конюшни. А пока моя работа — вернуться в школу и дожидаться прибытия Саши. Тогда мы и обсудим, кто должен сваливать, когда, с кем и почему. Сложенный экземпляр «Зюддойче» лежит во внутреннем кармане пиджака. Это был чертовски длинный день, Эдуард, мой мальчик. Когда ты поднялся? Не помню. Еще до рассвета отвез Зару и Мустафу в аэропорт, и с тех пор прилечь мне не удалось. Тогда, может, ты слишком устал, чтобы и в этот вечер общаться с микрофонами, Эдуард. Может, тебе стоит отдохнуть от них, дорогой мальчик. Это же просто, надо лишь прикрепить к двери записку: «Ушел на ночь в «Синий медведь». Присоединяйся ко мне. Tschuss, Тедди».

Фальшивые паспорта, завернутые в «Зюддойче», своим весом тянут его к земле. Как и деньги, украденные из «черной кассы». Да только, если Манди хоть чуть-чуть знает Эмори, последний украл их у

себя, а не из какой бы то ни было кассы. Эмори этого мира не крадут. Они служат своей стране, не задаваясь вопросом, хорошо это или плохо. Или служат до того дня, пока не сталкиваются лицом к лицу с реальной жизнью, и тогда искаженные нравственные нормы перестают быть догмой, маски падают, открывая их истинные, недоумевающие лица, такие же, как у всех. Значит, еще один бог прощально помахал ручкой: просвещенный патриотизм, который до сего дня был религией Ника Эмори.

В окнах свет не горит, но Манди это не удивляет: перед уходом он ничего не зажигал. С другой стороны, у этих молодых оценщиков могло возникнуть желание что-то уточнить. Но у них есть ручные фонарики. Ворота скрипят. Пора смазать петли. Надо сказать Стефану. В темноте выложенная кирпичом дорожка уходит в сторону, и нога наступает на высокую траву. Мне следовало отказаться от последнего стаканчика. Ошибка. У школы очень тихо. Впрочем, здесь всегда было тихо. Но не так тихо, как сегодня, это точно. Во всяком случае, в субботний вечер. Должно быть, по телевидению показывают важный футбольный матч, только я не слышу, чтобы у кого-нибудь работал телевизор, не вижу синеватых бликов в окнах.

Замок он находит с первого раза, потом стоит в темноте холла, пытаюсь вспомнить, где же новые выключатели. В географии я хуже Троцкого, спросите Сашу. В свете, падающем в холл через фонарь на крыше, укрытая пленкой груда ящиков по центру кажется ему статуей Великого инквизитора. *«Между прочим, Эдуард, там много интересных книг. Тебе стоит почитать их на досуге»*. Хорошая идея, Ник.

Если на то пошло, с чтением я серьезно отстал. Он похлопывает руками по стенам в поисках выключателей, нащупывает не выключатели — вращающиеся диски. Все нынче усложнилось. Яркий свет на несколько мгновений ослепляет его. Он садится на ступеньку, набирает номер Зары. Нет ответа. Налив себе виски с водой, устраивается на старом кожаном диване, который стоит в углу холла, и просматривает телефонный справочник своего мобильного в поисках номера фермы ее дяди, но не находит его. Не может вспомнить ни фамилию старика, ни название его фермы. Слишком уж они сложные и практически невыговариваемые.

Выпей еще глоток виски. Раскинь мозгами. Десять тридцать пять по старым часам майора. В Анкаре на час позже. Мустафа блаженствует в новом роскошном синем блейзере. Интересно, а что поделывает сейчас старина Джейк. Налаживает контакты в Профсоюзе Бристольского университета. Насколько ему известно, сын собирался баллотироваться в казначеи. Кейт сказала, что отослала мне номер его мобильного. Письмо не пришло. Возможно, застряло в канцелярии министерства. Может, если б она поставила на нем гриф «Секретно», письмо дошло бы быстрее. За твое здоровье, Кейт.

— И за здоровье всех наших слушателей этого вечера! — добавляет он вслух и поднимает стакан, отдавая должное стенам. — Прекрасные ребята! — продолжает он. — И девчата, естественно. Благослови вас всех господь!

А ведь из холла получилась бы отличная мечеть, решает он, вспоминая наставления Мустафы. Двери на улицу нет, одна стена обращена на восток. Все как

надо. Поставить небольшую раковину в углу для ритуального омовения, соорудить михраб¹ вместо камина, только в стене, обращенной к Мекке, портик здесь, кафедра — там, плитки с геометрическими узорами и каллиграфической вязью слов, ковер и модельные подстилки на полу, детские рюкзаки вдоль стены, и можно начинать... как у меня получается, Мустафа?

Так и не сводил его в бассейн. Черт. Обещал, что пойдем перед отъездом, но мы оба забыли. Узелок на память: сходить в бассейн сразу после нашего возвращения.

Он находит мюнхенский номер Дины и звонит ей. Как поживает старушка Мо, Дина? *Скучает, Тед.* И Зара ей не звонила. Но она звонка и не ждет, только в том случае, если что-то случилось. Наверное, у них большой праздник на ферме. Скорее всего, соглашается он и мысленно переключается на Сашу. Где ты, черт бы тебя побрал, где ты, брызжащий ядом карлик? Поздно, Тедди. Я приеду поздно. У меня слишком много встреч с выдающимися учеными.

Хорошо, но как поздно? В полночь? В три утра? Разве Сашу это волнует? Откуда ему знать, что я сижу здесь, словно озабоченная мамаша, ожидающая возвращения пятнадцатилетней дочери с ее первого свидания? *Поторопись*, маленький говнюк. Паспорта у меня. *Поторопись*.

Он встает и со стаканом в руке поднимается на чердак, на случай, если Саша все-таки вернулся раньше и теперь спит в импровизированной постели, но он не находит Сашу среди диванных подушек.

Спускается по парадной лестнице, уже совер-

---

¹ Михраб — молитвенная ниша.

шенно трезвый, одной рукой держа стакан, второй держась за перила. Груда ящиков наблюдает за его осторожным спуском. *Тебе стоит почитать их на досуге.* Он направляется в библиотеку. Среди стремянок, рулонов пленки и банок с красками находит плотницкий ящик. Без замка. Плотник — человек доверчивый. Берет молоток и гвоздодер, который Дес называл «Уинстон Черчилль»: с одной стороны с бойком, с другой — с треугольным вырезом на заостренной кромке. Возвращается в холл, ставит стакан с виски на пол у кожаного дивана. Снимает пиджак, аккуратно складывает и кладет на диван так, чтобы сложенный экземпляр «Зюддойче» случайно не выскользнул из кармана и не развернулся перед камерами. Снимает полотнища пленки с пирамиды ящиков, сворачивает в рулон, кладет в угол. Снимайте, слушайте! С молотком и гвоздодером набрасывается на один из ящиков. Легко представляет себе, какую панику вызывают его телодвижения у представительней невидимой ему аудитории. А может, перед его мысленным взором детский утренник, и все дети кричат ему: «Не делай этого!» и «Оглянись!»

И он действительно оглядывается, но смотрит в окно, на случай, если подъехало Сашино такси. Какой там.

Он уже оторвал планки с обеих сторон. Дес предложил бы более научный подход, но наука сейчас Манди не интересуется. Он снимает крышку. Теперь перед ним толстая коричневая бумага, скрепленная липкой лентой. Треск, с которым рвется бумага, заставляет его вздрогнуть. Под ней двенадцать картонных коробок, тяжелых, словно набитых кирпичами. В каждом ящике двенадцать коробок, в каждой ко-

робке двенадцать книг: так сколько всего привезли коробок?

Сверяйся с описью, советовал Саша. Коробка Первая: «Общество телекоммуникационных сетей», Мануэль Кастеллс. Коробка Вторая. То же самое, на немецком. Коробка Третья. То же, на французском. Он знакомится с содержимым первой коробки. Потом всех остальных. Выбирает второй ящик, вскрывает его. Потом третий. Наш хит этого вечера — «Нищие Земли» Франца Фанона, на девяти языках, так что давайте похлопаем нашему брату Францу, который прибыл из Берлина, чтобы провести этот вечер с нами.

Еще взгляд на часы майора. Полночь. Футбольный матч, наверное, затянулся, потому что за три года, прожитых в этом доме, Манди не помнит такого тихого вечера.

Но, возможно, это тоже фантазия: когда нервы туго натянуты, когда одна твоя часть смертельно устала, а вторая сходит с ума от тревоги, когда ты сидишь в доме, нашпигованном подслушивающими устройствами и миниатюрными видеокамерами, с парой фальшивых паспортов, в ожидании приезда друга, которого нужно увезти как можно дальше в кратчайшее время, вполне возможно, что шум... или, точнее, его отсутствие, кажется чем-то сверхъестественным.

* * *

Поначалу он думает, что это глупая ошибка упаковщика.

Кстати, не первая. Два тома Адама Смита оказались не в том ящике, половина томов Торо попала в коробку к Торвальду, книги Дорис Лессинг перемешались с книгами Готтхольда Эфраима Лессинга.

А потом у него чуть едет крыша, и он думает, что

налицо очередная выходка Саши, может, даже шутка, потому что он вспоминает, как в далеком прошлом Саша не только украл миниатюрную фотокамеру из складских запасов Штази, но и прихватил руководство городского партизана, в котором вычитал, что отснятую микропленку следует запаковать в презерватив и хранить в мороженом.

Но того руководства он перед собой не видит.

И это не один случайный экземпляр. *«Книги, которые, по нашему разумению, будут пользоваться особым спросом, доставлены в нескольких экземплярах»*, — слышит он партийный голос Саши.

Так вот, экземпляров шестьдесят, и ни на один меньше. И речь в них не о мороженом и даже не о фотокамерах, миниатюрных и не очень. В этих руководствах рассматриваются такие аспекты человеческой деятельности, как изготовление бомб из удобрений и средств химической защиты растений, убийство лучшего друга с помощью вязальной спицы, установка мины под автомобилем или в туалете. Рассказано, как задушить его гарротой в постели, утопить в ванной, вырубить ударом ребра ладони по адамову яблоку, подорвать в кабине лифта.

Выбор следующего ящика становится для Манди действительно сложной задачей. У него ощущение, что он не должен ударить в грязь лицом перед многочисленной группой поддержки. В данной ситуации он — участник игры-викторины с высокими ставками, вы понимаете, вроде «Как стать миллионером?» — промахнись с ответом, и ты в ауте. Но, присмотревшись внимательнее к собственным действиям, он понимает, что выбрал наиболее правильный путь, и уже вскрывает все ящики подряд, не думая о том, хранятся ли в них произведения контркультуры, руководств-

ва для амбициозных террористов, серо-зеленые ручные гранаты, по форме напоминающие чуть вытянутые в длину мячи для крикета, с ребристыми оболочками, чтобы не выпадали из мокрой от пота ладони, или, по его разумению, таймеры для самодельных бомб. Во всяком случае, в прилагающейся инструкции написано, что это таймеры.

Проходит не так уж много времени, и он уже сидит на полу холла, в окружении вскрытых, а то и выпотрошенных ящиков и коробок, оберточной бумаги и соломы и выглядит таким же потеряннным, как ребенок в день рождения, когда сняты крышки со всех коробок с подарками.

И, помимо окружающей неземной тишины, Манди слышит только гулкие, *бах, ба-бах*, удары собственного сердца да рассеянный голос Саши, с трудом долетающий до его барабанных перепонок сквозь грохот этих ударов: *«Они стараются стричь нас всех под одну гребенку. Либералов, социалистов, троцкистов, коммунистов, анархистов, антиглобалистов, борцов за мир. Всех красят розовым цветом. Мы все ненавидим евреев и Америку, мы все тайком восхищаемся Усамой»*.

А после того, как Саша заканчивает лекцию, Рурк начинает расписывать прелести Гейдельберга: *«Если хочется поссорить Америку и Германию, Гейдельберг не самое плохое место для того, чтобы заявить об этом»*.

И снова вещает Саша, выкладывает более веский довод:

«Левые либералы тут же превратятся в тайных пособников фашизма, каковыми их всегда и полагала широкая буржуазная общественность, после чего перепуганная буржуазная Европа поползет на коленях к Большому американскому брату, умоляя прийти ей на помощь».

Но автором последнего слова, и самого веского, остается переполненный негодованием Ник Эмори, каким Манди видел его в во второй половине предыдущего дня. И когда все эти сивиллы произнесли свои монологи и скрылись за кулисами, пришла пора, как всегда не вовремя, появиться на сцене Саше.

* * *

Так и не удалось достоверно определить, что побудило Манди вновь броситься по лестнице на чердак. В конце концов, он побывал там лишь часом раньше. Может, треск автоматной очереди на улице? А может, суета, которая началась сразу после этого: разрывы звукошумовых гранат, грохот вышибаемых дверей, звон бьющегося стекла, когда в дом ворвалось никак не меньше дюжины мужчин, орущих на него на американском¹, немецком и арабском, приказывающих ему замереть, лечь, встать к стене, показать гребаные руки и все остальное.

Возможно, в такой ситуации людям свойственно бежать вверх, а не вниз, вот Манди и повел себя соответственно. А может, инстинкт, стремление к дому, повел его туда: воспоминания о чердаке в берлинской коммуне, подсознательное желание вернуться в нее. Или он почему-то подумал, что Саша попадет туда даже быстрее, чем он, во всяком случае, там Манди сможет его найти по возвращении от последнего гуру во Франкфурте или где-то еще, вот на этот раз в Гамбурге?

А может, он просто хотел посмотреть, что происходит снаружи.

---

¹ Автор подчеркивает подданство тех, кто кричал на английском.

Не мог Манди наверняка сказать, как долго он просидел в окружении всех этих игрушек, прежде чем началась стрельба и он ступил на лестницу. Может, несколько минут, а может, и пару часов. Время, когда ты ошупываешь сеть, накрывшую тебя, значения более не имеет, теряет счет. Мысли куда важнее. Удобное неведение, как любил говорить доктор Мандельбаум, более не является приемлемым решением, приходится взглянуть реальности в лицо, пусть это и трудно.

Он слышит выстрелы, медленно поднимается, говорит себе, прямо-таки как во сне: «Саша, ты там, и это опасно». Но, подумав об этом, приходит к выводу, что автомобиль начал останавливаться до того, как загремели выстрелы. Вроде бы все произошло в следующей последовательности: автомобиль, стрельба, визг шин. Но возможен и другой вариант: стрельба, остановка автомобиля, визг шин. В любом случае он должен посмотреть.

В доме уже разверзся ад: дым, вспышки, взрывы, крики. Имя Манди, вместе с именем Саши, на устах каждого незваного гостя. И, что кажется важным для Манди, достойным того, чтобы уделить этой мысли мгновение-другое, уверенность, что некоторые из этих голосов он уже слышал, когда не слишком дружеские руки загружали его, со связанными руками, в фургон, перетаскивали в вертолет и укладывали лицом на металлический пол, прежде чем обрели человеческую форму и вдруг стали достаточно нежными, чтобы ставить перед ним чашки с горячим кофе, предлагать сигареты «Кэмел» и пирожные, а их обладатели извинялись и называли себя Хэнк, Джефф, Арт и другими простыми именами.

Или Манди *совершенно* рехнулся, или он слышит

голос Джея Рурка, кричащий громче всех? Трудно сказать, потому что никогда раньше Манди не слышал кричащего Рурка, но он готов поставить большие деньги на то, что под костюмом космического пришельца тот самый Джей Рурк, дорогой отец которого родился в шестнадцати милях от того места, где появилась на свет мать Манди, если, конечно, ирландские вороны летают по прямой, в чем Рурк серьезно сомневается.

И уж если речь зашла о голосах во время шторма, которые должны слышать все тонущие матросы, Манди слышит еще один знакомый голос из своего недавнего прошлого, который поначалу никак не может связать с конкретным человеком, но после некоторого мысленного усилия таки связывает: *Ричард*. Блондинистый Ричард в новеньком синем блейзере и с галстуком стюарда авиалинии. Ричард Дмитрия, который выплачивает разовое вознаграждение в тысячу долларов всем потенциальным работникам, независимо от исхода собеседования. Который вопрошает вслух: что есть деньги в сравнении с великими идеалами?

Вот, значит, что мы имеем, говорит себе Манди, вспоминая предположение Эмори, высказанное во второй половине прошедшего дня: две лошадки из одной конюшни, которые сейчас бьют копытами в дверь. Однако он не стоит на месте, занятый этими мыслями. Длинные ноги уже возносят его вверх по дубовой лестнице, которую он всегда так любил, правда, забирается он по ней на манер Саши, потому что одна нога сильно болит, а на левом плече он несет целую тонну: то ли ударил его об потолок, то ли на него упала летающая тарелка, то ли попала одна из пуль, о которых ему рассказывали в Эдинбурге,

пуль, рекомендованных для использования при стрельбе в самолетах и в аналогичных деликатных ситуациях. Они легко сшибают с ног и покрывают слоем расплавленного свинца, но не пробьют кожицу виноградины.

Он преодолевает лестничный пролет и через дверь добирается до старой лестницы для слуг, которая ведет на чердак. Дождь пуль, штукатурки, дыма и оскорблений преследует его, но он сохраняет самообладание, поднимается все выше и, добравшись до чердака, обнаруживает, что он на коленях, совсем как в мечети, подняв зад и уткнувшись лицом в окровавленные руки. Но все равно ползет к мансардному окну и разгибается достаточно высоко, чтобы посмотреть поверх подоконника и увидеть, что происходит внизу.

А зрелище действительно удивительное, прямо-таки шоу *son et lumiere*¹, ради которого можно проехать многие мили. Он хорошо помнит, как возил на такое Джейка в Карнарвон²... или в Карлайл³? У них была артиллерия, и копейщики, и алебардщики, и осадные башни, а осажденные лили на них что-то очень похожее на кипящее масло, и Джейк отлично провел время, а заодно и увидел разведенного отца, с которым расставался как минимум на полсеместра.

Но и само по себе это шоу не менее впечатляющее: множество прожекторов, «юпитеры», мигалки

---

¹ *Son et lumiere* — театрализованное представление на историческую тему (фр.).

² Карнарвон — город и центр туризма в Уэльсе. В его знаменитом замке XIII в. происходит официальная церемония присвоения титула принца Уэльского наследнику престола.

³ Карлайл — английский город на границе с Шотландией, административный центр графства Камбрия. Среди достопримечательностей — развалины средневекового замка.

патрульных машин и grüne Minnas, машины «Скорой помощи». Школа и все вокруг нее освещено ярче, чем днем, за исключением темных окон окружающих домов, потому что снайперы не любят, чтобы их кто-нибудь видел.

А костюмы? Непревзойденные, если вы не против смешения древности и современности: бойцы антитеррористических подразделений в своих «водолазных» костюмах плечом к плечу с участниками крестового похода короля Ричарда, с лицами, скрытыми черными масками, арапы с боевыми топорами, с навешенными на поясах газовыми баллончиками, западноберлинская полиция в прусских шлемах, пожарники, одетые как нацистские штурмовики, врачи в жестяных касках и отглаженных белых халатах с красными крестами, какие-то зловещие черные эльфы и гоблины, перебегающие от двери к двери, ищущие возможности нагадить.

А вместо обычных звуковых эффектов, громкого барабанного боя и грохота орудий мы имеем старшего сержанта с плаца в Мюрри, выкрикивающего нечленораздельные приказы на английском, немецком и, насколько слышит Манди, на пенджабском. А с одной стороны маленькой площади, расположенной ниже здания школы, стоит ярко освещенное белое такси, дверцы, все пять, распахнуты, водитель на коленях между дверцами левого борта, двое парней в противогазах тычут в него пистолетами. Водитель — все тот же герр Кнау, который привозил Сашу в школу пару дней тому назад. Тогда Манди показалось, что он худой. Связанный, он выглядит куда толще.

Но безусловная звезда шоу, человек, на которого все приехали посмотреть, не считаясь со временем и

расстоянием, Саша, без его Тагнсарре, но с партийным портфелем, бегущий вприпрыжку вниз по вымощенной булыжником дороге, без одной кроссовки и размахивающий в воздухе свободной рукой, как бы говоря: «Нет, нет». Так кинозвезда уговаривает папарацци: «Пожалуйста, ребята, не сегодня, я еще не загримировался».

Потеря кроссовки, как это ни парадоксально, выровняла его. И не скажешь, что он хромоногий, глядя, как он прыгает с одной ноги на другую, совсем как какой-нибудь мальчишка из Кройцберга, играющий в классики. А почему булыжники мостовой такие красные? Должно быть, это тоже элемент игры. Но внезапно он не рассчитывает скорость или подворачивает ногу, потому что падает и катится по склону, как тряпичная кукла, и рядом нет Манди, чтобы остановить его. Руки и ноги катятся вместе с ним, а скорости, похоже, добавляют пули, потому что они разрываются как вокруг него, так и в нем, отрывая куски и уродуя. И даже когда он, несомненно, мертв, эти странные люди не желают поверить ему и дают последний залп, на всякий случай.

* * *

Манди все еще цепляется за подоконник окровавленными руками, но, к сожалению, на чердаке он уже не один. Два «водолаза» или «астронавта» стоят за его спиной, выпуская очередь за очередью через раскрытое окно в затемненные соседские дома, так же хладнокровно, как в стрелковом тире Эдинбурга. Оружия у них много, они стремятся как можно быстрее отстрелять все патроны. Как только в одном автомате патроны заканчиваются, отбрасывают его, хватают другой и тут же жмут на спусковой крючок.

К первым двум уже присоединился третий, высокий, в таком же «космическом» костюме, который, однако, не может скрыть его вальяжную бостонскую походку. Он пятится от Манди, словно боится его, засовывает пистолет за пояс. Но не думайте, что сей жест означает готовность к переговорам с раненым человеком, стоящим на коленях у подоконника. Просто этому вальяжному антитеррористу в маске потребовалось оружие более крупного калибра, как выясняется, винтовка с таким большущим прицелом, что не служивший в армии и привалившийся спиной к подоконнику человек, в которого целятся, в данном конкретном случае Манди, может и не знать, из какой дыры вылетит пуля. Но это совершенно не волнует стрелка, потому что, отойдя как можно дальше, насколько позволяет помещение, от Манди, то есть вжавшись спиной в стену, он поднимает винтовку к плечу и не спеша, одну за другой, всаживает в Манди три пули крупного калибра, первую в лоб, вторую и третью — в верхнюю половину тела, одну в живот, вторую в сердце, хотя никакой необходимости в двух последних выстрелах нет.

Но стреляет он лишь после того, как Манди, набрав полную грудь воздуха, успевает крикнуть: *«Держись, все нормально, я иду!»* — своему мертвому другу, лежащему на мостовой.

ГЛАВА 15

«Гейдельбергский штурм», такое название получило это событие в средствах массовой информации, вызвал шок при дворах Старой Европы и в Вашингтоне и дал ясный и понятный сигнал всем критикам

американской политики консервативного демократического империализма.

Пять полных дней прессу и телевидение заставили хранить молчание. Нет, заголовки были, и сенсационные, но новости совершенно отсутствовали, по той простой причине, что секретные службы напроць перекрыли все подходы к месту происшествия.

Был оцеплен целый городской район, а его недоумевающих жителей переселили в специально подготовленные хостелы, где и держали во время операции.

Ни фотографов, ни газетчиков, ни телевизионщиков к взятому штурмом зданию не подпускали на пушечный выстрел до тех пор, пока компетентные органы не собрали все материалы, которые могли представлять для них интерес.

Когда вертолет телевизионной компании попытался пролететь над оцепленной территорией, в воздух поднялись два американских военных вертолета, отогнали телевизионщиков в сторону, а после посадки пилота арестовали. На свои жалобы журналисты получили ответ, что такие же ограничения на передачу информации действуют и в Ираке. «И то, что хорошо с террористами в Ираке, годится и для террористов в Гейдельберге», — заявил высокий чин в американском оборонном ведомстве, на условиях анонимности.

Участие в операции подразделений американского спецназа не отрицалось, а восхвалялось, пусть это и вызвало некоторое раздражение среди более либеральных немецких конституционалистов. Журналистам, однако, прямо указали, что Соединенные Штаты оставили за собой право «выслеживать своих

врагов в любое время и в любом месте, как с помощью друзей и союзников, так и без оной».

В подтверждение этой позиции официальные немецкие лица могли лишь рассуждать об «игнорировании искусственных национальных барьеров во имя более важных интересов общей борьбы». Под общей борьбой подразумевалась война с терроризмом.

Один немецкий комментатор-скептик, говоря об участии в операции немецких спецслужб, назвал их «припозднившимися в присоединении к коалиции».

К тому времени, когда школьное здание открыли для прессы, в нем, конечно, успели прибраться, но и оставшегося хватило для множества фотографий. Из террористического гнезда по пустующим окружающим домам выпустили двести семь пуль. Отсутствие убитых и раненых среди сотрудников секретных служб посчитали вмешательством providения. Комментатор «Фокс ньюс» усмотрел в этом руку господ.

— На этот раз нам повезло, — заявил все тот же высокий чин в Министерстве обороны в Вашингтоне, который не хотел упоминания в прессе своей фамилии. — Мы пришли, сделали все, что должны, и вышли оттуда без единой царапины. К сожалению, всегда будет следующий раз. Так что никто особо не радуется и не машет крыльями.

В дополнение к пулевым отметинам на стенах и разбитым окнам фотографы получили возможность запечатлеть пятна крови на мостовой, то ли пропущенные дворниками, то ли специально оставленные для прессы. По их местоположению не составляло труда восстановить последний момент жизни террориста А, бывшего сочувствующего Баадера и Майн-

хоф, мужчины средних лет, известного как Саша, сына уважаемого лютеранского пастора.

Саша, как сообщили неназванные источники в американском разведывательном сообществе, во время «холодной войны» работал в восточногерманской разведке и, помимо шпионской деятельности, занимался подготовкой арабских террористических групп.

После падения Берлинской стены Саша, используя старые контакты, входил в состав многих групп арабского сопротивления, и в настоящее время ведется активная работа по выявлению их связей с «Аль-Каидой». Эта информация несколько дней отдельными порциями скармливалась прессе, дабы оставить время для журналистских домыслов.

Вытаскивались на свет подробности карьеры Саши, его близкие контакты с членами радикального движения во Франции и Германии. Документы, найденные в брифкейсе, который был при нем, изучались судебными экспертами и аналитиками спецслужб.

* * *

Но, разумеется, о леденящих кровь намерениях террористов лучше всего рассказали находки в так называемой «Академии профессионального английского языка». Многие недели, до того как городские власти признали здание небезопасным и закрыли к нему доступ, по привлекательности оно не уступало «Черному музею»¹. Съемочные группы телекомпаний снимали, снимали и снимали, а потом приезжа-

---

¹ «Черный музей» — музей криминалистики при Скотленд-Ярде в Лондоне.

ли вновь. Ни один выпуск новостей не считался законченным без нескольких столь полюбившихся публике кадров. А в места, куда находит путь камера, всегда тянется пишущая братия.

Некоторые аудитории так пострадали от стрельбы, что стены, как написал кто-то из журналистов, напоминали швейцарский сыр. Главная лестница выглядела так, будто ее торпедировали на мелководье. Библиотеку, которую на момент штурма ремонтировали, разнесло чуть ли не по кирпичику, от мраморного камина остались жалкие осколки, лепной потолок почернел от взрывов. Сквозь дыры в нем виднелся потолок комнат второго этажа.

— Когда плохиши первыми открыли огонь, мы действительно не стали церемониться, чтобы подавить их сопротивление, — признал все тот же вашингтонский оборонный чин.

И это чувствовалось. На месте окон и дверей появились зияющие проемы. Световой фонарь на крыше, ставший входом для одной из групп штурмовиков, превратился в груды цветного стекла.

Запечатлев сцены хаоса, камеры радостно поворачивались к самым ценным экспонатам: фабрике по изготовлению бомб, арсеналу стрелкового оружия, автоматам и ручным гранатам, коробкам с химическими веществами, свободно продающимися в магазинах, руководствам для городских партизан, ящикам с подрывной литературой, фальшивым паспортам и пачке денег для двух террористов, которые не смогли ими воспользоваться. Но наибольшее внимание, конечно же, привлекали детальные карты с нанесенными на них американскими военными и гражданскими объектами в Германии и Франции, некоторые зловеще обвели красными кружками, в

том числе план территории штаба европейской группировки американских войск в Гейдельберге, с фотографиями центрального въезда и периметра.

* * *

Расчеты показали, что в момент штурма в помещении школы находилось от шести до восьми террористов. Эксперты по баллистике пришли к выводу, что ответный огонь по площади велся из шести автоматических винтовок или автоматов. Однако в результате операции убили только двоих, а один из них даже не попал в здание. Так куда же подевались остальные?

Горожане, жившие поблизости от эвакуированной зоны, говорили, что мимо их окон проносились grüne Minnas с включенными мигалками и сиренами. Другие говорили о машинах «Скорой помощи», которые сопровождали полицейские автомобили и боевые машины пехоты. Однако ни в одну из местных больниц не доставляли VIP-пациентов, ни один морг или тюрьма не смогли похвастаться новыми приобретениями. С другой стороны, большое количество американских военных объектов и численность расквартированного на них персонала (после 11 сентября все эти объекты окружил забор из колючей проволоки, находящейся под высоким напряжением) указывали на то, что раненых и пленников могли доставить на один из этих объектов.

Разрушения внутри школы не позволили хотя бы в малой степени восстановить картину штурма. Строители, допрошенные журналистами и полицией, не могли вспомнить ни об одном посетителе, за исключением высокого англичанина, уже опознанного как Манди. Осколки посуды и крошки еды, найденные

среди штукатурки, обломков дерева, кусков кирпича и битого стекла, не могли служить уликами. Строители обычно ели на рабочем месте. Террористы, как известно, не брезговали и чужими чашками.

Официальный ответ не порадовал прессу: «Раскрытие других деталей на текущий момент может поставить под удар важные операции в стадии их подготовки. Остальные люди, схваченные во время штурма, находятся под стражей».

Какие люди? Какого возраста? Какой национальности, пола, расы? Находятся где? Они уже в Гуантанамо¹?

На этот счет в данный момент нам нечего добавить.

Возникла, правда, одна загадочная личность, которая вроде бы могла дать ответы на многие интересующие прессу вопросы: водитель светло-коричневого «БМВ», взятого напрокат, который заехал за Манди в день штурма, а потом, по показаниям свидетелей, посетил с ним несколько исторических мест в городе. Этого незнакомца свидетели охарактеризовали словом *fesch*² — хорошо одетый, подтянутый, лет пятидесяти пяти, может, чуть старше.

С «БМВ» журналисты разобрались без труда. Его брал напрокат некто Ханс Леппинк, проживающий в городе Делфт в Голландии. Кредитная карточка, паспорт и водительское удостоверение это подтверждали, но власти Голландии заявили, что никогда о нем не слышали, и даже не попытались объяснить, где и как он добыл столь правдоподобные голландские до-

---

¹ Гуантанамо — военно-морская база США на Кубе. На ее территории содержатся пленные талибы, вывезенные из Афганистана.

² *Fesch* — это немецкое слово имеет два значения: элегантный, шикарный, модный и молодцеватый, подтянутый.

кументы. Так что не осталось ничего другого, как вернуться к двум убитым террористам, каждому из которых уже перевалило за пятьдесят.

* * *

Из этой парочки Саша доставил гораздо меньше проблем. Стая специалистов по психологическому профилю террористов из никому не известных университетов слетела со своих академических шестков, чтобы разобрать его по косточкам.

Немецкий архетип, дитя нацизма, искатель абсолютных истин, философ, пытающийся выразить чаяния маленького человека, то анархист, то коммунист, то бездомный радикал в вечном поиске способа подчинения общества своей воле.

Его физические недостатки, вызываемое ими чувство неполноценности наводили на сравнение с министром пропаганды Гитлера, доктором Геббельсом. Как и последний, он, судя по свидетельствам, источник которых потом никто не мог вспомнить, ненавидел евреев.

Разлука с набожным отцом, психическая болезнь матери и долгая, а потому подозрительная, смерть старшего брата, свидетелем которой стал Саша, теперь получили должное освещение в части их воздействия, как совместного, так и по отдельности, на формирование характера будущего террориста.

Так был ли какой-то особенный момент в Сашиной жизни, рассуждали эти мудрые люди, наступило ли некое прозрение, когда Саша увидел, что тропа насилия, черная дорога, открылась перед ним, и двинулся по ней?

Одна журналистка, из «Нью-Йорк таймс», знала лучше других, что прозрение было. Поклявшись не

открывать источник информации, она получила ее из первых рук: от кадрового сотрудника американской разведки, очень скромного, но настоящего профессионала, в голове которого и родился план, позволивший воздать по заслугам Саше и его английскому сообщнику. Журналистка, на долю которой свалилась такая удача, не сообщила никаких подробностей о личности разведчика или его внешности, лишь указав, что он высокий, сдержанный и вообще, «мужчина, с которым я с радостью пошла бы в ресторан, если б он меня пригласил, но такого приглашения не последовало».

Саша говорил о пустыне как о своем «диком месте», доверительно поведал журналистке ее супергерой, после чего добавил: «Вы, возможно, примете меня за психа, Салли, но лично я убежден, что во время пребывания Саши в этом самом «диком месте» с ним произошло какое-то необычное, индуцированное его желаниями, религиозное обращение. Да, да, я знаю, что он был атеистом. Но при этом сыном священника и галлюцинировал. Может, принимал наркотики, хотя прямых доказательств тому у меня нет», — уточнил он, как человек, который относится к правде со всей серьезностью.

* * *

А вот Тед Манди заставил попотеть как психологов, так и журналистов. Рожденный в Пакистане игрок школьной сборной по крикету, сын солдата, недоучка из Оксфорда, берлинский анархист, мелкая сошка Британского совета, неудачник-учитель и сочувствующий исламу удостоился максимума внимания к своей персоне. Один таблоид не оставил без внимания даже кличку собаки Мо. «МО или МАО?» —

так называлась первая статья на эту животрепещущую тему, и еще через пару номеров Мо превратилась в собачий эквивалент «Розового бутона» в «Гражданине Кейне»¹.

Спокойное сожаление о случившемся прозвучало из уст Кейт, бывшей жены Манди, ныне амбициозного члена парламента от Донкастера, повторно вышедшей замуж за одного из главных идеологов Лейбористской партии. Политическое будущее этой дамы разом стало весьма неопределенным.

— Хотя наш брак длился одиннадцать лет, на самом деле наша совместная жизнь была гораздо короче, — начала Кейт, с неохотой глядя в объективы телекамер. Она зачитывала заранее заготовленное заявление для прессы. Рядом стоял новый супруг, обеспечивая максимум моральной поддержки. — У нас никогда не возникало никаких разногласий. Тед по-своему был очень милым человеком, но крайне скрытным. За проведенные вместе годы его мысли по большей части оставались для меня полной загадкой, каковой, боюсь, и являются теперь для всего мира. Я не могу объяснить, как он стал таким, каким, судя по всему, стал. Я никогда не слышала, чтобы он упоминал в разговоре про Сашу. Я ничего не знала о его политической активности во время учебы в Берлине.

Джейк, стоявший с другой стороны матери, высказался еще короче. «Моя мама и я крайне огорчены случившимся и пребываем в полнейшем замешательстве, — произнес он сквозь слезы. — Мы просим вас уважать наше горе, пока мы пытаемся сжиться с

---

¹ «Гражданин Кейн» — фильм 1941 г., классика американского кинематографа. Снят режиссером Орсоном Уэллсом (1915—1985).

этой трагедией. — А потом добавил: — Как и мой биологический отец, я буду чувствовать, что в моей жизни дыра, которую я никогда не смогу заполнить».

Но постепенно, благодаря усилиям комментаторов, образ Манди, тайного террориста, стал обретать все более четкие очертания.

Его раннее увлечение исламом подтвердили бывшие одноклассники: *«Школьную церковь Манди называл не иначе как мечеть»*, — сообщил один из них.

И злость была у него в крови. Другой одноклассник упомянул о чуть ли не маниакальной ярости, с которой он играл в крикет и боулинг: *«Он был чертовски агрессивен»* (из «Дейли мейл»).

Журналисты пролили свет и на его нездоровое увлечение всем немецким. *«Там был старик, который учил нас игре на виолончели и немецкому. Он называл себя Мэллори. Но некоторые мальчики полагали, что он — нацист и прячется от правосудия. Тед его обожал. Бывало, декламировал немецкую поэзию, пока мы не требовали, чтобы он заткнулся»*.

Утечка из одного американского разведывательного ведомства открыла миру, что во время непонятно чем вызванного пребывания в Таосе, штат Нью-Мексико, Манди дружил с двумя советскими агентами, в настоящее время отбывающими срок за совершенные преступления: знаменитым Берни Люгером, который прикидывался художником, чтобы добывать фотографии американских оборонных объектов в пустыне Невада, и его кубинской соучастницей, Нитой.

Газетные публикации о том, как Британский совет мог нанять человека, на которого западноберлинская полиция завела уголовное дело по обвинению в участии в массовых беспорядках и без универ-

ситетского диплома, привели к требованиям о проведении публичного расследования.

Слухи о том, что Манди поддерживал секретные контакты с «культурными атташе» посольств коммунистических стран в Лондоне, отрицались представителем Британского совета, но без должной уверенности. «КАКОГО ЧЕРТА ОНИ ЕГО НЕ УВОЛИЛИ?» — вопрошал таблоид, поместив свидетельство одного из коллег Манди:

«Тед был настоящим трутнем. Никто из нас не понимал, почему его держат на работе. Ничего не делал, разве что возил наших артистов по фестивалям в коммунистические страны да пил кофе в столовой».

Вышибала в одном из стриптиз-клубов в Сохо заявил, что узнал его на фотографии. «Я бы узнал его везде. Долговязый, нескладный парень, очень дружелюбный. Всегда мог рассказать что-то веселое».

* * *

Но для того чтобы окончательно понять этот сложный характер, и в этом сходились многие, предстояло дожидаться, пока Зару, бывшую проститутку и гражданскую жену Манди, убедят рассказать свою историю. Британские журналисты, вооруженные чеками со многими нулями, уже осаждали тюрьму в Анкаре.

Зару, которая, разумеется, не случайно, улетела в Турцию со своим одиннадцатилетним сыном в день штурма, арестовали по прибытии и с тех пор интенсивно допрашивали. Шли разговоры о том, что американцы позволили ей улететь по одной простой причине: турецкие методы допроса славились своей эффективностью. Она приехала в Германию как невеста турецкого рабочего, теперь отбывающего се-

милетний срок в берлинской тюрьме за вооруженное ограбление. О Заре говорили, что она религиозная, умная, неразговорчивая и волевая женщина. Имам ее мечети в Мюнхене, которого тоже задержали на период расследования, настаивал на том, что она «никакая не фанатичка», но его мнение опровергалось другой прихожанкой мечети, отказавшейся назвать свое имя: *«Она из тех, кого наша община должна отторгнуть от себя, если мы хотим достойно жить в двадцать первом веке»*. Потом, правда, выяснилось, что Зара одолжила у нее пальто и не успела вернуть до отлета в Турцию.

Недавние сообщения из турецких полицейских источников показали, что Зара, пусть и оказалась крепким орешком, начала понимать целесообразность сотрудничества с теми, кто стоит на страже закона и справедливости.

* * *

Но, и это естественно, пока ведущие средства массовой информации по обе стороны Атлантического океана лезли из кожи вон, пытаясь найти ответ на вопрос, как Британия и Германия могли породить двух таких чудовищ, вдруг послышались альтернативные голоса, попытавшиеся внести диссонанс в достаточно ясную версию случившегося.

Самый громкий из них прозвучал на некоммерческом веб-сайте, посвященном прозрачности в политике. Помещенная там статья называлась **«ВТОРОЕ СОЖЖЕНИЕ РЕЙХСТАГА — ЗАГОВОР АМЕРИКАНСКИХ ПРАВЫХ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ»**. Автор характеризовался как сотрудник английской разведки, много лет непосредственно готовивший ее операции и участвовавший в них, который недавно

ушел в отставку со своего поста, и его не останавливает даже «риск потерять пенсию и попасть под суд». Основная идея статьи состояла в том, что вся осада школы, как и знаменитый поджог рейхстага Гитлером, — чудовищная провокация, осуществленная, по его словам, агентами «самоизбранной хунты вашигтонских неоконсервативных теологов, заседающих у самого президентского трона». А двое убитых мужчин столь же невиновны в приписываемых им преступлениях, как и бедный Ван-дер-Люббе, так называемый поджигатель рейхстага.

Подписавшись АРНОЛЬД — фамилия это, имя или псевдоним, уточнить не удалось, хотя заглавные буквы указывали на последнее, — автор назвал разработчиком и реализатором всего этого грандиозного обмана «бывшего кадрового оперативного сотрудника ЦРУ», а Сашу и Манди — принесенными на закляние жертвами. Этот тип, обвиняемый АРНОЛЬДОМ, фигурировал в статье под инициалом Дж. и характеризовался как современный воинствующий христианин американо-ирландского происхождения. Указывалось, что в разведывательном сообществе, придерживающемся общепринятых традиций, Дж. считался опасным диссидентом.

А самую отвратительную роль во «Втором сожжении» сыграл сообщник Дж., столь же аморальная личность русско-грузинского происхождения, известный как ДМИТРИЙ, профессиональный агент-провокатор и торговец информацией, при этом мнящий себя поэтом и актером. Поработав, иногда одновременно, на КГБ, ЦРУ и французскую разведку, в настоящее время он жил в Монтане, в рамках программы защиты свидетелей. Такой чести он удосто-

ился, сообщив властям подробности нападения на американскую военную базу, которое сам и готовил.

Далее АРНОЛЬД указал, что чиновники с Даунинг-стрит, отказавшись знакомиться заранее с подробностями плана «Второе сожжение», дали понять своим вашингтонским коллегам, что поддержат любую инициативу, которая раз и навсегда покончит с претензиями, высказываемыми Францией и Германией к американским методам ведения войны с терроризмом, не говоря уже о британских.

В доказательство последнего тезиса он указал на так называемую «Гейдельберг-Сорбоннскую ось зла», столь полюбившуюся английской правой прессе, и охоту на ведьм, раздуваемую теми, кто хотел бы назвать поименно и застыдить «свободомыслящих» французских и немецких интеллектуалов, значащихся в ставших теперь знаменитыми Сашиных списках «отравителей разума» («Дейли телеграф»), которые добровольно согласились, по материалам той же газеты, «знакомить восприимчивые умы с тремя «Р» псевдолиберализма: радикализмом, революцией и реваншем».

На этом откровения АРНОЛЬДА не заканчивались. Тед Манди, конечно, мог выглядеть бездельником, слоняющимся по коридором Британского совета, писал он, но при этом являлся невоспетым героем «холодной войны», и точно таким же героем был Саша. Они на пару многие годы снабжали западных союзников бесценной информацией о коммунистической угрозе. АРНОЛЬД даже заявил, что Манди секретным указом был награжден английской медалью за мужество, но это утверждение тут же опровергли источники при дворе.

А напоследок АРНОЛЬД сообщил, что Дж., через

сложную систему подставных лиц, является единственным держателем акций компании, которая специализируется на поставке бронированных автомобилей, обеспечении личной защиты и консультирует в вопросах безопасности многих известных в корпоративном и шоу-бизнесе американцев, когда у тех возникает необходимость посетить кишашую террористами Европу. Той же компании принадлежит авторское право на единственную видеозапись штурма, когда-либо показанную по телевидению. На пленке отряд неопознанных героев в полной антитеррористической выкладке бежит сквозь клубы голливудского дыма по крыше здания школы. А на заднем плане, аккуратно между двумя трубами, лежит тело евротеррориста Саши, застреленного на бегу. К нему уже спешат медики, а рядом валяется потрепанный брифкейс. Этот клип, который не раз и не два прокрутили все телекомпании мира, принес его владельцу многие миллионы долларов.

* * *

На Даунинг-стрит на статью АРНОЛЬДА отреагировали с предсказуемым пренебрежением. Если АРНОЛЬД существует, пусть приходит, и его утверждения будут рассмотрены. Но, скорее всего, эта статья — дело рук тех негодяев из разведывательной службы, которые хотят опорочить Новых лейбористов и подорвать особые отношения Великобритании с Соединенными Штатами. Пресс-секретарь Даунинг-стрит настоятельно рекомендовал своим слушателям обратить внимание на более важные моменты, такие, как рост валового внутреннего продукта, структурные изменения в экономике и положитель-

ная динамика финансовых индикаторов. «Дейли мейл» сурово отчитала «самого последнего крикуна, появившегося из теней секретного мира» и потребовала выявления всех «саботажников, которые порочат доброе имя нашей страны, прикидываясь ее защитниками».

Подводя итог всей этой недостойной возне, высокопоставленный и владеющий информацией чиновник, имеющий доступ в самые высшие властные сферы, сказал буквально следующее: «Некоторые люди не понимают, что в наши дни мнить себя Джорджем Оруэллом¹ опасно для здоровья». Разумеется, он имел в виду не Даунинг-стрит или Вашингтон, а шпионов.

* * *

Политические последствия штурма не заставили себя долго ждать. Предсказание Саши, что вспышка на немецкой земле подкормленного исламистами евроанархизма погонит бургеров под защиту Американского большого брата, подтвердилось целиком и полностью. Поначалу социал-демократический канцлер Германии выказывал упорное нежелание двинуться в этом направлении. Первоначальное заявление, по существу, осуждало *тенденциозные и преждевременные выводы* немецких правых, однако после ночи штурма маятник симпатий избирателей, согласно проведенным опросам общественного мнения, заметно качнулся в их сторону. И канцлеру, осознавав-

---

¹ Оруэлл, Джордж, настоящее имя Эрик Блэр (1908—1950) — английский писатель, автор знаменитых романов «Скотный двор» и «1984», опубликованных соответственно в 1945-м и 1949 г.

шему, что плывет против течения, пришлось изменить тактику, сначала объявив о проведении независимого расследования немецкими спецслужбами, потом выразив сожаление, что его страна, поневоле став домом для некоторых исполнителей террористического акта 11 сентября, судя по всему, *вновь была выбрана в качестве арены для новых бессмысленных актов насилия против наших американских друзей.*

Консервативные критики сочли его новое заявление явно недостаточным. «Почему канцлер ждал целую неделю? — вопрошали он. — И откуда вкралось в текст это склизкое *судя по всему?* Падайте на колени, канцлер! Кайтесь! В последнее время вы просматривали отчеты Центрального банка Германии? Или вы не знаете, что Америка ведет дела только с *друзьями?* Вы не понимаете, что они ненавидят нас за то, что в иракском вопросе мы спелись с французами и русскими? А теперь еще *это*, прости господи!»

Но в конце концов все образовалось. Канцлер сделал все, разве что не послал в Вашингтон свою отрубленную голову на золотом блюде. В бундестаге его поддержали оппозиционные партии. Финансовые кары, которыми грозила американская администрация, не реализовались в конкретные мероприятия, в надежде, что федеральное правительство займет более реалистическую позицию на «новом этапе борьбы с террором». Под «новым этапом», несомненно, подразумевалось нападение на Иран. И речь, похоже, шла о том, пусть и читалось сие между строк, что к тому моменту федеральное правительство сформируют другие консервативные партии.

Саша оказался прав и насчет Франкфуртской фондовой биржи. После короткого периода неустойчивости, цены акций на ней дружно пошли вверх.

И один из обозревателей влиятельной правой немецкой газеты, захлебываясь радостью, отметил в своей колонке, что Гюнтер Грасс¹ знал, о чем писал, называя нас всех американцами.

* * *

И только на Францию, как всегда имеющую собственную точку зрения, самобичевание соседа не произвело никакого впечатления. Оставшийся неназванным представитель французской разведки заявил, что список левых французских ученых, вроде бы связанных с «Гейдельбергской школой террора», — «англосаксонский фантом». Честность и чистота известных французских мыслителей и ученых остались незапятнанной. Пресс-секретарь президента, коснувшись этого вопроса, указал, «что весь эпизод — наглядный пример манипуляции средствами массовой информации, проведенной на любительском уровне», а потому и отношение к нему во Франции соответствующее. В результате все новые бутылки французского вина опорожнялись в американские раковины, жареный картофель по-французски переименовали в жареный картофель свободы, а трехцветный флаг торжественно сожгли на Вашингтонской улице.

Россия, пусть и занятая экономическими проблемами, получила двойную выгоду: заглушила последние оставшиеся голоса «антисоциальной» оппозиции в правительстве, средствах массовой информации и парламенте, мотивируя свои действия тем,

---

¹ Грасс, Гюнтер (р. 1927) — известный немецкий писатель.

что безответственный протест есть основа террора, и с молчаливого согласия Вашингтона с удвоенной энергией повела войну с народом Чечни.

* * *

Подвели черту под этой историей сами террористы. Оба, словно сговорившись, оставили завещание. Возможно, так поступают все подобные им люди. Каждый выразил желание быть похороненным рядом с матерью: Саша, немец, в Нойбранденбурге, Манди, англичанин, на прожаренном солнцем склоне холма в Пакистане. Досушая журналистка посетила место упокоения Манди. Туман, сообщила она, там никогда не рассеивается, а у разбитых надгробных камней на могилах христиан здешняя ребятня любит разыгрывать свои детские сражения...

Корнуэлл, 9 июня 2003 г.

Выражение признательности

Выражаю искреннюю благодарность Сэнди Лину, Энн Мартин, Тони Макклинагэну и Рейли Тревельяну за английские Индию и Пакистан, имаму Халиме Краузену за щедрые комментарии по исламским традициям и обрядам, Энтони Барнетту с сайта openDetos-gasy.net и Джудит Херрин за радикальную Англию шестидесятых и семидесятых, Тимоти Гартону Эшу, Гуннару Швееру и Стефену Штробелю за исторические и редакторские советы, далеко превосходящие дружескую поддержку, Конраду Паулю за его Веймар и Лотару Менне за его Берлин, и еще больше Михаэлю Бузельмейеру за его Гейдельберг и Джону Пилгеру за мудрые слова, произнесенные за обедом. Я должен признать свой неоплатный долг перед превосходной книгой «Простые истории от Рея», вышедшей из-под пера Чарльза Аллена.

Мои бесконечные извинения бесподобным администраторам дворца Лидерхоф короля Людвига, которые в реальной жизни принимают на работу только первоклассных гидов. Во вверенном им дворце нет никакой подсобки садовника, а посетители — добропорядочные и всегда трезвые.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	38
ГЛАВА 3	74
ГЛАВА 4	106
ГЛАВА 5	130
ГЛАВА 6	167
ГЛАВА 7	204
ГЛАВА 8	231
ГЛАВА 9	267
ГЛАВА 10	300
ГЛАВА 11	331
ГЛАВА 12	380
ГЛАВА 13	419
ГЛАВА 14	454
ГЛАВА 15	487

Литературно-художественное издание

Джон Ле Карре
АБСОЛЮТНЫЕ ДРУЗЬЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *В. Татаринов*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-knizc.ru e-mail: knizc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2004.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 7 000 экз. Заказ 2395.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

